

СМОЛОД

ISSN 0131 — 6656

ДИВЕРЖЕНТ ДЕКАДЫ ■ ИСТОРИИ ОДНОГО ГОМАКА

ТОМАС АЛЬТМАН ■ СМЕРТЬ В РАЮ ■ ПОЛЬ КОНОДИ ■ РАФАЭЛЬ

3 / 95

3'95

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ,

зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,

зам. главного редактора

МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,

главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

*Художественно-
технический редактор*

АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 23.12.94.

Подписано к печати 17.01.95.

Формат 84×108¹/₂.

Бумага «Газетная». Печать оф-
сетная. Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-
отт. 17,64. Уч.-изд. л. 23,10. Ти-
раж 98 100 экз. Заказ № 1969.
Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации.

Рег. №166.

Учредитель — коллектив

редакции журнала «Смена»

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака об-

ращаться в издательство «Пресса»:

257-28-30, 257-41-03.

3 (1565) МАРТ

© «Смена», 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

395

20 ПРОЗА

Алексей Варламов

МЕЧ ЦАРЯ СОЛОМОНА *Рассказ*

174

Томас Альтман

СМЕРТЬ В РАЮ *Детектив*

17 ПОЭЗИЯ

Николай Котенко, Сергей Комлев

32

Алексей Биргер

171

Михаил Красинский

4 ВРЕМЯ И МЫ

Валентин Курбатов

ТОЧЬ-В-ТОЧЬ

12

Феликс Свешников

НАД ВЕРШИНОЙ

44

Анатолий Рубинов

СКОВАННЫЕ ПОЛОТЕНЦЕМ

81

Сергей Литвинов

ПРИВАТИЗИРОВАННАЯ ВЫРЕЗКА

149

Владимир Анисимов

ЗАУРЯДНЫЙ СЛУЧАЙ

34 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

Конкурс знатоков отечественной словесности

108

ЦАРСТВЕННЫЕ МИСТИКИ

120

Поль Коноди

РАФАЗЛЬ

138

Викентий Вересаев

ИСТОРИЯ ОДНОГО РОМАНА

274

Сергей Любецкий

МАСЛЕНИЦА

На I-й обложке: актер ЕВГЕНИЙ МИРОНОВ.
Фото ИГОРЯ ГНЕВАШЕВА. (Читайте стр. 156)

На II-й обложке: РАФАЗЛЬ.

МАДОННА дель ГРАНДУКА. (Читайте стр. 120)

Владимир Трапезников.

**«ПРАКТИКУМ
ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ»**

Владимир Трапезников — физик по образованию. С 1980 года он серьезно увлекся литературным творчеством и написал ряд фантастических повестей. Некоторые из них уже опубликованы. Его любимый жанр — детективная фантастика. Одно из лучших произведений Владимира Трапезникова — дилогия «Агент космического сыска», первую часть которой мы и предлагаем вашему вниманию.

Лео Мале.

«ДЕВУШКА С УЛИЦЫ РОЗ»

В 50-х годах французский писатель Лео Мале создал серию романов и повестей «Новые тайны Парижа», объединенных одним главным героем — авантюристом по натуре, сердцем, никогда не унывающим частным сыщиком Нестором Бурма. В основу произведений Мале заложен крепкий детективный сюжет, а их герои обладают запасом юмора, не изменяющим в самых, казалось бы, отчаянных ситуациях.

Детективная повесть, которую мы вам предлагаем, также относится к названной серии.

АНОНС

495

ТОЧЬ-В

4

Не помню уже, где я прочитал, что все мы, о чем бы ни писали, пишем одни автобиографии. Оно так в прозе, но так и в критике: о чьей бы книге, судьбе или целом течении ни писал, непременно все вокруг своей боли будешь ходить, вокруг того, что торчит в тебе занозой именно в этот час. Да и всю-то судьбу избранного для жизнеописания героя будешь поить своей кровью и гнуть в ту сторону, которая определяет для тебя интонацию дня. Почему и существует так много автобиографий одних и тех же гениев. Так бы раз написал добрый человек, и пользуйся на здоровье из века в век, ан нет — каждое время «сочиняет» своего Пушкина и Шекспира, Достоевского и Гете, уверенное, что чем дальше во времени, тем оно больше знает о них. Из недавних примеров так легко вспомнить, положим, ЖЗЛовскую биографию П. Я. Чаадаева, написанную А. Лебедевым в пору «оттепели» и Б. Тарасовым в начале нашего несчастного времени. Всего-то 25 лет между книгами, а будто о разных людях — диссиденте и «антисталинисте» (А. Лебедев) и государственнике и христианине (Б. Тарасов). Это выходит само собой, и изменить тут ничего нельзя. Нашей объективности хватает до первого совпадения «амплитуд», когда струны чувств вдруг отзвучатся резонансом, и вся только что старательно выстроенная «музыка» покажется мертвой, и ты, перебивая себя и нарушая все свои безупречные архитектурные планы, заговоришь о своем, о своем...

Без малого десять лет назад я написал книжку о М. М. Пришвине. Писал, радовался благодарности материала, чистоте и ясности героя, свету ключевого слова, смущался невозможностью сказать о религиозной стороне жизни своего героя (даже и в знакомых цензура ограничивала Пришвина, задним числом заботясь о его идеологической твердости и не позволяя явиться в книге рядом с ним ни Розанову, ни Мережковскому, ни Бердяеву, ни Флоренскому). Да и материалы-то не все были открыты, дневники не все расшифрованы. И вот сейчас, когда стало устыжающе видно, как много я упустил в невольном, а иногда и добровольном ограничении, захотелось было наверстать упущенное. Договорить. Объясниться с героем, временем, читателем. Но вот тут-то «закон автобиографии» и наехал на меня.

ТОЧЬ,

ИЛИ ДНЕВНИК М. М. ПРИШВИНА 1917 ГОДА КАК ЗЕРКАЛО НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Поначалу казалось, что теперь наконец со всем «родственным вниманием» (любимый метод М. М. Пришвина) можно будет переглядеть эту беспримерную терпеливую «хронику», этот небывалый «портрет художника в пейзаже и истории» и с новой стороны посмотреть на прежде чуть знакомых по его обмолвкам великих друзей, на весь обиход религиозно-философских прений, понять, как

история прорастает в одиночной судьбе и быте, по какой-нибудь задушенной оговорке вышедшего в собрании сочинений истерзанного тома дневников (вроде записи 28 января 1937 года «Достоевский продолжает оставаться единственным, описавшим бевсов») разом увидеть страдания публикаторов, которые выдергивают фразу из опасного контекста, чтобы хоть шепнуть догадливому читателю, что это только тайная записка «на волю», пока редактор отвернулся. Казалось, что так и пойдешь от года к году, от страницы к странице, прописывая прежде лишь набросанный портрет с необходимой плотностью и силой, пока он не вышагнет из страницы, как вновь необходимый и опережающе живой. Но, надумав пойти за хронологией и испестрив выписками десятки страниц, я дошел в свой час до 17-го года, и тут начался сбой за сбоем, карандаш стал сам собой останавливаться, пока гнев, бессилие и тоска не убедили, что портрету и сейчас не время, что и сейчас еще пока острее болит другое, и уже ничего не оставалось, как разобрать причину этого тяжелого сбоя вместе.

Стало ясно также, что не надо складывать задним умом целостных теорий (в них всегда является кончик достраивающей лжи), обманывать себя исчерпывающим пониманием минувшего, а только прямо на самих слишком близких нынешних проекциях и остановиться — может быть, станет ясно, что этот внезапный сворот от мыслей героя к своим заботам и переживаниям и в другом отзовется так же лично. Душа обжигается о каждое слово, хоть второй дневник на полях пиши и надо все время ограничивать себя и останавливаться только на самом резком.

Рой за роем

«3 марта... Хроникер Сватиков назначен помощником градоначальника. «Сватиковых» явилось великое множество, большинство их — полуграмотные журналисты».

Бедный Михаил Михайлович! Он год от года с Елецкой гимназии до немецких университетов растил в себе уважение к мысли и был уверен, что и весь мир мысль понимает так и растит себя в уважении к ней. А тут «сватиков»... Мы же все предшествовавшие нынешнему дню десятилетия сразу всходили и росли на «сватиковых», привыкли к ним как к неизбежности и даже наработали разные хитрые приемы, как их обойти. А когда чуть развиднелось, сразу по неистребимой наивности решили, что коли уж все новое — и свобода, и «цивилизованный путь развития», так, значит, и мысль должна вернуться в начальной чистоте и «сватиковы» пропасть, как нечистая сила, с третьими петухами. Недооценили мы их. Теперь вот довольно поглядеть на одну правительственную чехарду и кабинетную карусель, чтобы увидеть, что «сватиковы» еще и полегчали в весе и умножились так, что уже не только посты помощников градоначальника занимают, а и в самые начальники прошли.

Раззнакомились...

«4 марта... Почему-то все мои новые знакомые... стали опять незнакомыми... и если сказать соседу что-нибудь, то, кажется, почти что залезть ему в карман».

Какое вроде случайное и «личное» замечание, без всякого обобщения — «мои новые знакомые», а вот зачем-то Михаил Михайлович это записал, не пожалел «дорогостоящего революционного времени». Теперь, я думаю, и объяснять долго не надо — зачем. Мы и сами сегодня как никогда раззнакомились. Хотя в родном Союзе писателей — настолько раззнакомились, что понадобилось новые союзы заводить. Да, сознайтесь, что и в самом близком кругу прежде чем какую-нибудь мысль высказать, почти бессознательно норовишь ее с руки на руку перекинуть, взвесить, что договорить, а что и придержать до времени, потому что у ближнего-то взгляд на событие или человека может быть очень даже другим, до того другим, что и в политические враги загреметь недолго. Вчера казалось, всех друзей до точки знал, а сегодня раззнакомился — глядишь и не узнаешь.

Как из эмиграции

«23 марта... вынес некий торговец множество книг, и когда я добился очереди, то ни одной книги для меня не нашлось... Книга эта была «История французской революции». Кто только не прочитал ее за эти дни! Прочитав, некоторые приступили читать историю Смутного времени. Так... возникло, пробудилось великое стремление знать свою родину..., потому что образование стало таким же ненужным для творчества жизни, как пахарю плуг».

Ну, про французскую революцию не знаю, а что историю Смутного времени мы тоже прочли — точно. И не ее одну. Вот только, дорогой Михаил Михайлович, не затем, чтобы образование повысить «для творчества жизни», а чтобы стыд не так жег. Утешить и оправдать себя хотим, что не первый раз так запустили душу. Ну, и заодно поглядеть, как тогда русские люди из срама выбирались. Рецептов ищем и подлецам своим, привыкшим ума искать по одним чужим краям, зеркал надеемся подставить. И, конечно, надеемся и себя вспомнить, отчичей и дедичей своих, от которых уж в родной истории одни бесплотные и лживые картинки должны были остаться. Домой, как из изгнания, возвращаемся, с удивлением обнаруживая, что там, где по учебникам полагалось видеть одни дикость и варварство, высятся золотая культура, опять оказавшаяся под угрозой. Только-только вроде начали ее обретать, а уж по рекомендациям новых учителей опять ее варварством надо считать, иначе в мировое сообщество не протолкнешься — там налоги на национальную память серьезные.

И не только бедных

«23 марта... гнет самоопределения уже ложится на плечи бедных людей...»

Очень это хорошо — революции еще месяца нет, а уже «гнет самоопределения» замаячил. Видно, народ еще себя «прописанным по России» чувствовал и, как только она потеряла духовные границы, после первого опьянения вольностью, быстро неустойчивость свою уразумел и передумывать себя начал, определяться, берега искать. А мы уж как-то приноровились, особенно в последние годы, во взвешенном состоянии жить, и «самоопределяться» не торопимся, благодатного и исцеляющего «гнета» этого самоопределения не чувствуем, а все больше спрятаться норовим — кто за недавнее, кто за ветхозаветное, а кто и за чужое, но спрятаться обязательно за готовое, а самоопределение-то, к сожалению, — вещь всегда сугубо современная, всегда своя, в заёмных платьях не ходит. И так хочется поторошить сознание этого «гнета», разбудить русского человека, застрявшего у киоска с чужими наклейками. Это ведь уж и стыдно наконец целой стране у киоска стоять — пора бы себя ущипнуть и проснуться.

Время нить «herschi»

«14 июня... Вся Россия говорит, начиная от деревенского мужика до писателя, словами иностранными... Куда делась мудрая притча, лукавая сказочка, внезапные словечки, тут же на ходу лично создаваемые, куда девалась вся эта неожиданная русская литература. Разве так говорит настоящая Россия? Такая ли мать моя?»

Ему, ловцу слов, их счастливому добытчику, невозможно было слышать этот варварский волапук, потому что тут не просто

язык убивали, тут убивали самую душу мира, который он писал и которым жил. Это не слова подменяли, а его гнали вон как ненужного, мешающего, ибо он был хранителем всего единичного, национально-насущенного, что революция спешила убить во имя интернационального. Когда сегодня через все газеты будет протянуто — консалтинг, маркетинг, саммит и брифинг, то это будет продолжением бодрого большевизма, изгоняющего свою постаревшую мать-Родину с ее деревенским словарем для чужой «мадамы». Стояние у киоска, оно ведь еще и тем смертельно, что с чужим продуктом внедряет чужой словарь и русские дети вместе с подлой разрушительной химией жвачек и конфеток и всех видов «herschi» отравляются химией мертвого слова. Тогда только разминались, примеривались к подменам, сегодня взялись всерьез. И, конечно, какая уж тут русская литература. Какие тут Бунины, Набоковы, Казаковы? Откуда?

«Телячье время»

«18 июня... Время головокружительно быстрое, кажется, все куда-то летит, но вот попадаетея на глаза теленок, жует по-прежнему медленно, ровно... природа творит свое дело, не подчиняясь желанию человека».

Боюсь, что сегодня уже не осталось художника, способного увидеть такую малость, что вот стоит теленок, жует... Как промельк вечности посреди лихорадки дней, как Божье напоминание о ритме настоящей, «правильной» истории, как урок ее действительно плодотворного и устойчивого движения. Это ведь человеку только кажется, что он скор и властен над временем, а на деле-то ему теленка не пережевать. Тот обязательно свое возьмет и о своем времени напомнит, потому что за ним правда эволюции, которая в конце концов ставит на место все революции.

Я — ее сын

«11 июля... вдруг повеяло осенью, не той, которая придет к нам с новой нуждой и заботами, а всей осенью моей родины, с родными и Пушкиным и Некрасовым, с тетками, с бабами, с мужиками нашими, с дегтем, телегами, зайцами, и ярмаркой, и яблонями в саду... А потом вдруг: что это все погибает. Новое страдание, новый крест для народа русского... неминуемо должен прийти, чтобы искупить — что искупить?... Разбежались министры... Бегут части государства, отрываются клоками. Разделяются деревни и села, соседи, члены семьи — все в какой-то напряженной тяготе и злобе... Постыдным становится, непонятным себе это странное промедление: кончается, умирает родина, а с ней же и я весь, ее сын, а не только жду и смотрю и не знаю, верю я в погибель или в воскресение».

А никуда не побежишь. Некуда. Словно затискали тебя в бескрайнюю пустыню-свободу и ты в ней оказался раб. Беги, куда хочешь, кричи о смерти — крик твой будет проваливаться

в дыры свободы и возвращаться насмешливым эхом: а еще громче можешь? А еще злее? Кричи, кричи, скорее надорвешься и не будешь путаться под ногами со своей Россией, своим Пушкиным и Некрасовым, со своей совестью и традицией. «Россия погибает». Туда ей и дорога! Она уже Петру мешала, большевикам мешала, теперь реформаторам мешает. «Пальнем-ка пулей в Святую Русь!»... Не зря Михаил Михайлович тогда с Блоком схлестнулся — почувствовал, что «эх, эх — без креста!» Россия быстро сама собой быть перестанет. И сейчас это ведь мы от хитрости по своим рекламам пустили «возрождение России», а сами больше пулей ее, пулей. И опять не скажешь: «Верись ты в погибель или в воскресение». Наверно, потому, что надеешься в этой прищвинской записи услышать, что крест этот «должен был прийти, чтобы искупить — что искупить?». Что искупить? Не ответили ведь мы на вопрос-то, уклонились, замолчали его в словах.

В десятый раз

«8 сентября. Вы идете по России и видите везде опустевших озлобленных людей с расщепленной душой и спрашиваете себя, где же народ?»

Ведь это все, что у киосков стоит, не народ, и с узлами барахла бежит — не народ, и с земли в те же киоски осыпается — не народ. Кажется, даже и в церкви нынешней еще не народ, хотя там он ближе всего к себе и только еще очень много улицы в себе держит и как на сквозняке стоит и сам себя как силы не чувствует.

«Брошена земля, хозяйство, промышленность, семья, все опустело, все расщепилось, озлобилось, в десятый раз умерли всякие покойники: Тургенев, Толстой...»

А это они и держали народ: хозяйство, семья, Тургенев с Толстым. Как умерли «в десятый раз», так он и опрокинулся, только поскольку за временем без остановки бежит, то симптомов смерти пока не видит.

Без комментария

«10 сентября... Теперь все чиновники раскололись на две враждебные партии: хранящие про себя полное недовольство существующим положением и те, которые, пользуясь временем, норовят, как бы хапнуть побольше от этого времени».

Небесная Россия

«14 октября... И все-таки чувствуешь где-то в смутной глубине души, не смея назвать настоящим именем, какую-то оборонительную святую Града Невидимого Отечества. Есть какой-то, верю я, путь истинный в истинном Граде..., земля, украшенная цветами, и покровы нашего духа».

Наверно, и на самом последнем пороге, прижатые к стене, уже ничего, кроме пропасти, перед собой не видящие, мы все-таки успеем сказать об этих «покровах нашего духа», о «невидимом Отечестве». Один мой старый товарищ замечательно говорит, что все мы, видно, молитвами предшествующих поколений русских святых выстроили в народном сознании небесную Россию такой осязательности, подлинности, что и самый закоренелый безбожник хоть однажды, а ее перед собой видит, и когда подходит край, непременно у него вырвется из сердца это «а все-таки...» и надежда выпрямит задавленную и искаженную душу. И как бы хотелось на этой выпрямляющей ноте и закончить 17-й год М. М. Пришвина, но это было бы уж очень «кругло» и очень по-нашему — обязательно к концу утешить себя, обмануть отвлеченной правдой, укрыться за величие истории. Сам Михаил Михайлович себе этого не позволил — год шел своим чередом.

Товарищи православные

«31 октября... Кто-то слабым голосом сказал: «Товарищи, мы православные!..» Все равно град видимый товарищей, или невидимый град православных, ворота в этой обители верующих узкие и войти в них можно только поодиночке... и не у всех сразу, а у всех по имени спросит Архангел пропуск».

А мы оказались к имени-то не готовы. Слишком долго в «товарищах» проходили и слишком забыли «православных». Все больше по фамилии прожили, а не по имени, как в церкви надлежит, где ты небесам в своем личном «я» предстоишь и не можешь отговориться ни историей, ни обществом. Это «имя» нам опять предстоит наживать, и мы, конечно, опять пустимся уклоняться от этого труда, что хорошо видно уже по сегодняшнему сопротивлению, когда мы опять за «товарищей православных» прячемся, надеясь укрыться в церкви так же коллективно, как прежде в социализме, — отчего коммунисты-то сегодня в первых рядах по приходам и встали. Личное нам дается труднее всего, и Пришвин умел это уже тогда увидеть и догадаться, что в русском уповании на церковь, кроме «все-таки», на пороге гибели есть и готовность от Бога разбежаться. Тяжелый у него мелькнул 21 декабря мужичок из мудрецов, которых мы обычно от себя прячем — так страшна их правда, а они как нарочно на свет лезут и непременно правду свою страшную до конца скажут:

«— Русскому человеку нужно пуп от Бога отрезать, тогда все и определится: на одной стороне будет добро, на другой — зло. А пока будет Бог, все будет путаться... Способ дан: пойдут от немца дешевые ситцы и всякая штука, и ученье для выгоды, и расчет жизни — так само собой и отрежется пуп, и человек будет заключен, и выхода ему не будет».

По разумению мужичка, это будет благодетельное «заключение» — человек не будет двоиться: злой, так уж злой, а добрый, так добрый, а не как у нас — был Кудеяр-атаман, а там «совесть Господь пробудил», и он уж в чернецах, и у него душа горит светом на версту. Сейчас этого мужичка норовят тиражировать и в Думу усадить. Про то, чтобы от Бога отрезать, не скажут —

умные стали, а вот чтобы «ситцы от немца, и ученье для выгоды, и расчет жизни» и чтобы без этого смущающего двоения разбойника и святого — это только давай, а там под шумок Бог и сам отрежется. Не надо будет напрямую никакой борьбы, а можно даже и сочувствие проявить и при случае в свои записать.

Через год Пришвин все еще будет без надежды напоминать о «телячьем времени», что коли бы зацепилась революция за него, то «лошади помчались бы по нивам, семена, брошенные в пашню эту, в несколько минут становились бы спелыми злаками» и тогда бы он принял революцию, словно от усталости не понимал, что революции для этого надо было просто уничтожиться. А о Боге, который мешал мужичку, Михаил Михайлович скажет и вовсе обреченно: «Бог ушел! По дороге в Москву теряется жалость к отдельному человеку и торжествует общечеловеческое».

Семена 1917 года взойдут и упадут, увы, не на камень. И чтобы понять это, можно было в 18-й год совсем не заглядывать (это уж я только с разбегу, почти наугад открыл и захлопнул, чтобы не умножать скорби: некоторые книги подряд читать нельзя — сердца может не хватить). Лучше всех последующих дневников правду Михаила Михайловича подтверждает идущий за окном день. Мы опять, как тогда, стоим перед бесстыдно-голой историей, не скрывающей своих хищных дарвиновских механизмов, и опять совестливое, христианское выжигается первым, а наглое, мускульно-откровенное торжествует как перспективное. И опять по дороге к Москве «теряется жалость к отдельному человеку» и «торжествует общечеловеческое», даже если «товарища» переименовать в «господина». «Господин» по привычке идет стадом и вытаптывает все живое и оказывается неостановим, потому что если «Бог ушел», то «какой же я исправник?» — как с великой правдой спрашивал маленький герой Достоевского. Если «Бог ушел», то какой же сегодня писатель, экономист, фермер, президент? Слова, слова, слова...

По последующим дневникам 20—30—40-х годов, по тому дневников из собрания сочинений я знаю, как двигалась душа писателя после смертельного 17-го года, какие возникали перед ней просветы и потемки. И читатель, кто так же читал дневники, знает, но надеюсь, что и знающие и не читавшие поймут, почему 17-й год не пустил меня к полному портрету писателя. Дойдет еще, наверно, время и до такого же живого отклика на дневники других лет (храни нас Бог узнать себя в дневнике 1937 года!), а пока жжет сердце безобразным подобием этот неотступный 1917-й, от которого, мнилось, мы ушли так необратимо. Но себя не обманешь. «Теленок жует» и революционное время, и если не уметь в свой час извлекать уроков («искупить что?»), то история повторится с нарочитой дословностью, чтобы когда-нибудь все-таки заставить человека вздрогнуть и отшатнуться.

Безжалостная хроника М. М. Пришвина, такая честная, горькая, была продиктована ему Богом для этой вразумляющей цели. Русский художник, как всегда не жалея сердца, выполнил свое назначение. Выполним ли свое — читательское?

ФЕЛИКС
СВЕШНИКОВ

*Смог бы сделать
Сталлоне то,
что удалось
российскому альпинисту?*

НА РЕСТАУРАЦИИ

Боль

Она то утихала, то снова нарастала острыми уколами в сердце. Владимир никогда не боялся боли, умел падать, терпеть синяки и ссадины, привычные для спортсмена. Но это была иная боль — она рвалась изнутри.

Каратаев сидел на мягком кресле в углу огромного зала аэропорта Дели, там, где посадил его доктор. Сам доктор куда-то убежал — то ли хлопотать о срочной отправке больного Владимира в Ташкент, то ли звонить в наше консульство. Он не знал, не думал даже, как выглядит со стороны, а спующие мимо авиапассажиры со всех концов Азии равнодушно скользили взглядом по его щуплой фигурке в сине-розовом спортивном костюме. Рядом у ног стоял полупустой конусный рюкзак альпиниста-высотника. Все вещи его остались в базовом лагере у подножия Лхоцзе в Гималаях. Руки Володи, обмотанные бинтами, — две толстые культики — напоминали боксерские перчатки при боевой стойке. Слово он оборонялся от боли.

Где ж доктор, когда наконец будет рейс на Ташкент?

...Вдруг всплывают в памяти базовый лагерь экспедиции, посадка непальского армейского вертолета со знаком Красного Креста. Площадка в базовом лагере маленькая, совсем пятачок, да еще покатая, приземление было трудным, видно, летчик нервничал. Когда несущие винты остановились, из кабины вертолета выпрыгнул командир экипажа, красивый смуглый непалец. Он неожиданно сказал по-русски: «Добрый день, как дела?»

Потом снова был черный провал... Как они летели из базового лагеря через Луклу в Катманду —

этого Володя не помнил. Зато вспомнил комнату в гостинице «Блю стар» в Катманду. В номере неожиданно возникают два старых друга, альпинисты из Алма-Аты. Казахстанцы устроили Володе «ударный курс» лечения прямо в гостинице, наладили капельницу, сделали несколько уколов — все, как надо. Молодцы мужики, опытные! Но как они попали в Катманду, он не мог понять. Может, все-таки мираж, бред? Да нет, явь! Каратаев хорошо запомнил, как один из алмаатинцев, смуглый, смуглый казах прямо на руках внес его в салон самолета, они расцеловались на прощание:

— Держись, сибиряк!

А потом снова — черный провал, и вот он здесь, в мягком кресле аэропорта Дели. Сидит уже седьмой час, ждет рейса Аэрофлота на Ташкент.

Ледяная стена

Ему сразу не понравились та скальная стенка и гребень к вершине Лхоцзе, откуда начались их приключения. Снега стоят почти вертикальной стеной, упираются в небо какими-то немислимыми рогами, голубыми иглами. Что-то вроде буквы Х. Нижняя половинка буквы — это скальная твердь в прочном ледовом панцире. Туда можно забить крюк, толком закрепить. Но прежде чем докопаться до этой тверди, надо одолеть снежную хлябь, посбивать верхние рожки буквы Х, посшибать снежные иглы, сосулины в рост человека. А гребень какой-то передутый, со снежными карнизами-нашлепками. Уже десять лет он в горах — такого не видел. Что-то похожее было, пожалуй, только на пике Чапаева на хребте Кок-шаалтау на Тянь-Шане: тоже не гребень, а целый киевский торт, куда

ни сунешь ледоруб — все плывет, летит прахом. Вот и пришлось им за бульдозер поработать — крошить, проминать эту корку ногой, кулаком, ледорубом, а потом просто выгребать, вычерпывать дурацкое снежное глянсе, добираясь до тверди. Эх, знать бы — веник захватил...

Долгая это песня — проходить скальную стену на высоте 8400. И не потому, что устал и пальцы деревянные плохо слушаются, и не потому, что дыхания не хватает забить крюк. Нет, самое хитрое — то, что мысль замедляется, замерзает. Туго там соображаешь — что к чему. Вроде бы чего проще — застраховаться. Дело привычное, до автоматизма. А наверху все не так. Пока сообразишь... Сначала надо нащупать на поясе скальный крюк, потом петлю от молота на руку продеть, иначе улетит, потом крюк поставить и не как-нибудь, а бородкой книзу. Потом себя подстраховать, иначе как начнешь лупить молотком по крюку — сам загремишь. Наверх выходили пятнадцать человек, а пробиться к вершине удалось только двоим — ему, Каратаеву, и напарнику его Сергею. (Когда целая толпа выходит — это не то. Вот на Эверест чуть не бабушки уже забираются, а тут — попробуй-ка!)

А хорошо Сережа шел. Ровно. Часто вперед выходил. И веревка страховочная почти все время в натяг была. А потом вдруг за перегибом скрылся человек — и веревка замерла, провисла. Ясно: вышел Серега на стенку, теперь придется ждать долго. Часа полтора. Ждать и подстраховывать... Сначала переступал на месте, старался шевелить пальцами ног, постукивал время от времени носками ботинок о бортик уступа. Все ноги берег, а про руки, видно, забыл. Точнее сказать, не забыл, нет. Просто

энергии хватило только на что-то одно, на самое главное — ноги. А руки вроде нормально. Четыре пары рукавиц на лапах, чего еще? Он поддел сначала тонкие шелковые перчатки, чтоб скалу осязать, потом мамины красные шерстяные варежки, еще пуховые рукавицы, а потом уж верхонки сверх всего. И все равно холод достал руки — если бы хоть похлопать руками одну о другую, потеряешь, так ведь нельзя. В руках веревка — страховка. Вдруг рванет? Держи, не зевай!

Неожиданно почувствовал — пальцы у него словно кто-то украл. Чужие стали руки, фаланги задубели, скрючились, хоть кусай их. Совсем чужие. Всплыло мертвое слово — «некроз». Он попытался было спрятать правую руку в левую подмышку, а левой крепко держать веревку, но согреть руку не удалось, да и стоять левым боком к склону было опасно — само-го могло сдернуть...

Оставался один, последний, резервный способ спасти руки — помочиться на них. Он попробовал раздернуть «молнию» штанов — и не смог. Пальцы уже не слушались.

Точка отсчета

В палате № 1219 Института Склифосовского в Москве, где лежал Владимир Каратаев, никто не произносил вслух таких слов, как «инвалидность», «пенсия» или «I группа», но они витали в воздухе: у Володи были отморожены все пальцы на руках и на ногах.

Лежа в хирургическом отделении профессора Леменева, он все пропустил тот звездный час экспедиции, когда на всех волнах радиозфира России звучали имена восходителей на гималайский восьмитысячник, в том числе

и его, Каратаева, имя. Где-то там, в зазеркалье, были цветы в аэропорту Шереметьево-II, приемы у высокого начальства в честь победы, интервью для телевидения — мимо, мимо! У него были палата и стальной чулан барокамеры.

В горах его называли маленьким Гераклом. Этот парень почти идеально владел своим телом в трех степенях свободы: в воздухе, под водой, на склонах гор. Каратаев тренировался по своей собственной программе: после зимних подледных погружений на Енисее и на Байкале он поднимался на памирские семитысячники. Так обнаружил, что подводное плавание — это отличная психологическая тренировка перед восхождениями. Впрочем, это давно знал великий француз Жак-Ив Кусто, который сказал, что аквалангисты, как дельфины и альпинисты, ходят стаями.

И вот — больничная палата...

Заслуженному мастеру спорта Владимиру Каратаеву предстояло начать новую спортивную биографию — и даже не с нуля, а с каких-то минусовых отметок. Но именно спортивную — о другой он даже и не думал.

В часы посещения дверь в палату № 1219 не закрывалась — шли друзья, родственники, журналисты, знакомые и незнакомые альпинисты из гималайских экспедиций. Приехали из Дивногорска жена Светлана, мама Нина Михайловна; навещали Володю ребята из Красноярска, Ангарска, Питера, Харькова и, конечно же, москвичи. Здесь снова, как в Гималаях, четко действовал закон единой связи: чем помочь? Друзья-сибиряки прислали Володе алтайский горный мед, любимые кедровые орешки, достали даже деревенское, экологически чистое сливочное масло из молозива, которое,

по слухам, здорово помогает при обморожениях.

Пришел навестить Владимира известнейший восходитель на Эверест Эдуард Мысловский. Он и сам весной 1982 года попал в похожее положение, когда обморозил пальцы рук на склонах Эвереста.

— Ты, Володя, только не ходи в парную после ампутации, — советовал Мысловский, — а то появятся фантомные боли... будут ныть несуществующие пальцы. При операции пусть оставшиеся фаланги станут корочкой, зато крепче. Не жалей миллиметры, Володя!

Вот такой шел мужской разговор: не жалеть миллиметры — собственную плоть.

Когда сам Мысловский лечился в Институте Вишневского после Эвереста, к нему примерно с теми же советами приходил патриарх отечественного альпинизма Виталий Михайлович Абалаков, ныне покойный. После сильного обморожения на Хан-Тенгри в начале тридцатых годов Абалаков сумел так восстановиться, что потом еще полвека активно ходил, работал в горах.

Вот такая выстраивается цепочка: Абалаков — Мысловский — Каратаев...

Полеты наяву

Осенью 1993 года в небе над Енисеем в районе Дивногорска появился яркий параплан. Пилот долго парил над крутыми енисейскими берегами, над плотиной Красноярской ГЭС, над ЛЭП, а потом уверенно и спокойно приземлился на широкой набережной в центре Дивногорска. Пилотом был Владимир Каратаев.

— Когда летишь на параплане, все время чувствуешь себя в состоянии неустойчивого равнове-

сия, — рассказывает Владимир, — вроде как скалолаз, который потерял две из трех точки опоры.

Я осторожно спросил его, не трудно ли было управлять паропланом, все-таки руки... Он в ответ молча и крепко стиснул мою ладонь, будто наждаком прихватил.

— Знаешь, в чем дело? Я быстро освоил пароплан, потому что сказался опыт скалолаза, горнолыжника, акробата. Когда летаю, все время вспоминаю добром моего дружка с Украины, альпиниста Сашу Ковала, это он подарил мне свой купол.

И тут почему-то вдруг вспомнил, как шерпы в Гималаях говорили ему: русские очень сильный народ, у них такая мощная прана.

Что ж, все здорово? Но не дает мне покоя одна мысль: а стоила ли вершина такой жертвы? За что великолепный классный спортсмен международного уровня пожертвовал своим здоровьем? Ведь никакие пластические операции и ортопедическая обувь не вернут живую плоть.

Альпинизм — спорт трудных решений. Рано или поздно у каждого классного восходителя возникает «гамлетовский» вопрос: вершина или жизнь?

Сколько я знал таких, кто выбрал вершину и расплатился жизнью.

Были прекрасные, сильные, смелые люди. Были — ушли. Вот такой он, альпинизм — крутая мужская игра на свежем воздухе.

Отдаю должное Каратаеву — он не торговался с судьбой, готов был платить по максимуму.

— Серега Бершов вытащил меня в горы прямо из Склифа, — рассказывает Володя, — и предложил поработать начальником спасательной службы в учебно-методическом центре «Эльбрус» на Кавказе. Нормально я отработал, кого положено выпускал на восхождения. Ни одного ЧП за сезон у меня не было... Ну а позапрошлой зимой мой дружка из Красно-

ярска Николай Захаров взял меня на зимнее восхождение в Саянах. Сбегали мы на пик Борус, на пик Кошурникова, температура — 20 градусов, высота — 2250 метров. Конечно, по гималайским масштабам невелики горушки, но все-таки после Склифа. Ничего, нормально сходил.

Живое участие в судьбе Каратаева приняла итальянская фирма спортивного снаряжения «Самас», которая экипировала команду наших альпинистов в Гималаи... Узнав о беде, коммерческий директор г-н Франческо Марголо пригласил Владимира за счет фирмы в Италию. Там русскому альпинисту сделали три пары ортопедической обуви — кроссовки, туристические ботинки и горнолыжные.

До экспедиции у него размер обуви был 42, а стал 36...

Все сначала!

И нынче люди ходят в горы не меньше, чем прежде, восходители осваивают новые районы — горы Приполярного Урала, Хибин, Саяны, вулканы Камчатки. Россия принята в члены УИАА — Международного союза альпинистов-любителей. В минувшем году четыре российских экспедиции побывали в Гималаях. Словом, российский альпинизм выстоял в эти непростые годы.

И, конечно же, мечтает наш герой снова попасть в Гималаи.

Не хочу загадывать, куда, к подножию каких вершин и с кем он поедет. Но одно знаю точно: друзья-сибиряки не забудут своего Каратаева — помогут. А сам он готов вновь лезть по ледяной скале хоть завтра.

Как мало надо для смягченья
 Коростой схваченной души!..
 Весна еще ждала свершенья,
 И льдов еще не сокрушил
 Весенний ветер в прудах Терлецких,
 Лишь в отмелях лучилась твердь,
 И малыши язык турецкий
 Вливался в шепот древних верб;
 К тем льдам прикнопленные утки
 Следили, как шальные псы
 Вдоль кромки плавали, как утки,
 На солнце выставив усы...
 Вот сгрудятся мальчишьи стаи,
 И нам откроют малыши,
 Как мало надо для усталой,
 Изголодавшейся души...

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Легкой-легкой, светлой-светлой акварелью
 По березкам растекается весна,
 По лужайкам купы женщины запестрели,
 И река хрустит суставами со сна.
 Чуть-чуть-чуть —
 и вспыхнут просеки жарками,
 День-два-три — забьется в просеках вода,
 И постелью станет женщине жар-камень,
 И зажившимся апрель скостит года.

Что ж, природе мы противиться не станем —
 Ей сегодня не спасенье монастырь.
 Нас Россия нежит вдовьими устами,
 Загораются купальские костры.
 Чтобы ясли до поры не опустели,
 Чтобы зыбка не молчала на заре, —
 Как Мария, понесет она в апреле
 И младенцем возликует в январе.

Я влюбляю себя. Так надежно влюбляю
 в эту даму, которой совершенно не знаю,
 не уверен, что дама на влюбленность ответит —
 мне скорее всего ничего здесь не светит.
 Но — влюбляюсь. Я так умудренно влюбляюсь!
 Я охотно на каждом шагу спотыкаюсь.
 Мне спешить ни к чему. Я плевал на рекорды.
 Я давно уже грежу любовью комфортной.

И — влюбляю себя. Осторожно влюбляю
и на завтра решающий шаг оставляю.
И никто не поймет, и она не заметит:
пусть покуда живет в опечатанной клетке.
Я, конечно, не верю в возвращенную юность,
но хотя бы душа на пути оглянулась,
хоть один бы представился счастливый случай,
чтоб к последней любви причастил меня Тютчев...
Я влюбляюсь. Я так безнадежно влюбляюсь,
что уже на года свои не озираюсь,
что уже на лета ее без боязни люблюсь.
Вот сейчас подойду, как мальчишка, волнуюсь,
объяснюсь, стану ждать хоть какого удела.
Зазевавшимся сплетникам нет до этого дела.
Вот смущения пламя объемлет ланиты...
Кто я буду чрез миг? Воскрешенный? Убитый?
Так — иду напролом. Так себя я влюбляю.
В незнакомую женщину душу вселяю.

Возвращаюсь мыслью к первым дням,
Где сошлись моя с твоей дороги:
С точки той повел нас путь отлогий,
По ухабам бездны на пороге
Круто повернул, повел над нею,
И душа над пропастью немеет,
Вянут руки, холодеют ноги, —
В страхе взор свой обращаю вспять:
Там застыли, горестны и строги,
Не воспоминанья — некрологи, —
Для любви
откуда силы взять?!

СЕРГЕЙ КОМЛЕВ

Музыка Брейгеля скована синими льдами,
на полдороге застыл неприкаянный звук.
Вечность мохнатой собакой легла между нами,
сунув печальную морду мне в трещину рук.

Вскинули к тучам деревья органные кроны,
слышно, как падает холод на бежевый снег.
В хрупкое небо впечатана точка вороны.
В чистое зеркало озера вмерз человек.

Сказкам зимы не видать ни конца, ни начала.
За горизонтом укрылась шальная пурга.
Вот прогорела вдали и навек замолчала
над одинокой вселенною песнь очага.

И нам уже не узнать,
не услышать средь шума,
не прочитать на страницах учнейших книг,
что, пригорюнившись тихой печалью, задумал
пойманный в клетку,
замерзший, прирученный миг.

В сером доме (похожем скорее
на мусорный ящик),
что уныло застыл у развилки
двух лысых дорог,
как-то тихо и буднично умер
пьянчужка-фонарищик,
исчерпав до конца свой отпущенный
Господом срок.

Не сорвалась с орбиты Земля,
и собаки не взвыли.
День прощался с прокуренным небом
до новой зари.
Все осталось, конечно, по-прежнему,
просто впервые
в старом городе некому было
зажечь фонари.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Там, где ивы с косматой рекою телами сплетаются,
в старой башне, где свет под гардинами пылен и скуп,
заколдованным сном крепко спит неземная красавица,
по-земному поджав лепестки нецелованных губ.

И уносит река, словно сор, по теченью столетия,
принимая на дно полководцев, вельмож и царей,
но все так же прокраплены стены зловецей отметиной,
и зловецие спицы все так же лежат у дверей.

Значит, время еще не пришло и планета не вызрела
для того, чтоб под горестной сенью святого креста,
подавившись ордой крестоносцев, оглохнув от выстрелов,
распечатать дышащие страшною силой уста.

Так и жили... Но к нам доносило молвою ленивою,
что в неведомом царстве, венчающем знойную ширь,
юный принц бредит ночью рекой и какими-то ивами,
сам не зная того, что ему предстоит совершить.

МЕЧ царя

СОЛО-

АЛЕКСЕЙ
ВАРЛАМОВ

МО- НА

Они не должны были встретиться. Он — единственный сын обеспеченных, интеллигентных родителей, она — молодая, но уже потасканная малярша, лимитчица, делавшая ремонт в их квартире. Было душное московское лето, окна распахнуты настежь, из них несло зноем, в комнате воняло побелкой. Она привычно белила высокий потолок в заляпанной краской робе и мечтала о том, чтобы скорее закончить и пойти в ванную. Хозяева уехали на выходные на дачу, и в большой добротной квартире она была одна. Она привыкла работать одна, делала все хорошо и быстро, и ей часто давали заказы в таких квартирах.

Ну, кажется, на сегодня все. Она слезла с лестницы, с наслаждением скинула рабочую одежду, белье и забралась в огромную голубую ванну. Долго лежала и ни о чем не думала, потом намылилась и не услышала, как щелкнул замок — вернулся с практики хозяйский сын, пытавшийся за лето отрастить бороду, которая шелковистым пушком вилась у него на подбородке. Она стояла в это время под душем

и не заметила, как он приоткрыл дверь, и ему буквально брызнуло в глаза ее блестящее от струй крепкое тело.

Он уже видел ее прежде, но не обращал внимания. Толстая, бесформенная тетка неопределенного возраста в штанах и куртке и низко надвинутом на глаза платке. А теперь... Он глядел, не отрываясь, боясь шелохнуться и вспугнуть ее — она ничего не чувствовала, тихонько напевала, поливала водой грудь и живот и была так прекрасна, как только бывает прекрасна обнаженная женщина, не знающая, что за ней подглядывают.

Потом она повернула голову, увидела его, но не стала закрываться, приседать или кричать, а поглядела насмешливо и направила струю воды ниже живота, где была поросль темноватых, вьющихся волос, куда более густых, чем его юношеская бородка. Она была не очень стыдлива, да и к тому же в ее глазах он не

был мужчиной и взгляд его был не похотливым, а восторженно-детским.

— Ну, студентик, заходи,— сказала она весело.— Спинку потрешь?

Ей было ужасно смешно глядеть на него, растерянного, немого, и дразнить своей наготой.

На ватных ногах, совсем красный, он подошел к ней и взял мочалку. Она повернулась спиной, чуть расставила ноги, чтобы тверже стоять, наклонилась вперед, уперевшись руками в черную кафельную стенку, и он принялся робко, едва касаясь, мыть ей спину.

— Не бойся,— засмеялась она,— шибче три!

Он послушно стал тереть сильнее, потом осмелел, руки его как бы случайно скользнули и намылили ей грудь и живот. Она видела, как он это делает в зеркальном отражении кафеля, и касания эти были ей приятны — в них было что-то очень нежное и волнующее.

— А ты какой, студент.— Она медленно повернулась к нему, хотя еще минуту назад была уверена, что больше, чем потереть спину, ему не позволит.

— Подожди,— сказала она в комнате, заставленной мебелью, стащенной со всей квартиры и оттого загроможденной, таинственной, где едва уместилась тахта, а на стенах висели фотографии с видами гор, снегов — и он на фоне этих гор в альпинистском снаряжении.

Он суетился, дрожал, а она слышала, как колотится его сердце, прижавшееся к ее груди.

— Куда ты так торопишься?

Но он уже ее не слышал, вдруг застонал и виновато затих.

Она немного подождала, потом встала и, не глядя на него и не говоря ни слова, вышла из комнаты.

«Молокосос, щенок», — подумала она брезгливо.

А он смотрел, как она, босая, умилительно маленькими, стеснительными шагами идет по настеленным сверх паркета газетам, как открывает дверь в ванную, и ему невыносимо хотелось, чтобы все опять повторилось.

Он торопливо шагнул за ней, но она обернулась и с яростью произнесла:

— Закрой дверь!

Ей был противен теперь этот румяный студентик с его нежной неумелостью и пушком на подбородке, заставленный книгами и дорогой мебелью дом, нанимавшая ее на работу хозяйка, искусно скрывающая возраст, нигде не работающая дамочка, одновременно лебезившая перед ней и презиравшая ее.

Она вспомнила, что ей ехать почти полтора часа в Капотню, в вонючее, обрыдшее общежитие, где люди живут хуже, чем скотина в ее уже несуществующей деревне, и что, кроме койки в этом общежитии, пьяных рож, постоянного унижения, в жизни ничего нет и неизвестно, когда еще будет. И потому так стало все ненавистно в этом доме, где люди с жиру бесятся — лезут в горы и заводят голубые ванны с черным кафелем.

Он стоял под дверью и дожидался ее.

— Пусть, — сказала она с отвращением.
— Подожди, — проговорил он торопливо, — я хочу тебе что-нибудь подарить.

— Ах ты, сосунок, — рассвирепела она. — За кого ты меня принимаешь?

Он еще больше смутился и посмотрел умоляюще:

— Ну не сердись. Я же совсем другое имел в виду. Давай с тобой встретимся.

— Иди ты... понял? — не выдержала она.

Она редко ругалась матом, брезговала, но теперь сорвалась. А он не отставал — по-детски настырный, капризный.

— Я уезжаю на три недели в альплагерь, а потом тебе позвоню. У тебя есть телефон?

— Нет у меня никакого телефона, — отрезала она.

Она хотела добавить еще что-нибудь резкое, обидное, но почувствовала, что ненависть у нее прошла и стало просто тоскливо и тревожно. Она не понимала, чего хочет от нее этот розовощекий студентик, но было в его умоляющем голосе что-то настояжывающее, обреченное — она всегда умела предчувствовать нехорошие вещи, это у них в роду. Еще в деревне, когда была совсем маленькая, что-то чувствовала и плакала перед бедой. Она не любила в себе этого предчувствия, потому что оно мешало жить спокойно и ни о чем не думать, гнала его прочь, но справиться совсем не могла.

— Позвони. — Он совал ей бумажку с номером телефона, но она оттолкнула его и скорее вышла, подальше и от него, и от всех этих предчувствий.

2

Через месяц ее стало воротить от запаха краски и тошнить, после обеда клонило в сон, и она поняла, что случилось то, чего так всегда боялась. Сидела в комнате и жаловалась соседке. Та слушала сочувственно и спрашивала:

— И даже удовольствия не получила?

— Какое там удовольствие. Я и почувствовать-то ничего не успела.

— Да, тогда совсем обидно. Какой раз у тебя?

— Третий.

— Ну это еще ничего. Третий ерунда. Совсем девочка. Я вон со счета сбилась. — Соседка закурила. — Слушай, давай позовем кого-нибудь, а? Тебе все равно теперь терять нечего, а я за компанию.

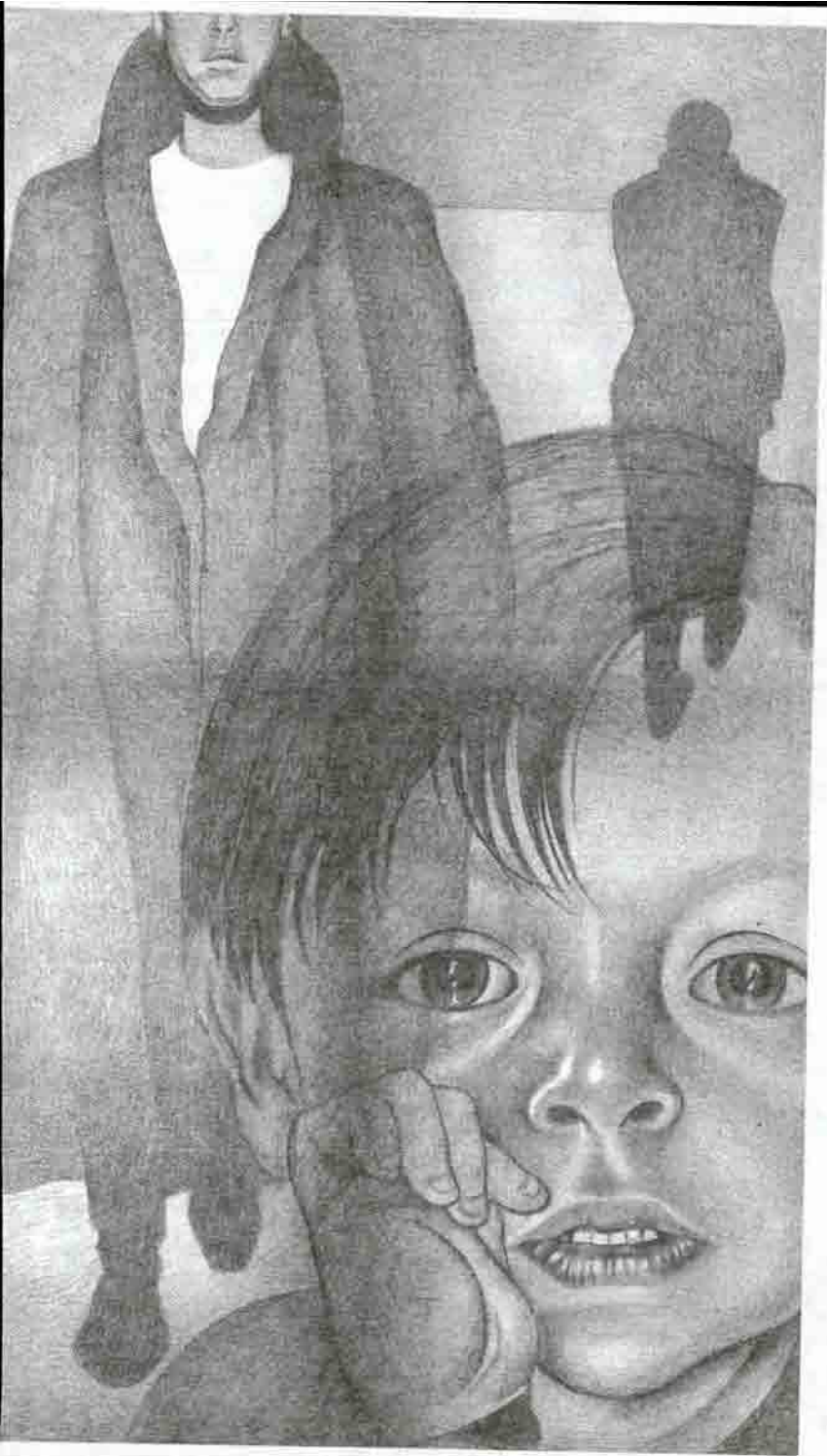
— Нет, — сказала она, — видеть их никого не могу, воротит.

— Да. — Соседка вздохнула и стряхнула пепел на пол. — Видишь, как получается — им сладенькое, а нам калечиться.

— Не могу я этого, — сказала она, — как подумаю, что там...

— Брось, это червяк, зародыш. Вот когда настоящий...

Они жили вместе не первый год и хорошо друг друга знали. Поначалу ссорились, но потом притерлись и были как сестры. Она знала, что вся эта развязность у соседки напускная, что у нее есть дочка, но живет она у тетки и про свою мать ничего не

знает. Такое тетка поставила условие, когда взяла к себе. Соседка посылала деньги, вещи, но сама с тех пор, как отдала, не ездила к дочке ни разу.

— Чего уж там ездить. Все хорошо, и ладно.

А она думала, что, наверное бы, так не смогла, и в душе соседку осуждала. Однажды даже высказала ей это, но та лишь, по обыкновению, вздохнула:

— Не поймешь ты этого, пока у самой детей не будет.

— Все равно, — возразила она.

Впрочем, ей ничто подобное не грозило. У нее не было даже тетки — у нее вообще никого не было.

— Слушай, — сказала соседка, — а ты сходи к его матери.

— Зачем?

— Пусть хоть денег заплатит. Ну что ты должна одна за все отдуваться?

Она вспомнила холеную хозяйку, принимавшую ее работу, намеренно недовольный вид, поджатые губы, хотя придрачься было не к чему, и покачала головой:

— Нет, не пойду.

— Тогда я схожу, хочешь?

— И что ты ей скажешь?

— Я найду, что сказать, не бойся, — произнесла соседка с ожесточением, — я знаю, что говорить.

— Делай, как хочешь, мне все равно. Свет только потуши.

Она легла на кровать и отвернулась к стенке.

Соседка ушла, а она стала думать, что завтра надо идти в консультацию, и заранее ненавидела этот день. Она ненавидела место, где на тебя уже с порога смотрят, как на драную кошку, ненавидела гинекологическое кресло, хамство врачей и акушеров. Но еще больше в ней было отвращения к тому, что в нее войдет страшный хирургический инструмент, причиняя невыносимую боль. Невыносимую не столько физически — терпеть она умела, и потом какой-никакой, все-таки делали укол, — а какую-то другую боль. После этого не хотелось жить, не хотелось глядеть на людей, и казалось, что кто-то неуловимо тебя преследует, буквально идет след в след. Ей говорили, что потом привыкнешь, — не ты первая, не ты последняя, — но у нее не проходило, и она знала, что не пройдет никогда, может быть, из-за этих же предчувствий.

В прошлые разы, чтобы хоть как-то облегчить душу, она принималась думать о тех случайных мужчинах из соседнего общежития, что стали виновниками ее беременности, мысленно проклинала их, желала им зла. Но теперь, когда вспомнила студентика, его слонявую нежность, как он намывливал ей груди, как дрожал при этом, поймала себя на мысли, что не испытывает к нему ненависти. Она даже пожалела, что дала соседке адрес и впутала в историю его мамашу. Зачем все это? Она представила, как мамаша примется его сурово отчитывать, как он будет отчаянно краснеть, и ей стало жаль его. А с жалостью опять закололо тревогой, как кололо не раз весь месяц. Нет, что-то все-таки было с этим мальчиком неладное, и зря она с ним так жестоко тогда обошлась.

Дверь в комнату отворилась, ей в глаза ударил резкий свет — вошла соседка.

— Ну что? — усмехнулась она. — Сказала она тебе, что я, дрянь, сама совратила ее невинного птенчика?

— Нет, — ответила соседка, — горе у нее. Он в горах погиб.

3

На следующий день, вернувшись из консультации, она увидела в комнате его мать. Та сидела за столом в пальто, выпрямив спину, и молча глядела перед собой. Напротив примостилась растерянная соседка, и ей стало стыдно за их грязь, неубранность, за дурацкие вырезки из иллюстрированных журналов на стенах. Она снова подумала, что надо было послушаться себя и давно уже сделать аборт, не говоря никому ни слова.

А теперь его мать станет рыдать, чего доброго, совать деньги, напрашиваться на сочувствие — ей же было так тошно, что даже притворяться не хотелось. Но едва за соседкой закрылась дверь, мать повернула голову и посмотрела на нее в упор сухими немигающими глазами. Она была теперь совсем не похожа на высокомерную и самодовольную хозяйку дома, но не было в ней также и ничего, что вызывало бы жалость.

— Это правда, что ты беременна от моего сына?

— А вам какое дело? — спросила она грубо, но потом нехотя произнесла: — Правда.

Ей было тяжело и неприятно под немигающим, пристальным, точно ощупывающим ее взглядом и хотелось сбросить его с себя, как легшую на плечо руку.

— Его уже не вернешь, — сказала мать, не обращая внимания на грубость. — Я хочу, чтобы ребенок родился.

Она молчала, потому что исходившая от этой женщины сила мешала ей говорить и думать, но от этих последних слов у нее вдруг защемило в желудке.

— Что ты молчишь?

Запинаясь, она проговорила:

— Здесь нельзя, чтоб беременная. Выгоняют.

— Жить будешь у меня.

Она снова ничего не ответила, словно примеривая эти слова к себе. Его мать ждала.

— Да пока-то можно и здесь, — пробормотала она наконец. — Пока не видно.

— Нет, — отрезала мать, — здесь слишком грязно. И потом эта работа сейчас для тебя вредна.

— А что же я стану делать? — спросила она недоуменно, все больше теряясь и чувствуя, как подчиняет ее себе эта женщина.

— Ничего. Твое дело — носить. Об остальном я позабочусь. Собирайся, завтра за тобой придет машина. Ты поняла?

— Да, — кивнула она, хотя на самом деле ничего не понимала.

— Тогда отдай мне свой паспорт.

Она покорно полезла в сумочку, и ей вдруг сделалось легко, точно с этим паспортом она отдавала все то, что мучило ее этот месяц.

Мать встала и пошла к двери, а потом повернулась и так же не мигая, глядя в упор, спросила:

— Только скажи, это точно его ребенок?

И столько страха, смешанного с ненавистью и презрением, было в этом вопросе, что она отчетливо почувствовала, как тяжело было этой властной женщине сюда прийти, унизиться до общежития, до разговора с ней и одного только упоминания о ее сыне в связи с ней. И еще она почувствовала, что если бы сейчас отказалась, если бы сказала нет, то эта гордая, привыкшая повелевать женщина на коленях бы вымаливала оставить ребенка, что она вся со своей спесью теперь в ее власти, все в ней дрожит от унижения и от безвыходности, от самой мысли, что она в руках у малярши, лимитчицы, презренной твари, совратившей ее мальчика и посмевавшей от него зачать, что большего ужаса и позора она никогда не испытывала и в страшных снах не могла представить. И тогда, приходя к ней на помощь, предупреждая это унижение, невыносимое еще и оттого, что все действительное это унижение, невыносимое еще и оттого, что все действительно-искренне в своей благодарности сказала:

— Точно. Я давно уже ни с кем.

4

Ее поселили в ту самую комнату, где жил он. Но теперь на стенах не было ни одной фотографии с видами гор. Зато повсюду были его детские снимки: он на даче в матроске, он на трехколесном велосипеде, он на прогулке во дворе, он в пеленках.

Разговаривали с ней дома мало. Хозяину — начальнику средней руки, человеку болезненному и замкнутому, все это было, похоже, сильно не по душе, он избегал ее, здоровался, не поднимая головы, и ни о чем не спрашивал. А мать молча и неотступно следовала за ней и следила, чтобы она гуляла, ела печенку, яблоки и грецкие орехи, не курила и ходила к врачам. Это были совсем другие врачи — предупредительные, внимательные, они тщательно ее ощупывали, осматривали, взвешивали, заставляли каждую неделю сдавать анализы. Но во всей этой заботе ей чудилось что-то гадкое. Ее как будто превратили в животное наподобие коровы, с той лишь разницей, что корову в семье любят и ласкают.

Она страдала от пустых дней, иногда ездила в Капотню и встречалась с соседкой, жаловалась ей на свое положение, говорила, что зря ушла с работы, зря отдала его матери паспорт, и просила совета, что делать, но соседка замкнулась, и она не могла понять, в чем дело.

На пятом месяце ей сказали, что надо лечь на сохранение, потому что из-за прежних аборт у нее может случиться выкидыш, и она даже с каким-то облегчением легла, только бы не видеть этот постылый дом. Раз в неделю ей передавали объемный пакет с соками и фруктами. Относились к ней врачи не так, как к другим женщинам, и это было ей непривычно.

Она тосковала от однообразия, медлительности времени и отсутствия развлечений. Читать не любила, телевизор смотрела

мало и чаще всего сидела у окна и бездумно глядела на лесопарк, где катались разноцветные лыжники. К другим женщинам приходили мужья, стояли под окнами, махали руками и кричали, толпилась очередь у вечно ломающегося автомата, возникали перепалки с персоналом, загоняющим всех по палатам. А ей звонить было некуда и ждать некого. Она чувствовала себя вполне сносно, но домой все равно не просилась. Здесь все-таки было легче, и потом эта больница напоминала ей чем-то общежитие.

Она, впрочем, никому о себе не рассказывала и, если лезли в душу, уходила. Раз только ночью, когда не спалось и жутко захотелось курить, вышла в коридор к дежурному врачу. Там сидел скучный, вялый мужик. Стрельнула у него сигарету и чуть не расплакалась. Но сдержалась и даже не стала курить. После двух затяжек помутилось в голове, и она пошла в палату, напоследок пожалев мужика — как же ему бедному все обрыдло, еще больше, чем ей.

Однако постепенно в ее душе что-то изменилось. В положенное время ребеночек зашевелился, живот стал расти, и она почувствовала, что в ней просыпается нежность к этому крохотному существу. И если прежде она была довольно равнодушна к тому, доносит или нет, то теперь превратилась, как все вокруг, в сумасшедшую мамашу, переживала из-за того, что он слишком сильно толкается или, наоборот, затих, из-за того, что у нее повышенный тонус матки и что-то не в порядке с анализами. Она жадно выпрашивала врачей, что и как, участвовала в бесконечных разговорах беременных об осложнениях, аномалиях, пороках, патологии, стафилококке, околоплодных водах, плаценте. Она боялась родов, боялась, что к ней вдруг не подойдет, забудут или вообще что-то будет не так. Она ждала теперь своего маленького, как не ждала никого и ничего в жизни, а о том, что ждет его и ее в этом мире, старалась не думать.

Он родился сырой и ветреной апрельской ночью. Родился быстро, ее едва успели отвезти в родовую. Особой боли она не испытала и теперь лежала, слушала, как воет ветер, и беззвучно плакала, оттого, что ей было очень хорошо, и еще оттого, что его больше в ней нет. Потом она уснула и проснулась, услышав за дверью голоса. Подумала, что сейчас ей принесут его, но дверь отворилась, и она увидела заведующую отделением и ту, что так и осталась в ее сознании «его матерью».

Странно, она все это время совсем не думала ни о его матери, ни о нем, точно этот ребеночек был только ее. И потому ей вдруг стало тревожно.

Заведующая смотрела в сторону, а его мать, не мигая, как в тот раз в общежитии, — на нее.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка не получилась.

— Сейчас ты напишешь заявление, что отказываешься от ребенка, — произнесла его мать спокойным и ровным голосом.

— Нет, — сказала она, — ни за что.

— Ты сделаешь это.

— Нет, — повторила она отчаянно и посмотрела на заведующую, но та не поднимала глаз.

— Ты не хотела этого ребенка, — продолжала его мать. — Если бы не я, ты бы убила его. Это ребенок не твой.

— Он мой! — крикнула она.

— Это ребенок моего сына. Рожай детей, от кого хочешь, и делай с ними, что хочешь. Но у ребенка моего сына должны быть дом и нормальная жизнь.

— Я не буду ничего подписывать.

Она почувствовала себя вдруг такой усталой, что сил сопротивляться и возражать больше не было.

Его мать повернула голову к заведующей, и та, словно по команде, но по-прежнему глядя в сторону, заговорила:

— Может быть, действительно так будет лучше. Ребеночек слабенький, сердечко у него неважное. Ему уход нужен, лечение, а вам, видите, даже негде жить. Куда вы с ним пойдете? Пусть лучше побудет пока у бабушки.

Она вспомнила соседку, ее горькие и пустые глаза и заплакала от безысходности. Она плакала долго и не могла успокоиться. Вошла медсестра и сделала ей укол. Его мать и заведующая все это время сидели и ждали.

Наконец она подняла голову и попросила:

— Принесите мне его.

— Лучше не надо, — сказала заведующая с состраданием.

— Будьте вы прокляты, — прошептала она.

5

Она уехала в большой город на юге России. Поселилась в общежитии, стала работать маляршей, и опять ей давали хорошие заказы, платили сверху, опять она работала одна и ни с кем не сходилась. Довольно скоро ей пообещали дать квартиру и постоянную прописку. Здесь было вообще как-то легче, чем в Москве, но она об этом не задумывалась. Ей было все равно. Она почти ничего себе не покупала, ела в столовой и все оставшиеся деньги откладывала на книжку.

Однажды за столиком в столовой она услышала разговор двух теток. Говорили о том, что в последнее время в роддомах все чаще отказываются от детей.

— Да я таким сучкам не знаю, что бы и делала. Штамп бы хоть в паспорте какой ставила. Пусть люди знают.

Тетка показала ей (или так захотелось, чтобы показалась) похожей на его мать, и она с размаху выплеснула ей в лицо чай.

То ли чай был очень горячий, то ли тетка не из простых, но ей дали пятнадцать суток за хулиганство, и когда она снова вышла на работу, бригадир укоризненно сказала:

— Что же ты? А мы тебе ордер хотели дать в следующем квартале. Теперь придется ждать.

Прошло несколько лет. Квартиры ей по-прежнему не давали, потому что жилищное строительство пошло на убыль, зато появилось много кооперативов, малых предприятий и частных фирм, и стало больше заказов.

Однажды она работала на квартире у одного богатого армянина. Армянину было за шестьдесят, жил он один — семья его

почему-то осталась в Армении, и когда он предложил ей поселиться у него, она согласилась.

Он относился к ней очень заботливо, давал без счета денег и в постели своей нежностью и беспомощностью напоминал студента. Он ничего не спрашивал ее о прежней жизни, и она была ему за это очень благодарна. Порой ей даже хотелось рассказать ему о том, что в Москве у нее остался ребенок, и какие бы богатые подарки она ни получала, как бы он ни баловал ее, она все равно несчастна и ни на минуту не забывает того, что с нею случилось в апрельский день, когда она вышла из роддома одна. И чем больше проходило времени, тем больше это в ней болело. Но она сдерживала себя и точно чего-то выжидала, а потом, в каком-то бессознательном порыве, собралась и, не сказав ему ни слова, поехала в Москву.

В Москве она разыскала свою бывшую соседку по общежитию. Соседка получила квартиру в новом микрорайоне за кольцевой дорогой и жила вместе с дочкой, потому что тетка умерла. Дочке было уже двенадцать лет, она смотрела на все вокруг исподлобья и называла свою мать по имени-отчеству и на «вы». Переучивать ее соседка не пыталась.

— Пускай, если так привыкла, — говорила она грустно.

А она, как когда-то давно, смотрела на нее и думала, что так бы не смогла.

Каждый день она уезжала в центр и ходила вокруг того дома. Но их увидела только на третий день. Он был в матроске, на трехколесном велосипеде — точь-в-точь как мальчик на фотографии, только немного бледный и худенький. А рядом неотступно следовала та — его мать. И по тому, как она глядела по сторонам, как не сводила с него глаз и не отпускала от себя, она поняла, что его мать все эти годы боялась и ждала ее.

Мать сильно постарела, была плохо одета, и она поняла: овдовела, живет на маленькую пенсию, еле сводит концы с концами, и очевидная старческая бедность вызвала у нее злорадное чувство. А вместе с ним воскресла ненависть — она слишком хорошо все помнила и не могла, не хотела ничего забыть. Ни того разговора в послеродовой палате, ни как несколько месяцев сочились молоком и болели груди, как она сцеживала это молоко и выливала его. И когда она, подойдя ближе, вдруг услышала, как ее четырехлетний сын назвал эту злобную старуху мамой, все в ней сжалось, и в голове опять помутилось.

Но теперь она была хитрее. Она дожидалась своего часа несколько недель и дождалась. Его мать пошла вместе с ним в магазин. Давали дешевое мясо, выстроилась очередь, он закапризничал и стал проситься на улицу, и та разрешила ему выйти на крылечко.

Он выбежал из магазина, и тогда она подошла к нему и позвала:

— Сыночек!

Он не откликнулся, и она, взмолившись неведомо кому — ну должен же был он ее узнать, — повторила:

— Сыночек, подойди к мамочке. Мамочка тебе шоколадку купила.

При виде шоколадки в глазах его что-то зажглось, но он засопел и очень серьезно сказал:

— Мама в магазине в очейди стоит.

— Нет,— сказала она.— Это не твоя мама. Твоя мама я. Я просто потеряла тебя сначала и очень долго искала.

Он молчал и ковырял в носу.

— Поедем домой. У нас с тобой очень красивый дом. Там много игрушек, бананов. Ты любишь бананы, сыночек?

— Я гйуши люблю.

— Там и груши есть.

Он все еще стоял на месте, а она, чувствуя, что сейчас его мать может выйти из магазина, подбежала к первой попавшейся машине, стоявшей у тротуара, и судорожно прохрипела:

— На Курский!

— Да не собираюсь я туда,— нервно ответил молодой водитель.

— На Курский,— повторила она, расстегивая сумочку и высыпая на сиденье деньги.

6

— Все что угодно,— сказал армянин,— но это невозможно. Она смотрела на него, мокрая от слез, а он упрямо качал седой головой.

— Ты должна отвезти его назад. Это безумие. Завтра же здесь будет милиция.

— Они не имеют права.

— Имеют,— сказал армянин грустно.— Я понимаю, ты хочешь ребенка. Я уже стар и вряд ли на это стоюсь. Но я люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива. Найди себе мужа — я дам денег.

— Нет.

— Тогда найди молодого и здорового мужчину. И роди. Ребенка я усыновлю.

— Нет,— повторила она в отчаянии.— Как ты не понимаешь?

Мальчик спал на их огромной кровати, она то и дело подходила к нему и смотрела. Она не могла теперь представить, как прошли эти четыре года. Всю дорогу гладила, целовала его и приучала, чтобы он звал ее мамой.

И он звал ее так, но и ту, другую, он тоже звал мамой.

— У меня тепей две мамы — мама молодая и мама стаенккая.

— Так не бывает, сыночек.

— А у меня бывает,— возражал он упрямо, и поделаться с этим она ничего не могла.

Под вечер он расплакался, стал требовать его мать, проситься домой, и они с трудом уложили его, пообещав завтра купить мороженое. Когда он наконец уснул, армянин, так и не поверивший в ее лихорадочный рассказ и решивший, что она просто украла чужого ребенка, сказал:

— И все-таки лучше отвезти его обратно. Ведь он к ней уже привык и никогда не забудет.

— Забудет,— злобно ответила она.— А он мой, понимаешь,

мой! Я его девять месяцев носила и никому не отдам.

— Как знаешь,— сказал армянин,— но тогда нам отсюда уезжать.

Он повез их на машине в глухую армянскую деревню. Они ехали быстро, почти нигде не останавливались, но задержать их все же успели. Остановили на горной дороге и грубо приказали:

— Выходите из машины. Руки за голову!

Армянин вышел, а она осталась сидеть, вцепилась в сына и, с ненавистью глядя на опергруппу с автоматами, крикнула:

— Не отдам!

Ребенок прижался к ней и заплакал. Она гладила его и повторяла:

— Не отдам. Этой мой сын.

Оперативники слегка растерялись. Они имели другую информацию и ожидали обыкновенного похищения. И тогда из одной машины вышла старуха — его мать. Ее не хотели брать на операцию, но она настояла, и возглавлявший группу захвата офицер махнул рукой и разрешил.

Его мать подошла к машине и позвала ребенка.

Он увидел ее, обрадовался, протянул руки, но она, прижимая его к себе, горячо шептала:

— Не ходи к ней. Твоя мама — я.

— Иди ко мне,— повторила его мать и обернулась к омовцу: — Возьмите же его. Что вы стоите!

— Не отдам,— прохрипела она, крепко удерживая ребенка, но сзади на нее навалились и заломили руки.

— Не ходи к ней, сыночек! — закричала она пронзительно.

Смертельно бледный, он вышел из машины и испуганно глядел то на одну, то на другую женщину. Мужчины вокруг тоже замерли, точно ожидая, кого он выберет. А он от невыносимого страха и от того, что вокруг было столько страшных взрослых людей, закричал и побежал по дороге. Некоторое время все оцепенело глядели на него, потом бросились следом, но он вдруг точно споткнулся на этой гладкой дороге и упал.

Люди остановились, столпились возле него, и тогда армянин, растолкав всех, опустился на колени, расстегнул ему рубашечку и попытался посадить его. Он стал массировать грудь, но детская головка безжизненно откидывалась, и лицо становилось синим.

— Сердце,— сказал армянин, подымаясь и ни на кого не глядя.

— У такого маленького? — проговорил кто-то изумленно и присвистнул.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

1

Поэзия... Ведь сказано когда-то:
 Поэзия должна быть глуповата.
 А мы умны. И даже чересчур.
 И, может быть, найдется бедокур,
 Который, позабыв про все оттенки,
 Наш долг наивной логике воздаст,
 Чтоб черного и белого контраст
 Был ясен, как и прежде, чтоб в простенке
 Замученного выделкой стиха,
 Задымленного, чахлого, дохнуло
 Весенним ветром, чтоб перетряхнула
 Поэзия тяжелые меха
 И окна ямба настезь распахнула.

2

Вновь не хватает простоты.
 Той простоты, в которой смыслом
 Озарены — нет, не черты,
 Объемы; где, подобно искрам,
 Сверкают капельки росы
 На паутинках, где из комнат
 Выходишь в сад, где листья помнят
 Разряды утренней грозы.

3

Верти, как хочешь. Все не впрок.
 Тут, там примеривай — не выйдет.
 И отторгается кусок,
 Пусть даже вынырнет эпитет,
 А то и образ, до того
 Пронзительный, что перехватит
 Дыхание. Но и его
 Волна завертит, и подхватит,
 И выкинет на берег. Вновь
 И вновь пускай его — как цепку,
 Его к ногам выносит цепкой
 Волной. И ты не прекословь,
 Не жми, не втискивай. Он тает
 Горячей лужицей, как воск.
 В нем стержня нет — а внешний лоск
 Обманчивостью раздражает.

4

О хромоте стиха. Да, есть эпохи,
 Когда непрочность входит в обиход,
 Когда в зазор на выдохе и вдохе,

Как косточка, внезапно проскользнет
Другое ударение. И снова,
Как бы на горной тропке, из-под слова
Просьплется горсть камешков — испуг
Внезапно оступившегося — спешно
От краешка отдернутый каблук,
Пока иссохшей косточкой черешни
В прожухло-алых ниточках — следах
Зубами снятой мякоти — впотьмах
Стук камешков теряется. И строчка,
Невольно вздрогнув, то крупинкой точки,
Взломавшей ритм, выравнивает вес
На узкой тропке, то куда-то ухнет
Законный слог, а следующий бухнет
Сдвоившейся энергией — и без
Таких провалов пульса, без затяжек
Дыхания, без клавишей-костяшек,
Под пальцем западающих и в звук
Уже не обращаемых, без пауз
На вдохе, без ободранности рук
Ремями смысла — или, обжигаясь,
Из термоса отхлебываешь — нет
И тяжести приподнятого груза.
И на тропинке, где хромая муза
Оставила чуть вывернутый след,
Иначе не шагнешь, как продвигаясь
По оттискам ее подошв, сверяясь
С ее шажками. И, за шагом шаг,
Идешь, неся увесистый рюкзак.

5

Размять бы тему, словно глину,
И, краем зрения держа
Прицельно ясную картину,
К ней подбираться не спеша
Сквозь нарастающий период,
Держащий ритм, внутри строфы
Не умечающийся — выбит
Из лунки рифмы. И, с софы
Поднявшись, ждать, пока привыкнут
Глаза к впечатанному в них
Проему света...
Где высвечен от сих до сих
Весь образ. И, как бы на медной
Тончайшей проволочке, в бледной
Подсветке, чуть вращаясь, он
Тебе открыт со всех сторон.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ

Русскую
литературу?

34

Напомним, что условия конкурса опубликованы в первом номере журнала за нынешний год. В том же, январском, а также февральском номере — задания первых двух туров.

Предлагая вашему вниманию на этот раз двадцать пять отрывков из произведений русских писателей, жюри конкурса, как и в первых двух турах, просит определить точное название произведения, имя и фамилию автора.

Напоминаем, что за каждый правильный ответ начисляется одно очко. Победители будут определены по наибольшей сумме набранных очков во всех трех турах.

Ответы на вопросы мартовского тура нужно отправить в редакцию «Смены» не позднее 15 июня (срок отправки — по почтовому штемпелю). В письмах просим указывать свою профессию и возраст. На конверте сделайте пометку: «На конкурс «Знаете ли вы русскую литературу?» III тур».

Об итогах конкурса, его победителях и призерах — авторах наиболее подробных писем с ответами вы узнаете в одном из последних номеров 1995 года.

Третий тур

36

Василий Иванович шел себе по Тверскому бульвару и довольно лукаво посмеивался при мысли о всех удовольствиях, которыми так расточительно изобилует Москва. В самом деле, как подумаешь, Английский клуб, Немецкий клуб, Коммерческий клуб — и все столы с картами, к которым можно присесть, чтобы посмотреть, как люди играют и большую, и малую игру. А там лото, за которым сидят помещики, и бильярд с усатыми игроками и шутивными маркерами. Что за раздолье!.. А цыгане-то, а комедии-то, а медвежья травля медалянскими мордашками у Рогожской заставы, а гулянье за городом, а театр-то, театр, где пляшут такие красавицы и ногами такие вензеля выделывают, что просто глазам не веришь. Тут Василий Иванович вспомнил про грозную и дородную супругу свою, оставленную за хозяйством в казанской деревне, и решительно улыбнулся с видом отчаянного повесы.

37

Вдруг сзади его скрипнула дверь, и в комнату вошла та самая женщина, которую он видел с голой шеей и локтями.

Ей было лет тридцать. Она была очень бела и полна в лице, так что румянец, кажется, не мог пробиться сквозь щеки. Бровей у нее почти совсем не было, а были на их местах две немного будто припухлые, лоснящиеся полосы, с редкими светлыми волосами. Глаза серовато-простодушные, как и все выражение лица; руки белые, но жесткие, с выступившими наружу крупными узлами синих жил.

Платье сидело на ней в обтяжку: видно, что она не прибегала ни к какому искусству, даже к лишней юбке, чтоб увеличить объем бедер и уменьшить талию. От этого даже и закрытый бюст ее, когда она была без платка, мог бы послужить живописцу или скульптору моделью крепкой, здоровой груди, не нарушая ее скромности. Платье ее, в отношении к нарядной шали и парадному чепцу, казалось старо и поношено.

38

Я не могу отделаться от своих воспоминаний, и странная мысль пришла мне в голову. Может быть, если я изложу их на бумаге, я этим покончу все свои счеты с ними.. Может быть, они оставят меня и дадут спокойно умереть. Вот странная причина, заставляющая меня взяться за перо. Может быть, эта тетрадка будет прочтена кем-нибудь, может быть — нет. Это мало занимает меня. Поэтому я могу и не извиняться перед своими будущими читателями ни в выборе темы для своего писания, темы, несколько не интересной людям, привыкшим заниматься если не

мировыми, то общественными вопросами, ни в форме изложения. Правда, мне хочется, чтобы эти строки прочел один человек, но этот человек не осудит меня. Ему дорого все, что меня касается. Этот человек моя сестра.

39

Привыкший к подводным камням своей профессии, он не слишком огорчался неудачами, сочинитель Фирсов. Опять же ему еще раньше удалось накопить кое-какие разрозненные подробности о Митьке: скитаясь по трущобам столицы, он неоднократно наткнулся на Митькиных друзей, осведомленных о той или иной страничке его прошлого. Подобно трудолюбивой пчеле, склеивал Фирсов воедино собранные пустячки, так что в замысле уже готов был сот, хотя пока и без меда... Тут он и встретил Саньку Велосипеда, мелкого столичного вора, самого, наверно, безобидного изо всей московской плутни.

40

36 Катерина Астафьевна, женщина лет сорока пяти, полная, нервная, порывистая, очень добрая, но горячая и прямая необыкновенно. Узнав о внезапном возвращении племянницы из Петербурга, она влетела, как бомба, в комнату, где сидела Лариса, кинулась на шею, дрожа и всхлипывая, и, наконец, совсем разрыдалась. Лариса поцеловала у тетки руку и с той же минуты не то полюбила ее, не то привязалась к ней. Сойдясь близко с теткой, она сошлась и с мужем ее, пятидесятилетним майором из военных академистов.

41

У татарских ворот стояли на привязи несколько коней с высокими якутскими седлами.

В тесной избе было душно. Резкий дым махорки стоял целой тучей, медленно втягиваемый камельком. За столами и на скамейках сидели приезжие якуты; на столах стояли чашки с водкой; кое-где помещались кучки играющих в карты. Лица были потны и красны. Глаза игроков дико следили за картами. Деньги вынимались и тотчас же прятались по карманам. В углу, на соломе, пьяный якут покачивался сидя и тянул бесконечную песню. Он выводил горлом дикие скрипучие звуки, повторяя на разные лады, что завтра большой праздник, а сегодня он пьян.

42

Лейб-гвардии капитаном Измайловского полка он находился при миссии в Лондоне; Павел, увидя его в списках, велел ему

немедленно явиться в Петербург. Дипломат-воин отправился с первым кораблем и явился на развод.

— Хочешь оставаться в Лондоне? — спросил сильным голосом Павел.

— Если в. в. угодно будет мне позволить, — отвечал капитан при посольстве.

— Ступай назад, не теряя времени, — ответил Павел сильным голосом, и он отправился, не повидавшись даже с родными, жившими в Москве.

Пока дипломатические вопросы разрешались штыками и картечью, он был посланником и заключил свою дипломатическую карьеру во время Венского конгресса, этого светлого праздника всех дипломатий. Возвратившись в Россию, он был произведен в действительные камергеры в Москве, где нет двора. Не зная законов и русского судопроизводства, он попал в сенат, сделался членом опекунского совета, начальником Марьинской больницы, начальником Александринского института и все исполнял с рвением, которое вряд было ли нужно, со строптивостью, которая вредила, с честностью, которую никто не замечал.

43

Россия прежде всего христианская империя; русский народ — христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более душевному, чем убеждения. Он — христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция — прежде всего враг христианства! Антихристианское настроение есть душа революции; это ее особенный, отличительный характер. Те видоизменения, которым она последовательно подвергалась, те лозунги, которые она попеременно усваивала, все, даже ее насилия и преступления были второстепенны и случайны; но одно, что в ней не таково, — это именно антихристианское настроение, ее вдохновляющее, и оно-то (нельзя в этом не сознаться) доставило ей это грозное господство над вселенною. Тот, кто этого не понимает, не более как слепец, присутствующий при зрелище, которое мир ему представляет.

44

Карета остановилась перед ярко освещенным подъездом, и его разом поразили: ряд экипажей, говор кучеров, ярко освещенные окна и звуки музыки. Лакей в богатой ливрее высадил его из кареты и почтительно проводил в сени с мраморными колоннами, с облитым золотом швейцаром, с разбросанными плащами и шубами, с яркою лампою. Воздушная лестница с блестящими перилами, надушенная ароматами, неслась вверх. Он уже был на ней, уже вошел в первую залу, испугавшись и попятившись с первым шагом от ужасного многолюдства. Необыкновенная

пестрота лиц привела его в совершенное замешательство; ему казалось, что какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе. Сверкающие дамские плечи и черные фраки, люстры, лампы, воздушные летящие газы, эфирные ленты и толстый контрабас, выглядывавший из-за перил великолепных хоров, — все было для него блистательно.

45

Дорога — удивительное дело! Ее могущество непреодолимо, успокоительно и целительно. Отрывая вдруг человека от окружающей его среды, все равно, любезной ему или даже неприятной, от постоянно развлекающей его множеством предметов, постоянно текущей разнообразной деятельности, — она сосредоточивает его мысли и чувства в тесный мир дорожного экипажа, устремляет его внимание сначала на самого себя, потом на воспоминание прошедшего и, наконец, на мечты и надежды — в будущем; и все это делается с ясностью и спокойствием, без всякой суеты и торопливости. Точно то было тогда со мной.

46

38

Ровно в восемь часов я в сюртуке и с приподнятым на голове коком входил в переднюю флигелька, где жила княгиня. Старик слуга угрюмо посмотрел на меня и неохотно поднялся с лавки. В гостиной раздавались веселые голоса. Я отворил дверь и отступил в изумлении. Посреди комнаты, на стуле, стояла княжна и держала перед собой мужскую шляпу; вокруг стула толпилось пятеро мужчин. Они старались запустить руки в шляпу, а она поднимала ее кверху и сильно встряхивала ею. Увидевши меня, она вскрикнула:

— Пойдите, пойдите! новый гость, надо и ему дать билет, — и, легко соскочив со стула, взяла меня за обшлаг сюртука.

— Пойдемте же, — сказала она, — что вы стоите? Messieurs, позвольте вас познакомить: мсье Вольдемар, сын нашего соседа.

47

Сераль его был наполнен первыми красавицами в свете, из коих не было ни одной старше семнадцати лет. Сколько фабрики ни стараются ныне доходить до совершенства в составлении румян, но лучшие румяны показались бы дикими в сравнении с природным румянцем последней из его султанш. Девушки его не падали в обморок от пауков и тараканов, для того чтобы размяться приятным для глаз образом. Когда находила на них задумчивость, столь обыкновенная семнадцатилетнему женско-

му возрасту, то не принимали они чистительного, чтобы иметь лучший цвет лица. Великолепные его конюшни наполнены были редкими лошадьми, которые были статнее пышных щегольков и послушнее первых его визирей. Ледники его трещали под тяжестью вкуснейших вин. Сами боги, говорят, с удовольствием напивались в его погребах допьяна и предпочитали вина его нектару, который опостылел им с тех пор, как стихотворцы начали разливать его своим героям так же небрежно, как бабы льют коровам помой.

48

Часов в семь вечера Полина сидела у своей гранитной пристани и, прищурившись, глядела на синеватую даль моря. Пользуясь дачной свободой, она была в широкой кисейной блузе, которая воздушными, небрежными складками падала на дикий, грубый камень. Горностаевая мантилья, накинутая на плечи, предохраняла ее от влияния морского воздуха; на ногах были надеты золотом выложенные туфли. В костюме этом Полина совершенно не походила на девушку; скорее это была дама, имеющая несколько человек детей. Вдали показался катер.

«Кажется, что он!» — подумала Полина, еще более прищуриваясь.

Подъезжал князь и через несколько минут был уже у пристани.

49

Кашинцев ударился локтем о бок саней и очнулся.

По обе стороны дороги бежали ему навстречу высокие темные стволы сосен, протянувшись через дорогу, точно белые лапы, отягощенные снегом ветви. Между ними, далеко впереди, мерцали стройные тонкие колонны, каменные ограды и балконы, высокие, белые стены с черными готическими окнами, фантастические линии какого-то спящего, заколдованного дворца. Но сани заворачивали по изгибу дороги, и призрачный дворец исчезал, обращаясь в темные ряды деревьев и в навесы из осенних веток.

«Где я? Куда я еду? — спросил себя Кашинцев с недоумением и испугом. — Что со мною только что было? Такое большое, радостное и важное?»

В его памяти с поразительной ясностью всплыло прелестное женское лицо, нежный очерк щек и подбородка, влажные, спокойно-страстные глаза, прекрасный изгиб цветущих губ... И вдруг вся его собственная жизнь — и та, что прошла, и та, что лежала впереди, — представилась ему такой же печальной и одинокой, как эта ночная дорога, с ее скукой, холодом, пустотой и безлюдьем, с ее раздражающими сонными обманами.

Опускаясь на глубокие ковры, она говорила: «Не касайся меня», — и за темными шнурами и волнующимися дрожало ее сердце и шептало «возьми меня». Голосом более страстным и более нежным, чем всегда, она просила его совершить великое предательство, и зубы ее обнажались улыбкой трепетной, и губы тонули в змеиных прядях ее волос. Когда же он отрекался с трепетом, волнуясь ужасом надвигающейся гибели и страсти, она уронила золотой стилет и утопила лицо его в тяжелых и душных волосах. И когда он целовал холод благоуханного лезвия стилета, она взяла с него горестную клятву, и первая предалась ему, и долго томила его, пока не умерла опрокинутая луна и не порозовел рассвет.

Райский вышел из гимназии, вступил в университет и в одно лето поехал на каникулы к своей двоюродной бабушке Татьяне Марковне Бережковой.

Бабушка эта жила в родовом маленьком имении, доставшемся Борису от матери. Оно все состояло из небольшой земли, лежащей вплоть у города, от которого отделялось полем и слободой близ Волги, из пятидесяти душ крестьян да из двух домов — одного каменного, оставленного и запущенного, и другого деревянного домика, выстроенного его отцом, и в этом-то домике и жила Татьяна Марковна с двумя, тоже двоюродными, внучками-сиротами, девочками по седьмому и шестому году, оставленными ей двоюродною племянницей, которую она любила, как дочь.

В тени высокой липы, на берегу Москвы-реки, недалеко от Кунцева, в один из самых жарких летних дней 1853 года лежали на траве два молодых человека. Один, на вид лет двадцати трех, высокого роста, черномазый, с острым и немного кривым носом, высоким лбом и сдержанною улыбкою на широких губах, лежал на спине и задумчиво глядел вдаль, слегка прищурив свои небольшие серые глазки; другой лежал на груди, подперев обеими руками кудрявую белокурую голову, и тоже глядел куда-то вдаль. Он был тремя годами старше своего товарища, но казался гораздо моложе; усы его едва пробились, и на подбородке вился легкий пух. Было что-то детски-миловидное, что-то привлекательно изящное в мелких чертах его свежего, круглого лица, в его сладких карих глазах, красивых выпуклых губках и белых ручках. Все в нем дышало счастливою веселостью здоровья, дышало молодостью — беспечностью, самонадеянностью, избалованностью, прелестью молодости. Он и поводил глазами, и улыбался, и подпирал голову, как это делают мальчики, которые

знают, что на них охотно заглядываются. На нем было просторное белое пальто вроде блузы; голубой платок охватывал его тонкую шею, измятая соломенная шляпа валялась в траве возле него.

В сравнении с ним его товарищ казался стариком, и никто бы не подумал, глядя на его угловатую фигуру, что и он наслаждается, что и ему хорошо.

53

А наверху в это время, в той стороне, где заходит солнце, сгущаются облака; одно облако похоже на триумфальную арку, другое — на льва, третье — на ножницы... Из-за облаков выходит широкий зеленый луч и протягивается до самой середины неба; немного погодя рядом с этим ложится фиолетовый, рядом с этим — золотой, потом розовый... Небо становится нежно-сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно.

54

Полтора месяца он разыскивал Мордвинскую по салонам, балам, вечерам и вечерам в светских церквах. Он и не гадал никогда, что может так страдать. Он постоянно привык думать о ней, напряженно, как о болезни. Входя в гостиные, он всегда знал, еще не видя, там ли она. Однажды, когда она неожиданно подошла сзади, он задрожал и быстро обернулся, расширив глаза...

— Вы, кажется, боитесь меня? — спросила она.

Это были первые ее несветские слова...

Анна Семеновна обращала на него, быть может, больше внимания, чем на других, но он считал себя ничтожным и недостойным. И не радовался более чувству: был не волен в нем, оно жгло и подтачивало. Недаром говорят в народе, что любовь — как змея...

55

Те из моих читателей, которые не жила в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохой в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание.

Никто из учеников не заметил, когда впервые оказался около Христа этот рыжий и безобразный иудей; но уж давно неотступно шел он по ихнему пути, вмешивался в разговоры, оказывал маленькие услуги, кланялся, улыбался и заискивал. И то совсем привычен он становился, обманывая утомленное зрение, то вдруг бросался в глаза и в уши, раздражая их, как нечто невиданно-безобразное, лживое и омерзительное. Тогда суровыми словами отгоняли его, и на короткое время он пропадал где-то у дороги, а потом снова незаметно появлялся, услужливый, льстивый и хитрый, как одноглазый бес. И не было сомнения для некоторых учеников, что в желании его приблизиться к Иисусу скрывалось какое-то тайное намерение, был злой и коварный расчет.

57

«Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написал еще в прошлом столетии Фонвизин, и, Боже мой, как, должно быть, весело она у него написалась. Бьюсь об заклад, что у него щекотало от удовольствия на сердце, когда он ее сочинял. И кто знает, может, и все-то мы после Фонвизина, три-четыре поколения сряду, читали ее не без некоторого наслаждения. Все подобные, отделяющие иностранцев фразы, даже если и теперь встречаются, заключают для нас, русских, что-то неотразимо приятное. Разумеется, только в глубокой тайне, даже подчас от самих себя втайне. Тут слышится какое-то мщение за что-то прошедшее и нехорошее. Пожалуй, это чувство и нехорошее, но я как-то убежден, что оно существует чуть не в каждом из нас. Мы, разумеется, бранимся, если нас в этом подозревают, и при этом вовсе не притворяемся, а между тем, я думаю, сам Белинский был в этом смысле тайный славянофил.

58

Все эти разговоры об измельчании производят на меня всякий раз такое впечатление, как будто я нечаянно подслушал нехороший разговор о своей дочери. Мне обидно, но обвинения огульны и строятся на таких давно избитых общих местах, таких жупелах, как измельчание, отсутствие идеалов, или ссылка на прекрасное прошлое. Всякое обвинение, даже если оно высказывается в дамском обществе, должно быть сформулировано с возможной определенностью, иначе оно не обвинение, а пустое злословие, недостойное порядочных людей.

Я старик, служу уже 30 лет, но не замечаю ни измельчания, ни отсутствия идеалов и не нахожу, чтобы было хуже, чем прежде. Мой швейцар, Николай, опыт которого в данном случае имеет свою цену, говорит, что нынешние студенты не лучше и не хуже прежних.

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами рассыпано на святой, благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли. И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров Бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выраженьи его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — Боже мой — она... почти моя.

Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. Ожидание последней заметавшейся карты, угрызение совести, сон перед поединком — все это в сравнении с ним ничего не значит.

Дело в том, что я боялся не одного отказа. Один из моих приятелей говаривал: «Не понимаю, каким образом можно свататься, если знаешь наверное, что не будет отказа».

Жениться! Легко сказать — большая часть людей видят в женитьбе шали, взятые в долг, новую карету и розовый шлафрок.

Другие — приданое и степенную жизнь...

Третьи женятся так, потому что все женятся — потому что им 30 лет. Спросите их, что такое брак, — в ответ они скажут вам пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т. е. я жертвую независимостью, моей беспечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством.

Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?

Овырезвители не сложено ни стихов, ни песен. А было кому написать их!.. Знакомые со всеми подробностями жизни этой удивительной гостиницы для пьяных — живые поэты, прозаики, композиторы, естественно, молчат. А биографы ушедших классиков, влюбленные в них, хотя и знают кое о чем, ни за что не проговорятся. Однако доверенным людям по-дружески, на ушко, иногда все-таки шепнут с улыбкой что-нибудь веселенькое... Вот уж где, действительно, все равны.

Впрочем, не всегда...

В начале шестидесятых годов в одном из московских вырезвителей случилось чрезвычайное происшествие. С вечера до утра там дежурил старательный, но не очень опытный офицер. Он сам наблюдал, как усмиряли скандального, исправно одетого пьяного человека. Как и многие из тех, кто после недолгого лежания на садовой скамейке был разобран наподобие матрешки, он тоже буянил и скверным голосом угрожал возмездием... Здесь «клиенты» часто обещают кары небесные, и относятся к ним милиционеры с веселым снисхождением. Иногда для лучшего развлечения даже спрашивают:

— А Председатель Совета Министров звонить не будет?

И все тогда очень смеются...

На этот раз позвонил не Председатель Совета Министров, а его помощник.

Выяснилось, что во время дежурства старательный офицер был потрясен документами, которые перед ним положили раздеватели. Они их выгребли из карманов подобранного на улице пьяного человека. Твердой рукой офицер по всей принятой форме честно записал в акте:

«Был произведен личный досмотр и досмотр вещей, находившихся у задержанного гр. N.N.N.: пропуск в столовую лечебного питания Совета Министров СССР на имя N.N.N., пропуск в поликлинику 4-го Главного управления Министерства здравоохранения СССР на имя министра N.N.N., проект Постановления Совета Министров СССР (шесть страниц), упаковка лекарства «Пульснорма», две авторучки, одна с золотым пером, а также 2 (два) рубля 15 копеек. Задержанный одет — синий шерстяной костюм в полоску, белая рубашка, полосатый шелковый красно-синий галстук, черные туфли, круглые золотого цвета запонки (две). При наружном осмотре обнаружены синяки, ушибы, ссадины...»

Естественно, что повреждений на теле министра офицер соб-

СРОВАННЫЕ

ственными глазами не видел, доверился фельдшернице — это часть ее работы, а старший по смене вполне доверял медицинскому работнику. Тем более что все сведения подтверждали беспристрастные свидетели. В документе были записаны имена понятых и их домашние адреса. Свидетели, конечно, тоже не рассматривали голенького министра — оценили только общий вид, но почему бы им не верить специалисту в белом

халате? Они расписались, потому что с доверием относятся к строгой процедуре и никогда не проверяют написанное специалистами, в том числе самим начальником, а тот в этот раз был особенно серьезен. Когда утихомирились и заснули все пьяные, а новых не поступало, в первую же свободную минуту потрясенный офицер совершил все полагающиеся формальности, чтобы не оставлять канцелярскую работу на утро. Он

Рисунки ВИТАЛИЯ ПЕСКОВА

ПОПОТЕНЦЕМ

протрезвевшего

Анатомия быта

заполнил пустые места в бланке — вырезатель обращался к начальнику районного отделения милиции со стандартным сообщением о том, что такого-то числа был доставлен в вырезатель гр. N.N.N. Позже гражданину N.N.N. было послано два «Предупреждения», одно — по домашнему адресу, другое — на адрес Совета Министров СССР: такого-то числа «Вы доставлялись в пьяном виде в медвырезатель. Задолженность за услуги медвырезателя в сумме 15 рублей по счету Вами не уплачена. Повторно предлагаем Вам уплатить задолженность непосредственно в вырезатель или в любую сберкасу на т/счет в Госбанке. В случае неуплаты задолженности взыскание будет обращено на Ваше имущество в судебном порядке».

46

Что тут началось! Звонок усомнившегося в информации помощника Председателя Совета Министров СССР предвещал тревогу, хотя в его голосе был слышен, пожалуй, не только гнев — угадывалось и сдерживаемое обычное грешное любопытство... Интеллигентным баритоном разговаривал по телефону с высоким московским милицейским начальством и обиженный недостойной мелкой клеветой сам министр, он просил разобраться, заранее великодушно прощая виновных, потому что понимает, какая у них неблагодарная работа и как, наверное, вообще много ее у милиции. Ему, конечно, было намекнули, что лучшим опровержением стала бы очная ставка, но министр не отозвался, пропустил унижающее его достоинство предложение мимо ушей, и тогда сочли, что действительно это недостойно и оскорбительно для государственного деятеля — наносить визит в пропахший грешными плебейскими телами вырезатель, чтобы явить для

сверки свое лицо — как обыкновенному склочнику из разряда тех простоватых людей, которые вечно ищут правды...

Потом звонили важные люди из дома на Старой площади.

Милиции сделали серьезное замечание, словно бы она недосмотрела, что какой-то пьяница позволил доставить себя в вырезатель не только с документами министра, но и подобрал шерстяной костюм точно такого же цвета, как у министра, и точно такой же шелковый галстук. И даже надел сходные запонки. А старательный молодой офицер получил строгое предупреждение.

...Когда появился вырезатель? Когда возникло само слово? Знаток русского языка Владимир Даль не знал его. Оно, такое понятное и естественное, какими обычно не бывают придуманные слова, впервые появилось в толковых словарях спустя сто лет после смерти составителя полнейшего словаря «живого великорусского языка». А потом — сначала в жизни, потом в справочниках — в других советских языках, даже в грузинском, хотя в Тбилиси долго гордились, что пьют там побольше, но в специальной заведении не нуждаются.

Старые люди рассказывают о сенсации 1928 или 1929 года: появилось сообщение о том, что в городах намечено открыть пункты вспоможения алкоголикам. Чтобы очистить от них тротуары и чтобы помочь им самим. Больше всего публику занимало то, что пьяным людям будут оказывать почтение и помощь в гигиене. Их уложат спать, а перед этим хорошенько вымоют. Не только руки и лицо — искупают в ванне, промокнут простышкой. Тогда публике мытье в ванне казалось верхом комфорта, публика привыкла всей

семьей раз в неделю ходить за чистотой в баню, стоять там, не жалуясь на судьбу, в очереди, а потом пить всем вместе дома чай или — только мужчинам — поднести стопочку водки. В семье снимали с постелей пролежавшее неделю белье и постилали свежее, чисто выстиранное, высушенное на ветру и потому ароматное. В каждой семье было по празднику в неделю — в тот день, который назначит глава семьи. Было забавно, что в жизни самых последних, павших на землю пьяниц будет лишним праздник и что их теперь будут умывать лежа. Правда, это удовольствие им будет стоить дороговато. Кажется, определили цену в рубль. И все это будет называться «вытрезвитель». С тех далеких времен наивная непьющая публика полагает, что в вытрезвителях пьяниц купают в ванне, трут им спинку, а потом промокают ее беленькой простынкой. Что там быстренько стирают и сушат вымаранную от лежания на сырой земле одежду.

Должен признаться, что, впервые получив разрешение от начальника городской милиции познакомиться с жизнью медицинского вытрезвителя, я первым делом спросил, где же ванное отделение. Помню насмешливые взгляды моих собеседников, под халатами которых топорщились погоны. Мне показали грязную, с отбитой эмалью огромную ванну, стоявшую на проходе в коридоре, и выжидательно посмотрели на меня. Потом же рассказали, что даже некоторые пьяницы-новички, попав сюда и разоблачившись, ожидают, что им предложат сейчас тепленькую ванну. А некоторые, ежась от озноба, наоборот, боятся, что их сразу поставят под холодный душ, чтобы протрезвить скорее. Что касается стоящей в коридоре ванны, она действи-

тельно пугает новичков или рождает напрасные надежды, но пользует ее только уборщица: она стирает в ней половые тряпки и держит тут швабры.

Человек почти не пьющий, в вытрезвитель я попал по заданию редакции газеты «Вечерняя Москва», где в ту пору работал. Было это более тридцати лет назад... В Москве тогда еще встречались дворники, по требованию милиции они дежурили возле своих владений и по первому слову присоединялись к свите, направляющейся в вытрезвитель для сопровождения покуда еще неизвестного лица.

Двое молодцов ловко, одним рывком, укладывали бормочущие колоды на принесенную из какого-то сада скамейку с углублением для спокойного сидения. Эта парковая мебель, оказывается, еще лучше подходит для устойчивого лежания: для того, чтобы укладывать пьяных — они с нее не скатываются. Знающие толк в тайнах мужской одежды натренированные молодцы только на минутку наклонялись над доставленным божьим созданием. В один момент, как в танце, расходились по сторонам и — лежащее человекоподобное существо оказывалось совершенно голеньким. Слово бы разобрали игрушку-матрешку, внутри которой была еще одна, но только не совсем такая, как наружная.

В этот миг в бессловесном существовании воскресал человек — первой пробуждалась его стыдливость. Как бы пьян человек ни был, этакое унижение своего достоинства он перенести не мог. Он схватывался, поднимался и озирался по сторонам. Корчился еще больше, видя женщину.

Среди милиционеров находилась и дама. Не в парадном халате — то была фельдшерница в сво-

ей обычной профессиональной форме, не очень чистой, потому что вытрезвитель не операционная. Фельдшерица знала свое дело и не очень суежилась перед человеком из газеты. Она была настроена даже иронично — по отношению к гостю, к себе самой и своим «больным».

После раздевания наступал черед действовать фельдшерице. Перед ней распрямляли обнаженного гостя, чтобы она хорошенько рассмотрела его всего. Двое одетых мужчин держали третьего, раздетого, находившегося у них во власти, и фельдшерица не спеша, насмешливо и пристально разглядывая все места у него, делала полный круг. Потом возвращалась за свой стол и что-то записывала в «Акт №... об административном задержании».

Позже я прочитал ее заметки. Всюду она писала одно и то же: «При наружном осмотре обнаружены синяки, ушибы, ссадины». Мне показалось, что некоторые исправные мужчины не имели на своих телах следов драк и падений — были чисты, как мраморный Аполлон, хотя и не были сложены так безукоризненно. Я робко сказал о своих наблюдениях. Фельдшерица посмотрела на меня еще насмешливой и спросила: «А вам не все равно? Не я же рисовала им синяки!» После этого я стал смотреть пристальнее, но, не желая обидеть медика, осторожно, краем глаза и все равно не видел синяков, ушибов и ссадин, а фельдшерица находила их на каждом предъявленном ей обнаженном теле и продолжала свои открытия записывать в строгий милицкий документ.

Мы подружились только на другой день, с ней первой, и она стала говорить откровенно: да, она лжет, но от этого никому вреда не будет:

«Вы не знаете, какими вредными будут завтра эти скоты. Проснутся и начнут жаловаться — дескать, их били здесь, отняли деньги. От них не убудет, их здоровью не повредит, если я присочиню им только на бумаге лишнее легкое повреждение. Кто проверит? Пока будут расследовать, синяки и ссадины заживут. Знаете, как быстро на пьяницах все заживает? Дай Бог это свойство трезвым! А если я, не дай Бог, пропущу маленькую царапину и не запишу ее, наших ребят затаскают. Вы не видите, что за работа у них? Вечно иметь дело с отребьем человечества!»

Потом я сошелся и с «ребятами». На третьей встрече они сбросили халаты, никогда они их, оказывается, не надевали, и вообще в них трудно бороться со скандалящими алкоголиками. Некоторые пьянчуги так сильны и увертливы! Иногда неожиданно схватят, и ходи потом с вывихнутым большим пальцем или перебитым носом. Даже родным они стараются не говорить, что работают в вытрезвителе — засмеют: в милиции, да и только. И от запаха водочного перегара освободиться не могут — навечно засел в легких.

Вскоре «ребята» свыклись со мной и даже открыли свои профессиональные секреты. Были потайные, но совершенно безобидные на вид термины. Например, «тройчатка» — популярное в те времена средство от головной боли.

Как-то, измученный борьбой с голым и потому скользким клиентом, который не желал идти в палату и с силой неприрученного буйвола отбрасывал от себя служителей, дюжий парень в милицмейской форме вскричал: «Тройчатку!» Красивая фельдшерица не изменила выражения своего насмешливого лица, только кивнула — легонько, разрешительно, но

в аптечку не полезла. Двое, которые ведали раздеванием «матрешки», подошли к плечам скандалящего богатыря сзади — один стал справа, второй — слева, а дюжий, самый главный, который руководил всей операцией и потом будет доставать из карманов оставленной одежды их содержимое, стал лицом ко всем трим.

Действовать они начали в одну секунду. Один схватил левую руку и со всей силой заломил ее за спину, второй сделал то же самое с правой рукой, а командир с ожесточением набросился на голову; нагнул ее, помогая всем своим крупным телом, — послышался хруст.

Лицо улыбочивой фельдшерницы не утратило женского обаяния. Хруста она не испугалась, потому что знала анатомию человека с физиологией, и проводила ироничным взглядом поверженного взбесившегося зверя. Он обмяк, застонал по-мальчишески и послушно позволил уволочь себя в палату, где стояли железные кровати. За клубком крепко соединившихся мужчин следом прошла в палату женщина в не очень чистом медицинском халате, которая и разрешила выдать лекарство. Одна ее рука была свободна, в другой она незаметно держала большой шприц с длинной иглой. Она немножко постояла, пока «операция» победно заканчивалась: буйвола положили на живот, одним полотенцем связали его ставшие покорными руки, другим ловким узлом соединили его ноги со спинкой кровати. Уткнувшись носом в маленькую детскую подушку, он снова начал протестовать — биться соединенными ногами, насколько это позволял короткий поводок. Дождавшаяся своей очереди терпеливая, спокойная фельдшерница беспрепятственно и не без удовольствия воткнула

иглу в могучую плененную руку, и очень скоро ноги стали колотиться все реже: пьяный засыпал. Вскоре он совсем затих.

Как и все в этой большой комнате, голый мужчина лежал на матраце, покрытом детской клеенкой. Это была не пустая предосторожность. Пожилая женщина с простым лицом, одетая в давно не стиранный белый халат, стыдясь поведения мужчин, смущенно объяснила:

— А без клеенки они заставят вечно стирать. Так ведь мочатся же. Как грудные дети...

Не знаю должности этой женщины, но она выполняла здесь роль смотрительницы, привыкла к первобытному виду своих подопечных и, чем могла, облегчала их жизнь.

Они находились в разной стадии опьянения. Только что прибывшие бушевали, смирительный укол действовал на них по-разному. Состоявшие из мощных мускулов поверженные геркулесы по большей части сникали быстро, спали в младенческом искреннем забытьи. Крупная голова едва умещалась на маленькой подушечке, и лицо чем дальше, тем больше приобретало выражение простодушия. А хлипкие создания, состоящие из мослов и сухожилий, обтянутых кожей, боролись с искусственно навязываемым сном мужественно и долго.

Здесьние завсегда да по большей части были худы, выглядели некормленными, но запас сил у них был велик. Местные власти, хотя имели полное представление о свойствах алкоголиков, вечно в них ошибались. Легко раздев их, лежащих на садовой скамейке, а раздевать их было исключительно просто, потому что любая одежда была им велика и чуть ли не спадала с тощих телес, милиционеры-приемщики стремились

к тому, чтобы они в дальнейшем обслуживали себя сами. Поэтому не трудились провожать их в палату с детской клеенкой — приказывали идти туда добровольно. И раздетые люди покорно шли, потому что, побывав здесь не один раз, знали дорогу. А потом вдруг устраивали бунт. Они объявляли тихой смотрительнице, что они вовсе не пьяны и в состоянии добраться домой без посторонней помощи. Тоже знающая психологию алкоголика и неоспоримость его взглядов смотрительница, продолжая играть роль добрейшей няни в детском саду, согласно кивала человеку, который на глазах наполнялся опасными мыслями сопротивления, и коварно поддерживала его, снимая со спинки железной кровати длинное вафельное полотенце:

— Поди, милоч, поди и отдай им это. А потом и уйдешь...

При всей здешней экономии, например, на простынях, в вытрезвителе не скупилась на вафельные полотенца. Однако были они слишком длинные. Их вполне можно было разрезать пополам, сделав из одного два, но эти милицейские полотенца свисали со спинок железных кроватей вовсе не в ожидании, когда с их помощью понадобится утереть мокрое лицо или руки. И вообще — вопреки народному представлению о здешних способах вытрезвления — что-то ни разу не удалось видеть тут, чтобы кто-нибудь подходил к водопроводному крану и начинал умываться. В милицейском медицинском заведении крепкое и длинное вафельное полотенце служило оружием.

...Опытный тощенький здешний завсегда снов ловился на профессиональный прием, который он знал, на котором уже, наверное, когда-то пострадал, но вера в доброту сильнее памяти. Он шел бо-

сой и голый в приемную, где сидит фельдшер и стоят, тяжело трудятся три бойца-привратника, доверчиво протягивал ближайшему к нему полотенце, и тот принимал предложение. Немедленно подходили еще два милиционера. Они усмехались, потому что это было очень смешно: человек сам просил, чтобы его усмирили. Не нужно было бригады из трех крепких мужчин в форме, чтобы связать руки голому щедедушному существу, и они это проделывали легко и не тратя сил. После этого усмиренного человека с обеими кистями позади, на поясице, кто-нибудь один вел назад к опустевшей койке, и он свирепел, как маленькая оскорбленная собачонка, становящаяся от унижения волком. Все знали, что должно последовать потом. И прежде всего фельдшерница: она начинала набирать в шприц прозрачной жидкости и шла с длинной иглой в палату. Много лет спустя препарат апоморфин был признан не совсем безвредным для здоровья даже алкоголиков, его запретили применять, а потом кадровые служащие вытрезвителей старались убедить посторонних, что вообще не припомнят, какое вещество вкатывали прежде в непокорные пьяные руки...

В вытрезвитель на Зацепе, поблизости от Павелецкого вокзала, свозили пьяных людей обоюга пола. Там были просторные палаты, уставленные железными койками с клееночкой — для мужчин и одна специально для дам. Женскую половину отделяла надежная перегородка из стальных прутьев — таких же, как клетка леопарда в зоопарке. Эта предосторожность была отнюдь не лишней.

Разнополый вытрезвитель жил общей жизнью. Попутные грузовики, милицейские мотоциклы и легковые автомобили, даже поли-

МЕНЯ, КОЛЯ, ОЧЕНЬ БЕСПОКОИТ
ОБСТАНОВКА В ГОРОДЕ АГДАМ

важные машины то и дело прибывали сюда с живым грузом, но не по графику, как привозят хлеб в магазины, а всегда неожиданно.

Со всех привокзальных улиц и площадей всевозможный транспорт доставлял найденных людей, потерявших способность говорить и передвигаться. Доставленных дам, не держащихся на ногах, обслуживали вне очереди. Не только из традиционного уважения к женщине. По большей части они были невыносимо крикливы и постыдно ругались. Одна-единственная, патлатая, с вздыбившимися волосами, вывалянная в грязи, визгливая женщина могла поднять на ноги даже беспробудно спящих алкоголиков, и тогда вытрезвитель оживет, загудит, заколготится, как базарная толпа. Необходимо было немедленно заняться ее особой. Щадя женскую стыдливость, ее обслуживали за перегородкой и туда не смели, впрочем,

и не хотели заходить милиционеры-мужчины. Для этого случая на Зацепе постоянно дежурили милиционерши, которые, судя по результатам, разоблачали своих матрешек в юбках не менее проворно, чем их коллеги-мужчины — матрешек в брюках. Доставленных дам из того же почтения к прекрасному полу не демонстрировали обнаженными фельдшеру публично, женщина в белом сама заходила за перегородку, быстро выскакивала оттуда без всяких следов интереса на лице и принималась перечислять в приходном акте неизбывные синяки, ссадины, ушибы. Здесь это делалось еще тщательнее, потому что готовились к неперемнной завтрашней атаке мстительных проспавшихся существ, которые крикливо обвинят вытрезвитель во всех возможных тут грехах: пленили напрасно, увезли как стеклышко трезвых, избили и вдобавок обобрали... По-

метка вчерашней фельдшерицы станет утром убедительным доказательством, что по меньшей мере одно обвинение напрасно.

Из женского закутка пьяниц выводили в казенных халатах единственного пестренького цвета — красненький с голубой каемочкой. Они все были здесь огромного размера. Такая предусмотрительность избавляла от лишних хлопот: подходили и похожим на маленьких беспутных мальчиков-травести, и расплывшим богатыршам. Ведомые в палату, миниатюрные пьянчужки путались в полах, придерживали подолы, иногда падали, и это радовало пробудившихся от женского визга жизнелюбивых, чувственных алкоголиков.

Мужчины-пьяницы пользовались большей свободой. Если их не привязывали и уже, немного проспавшихся, освобождали от вафельного полотенца, они могли передвигаться по палате, хотя это не поощрялось. Желая взглянуть на прибывшую женщину хоть глазком, просились в туалет. Посмотреть можно было, но приблизиться к ней — никогда: мешала прозрачная стенка из железных прутьев. Клетка стояла на виду, чтобы обеспечивать в ней порядок экономным способом — без лишних надсмотрщиков. В каком бы женщины ни находились забыты, они постоянно чувствовали себя представительницами пола, который интересует мужчин, и вели себя или кокетливо, или надменно. Одни, едва пробудившись, занимались своей прической — естественно, без расчески, потому что она осталась на хранении в деревянной ячейке вместе с другой собственностью, которая временно реквизировалась. Другие будто бы непроизвольно занимали привлекательные позы. Если они становились особенно нескромными, милиционерши подходили совсем

близко и говорили негромким голосом нечто такое, что действовало мгновенно. (Интересно, что в женском железноклеточном отделе не видно было вафельных полотенец. Уже из этого можно было заключить, что полотенца здесь служат отнюдь не в гигиенических целях...) И сразу становились деятельными. Поскольку зеркала здесь не было, они раскрашивали себя на память. Видя себя мысленно, наносили на лице даже мелкие художественные штрихи, легонькими пошлепываниями снимали утреннюю вялость кожи, проверяли губы на улыбку и уходили стремительно, не теряя ни мгновения. Через минуту никто на улице не смог бы догадаться, каким образом и где провела ночь эта суровая, неплохо одетая женщина.

Ранним утром, когда на улицы еще не вышли даже дворники, в вытрезвителе начиналась новая жизнь. Первыми просыпались, естественно, женщины, привыкшие за все века существования человечества приниматься за дело раньше мужчин. И уже при раздаче отобранных накануне ридикюлей, хозяйственных сумок и другого личного имущества многое оказывалось неожиданным. В пропущенные с вечера графы акта о задержании следовало вписать некоторые сведения, если при водворении их нельзя было извлечь из документов. Администраторы как будто бы из пустого любопытства выясняли, кем в министерстве или магазине работает освобождаемая из заточения дама, у которой среди личного багажа находился пропуск или служебное удостоверение. Вчера такая безразличная ко всему происходящему, она вспыхивала от нескромного интереса к своей особе. Она понимала, что кроется за этим вниманием. Самые мудрые немедленно пускали слезу, стараясь

разжалобить мужчину, но здешние мужчины часто видели утренние слезы и знали им цену: вчера такие бедовые, клиентки сегодня боялись письма, которое вырезвитель отправит на работу. В нем будет сообщение о прошедшей ночи. Особенно пугались вопроса учительницы, секретарши, главные специалисты (в министерствах не было обычных или младших специалистов — все непременно главные). Но оставалась совершенно безучастной к вопросам продавщица. Та поднимала равнодушный взор и отвечала вопросом же:

— Понравилась, что ли? Приходи, соленых огурчиков без очереди дам.

Из продавщиц в вырезвитель чаще всего попадали работницы овощных магазинов, меньше — продовольственных, еще реже — промтоварных, а ювелирных — никогда. Освобожденные торговки, принимая свою одежду и сумочку, немедленно принимались проверять, не украдено ли из них что-нибудь. Другие прощались долго, виновато просили извинения, робко спрашивали, нельзя ли обойтись без письма в министерство или школу, на завод или в Союз писателей, просили прощения и признавались, например, в том, что несколько лет значатся в списках на получение квартиры, очередь уже подходит и если... Не знающие всего набора возможных наказаний, глупенькие новички только и интересовались, во сколько обойдется им ночное приключение. Милиционеры отвечали нравоучительно:

— В три вечеринки. Меньше будете пить.

Утренние разговоры проходили галантно, даже с явными проститутками-алкоголичками, — со всеми на «вы».

Достойнее всех вели себя про-

ститутки. Они не сердились, отвечали без раздражения и не глядели умоляюще на милицию. Им до фени были грозные сообщения на казенных бланках — можно было не спрашивать их о том, где они трудятся, поскольку ясно, чем занимаются, и все они отвечали без гордости, но уклончиво:

— Временно не работаю. На изживлении сестры.

Грязные, измученные проститутки, однако, не раздражают. Хлопоты доставят потом, наоборот, женщины, исправно одетые и самые благополучные. Они будут отказываться, что побывали здесь! Без грамматических ошибок напишут решительный протест, станут сочинять истории, что они именно в этот вечер были в гостях, и назовут почтенных свидетелей, которые могут подтвердить, что все это злостная клевета или по меньшей мере досадное недоразумение.

Работники вырезвителей с улыбкой вспоминают встречи с некоторыми известными артистами, ну, очень известными. До того случая видели их только в кино и только друзьям покажут на каменную, холодную для босых ног площадку перед стойкой: вот, дескать, где он «выступал» — здесь, перед этой стойкой. Его тогда подзадоривали: «А покажи, как потешно ты гнался в фильме за...» И хмельной артист делался на глазах серьезным и точь-в-точь повторял сцену из кино.

Все смеялись...

Бывало не раз, что знаменитость узнавали слишком поздно. Тогда спешно возвращали ему одежду, милиционеры кидались его одевать, и всегда становилось очень весело, потому что милиционеры ловко умеют раздевать, но путаются, когда что-нибудь надо застегнуть. Любимца публики то-

гда провожали вместе, бережно подсаживали в первую подвернувшуюся свободную машину, с почестями отвозили домой, как бы далеко он ни жил, и потом восхищенно рассказывали про жену, какой сердитой она появилась на пороге, а потом обрадовалась, благодарила. Самыми знаменитыми у милиционеров из вырезвителей считаются, конечно, футболисты, но они попадают редко, потом идут киноартисты, депутаты, писатели, особенно почему-то (!) из числа юмористов...

Вырезвители кончают свое существование — их передают Министерству здравоохранения, они будут теперь называться иначе, неизвестным словом, которое предстоит освоить, — «центры интоксикации». А лет через десять забудут само слово «вырезвитель», фальшивое по сути, но естественное по звучанию. У наследника, которого нарекли именем, составленным из иностранных, научно звучащих слов, — в центрах интоксикации, порядки, наверное, тоже изменятся. В последние месяцы существования вырезвителей, пропахших пьяной отрыжкой, воздух уже изменился. Свежим он, естественно, не стал, но потянуло шибящей в нос дезинфекцией — то ли хлоркой, то ли карболкой. Но что касается отношения к временному, вечно меняющемуся, однако в большой степени все-таки постоянному контингенту, то сделан и галантный комплимент модным требованиям уважения личности, хотя она и пьяная. Хозяева заведения явно слышали разговоры о правах человека, в том числе нетрезвого, но смешались, не знают, следует ли в почтении к нему снимать форменную фуражку, поскольку личность, которую надлежит почитать, доставлена сюда недобровольно, в го-

ризонтальном состоянии. Однако не избежать того, что белые халаты перестанут быть здесь запасной карнавальной одеждой на случай встречи гостей.

Сейчас уже не увидать совершенно раздетых, потерявшихся в городе пьяных существ: теперь считается совершенно недопустимым сдирать с человека трусы, даже если он находится в полной прострации.

По-прежнему три милиционера принимают доставленного сюда пьяного человека, но ему могут отказать в принудительном ночлеге. Сперва на него взглянет фельдшерика, посмотрит на него пристально — так ли безнадежен. Многим веселым, но неопасным для прохожих людям разрешается уйти. И они, обрадованные, уходят очень охотно, трезвея на глазах. А того, кому суждено провести полсутки здесь, раздевают по-прежнему двое, снимают всю одежду, кроме последней детали. Иногда это не трусы — старомодные кальсоны. Еще реже случается, что на человеке исподников вообще нет: на последних пропойцах, у которых вообще не имеется ни единого предмета, без которого можно обойтись.

Либерализм и уважение к правам личности дошли до того, что пьяницам с крайне бедным гардеробом разрешается возлечь на казенную постель в брюках.

О каждом лежащем в ожидании протрезвления субъекте известно довольно много. Кое о чем можно судить даже по внешнему виду. Можно не смотреть документы, а только взглянуть на трусики, чтобы сказать, кто из молодых, счастливо спящих ранним вечером ночлежников работает в СП или МП — совместных предприятиях или малых. В протоколе это подтвердится. Теперь составляет не Акт — его заменил «Прото-

кол об административном задержании», в котором правовые нормы соблюдаются очень строго. В печатном бланке оставлено место для указания должности и фамилии составителя, дня и часа задержания, статьи и пункта нарушенного нормативного акта. И для фамилий понятых, перечисления снятых принадлежностей одежды и содержимого карманов и сумок.

Как непохоже их содержимое на то, что доставала милиция из чужой одежды в прежние времена!

Раньше каждый день в вырезывателях, потроша самых безнадежных алкоголиков, у кого-нибудь непременно находили в выпирающем кармане граненый стакан. И ни копейки, ни крошки еды. Этот стойкий предмет, который трудно разбить, был у безденежного, но предприимчивого человека с собой всегда, потому что служил надежным средством делать жизнь

вечно праздничной.

Человек со стаканом в кармане был наблюдателен и по малейшим признакам верно угадывал на улице человека, страдающего от того, что бутылка у него есть, а наливать из нее некуда. И тут спасителем спускался с неба он — тощий человек с оттопыренным карманом. Улыбающийся, он предъявлял свое сокровище, и даже самый охочий до водки, скаредный человек делил бутылку на троих так, чтобы достался глоток четвертому. Один глоток, другой и еще несколько глотков, и человек со стаканом мелким продвижением достигал цели, которую он поставил с того времени, как встретил новый день. В конце дня его, довольного и мирно настроенного, привозили туда, куда доставляли часто и где он никого не боялся.

В январе 1992 года вырезывате-

ли вдруг вообще опустели — на целых две недели: с пьющими людьми случился шок — ну, не могли они перенести резкого повышения цен на алкоголь, парфюмерию и на все другое. После признавались, что, замерев от тоски, вообще ожидали конца света. Но потом взяли себя в руки, повеселели и стали как-то приспосабливаться.

Благодаря послаблению появилась возможность легко продавать краденое. Каждый пустяк, встреченный на пути, стал вещью в цене. Например, электролампочка. Можно было вывинтить ее где-нибудь в чужом коридоре и выгоднее немедленно сбыть возле первой же станции метро. Надо только стать в ряд с другими продавцами и сделать вид, что ты организовал дома фабрику по производству светильников. Делают же вид спекулирующие пенсионерки, что они выпускают американские сигареты или выращивают в огороде бананы! Можно украсть в каком-нибудь лифте зеркало, в столовой — тарелку, в учреждении — моточек липкого скотча. И стать с серьезным видом в торговый ряд, продать, тут же купить бутылку, немедленно распить ее самому или объединиться с другим продавцом, который купит у тетки ее банан на закуску.

Есть подозрение, что многие алкоголики так увлеклись рынком, что неожиданно для себя стали вольными удачливыми коммерсантами. Теперь милиция часто привозит перепачканных забулдыг в прекрасной новой одежде. Находит в карманах, чтобы добросовестно перечислить их в протоколе, накладные, счета, банковские поручения. И невиданно крупные для этого заведения суммы денег. В вытрезвителе в Посланниковом переулке у заснувшего на лавке совсем молодого клиента нашли

630 000 рублей. Не краденых: он работает в палатке, где круглые сутки продается вино в красивых иностранных бутылках. Видать, он его хорошенько распробовал и свалился прямо у выхода из родного магазина. И вообще клиенты вытрезвителей стали иногда поражать хозяев своей изысканной одеждой. Даже интимной, не предназначенной для публичной демонстрации. Разоблаченные миллицейской рукой дамы оказываются вдруг в грации, заменяющей трусики и бюстгальтер, в «спальных» трусиках с мелкими завлекательными открытыми экранчиками, в хитро скроенном бюстгальтере, который хоть и без бретелек, но грудь держит высоко. И в лосинах, в которых щеголяли в пушкинскую пору одни офицеры, например, партизан Денис Давыдов. Стали попадать в протокол вещи раньше вовсе невиданные и неслыханные: газовые пистолеты, баллончики, которые вызывают слезы и даже долгий паралич, обманчиво невинные железяки, которые при нажатии свирепо выбрасывают из себя острое лезвие. И даже гранаты, как будто бы человек шел не на работу, не в гости, а на войну. Протоколы в наше прогрессивное время тоже переменялись. Там стали писать честно: «При наружном осмотре телесных повреждений не обнаружено». Не от того ли, что телеса пошли в вытрезвителе разные? Не только измученные от постоянного употребления спиртного, но еще и холерные, принадлежащие зажиточным людям, которые обычно не дебоширят, ведут себя по большей части степенно. Протрезвев, такой важный человек — а это может быть сам президент, президент совместного предприятия или хозяин фирмы, выучивший английский язык, — строго спросит: дескать, откуда вы это, господа, взя-

ли у меня синяки и ссадины? Может быть, вы думаете, господа, что я боксер или разнорабочий на стройке? Интересно, что чаще стали попадаться пьяные мужички с украшениями на пальцах и в ушах, и всегда милиционеры и понятые обсуждают проблему, снять ли с него для пущей сохранности сережку из ушка. Вдруг там, в палате, кто-то снимет ее со спящего?

Во главе принимающей бригады теперь ставят непременно хорошо проверенного на честность офицера. Он сам возглавляет описание найденного в карманах и портфелях, когда потерявшему разум хозяину имущества вовсе не до своего богатства. Прекрасно знающий арифметику офицер самым точным счетом считает не ему принадлежащие деньги и, прежде чем что-либо записать, взглядом опытного продавца или даже ювелира разглядывает часы и колечки, крестики и сережки, чтобы правильно отразить в протоколе все драгоценное. И фельдшерницы не могут допустить и мысли, чтобы опьяневшему человеку делали какой-нибудь успокоительный укол, тем более подозрительного апоморфина, если его действие не проверили предварительными анализами.

Офицеры, хотя имеют не медицинское, а юридическое образование, тоже считают, что милиция для собственного облегчения вообще не имеет никакого права давать человеку даже простой валерьянки.

И вот недавно уложили человека на койку — пусть себе отдыхает до утра. А к утру он умер, потому что пил, оказывается, не водку, а что-то химическое. В Министерстве внутренних дел говорят откровенно: умирают люди в вытрезвителях не так уж редко... А медицинской помощи им никто оказать

не может. Потому что милиция наша «лечит» нас так же, как писатели «инженерят», — образно, символически.

В упоминавшемся вытрезвителе, что в Посланниковом переулке, вывешены такие не лишние сведения. Самый пьяный день — это, конечно, пятница. Вообще не суббота или воскресенье, как могут подумать непросвещенные люди, которые полагают, что честной народ пьет в свободное от работы время.

Второй пьяный на неделе день — вторник. Третий — среда.

А какое время самое пьяное? С семи вечера до полуночи в вытрезвитель доставляется пьяного народа втрое больше, чем с четырех часов дня до семи вечера. И в пять раз больше, чем с полудня до четырех часов дня. С полночи до полудня — в двадцать пять раз меньше, чем в «час пик». А с чего начинаются маршруты, которые заканчиваются в вытрезвителе? В Москве главным образом с метро! Трамвай, троллейбус, автобус все вместе перевозят пассажиров больше, чем теплый и светлый подземный транспорт, а он, вечно такой праздничный, поставляет вытрезвителю клиентов больше, чем весь наземный и сама земля, то бишь тротуар. В тринадцать раз!

Чуть ли не половина доставленных в московские вытрезвители пьяных людей — гости! Проезжая мимо Москвы или делая в ней пересадку, пассажиры соблазняются особым вкусом столичного алкоголя и застревают на ночку: полежали на московском асфальте, познакомились со столичными «санитарами». Если у них даже плохая память, они, возможно, запомнят экскурсию на всю жизнь...

В московских вытрезвителях те

же проблемы, что и в обычных гостиницах: в них иногда не хватает мест. Коек около пятисот, но, как это ни удивительно, ночлежников они иногда принимают гораздо больше. Не следует думать, что на одну койку здесь укладывают двух пьяниц вместе. Боже упаси от такого нарушения приличий! В вытрезвителе действуют по поговорке: спи скорей — нужна подушка... Приходится расталкивать сладко спящего на дефицитной кровати человека и предлагать: а не пойти ли тебе досыпать домой? Сразу видно человека, который созрел. И его отпускают, но не забудут оформить все необходимые здесь документы. Хоть спал человек на кровати с детской непромокаемой клеенкой всего пару часов и ничего не увлажнил, с него спросят штраф по полному тарифу.

В каждом вытрезвителе очень много расходов канцелярских. Кроме палат с койками, приемного отделения со стойкой, зала с наглядной агитацией и кабинета начальницы, имеется канцелярия, в которой, как всюду, где трудятся чиновники, с утра до вечера пишут и считают. Кроме строгих документов, о которых речь уже шла и которые преследуют воспитательные цели, здесь заполняются бланки «Предупреждения». Вытрезвитель не дает забыть, что «вы доставлялись в пьяном виде» и что «задолженность за услуги вами не уплачена». Но самое главное в заключительных словах: «Повторно предупреждаем вас уплатить задолженность», а «в случае неуплаты задолженности взыскание будет обращено на ваше имущество в судебном порядке».

Это не просто угроза шалуну. Она исполняется. Каждый день после пьяной ночи из канцелярии направляется нотариусу «Исполнительная надпись». Однако не все боятся нотариуса, хотя он изъясня-

ется высоким слогом («настоящая исполнительная надпись совершена такого-то числа и зарегистрирована в реестре за №...»). Половина вечных завсегдатаев вытрезвителя плевать хотела на всю канцелярию вместе с государственным нотариусом.

Во-первых, у нее нет никакого имущества, чтобы что-нибудь с них взыскать. Во-вторых, обслуженная публика вовсе не считает оказанную ей помощь медицинской.

Нотариус в купе с канцелярией терпит поражение раз за разом. В каждом вытрезвителе на видном месте стоит картотека злостных неплательщиков. Чем старше происшествие, тем карточка выглядит более потрепанно. Самые ветхие приходится выбрасывать, хотя дело велось долго и со всей тщательностью. Теперь на пьяниц работает и всезнающий ЗИЦ — Зональный информационный центр. Говорят, что он, следуя американской моде, обзавелся компьютерами последнего поколения и знает о каждом москвиче нечто такое, что тот, может, хотел бы сам забыть. Стоит только набрать телефон этого злопамятного ЗИЦа, как он расскажет человеку (конечно, удостоенному доверия беседовать с ним!) то, чего и жена преданная толком не знает. Ответит, побывал ли интересующий власти москвич в вытрезвителе, а если посетил его, то когда, сколько заплатил за «лечение» и вообще уплатил ли.

ЗИЦ знает все! И помнит обо всем!

Уже в бывшем КГБ открыли некоторые архивы, и про некоторых знаменитых людей стало известно многое, хорошее и плохое. Вдруг и ЗИЦ возьмет да откроет свои тайны? Хотя бы тем, о ком он собирает сведения? Говорят, что о каждом. Но почему милиции,

если она знает телефон ЗИЦа, скажут все, но словечка не сообщат самому «герою» романа?

Ни за что не выдам хорошего человека в милицейской форме, который вообще считает, что не обязательно хранить тайны вырезвителя и помнить про каждого невольного его посетителя. Однажды вечером этот хороший человек, закрыв рукой телефонный диск, чтобы я не подсмотрел, в какие дырки он просовывает палец, набрал какой-то номер, разрешил мне спрашивать, называть фамилии. Может быть, это неблагородно, но я перечислил несколько знаменитых имен — тех, о ком в свое время шли среди публики всякие сплетни. Меня вежливо выслушали, фамилии переспросили и предложили минуточку подождать. И действительно очень быстро сообщили, что названный первым попадал в вырезвитель, но в старые годы. Вполне естественно, он давно уже лежит на Новодевичьем кладбище.

Второй не числился. Значит, про известного композитора говорили неправду, что из Сандуновских бань его отвезли в вырезвитель и он ловил там рыбу на удочку, с которой собрался было на Клязьминское водохранилище.

Пьяные дела третьего из названных потребовали времени: я мог записывать, когда и в каком вырезвителе гостевал задиристый литературный критик, сколько штрафов он платил...

Не странно ли, что общество совершенно не знает о порядках и правилах учреждений, наполненных живыми, но неразумными людьми? Эти заведения действуют на наших улицах и не огорожены колючей проволокой, там больше шестидесяти лет разыгрываются не только водевили с танцами и куплетами, но и трагедии. Через

эти дома прошли, может быть, миллионы не самых осмотрительных граждан, испытали там потрясения, унижения. Но ни песен об этой жизни не сложено, ни стихов.

Даже чего-нибудь попроче — в грубой прозе...

АНДРЕЙ
ВОЗИЯН

ДЕВУШКА С КЛЮШКОЙ

ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕШВИЛИ

Помните, в детстве чуть ли не в каждом дворе была «бой-девчонка», которая наравне с мальчишками гоняла мяч, а зимой — шайбу? И только бабушки вздыхали: мол, не девчачье это дело... И вот женский хоккей включен в программу зимних Олимпийских игр в Нагано в 1998 году...

Совершим исторический экскурс: первая зафиксированная игра между женскими командами состоялась в канадском городе Барри (провинция Онтарио)... в 1892 году (!), за четверть века до создания Национальной хоккейной Лиги. В числе первых поклонников этого вида спорта была леди Стенли, жена лорда Стенли, чье имя носит главный трофей НХЛ. (И в дальнейшем канадские хоккеистки не оставались без внимания первых лиц страны...) Но только чуть более десяти лет назад был поставлен вопрос о проведении мирового первенства. Первый такой турнир, неофициальный чемпионат мира, состоялся в 1987 году. Его победителем стала, конечно, команда Канады. Остальные участники представляли США, Швецию, Швейцарию, Японию и Голландию. В 1989 году в Дюссельдорфе и Ратингене (Германия) прошли игры первого чемпионата Европы. Через год Международная федерация хоккея (ИИХФ) санкционировала проведение первого официального чемпионата мира в Канаде. Его победителем опять стала сборная Канады, по праву считающаяся сейчас сильнейшей командой в мире. Последующие места в мировой таблице о рангах занимают сборные США, Финляндии и Швеции.

Воодушевленные столь удачным развитием событий, энтузиасты женского хоккея в ИИХФ под-

няли вопрос о включении его в программу зимних Олимпийских игр. Июль 1992 года стал моментом триумфа: Международный олимпийский комитет на своем конгрессе в Барселоне признал женский хоккей олимпийским видом спорта. И дебютировать девушки с хоккейными клюшками могли уже в Лиллехаммере. Но оргкомитет Олимпиады-94 сказал «нет», ссылаясь на то, что проведение еще одного турнира требует увеличить бюджет Игр как минимум на один миллион долларов.

А что же российские «ледовые амазонки»? Они пока еще ходят в учениках. Правда, осваивают премудрости игры, что называется, «с полуслова». Сборная России всего за год успела провести ряд матчей с сильными соперницами, в которых выглядела очень даже неплохо.

А дело в том, что девушки играют вместе уже несколько лет и даже были чемпионками Европы. Удивляет такой факт? Хотя тут нет ничего странного, если учесть, что раньше они играли в мяч: бенди, ринк-бенди, ринк-болл.

Недавно в Москве в Ледовом дворце ЦСКА проходил первый международный турнир, где сборная России уступила финской команде, чемпионкам Европы, со счетом 0:10. Старший тренер российской команды Валентин Егоров хоть и был, естественно, расстроен, но абсолютно «разбитым» не выглядел. Ведь на этом же турнире россиянки мощно переиграли сборную Латвии, выступающую в группе «А» европейского первенства, и девушек Украины, нашего будущего соперника по группе «Б». А это уже вселяет некоторый оптимизм: у нашей команды есть шанс попасть в олимпийский Нагано. Нужно только выиграть как

можно больше турниров и обязательно занять первое место на европейском первенстве в группе «Б» в Дании.

Я спросил у девушек, чем их привлекает хоккей. Ответы — от прозаического: «...всю жизнь в спорте и, пока есть здоровье, куда же денусь!» — до довольно неожиданного: «Это же так красиво!»

Действительно, в женском хоккее есть своя особая прелесть: в игре практически отсутствуют грубые столкновения; и пусть она изобилует техническими огрехами, зато в каждом движении чувствуются плавность и элегантность, свойственные только женщинам. (Правда, финские хоккеистки жаловались, что их канадские коллеги буквально «размазывают» своих соперниц по бортам, перенимая из мужского хоккея жесткие, а подчас и грубые приемы борьбы.)

На московском турнире зрители силовых приемов практически не увидели, но вполне возможно, что они не за горами. По крайней мере одна из лидеров нашей команды на мой вопрос, чем ее привлекает хоккей, не задумываясь ответила:

— Но ведь там можно потолкаться! А я ужас как люблю толкаться, бороться, биться...

Практически во всех интервью, которые журналисты берут у хоккеисток, есть вопрос и о том, как, мол, к их увлечению относятся родственники, друзья, любимые... Ответ в этих случаях звучит стандартный: «Относятся с пониманием».

Не будут же они подробно рассказывать, что большой спорт, а тем более спорт профессиональный, заставляет подчас делать выбор между титулами (а значит, и большими деньгами!), с одной стороны, и личной жизнью —

с другой. Но стоит убрать диктофон и поговорить «за жизнь», как понимаешь, что на льду девушкам значительно проще, чем за пределами хоккейной площадки.

Кстати, о деньгах — это проблема. Если бы женский хоккей был включен в программу Олимпийских игр лет этак пятнадцать — двадцать назад, то уже вышло бы постановление ЦК «О мерах по развитию женского хоккея с шайбой в стране и по обеспечению условий для успешного выступления женской сборной команды на зимних Олимпийских играх». (За точность формулировки не ручаюсь, но смысл именно такой...) И сразу нашлись бы деньги и на содержание пары десятков клубных команд, и на создание спортивных школ, которые рапортовали бы о сотнях, если не тысячах, занимающихся хоккеем, и были бы сформированы сборные команды регионов (вплоть до Туркмении) и национальные сборные страны во всех возможных возрастах. Нынче же в необъятной России всего-то от силы три-четыре команды! (В той же Канаде хоккеисток около сорока тысяч, в Финляндии — 1500. Не правда ли, заметная разница?..)

Решили, например, в этом году провести первенство России среди клубных команд. Поездил Валентин Егоров по стране, поуготоваривал представителей регионов создать хотя бы по одной, по две команды и лишний раз убедился, что ему остается надеяться лишь на энтузиастов.

В итоге, дабы сохранить турнир, посмотреть кандидатов в сборную России, Федерация хоккея решила, что играть будут сборные команды регионов. Их в России пять. Команды прислали... два: Центр и Урал.

Думаю, мы еще неоднократно

произнесем добрые слова в адрес тренеров, которые работали с девушками, когда те играли в мяч. Все-таки титул чемпионов Европы — солидный успех. А костяк нынешней российской сборной, вторюясь еще раз, составляют именно чемпионки Европы. И если за пару лет не удастся решить все организационные проблемы хоккея с шайбой, то начнут уходить нынешние «сборницы», а заменить их будет некому.

Проведем аналогию с женским футболом. Несколько лет назад, когда экономическая ситуация была значительно лучше, этот вид спорта переживал бум. Одна за другой создавались команды, практически у всех были сильные спонсоры, которые сулили золотые горы и радужные перспективы. И вот прошло несколько лет. Клубы один за другим снимаются с первенства России: нет денег...

Теперь возьмите в руки калькулятор и посчитайте. В футбольной команде со всеми основными игроками, запасными, вечными запасными и больными будет два десятка игроков. На игру обычно летает или ездит человек пятнадцать — восемнадцать. И комплект игровой формы стоит около трехсот долларов. В хоккее же мало того, что основной состав команды под два десятка, так еще и полный комплект экипировки обходится не менее тысячи долларов. А теперь помножьте все это на два (что в футболе, что в хоккее приходится иметь как минимум два игровых комплекта, не считая тренировочных), и стоит призадуматься, что делать дальше, как жить.

Хорошо, сейчас в Федерации хоккея России работают люди, ко-

торые понимают эти проблемы и пытаются поддерживать женский хоккей. А, не дай Бог, завтра ситуация изменится.

Что тогда?

Толи лед, распуская команду?..

КРАСНИ

ДЯ СИЛА

Я видела фотографию тринадцатилетнего Саши Невского: подросток с тощей шеей и испуганными глазами. «Профессорский сыночек», которому пролетарская люблинская братва врезала почем зря...

«Поосторожнее с молодым! Никто не знает, что из него вырастет». Неизвестно, кто автор этого афоризма, но у Александра Невского, одного из ведущих российских культуристов и автора спортивной программы для молодежи на Российском телеканале, он в ходу. Похоже, 23-летний атлет берет их девизом своей новой общественной деятельности: недавно Саша назначен советником при министре образования России по вопросам подросткового спорта. Чуть раньше он заявился в родные пенаты из Мюнхена с призом, полученным на конкурсе «Самый мускулистый человек мира». А еще он — выпускник Академии управления.

За четыре года Саша буквально перекроил себя. Он удвоил вес (с 68 до 145 килограммов) и объем бицепсов (с 28 до 56 сантиметров). Понимающий в атлетике человек сможет оценить это.

— У тебя большое внешнее сходство со Шварценеггером...

— Меня больше радовало бы, если б мне удавалось походить на него в более существенных вещах.

У него под опекой, например, дети-инвалиды. Пять-десять процентов от гонораров за фильмы он отчисляет для их поддержки. Вообще я заметил: на Западе в спортивных залах рядом с чемпионами тренируются инвалиды. Это считается хорошим тоном. Мне это нравится. Это человечно — просто руку пожать, мол, давай, у тебя получится. Я тоже хочу «выйти» на детей-инвалидов. Если чья-нибудь мама скажет мне когда-нибудь: «Спасибо, вы поддержали моего сына», — для меня это будет важнее, чем выиграть конкурс.

— А ты уверен, что детям-инвалидам нужен чемпион рядом? Это не будет угнетать: «Мне никогда не быть таким»?..

— Я советовался с врачами. Они говорят: несмотря на увечье, ребенок тянется к движению. У него внутренняя потребность к преодолению, как и у здорового. Ему важно хотя бы чуть-чуть выскочить за грань, какую поставила болезнь...

— А что у тебя на телевидении?

— Сейчас начинается новый цикл передач. Время хорошее — днем. Я сам себя подростком помню и потому стараюсь не сюсюкать: ходи в школу, читай книжки... Тошнит, когда тебе долдонят одно и то же...

— А тебе родители «долдонили»?

— Я любил читать... Но, когда взялся заниматься бодибилдингом, в меня верила только мама. Она терпела все. Я выставил из своей комнаты мебель, превратил ее в спортивный зал. Кое-какие тренажеры сделал сам. Наташил «железа». Я знаю, сколько сейчас все это стоит, и советую ребятам: кто хочет сделать фигуру, денежные затраты свести к минимуму. В любом дворе найдется то, что может пригодиться для занятий. Помню, у нас лифт ремонтировали, и я выпросил у мужиков рельс. Он мне хорошую службу сослужил... Жизнь у меня тогда была веселая. Спал по четыре часа. Папа скептически относился к моим увлечениям. Считал их несерьезными. К тому же я оказался строптивым сыном. Поступать в престижный вуз не стал. Пошел работать: вышибалой в кафе был, посуду мыл... Я сам кормил себя и имел право поступать по-своему. Сам выбрал вуз. Моя специальность — маркетинговые исследования.

— Тебе диплом помогает или зачихнул его подальше?

— Диплом — это, конечно, не все. Я сейчас читаю всю литературу, которую могу достать по специальности. Но на практике кое-какие знания уже довелось применить. К примеру, первый тираж моей видеокассеты будет пять тысяч. Для Москвы этого достаточно. Я с ребятами просчитал.

— Расскажи поподробнее, что за кассета?

— Она называется «Русские мускулы». 60 минут. Это не уроки бодибилдинга, а рассказ о культуре, его традициях, чемпионах. У нас в России таких кассет еще не было. Продаются американские по 40—50 тысяч. Кто из подрост-

ков может купить? Думаю пустить на рынок по цене значительно ниже, а часть совсем дешево отдать по школам. У меня есть мечта: снять большой, красивый фильм о русской силе. В России всегда была тяга к человеку сильному и... доброму. Богатыри, они же всегда слабого защищали. А Поддубный? Добрейший человек был...

— Доброта — это, конечно, здорово. Но культуризм предполагает еще и соревновательность, соперничество. А тут уж иные качества характера потребны.

— Заниматься только тем, что выставлять себя на обозрение, делая улыбку — «чииз» — от уха до уха? На Западе, между прочим, культуризм — отрасль шоу-бизнеса. Конкурсы мужской красоты. Мюнхенский конкурс как раз привлек меня тем, что там надо было еще и силу показывать... Однако и конкурсы женской красоты не всем по нутру.

— У женщины все-таки особые права...

— У мужчины тоже. Начнем с того, что он должен нормально выглядеть. Негласный запрет культуризма у нас к чему привел? Как и всякий запрет, к искажениям и уродствам. По рукам ходила «самиздатовская» «Энциклопедия культуризма» Шварценеггера. Не у всех она была. Ребята тренировались, ели килограммами стероиды, всякую импортную дрянь, гробили себя, потому что толком о культуризме узнать было негде. Сейчас положение, конечно, изменилось, но ненамного. Я в ужас прихожу от книжек по культуризму, которыми наводнены все при вокзальные лотки...

— А кто у нас культуризм все-таки «пробил»?

— Вот именно — «пробил». Юрию Власову стоило больших

усилий создать при Спорткомитете комиссию по атлетической гимнастике — так завуалированно называли культуризм. Когда уже в перестроечные времена Владимир Шубов начал его пропагандировать, никто всерьез не принял. А потом, когда криминогенную стрелку зашкалило, мускулы стали считать атрибутом бандюги.

— Но когда видишь на улице мальчиков, которые держат руки «по-пингвины» — настолько у них мышцы раздуты, — хочется обойти их стороной.

— К сожалению, мафиозные структуры сориентировались быстрее, чем спортивные организации. Спортсменов подбирают теневики, платят большие деньги. Ко мне много раз подкатывались: «Парень, ты будешь просто ходить рядом, и у тебя будет все». Ладно, я холостой, а другим семьи кормить надо. Не думайте, что им хочется быть «мясом»: в случае чего тебя подставляют первым. У меня есть друг. Вот таким образом его и подставили, а потом осудили. У него не было даже адвоката. Я хожу к нему в «Матросскую тишину». С ним страшно что случилось... Вы не поверите, если я скажу, что среди моих друзей есть отличные, умные, честные ребята. Мы, кстати, хотели открыть сеть небольших залов, доступных для мальчишек, ведь тяга к культуризму огромная. Наладить выпуск своего протеина. Но оказалось, что денег у нас на полгода. Нужен стартовый капитал. Надеемся, что заработаем на выпуске кассет. Правда, убедить в том, что сегодня кто-то может быть бескорыстен, кто-то хочет просто сделать что-то хорошее, практически нереально.

— Едва ли это волнует сегодняшнего «качка»...

— Меня воротит от слова «ка-

чок». Когда я снимался в роликах, в рекламе, меня тоже так называли. Я отказывался сниматься у западных продюсеров из-за того, что должен был изображать монстра с мускулатурой; такого, знаете ли, зомби. У меня как-то брала интервью девушка с Российского радио. Мы договорились встретиться в парке. Я взял журналы, газеты, где обо мне писали. Встретились. Отдаю ей. А только дождь прошел. Она берет все это, кладет на мокрую скамейку, садится. Смотрит на меня с сожалением. «Я, — говорит, — обычно материалы с композиторами, поэтами, вообще умными людьми делаю. А бодибилдинг — это так, задание. Между прочим, ты на гориллу похож». «Что поделать, — отвечаю, — не всем же красивыми быть». Мы с ней говорили, и материал она сделала хороший. Но у меня остался неприятный осадок. Впрочем, я уже привык.

— К чему — к бестактным вопросам?

— К тому, что меня спрашивают: а ты в какой «бригаде» состоишь? А сколько у тебя машин? А сколько золота на себя надеть надо, чтобы крутым выглядеть? Самое грустное — об этом спрашивают мальчишки, которые, вы правы, в большинстве озабочены одним: качаться, качаться, чтобы скорее покруче стать. А выходит: быстро можно сесть за решетку.

— А кто виноват, что молодежь нацелена на «крутизну»?

— Скажу честно: и пресса во многом виновата. Она создает романтизированный образ преступника, громилы, который ударом кулака может размозжить череп, но преуспевает в жизни. Я уже сказал: такой путь короток и в конце его решетка. Моду на такую «крутизну» надо ломать. Хотя я знаю, как это трудно. Зайдите в любой

тренировочный зал. В каждом вы увидите здоровых лысых бугаев, обвешанных золотыми цепочками. Это, знаете ли, впечатляюще выглядит. У ребят загораются глаза... Мы договорились с «Фондом правопорядка» о специальной телепередаче, где рассказываем, какие подводные мели ожидают подростков, как избежать опасности стать «качком»-преступником.

— А откуда вообще взялось словечко?

— В семьдесят шестом году по рукам ходил документальный фильм про культуризм «Качай железо». Его сделал Шварценеггер, чтобы разрушить миф о культуристе — дебиле и бандите. А наши доморощенные супермены из этого фильма взяли одно — как «качаться». В маленьких залах, полуподвалах — «качалках» — начались массовые тренировки пацанов. А потом, как вы знаете, «отколотые», «качки», «любера» вышли поразмяться... Культуризм еще раз был скомпрометирован. Образ громилы переключался на экраны. Ребята, конечно, балдели. Между прочим, таким же образом проституцию представили престижной профессией. Как все красиво было подано! А если вернуться к культу силы, то почему-то не замечают, что в Америке, например, герой всегда полицейский. Одиночка-шериф, у которого есть и сила, и мозги. Это позволяет быть ему настоящим суперменом.

— Но ты не станешь отрицать, что если уж говорить об американских фильмах как о «наглядном пособии», то это в основном мордобой и насилие?

— А кто, например, знает, что в мире «акул капитализма» есть муниципальные бесплатные залы для тренировок? У нас таких нет — за все надо платить. У них приходи и тренируйся. Там почему-

то не боятся, что все поголовно обростут мускулами. Кстати, это такой адский труд, что по-настоящему обростают не все. А вот возможность стать нормальным, с хорошо развитой фигурой мужчиной есть у каждого. Я открыл для себя потрясающую вещь — залы в тюрьмах. Это идея Шварценеггера. Да, да! Чему вы удивляетесь? Человек уже наказан, он сидит, его лишили свободы. Но его же не приговорили к неподвижности.

— Мне, Саша, эта идея кажется чересчур смелой. Выйдут, окрепнув, и опять на «большую дорогу»?

— На это толкают не мускулы, а куда более серьезные вещи. Теневой мир, отъявленные бандиты взялись воспитывать целое поколение — вот что страшно. А мы, между прочим, вместе с «Фондом правопорядка» все-таки пробиваем тренировочный зал в «Матросской тишине».

— Тебя не смущает, что ты слишком прилежно копируешь своего кумира Шварценеггера?

— Не смущает. Не стоит изобретать велосипед. Надо беречь время. Хотя бы для того, чтобы успеть придумать и сделать что-то свое, российское...

**Беседу вела
ЛЮДМИЛА БЫЧЕНКОВА.**

Эскиз к мультфильму «ЭХ, РЫБА, РЫБА».
Режиссер ТАТЬЯНА ИЛЬИНА.

Дом, где роди.

Режиссер СЕРГЕЙ ОЛИФИРЕНКО на съемках фильма «Веселый разговор».

...ся Чебурашка

«Мультипликация — занятие для тех, у кого «поехала крыша». Трудно не согласиться с этим утверждением, вполне серьезно произнесенным главным редактором студии «Союзмультфильм» Виктором КАЛАШНИКОВЫМ. Как иначе сказать о людях, вся жизнь которых проходит в сидении за столом и рисовании маленьких человечков и зверушек и получающих за это «рукотворное искусство» чисто символическое вознаграждение?

Уходила по студии совершенно ошарашенная. Наверное, это естественное чувство впервые попадающего сюда посетителя. Тесные режиссерские кельи, в которых, чуть ли не сидя друг у друга на головах, работают мастера; павильоны — об их состоянии нужен отдельный разговор; в прямом смысле поехавшая крыша — за ее ремонт приходится расплачиваться из скудных средств, зарабатываемых студией. И надо всем этим — угроза в любой момент оказаться на улице.

О том, в каких условиях рождались и до сих пор рождаются шедевры отечественной анимации, на которых выросло уже несколько поколений, разговор особый.

— Проблема помещения — наша большая проблема. Крупнейшая в Европе анимационная студия, существующая с 1936 года и выпустившая 2000 фильмов, в том числе всемирно известных (достаточно вспомнить «Сказку сказок» Юрия Норштейна, признанную лучшим анимационным фильмом всех времен и народов), ископек веку уютилась в двух храмах, на которые теперь предъявила свои права церковь. Мы были бы и сами рады перемене «прописки», но никто из властей предрешающих не предложил нам мало-мальски приемлемого варианта. А ведь нам необходимо не менее тысячи метров площади, помещению должно быть с толстыми стенами, чтобы не дрожала аппаратура и т. д. На сегодня дело ограничилось тем, что наше кукольное объединение грубо, с привлечением казаков, вышвырнули из здания в Спасопесковском переулке, и теперь замечательный режиссер-кукольник Сергей Олифиренко, скажем, снимает свой фильм в нашем буфете, превращенном

в павильон. Я уж не говорю о том, что при переезде и размещении весьма поредела уникальная коллекция кукол — и это невосполнимый урон для студии. Что касается того здания, в котором мы с вами беседуем, то и сюда уже приходил церковный казначей и заявил: «Оставайтесь пока здесь, но имейте в виду, что земля, на которой стоит храм, как и некоторые другие постройки на Долгоруковской улице, с 1914 года принадлежит церкви, у нас есть все документы, подтверждающие это и подписанные мэром Москвы, посему платите деньги за аренду». Но у нас таких денег нет, мы существуем лишь на те средства, которые выделяет Роскомкино, и спасибо ему за это. Однако их едва хватает на то, чтобы запустить картин пятнадцать в год, при том, что прежде эта цифра достигала почти сорока. Сегодня, чтобы снять один 10-минутный рисованный фильм, требуется 87 миллионов рублей, съемочный период занимает минимум 9 месяцев...

— Для полноты картины вы забыли упомянуть про инфляцию. Разве деньги, точнее, их катастрофическая нехватка, для вас не превратились в краеугольный камень?

— А что делать? Жизнь страны как в капле воды отражается в жизни студии. При фактически не утвержденном бюджете, при той, мягко говоря, недальновидной политике государства в отношении культуры, которая в итоге обернется против самого государства, может ли быть иначе?

— А если самим начать «делать» деньги? Некоторым театрам, кажется, удается совмещать коммерцию с творчеством...

— Мы пока не научились зарабатывать деньги, для этого нужны профессионалы. Ищем меценатов,

ищем альтернативные государственными источниками финансирования. Но всегда наталкиваемся на один и тот же вопрос: как скоро окупятся наши капиталовложения? К сожалению, в нашей стране еще не сложился тот слой богатых людей, для которых культура, искусство являются не только выгодными, но и наиболее престижными сферами вложения капитала. Что касается предложений от иностранных заказчиков, то они оговариваются такими жесткими условиями, что превращают наших мастеров в дешевую рабочую силу. В нынешней непростой ситуации мы мало платим сценаристам, художникам... Естественно, они стремятся найти работу вне студии. От нас ушли многие мастера. Большинство оказалось на российско-английском СП «Кристинес», которое осуществляет на английские деньги большие проекты: экранизации Шекспира, Библии, опер. Сценарии пишут англичане, озвучивают они же, на российскую сторону возложено только исполнение. Вся эта продукция уходит на Запад... Но при всех внутренних сложностях межличностных отношений, неизбежных конфликтах (были у нас свои «сливки» и свои «диссиденты») продолжает существовать феномен «Союзмультфильма» с его атмосферой увлеченности, творчества, шуток, розыгрышей. Ведь мультипликационная братия — народ «сдвинутый», с окончательно поехавшей крышей, сама профессия диктует эту чудаковатость и особое место в кинематографе. Учтите и то, что мы всегда были в стороне от «идеологических битв», к нам всерьез в этом смысле не относились: мол, подумаешь, зверушки-игрушки, зайчики-чебурашки. Между тем мультипликация — весьма серьезное и утонченное искусство, которому подвластно все: и слож-

ная образность, и философичность, и поэзия, и юмор! Поэтому уйти из мультипликации гораздо сложнее, чем прийти в нее. По этой причине нас не покинули наши давние друзья-авторы, невзирая на весьма скромные гонорары, которые мы им платим. Это Виктор Славкин, Генрих Сапгир, Гриша Остер...

— Тем не менее в последние годы студию (в некоторых случаях достаточно «громко») покинули крупнейшие режиссеры, цвет анимации: Норштейн, Бардин, Хитрук, Назаров, Хржановский... В чем же здесь дело? Неужели только в финансовых трудностях, или у них были серьезные претензии морального свойства?

— Причины уходов разные... Не хотелось бы задним числом вновь искать и перечислять правых и виноватых. Потом, что значит покинули? Назаров остается режиссером студии, другое дело, что он сейчас ничего не снимает, а занимается книжной графикой. У Хржановского собственная студия под крышей «Союзмультфильма». Что же касается Юрия Борисовича Норштейна, то на сегодняшний день студия с распротертыми объятиями, «стоя на коленях», приняла бы его обратно, только вряд ли он сам захочет вернуться. Дай Бог ему завершить работу над многострадальной «Шинелью» в Центре Ролана Быкова. Вообще же проблема гораздо шире. У нас всегда создавалась система «звезд». Режиссеры, которых вы назвали, бесспорно, выдающиеся мастера, но культура состоит не из одних вершин, видных всем. На студии работают замечательные режиссеры, многие не известны просто потому, что не попали в обойму и не были вовремя воспеты средствами массовой информации. Вот, например, Ана-

толий Петров, ярчайшая индивидуальность, фильмы его, снятые по древнегреческим мифам, — то самое высокое искусство, о котором мы так много говорим и так мало видим на экране. Его цикл «Рождение Эроса», «Нимфа Салмака», «Дафна», уже запущенный в производство «Полифем, Акид и Галатея» — образец чистого эротического кино необыкновенной красоты. Или Леонид Носырев — пожалуй, единственный, кто серьезно занимается русским фольклором в анимации, и это подлинно национальное, без сусальности и квазипатриотизма кино. Елена Пророкова, делающая как бы женское кино, обаятельное и индивидуальное. Сергей Олифиренко, снимающий удивительные сказки с персонажами-куклами. Его фильм «Машенька» (показанный на многочисленных фестивалях и практически неизвестный нашему зрителю), где каждое мимическое движение персонажа — отдельная маска, изготовленная, как почти все у нас, кустарным способом, — это «штучное» искусство. Никакие компьютерные технологии не позволяют добиться такого эффекта, которого достигают наши мастера, работая вручную. Они делают кино для наших зрителей, перекормленных третьесортной зарубежной продукцией, всеми этими черепашками и роботами. Возможно, то, что я сейчас скажу, прозвучит несколько шокирующе, однако убежден: необходимо противостоять определенной идеологии, которая входит в сознание зрителей, особенно юных, через западные фильмы. Во-первых, как ни верти, в них действительно присутствует пропаганда насилия. Ведь персонажи лупят друг друга со страшной силой, а с ними ничего не случается. Ребенок начинает думать, что и в жизни так можно: отряхнулся,

поднялся и пошел дальше. А вторых, об искусстве, применительно к этим фильмам, говорить не приходится. И это при том, что на Западе существуют замечательные образцы анимационного кино, и классического, и современного, но их, увы, нет в нашем прокате.

— Значит, проблема проката — проблема номер один для нашего кинематографа — так же остро стоит и для анимационного кино?

— Не совсем. В этом смысле у нас нет проблем, поскольку нет проката. Если раньше мы прокатывали свои фильмы в Москве в кинотеатре «Баррикады», в малом зале «России», то теперь и такой возможности лишены. Пытаемся предлагать свою продукцию телевидению (лучше всего это получается на каналах НТВ и ТВ-6).

И взрослые, и дети устали от того американского кино, за редким исключением очень низкого качества, которое предлагает наш горе-прокат. Людям другое нужно: добро, свет, тепло, и смех, и слезы.

— Насколько реален выход нашего анимационного кино на мировой рынок?

— Реальность заключается в том, что мы оказались неконкурентоспособны. Если раньше наши фильмы покупали и преспокойно клали в сейф, устраняя таким образом реальных конкурентов, то теперь их просто не покупают, и вот по какой причине. Сейчас везде спрос на крупные сериалы, а мы их делать не умеем. Для этого нужно быть людьми определенного склада, видения, иметь соответствующие навыки и опыт, наконец, иметь компьютерную технику, на которую у нас пока нет средств. В этом смысле я очень надеюсь на молодых. Вот они уже умеют мыслить сериально. И для них работа

17. c

225

234

235a

241
242

20

21

21

на студии не способ заработать — повторяю, у нас много не заработаешь, — а возможность открывать новые горизонты. Скажем, во ВГИКе ведет занятия в своей мастерской Владимир Кобрин, и его ученики начинают работать у нас на студии. Какое это кино? Анимация? Нет, хотя по форме покадровая съемка. Это, безусловно, экспериментальное, не массовое кино, и мы будем поддерживать его, потому что оно открывает дорогу в завтрашний день...

— Одним из источников доходов студии могло бы стать выполнение заказов на рекламу...

— Мы могли бы сделать рекламу очень красивой, но парадокс в том, что в этом не заинтересованы. Заказчики не пойдут на условия полной творческой свободы художника. Все упирается в уровень культуры «новых русских», их желание извлекать прибыли из искусства, а не способствовать его развитию. А нам все-таки предпочтительнее микроскопом гвозди не забивать...

— Уже год, как «Союзмультфильм» возглавляет новый директор — Сергей Скулябин. Что изменилось с его приходом? Ведь в том, что студия пережила в недавнем прошлом серьезные потрясения, вплоть до нескольких попыток закрытия, большая доля вины прежней администрации.

— С приходом Сергея Анатольевича изменилось, пожалуй, все. Он молод, принадлежит к новому поколению, бизнесмен, четко осознает и творческие, и экономические проблемы студии, имеет свою программу действий, чем выгодно отличается от предыдущих директоров. И вообще надо очень любить мультипликацию, чтобы встать во главе этой в настоящий момент несчастной студии. Тем более что далеко не всех устраивает

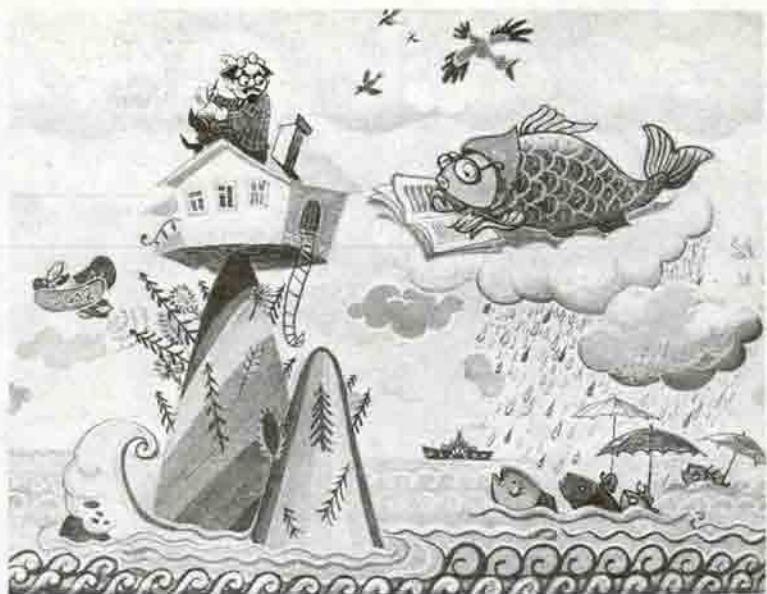
деятельность нового директора. Многие на студии рассчитывали — с его приходом произойдет чудо, и деньги золотым потоком польются в их карманы, а теперь весьма разочарованы, так как чуда не произошло. Сейчас Сергей Скулябин активно занимается поиском зарубежных заказчиков, пытается отыскать пути на мировой кинорынок. Уже удалось найти заказчика из Германии, предложившего нам сделать полнометражную, а-ля Дисней, волшебную сказку. Такие предложения весьма заманчивы, ведь здесь предоставляется полная творческая свобода. Немецкая сторона финансирует только проект, не вмешиваясь в творческие процессы (правда, право продажи принадлежит тем же немцам). Надеюсь, это лишь первая ласточка.

— Мы все больше говорили о «взрослой» анимации. Хотелось бы остановиться на проблеме детских мультфильмов...

— Такой проблемы нет! Все наши фильмы обращены к людям, независимо от того, сколько им лет — 90, 40 или 6. Я не понимаю, что такое специальное кино для детей. Даже трехлетние зрители считают свою информацию. Для них важно движение, которое им понятно и интересно. Повторяю, мы ориентируемся на широкую аудиторию, «семейные фильмы», рассчитанные на разные уровни восприятия.

— Какие фильмы сейчас снимаются на студии?

— Сергей Олифиренко делает известную русскую сказку про Уголька, Соломинку и Пузыря. В его трактовке она превратилась в «жестокий романс» о любовном треугольнике, все окрашено мягким юмором, называется фильм «Веселый разговор». Наталья Голованова работает над японской сказкой «Три связки соломы», не-

Эскиз к мультфильму «Страна слепых». Режиссер ЕКАТЕРИНА ОБРАЗЦОВА.

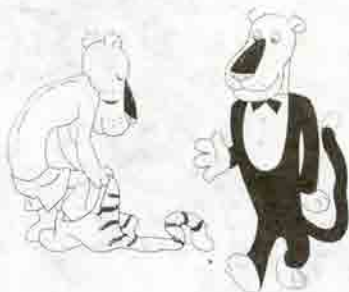
Эскиз к мультфильму «Обезьяна в опере». Режиссер ЛЕОНИД ШВАРЦМАН.

вероятно красивое и талантливое кино, обращенное прежде всего к детям. Елена Гаврилко, уже завоевавшая призы и международную известность своим фильмом «Подружка», снимает «Меч», основанный на средневековых скандинавских легендах, где всегда рядом Смерть, Кровь и Любовь. Это интересное мифотворческое кино, больше предназначенное для аудитории постарше, и не потому, что там есть нечто запретное для детей, просто глубина, стилистика этой работы требуют достаточно высокого уровня образования. Леонид Носырев закончил фильм «Фантазеры из деревни Угоры», в котором традиционные персонажи русского фольклора действуют во вполне современных обстоятельствах. Я перечислил лишь часть того, что делается на студии, идей и проектов множество, были бы деньги...

Московским властям недосуг заниматься проблемами «Союзмультфильма». Правда, существует проект строительства в Москве Диснейленда, хотя известно, что подобный опыт, скажем, в Париже себя не окупил. Сколько громких слов было произнесено с высоких трибун о возрождении российской культуры — не пора ли уже начать ее возрождение не на бумаге, а на земле! Не тратить деньги и время на сомнительные и дорогостоящие проекты, а предоставить тому же «Союзмультфильму» кредиты под строительство современного здания, глядишь, и не пришлось бы прибегать к помощи казаков. Ведь, несмотря ни на что, как сказала режиссер Елена Пророкова, «мы живы, мы не развалились, у нас есть интересные проекты, к нам приходит новое поколение с новыми идеями. И мы будем продолжать работать на нашу культуру, в наших традициях, будем делать элитное и коммерческое кино, в котором все равно будут действовать не безликие персонажи-роботы, а живые, одушевленные герои».

**Беседовала
ТАТЬЯНА ГОРБАЧЕВА.**

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

ПРИВАТИЗИРОВАННАЯ

ВЫРЕЗКА

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

ВКУСНА
ЛИ
ОНА?

Мне довелось писать о готвящейся приватизации («Смена» № 12 за 1992 год). Эта статья посвящена приватизации прошедшей. Трудно поверить, что минуло всего два года.

За два года в России прошла самая масштабная, самая скорая приватизация из всех, что знал мир. По скорости экономических перемен и их охвату ее можно сравнить разве что с революцией 1917 года. Тогда частные предприятия передавались государству, ныне — наоборот.

А вопросы, которыми все мы задавались два года назад, остались. Однако теперь вместо будущего времени мы ставим их в прошедшем или настоящем.

Кому приватизация оказалась выгодна? Кому она принесла наибольшие плоды? Что изменила в жизни руководителей и работников некогда государственных, а ныне частных предприятий? В жизни всех нас?

В качестве примера (не зная заранее, каким он окажется, положительным или отрицательным) мы решили взять завод в обычном русском городе Липецке; а там, учитывая трепетное отношение соотечественников к мясу, выбрали мясокомбинат, который носит сейчас, после акционирования, труднопроизносимое название — АО «Липецккомплес».

Что почем?

Сентябрь, Липецк. Возле Центрального рынка — фирменный магазин «Липецккомплес».

Помня о все еще сохранившемся интересе друзей и близких к тому, что из продуктов в каком городе есть и сколько стоит, привожу ассортимент и цены.

Мясо: говядина (2,9 тысячи рублей), свинина (3,9), баранина (2,3), вырезка говяжья (6,5), вырезка свиная (6,5). Субпродукты: печень (4,5), язык говяжий и свиной (по 6,5), сердце (2,3), почки (1,8), свиные ножки (1,2). Полуфабрикаты: пельмени (3,6), фарш (5,3), котлеты (по 245 руб.). Колбасы и копчености: сырокопченые олимпийская и свиная, буженина, пасторма, шейка, карбонад (все — по 22 тысячи), одесская (7), московская (6,3), сервелат (12), липецкая (6,2), запеченные цыплята (3,6), шпикачки (6,2), сосиски (5,8), шлик венгерский (3,4) и белорусский (2,6).

К прилавкам с сосисками и вареной колбасой — очередь минут на сорок, в отдел с копченостями и деликатесами — очередь поменьше. За полуфабрикатами

и мясом — никого: возможно, потому, что рядом, на рынке, мясо стоит примерно столько же.

На втором этаже продают товары. Из ценников узнаю, что многие изготовлены... на мясокомбинате: шапки — песцовые и норковые, кожаные куртки, юбки, кепки, жилетки и обувь, трикотажные куртки и ситцевые халатики... Пожалуй, из всех товаров в этом магазине немясопереработчиками произведены шампунь, печенье, вино, видеоманитофоны да пластмассовые стаканчики. (Последние два изделия изготовил, впрочем, Новолипецкий металлургический комбинат...)

Театр абсурда, акт последний

Мне всегда казалось: переработка мяса — мужское занятие. Однако на Липецком мясокомбинате из двух тысяч работающих полторы тысячи — женщины.

Прекрасный пол более эмоционален и открыт, чем мужчины. Женщины острее чувствуют глупость и несправедливость. Вот и сейчас, когда мы сидим в кабинете начальника колбасного цеха Лидии Панковой вместе с техническим директором Евгенией Решетиловой и работницей Антониной Сорокиной и вспоминаем о том, какие порядки были заведены при «старом режиме», женщины говорят наперебой. Слушаешь их и думаешь: и впрямь никакая пьеса абсурда не сравнится с нашей тогдашней жизнью.

— Наш комбинат в 1976 году построили. Знаете, по какому постановлению? «Об улучшении снабжения Москвы мясом»!

— Мы в Москву, за пятьсот километров, по шестьсот тонн колбасы в месяц отправляли. Если по-

считать, по пятнадцать грузовых вагонов. Но никто не считал, сколько той колбасы к нам в вагонах пассажирских возвращалось...

— Машины у московских магазинов порой по трое суток стояли. А у колбасы срок реализации — 48 часов!

— А липецкие власти нам тогда говорили: «Давайте в наши магазины жирные колбасы, сало, шпиг... Не надо никакой докторской-любительской! Ее за два часа сметут, и будут голые прилавки. А надо, чтоб лежало». Вот и валялся в витринах наш шпиг, видимость изобилия создавал...

— А сколько раз было: колбасой у нас весь холодильник забит, в городе на прилавках пусто, а дать товар в магазин не можем: фондов нет.

— А что у нас творилось, когда «свалка» скота шла!..

— Свалка? — переспрашиваю.

— Ну, это когда все хозяйства скот забивали, чтоб план по сдаче выполнить. Ведь мы октябрь — ноябрь в три смены обычно работали. Стояли буренки по три дня тут некормленные... Бывало, дохли... А колбасу тогда складывать некуда было. Всюду лежала: и в холодильнике, и на стеллажах, и на полу!..

— Зато в январе-феврале — затишье. Колхозам-совхозам тогда говорили: «Ни одной головы чтоб не смели сдавать!» А мы в отпусках «без содержания» сидели...

— Цех на 20 тонн колбасы в смену рассчитан, а перед праздниками, ноябрьскими или майскими, обком нам приказывал: «Чтоб по 60 тонн ежедневно давали!»... Ну, и чего там греха таить, запасали «предпраздничную» колбасу заранее — по сто, сто пятьдесят тонн замораживали. Сами понимаете, что за вкус у мороженой колбасы...

— Да ведь чтобы ларек для ра-

бочих открыть, сколько просили, сколько в обком писали!.. Медкабинет открыть — нельзя, взять спортивного руководителя — нельзя...

Женщины рассказывают о совсем недавнем абсурде с каким-то веселым изумлением, и я вспоминаю слова Льва Толстого о том, что если ты был болен и излечился, то будешь вспоминать о своей болезни с удовольствием.

Как поделили комбинат

Комбинат приватизировали, по нынешним быстротекущим временам, давным-давно: осенью 1992 года. Организовали акционерное общество открытого типа (то есть акциями комбината может в принципе владеть любой). Однако поделили его, в соответствии с инструкциями, только между своими: 51 процент акций приобрел трудовой коллектив, 10 процентов отошли областному фонду имущества, а 39 — колхозам и совхозам области.

Весь комбинат оценили по остаточной балансовой стоимости — в 47 миллионов рублей. Разделили эту сумму на 47 тысяч акций номиналом тысяча рублей каждая. Кому из работников сколько акций досталось, зависело от трудового стажа и зарплаты за последний год. У мастера Надежды Прониной, например, 11 акций (была тогда в декретном отпуске), у работницы Александры Бугаковой — 27, у коммерческого директора Юрия Куликова — 67, у директора Федора Гусева — 98...

Разумеется, сейчас реальная стоимость комбината никак не 47 миллионов, а даже по официальным подсчетам около шести миллиардов. Стало быть, и фактиче-

ская цена каждой акции должна быть гораздо выше, чем номинал, — по крайней мере тысяч сто пятьдесят. Но реальную стоимость ценных бумаг определяет рынок, а акции мясокомбината пока никто не продавал и не покупал, поэтому сколько они действительно стоят, сказать невозможно.

Замечу, что именно в росте курсовой стоимости акций, а не в пресловутых дивидендах — смысл владения ими. Особенно в России, где имущество предприятий распродалось за бесценок. И сейчас, например, акции «Юганскнефтегаза» номиналом 200 рублей продаются на фондовой бирже по 110 тысяч, акции ГУМа номиналом 100 рублей — по 11 тысяч, а акции «Инкомбанка» (номинал 10 тысяч) — по 224 тысячи. Причем в нашем Отечестве первоначальная оценка предприятий была настолько низка, что сильно подорожали даже акции тех заводов, дела которых идут неважно. (К слову, я вложил свой ваучер в Братский лесопромышленный комплекс. Спустя полгода после покупки получил письмо от некоей инвестиционной компании: дела, дескать, на предприятии идут худо, производство сократилось, дивидендов нет и не предвидится, поэтому мы, мол, готовы купить ваши акции по цене... в восемь раз выше номинала. С продажей я решил повременить. В любом случае, полагаю, акции будут еще и еще дорожать.)

Но вернемся на Липецкий мясокомбинат, то бишь АО «Липецк-комплекс». Высший орган управления им, как и положено, собрание акционеров. В промежутке между собраниями (они созываются раз в год) управляет совет директоров. В этот совет входят девять человек: директор, он же президент АО, коммерческий и технический директор, председатель со-

вета трудового коллектива, представитель областной администрации и директора крупнейших хозяйств-поставщиков. Но это, показалось мне, достаточно формальный высший орган. Фактически всеми делами на комбинате вершит директор Федор Гусев.

Однако годовую прибыль делят на собрании акционеров. В прошлом году 97 процентов направили на обновление комбината. Только три процента — на дивиденды.

На каждую акцию пришлось по 2800 рублей...

Хозяйке на заметку

Никто не поверит, что, будучи на мясокомбинате, мы не попробовали его продукции. Попробовали. Честно скажу, после нашей колбаски на импортную, которой все магазины в Москве завалены, и смотреть не хочется.

Ничего удивительного: в импортной — жир, красители да крахмал. В нашей — отборное мясо, соль, перец да чеснок. Отборное мясо, правда, если колбаса высшего сорта. А вот в колбасе первого сорта допускается не больше шести процентов жира и соединительных тканей. Во второсортной — до 20 процентов. И еще в перво- и второсортную колбаску добавляют муку, соевый белок, сухое обезжиренное молоко. Эти добавки доходят до 15—20 процентов. А как отличить колбасу высшего сорта от перво- и второсортной? Продавцы-то не очень любят указывать сорт на ценниках...

Оказывается, название колбасы и ее сорт жестко связаны между собой и одинаковы по всей России. То есть докторская — она и в Липецке высшего сорта, и в Москве, и в Чебоксарах. Еще к колбасам

высшего сорта относятся (среди вареных): любительская, молочная, телячья, останкинская. К первосортным — белковая и осенняя. Ко второсортным — чайная и молодешная.

Больше того: по всей стране батон колбасы каждого названия перевязывается веревочкой одинаково. Например, докторская обвязывается двумя веревочками в верхней части, останкинская — одной, а любительская — тремя, но посредине. Первосортная белковая — тремя в верхней части, а осенняя — одной посредине... Так что если не хотите, чтоб вам продали белковую под видом останкинской, считайте веревочки!

Есть свои советы и у производителей мяса. Например, меня научили отличать охлажденное мясо от замороженного (охлажденное мясо при плюс четырех градусах хранится, а замороженное — при минус восьми). Если мясо было заморожено, а потом оттаяло, оно на вид более рыхлое, с сероватым оттенком. Охлажденное выглядит «плотнее», оно чуть заветрено по краям.

Кстати, не правы те, кто утверждает, что самое вкусное мясо — парное, которое «только-только бегало». Самое вкусное, уверяют мясопереработчики, — охлажденное (но не замороженное!), причем в течение трех дней. Тогда мясо «доходит», «настаивается», становится ароматным...

Хозяину на заметку

За последние, реформенные годы производство собственно мяса на комбинате заметно снизилось. Причины тому — уменьшилось поголовье скота в области, упал спрос... (При этом, правда,

выпуск колбас и разных вкусностей типа карбонада или буженины увеличился процентов на десять.) Без работы оставалась едва ли не треть коллектива — что же, увольнять семьсот человек?

Директор Федор Гусев решил иначе. Мы поставляем, сказал он однажды на совете директоров, субпродукты в зверосовхозы на Север — в Карелию, Архангельскую область. Примерно половину рациона питания зверьков мясом обеспечиваем. Почему бы не разводить песцов да норок у себя?..

Прошел всего год, и я видел на комбинате бесконечные ряды клепок, а в них — около десяти тысяч песцов, норок. Ухаживали за ними работницы комбината — те, которых иначе пришлось бы сокращать. Руководили фермой зоотехники из Карелии: их, как и ветеринаров, пригласили в Липецк, дали квартиры...

Открыли участок по выделке шкур. Рядом — цех по пошиву шапок.

Продают шапки в магазине, о котором я писал. К магазину прилегают принадлежащие «Липецк-комплексу» цеха. Раньше это было старое здание мясокомбината. Лет десять оно простояло разрушенным. Восстановили здание строительные бригады комбината. Поменяли кровлю, всю «начинку» изменили. Отделали. В одном из цехов обновленного здания стали шить кожаные изделия. До этого «свои» шкуры отдавали за бесценок кожзаводам. Еще упрасивали их. Елецкий кожзавод был на пять лет вперед завален... Нынче сами шьют из «своей» кожи.

А раз появились швеи да швейные машинки, стали делать продукцию, совсем никакого отношения к мясу не имеющую: закупают ткань, шьют куртки, ночные сорочки, халатики...

Начали тачать вручную кожа-

ную обувь. Однако ручная работа хоть и ценится, но производительность не та. Задумали поставить поточную линию. Вели сложные переговоры с зарубежными фирмами. Итальянцы согласились дать линию и валюты не потребовали: в обмен на партию шкур крупного рогатого скота. Рабочие поехали учиться в Москву, на фабрику имени Муханова, и в Рязань, на дочернее предприятие фирмы «Саламандер», а кое-кто и в Италию. Нашли партнеров, что поставляют подошвы и фурнитуру. Теперь готовы производить 250 тысяч пар обуви в год.

Вот-вот пустят участок — stanno шить дубленки и мутоновые шубы (раньше бараньи шкуры отдавали переработчикам тоже почти даром)... А в темном подвале обновленного корпуса стали выращивать грибы — вешенки. Продаю...

Сад разбили, консервируют овощи-фрукты, продают...

Пасеку завели, около двухсот пятидесяти ульев, медом торгуют...

Одного своего магазина показало мало. Приметили столовую, которая на ладан дышала: дневной оборот был всего тысяч двести. Приобрели 39 процентов акций. Сейчас рабочие «Липецккомлекса» ее перестраивают, оборудуют.

Будут там мясной отдел, отдел полуфабрикатов, овощной, промтоварный, кулинария, кафе...

Словом, чем только мясокомбинат не занимается! И это, похоже, примета времени.

Новолипецкий металлургический комбинат, например, выпускает и мебель, и оцинкованную черепицу, и металлические гаражи, и холодильники под маркой «СТИНОЛ», и видеоманитофоны «Голдстар»...

А Липецкий хладокомбинат, ку-

пив линию по производству эскимо, поставил в городе сорок фирменных киосков, где торгуют мороженым: сладкая продукция дает около пятидесяти миллионов ежедневной выручки плюс «создала» сто пятьдесят новых рабочих мест...

Городской молкомбинат стал посылать свои молоковозы прямо в совхозы и колхозы, так что некоторые молзаводы в районных центрах, которые держали низкие закупочные цены, забились тревогой: молоко-то потекло мимо них в областную столицу...

Так называемые «товары для народа» стали делать не потому, что очередное постановление вышло — всю жизнь отписками отвечали на постановления! — а потому, что выжить надо. Делать товары, которые пользуются спросом, — значит не только сохранить своих рабочих, на новых рабочих местах занять их, это «наличка», это зарплата вовремя.

Далеко не всегда «сапоги», которые принимаются тачать «пирожники», красоты неопишущей. Кожаные куртки да кепки, сделанные мясокомбинатом, я бы, например, покупать не стал. Сказал об этом коммерческому директору Юрию Куликову. Тот ответил: «На вкус и цвет... В Липецке их хорошо берут. Мы сейчас на семьсот миллионов в месяц промышленной продукции продаем. И продовольствия — на семьсот... А потом — мы только учимся... Концерн «Самсунг», который холодильники и видео делает, в тридцатые годы, говорят, с торговли сахаром начал...»

Перечислить все, что производит комбинат, невозможно: тут и подушки, и кисточки, и панно из обрезков меха... Без всяких «указивок» сверху («Все выращенное — сохраним!») стараются пустить в дело каждый кусочек. Ди-

ректор Гусев любит повторять: «От буренки должен оставаться только выдох».

...Для мясоперерабатывающей промышленности показатель, характеризующий бережливость, — производство сухих животных кормов на тонну мяса. Чем больше, тем лучше! В среднем по отечественным заводам оно составляет около пятидесяти килограммов. В Липецке — свыше ста.

Так кто же и чем владеет?

Приватизация, согласно словарю, — передача государственной собственности в частные руки.

Так чьи же «руки» владеют «Липецккомплексом»?

Формально — две тысячи пар рук работников (ведь контрольный пакет акций у них!). Но, конечно, это не значит, что рабочий, купив тысячную часть завода, почувствует себя его хозяином и станет трудиться без передыху, не за страх, а за совесть.

Спрашивал на мясокомбинате: «Случаи воровства бывают?» «Бывают». А разве ж хозяин у себя самого ворует?!

Другое дело, когда хозяин у предприятия один. Или их двое-трое. С завода, который принадлежит тебе лично или брату твоему, вырезку домой не понесешь: все равно что из кармана в карман перекладывать. А с «посторонним вором» ты, хозяин, расправишься сам, и жестоко.

На многих предприятиях (в том числе в Липецкой области) такой «один хозяин» уже появился. Но результаты работы таких предприятий... не слишком отличаются от тех, где акций у каждого поровну. Взглянем на тот же «Липецккомплекс»: успехи очевидны, управля-

ется АО твердой и умелой рукой, а директор, который вершит всем, чисто формально хозяином комбината не является. Просто один из тысяч совладельцев. А на другом, родственном, предприятии в руках директора и «исторически сложившаяся» власть, и контрольный пакет, а оно разваливается, оборудование ветшает, а всю прибыль «проедают», причем директор — львиную долю...

По-прежнему дела на предприятии зависят от того, что за человек руководит им. А если с «Липецккомплекса» уйдет Гусев (ему уже за шестьдесят)? Кто у руля встанет? Спрашивал об этом у его ближайших соратников. Они уверены, что директора еще лет на десять «хватит». А руководитель областного комитета по управлению имуществом Надежда Савостикова в ответ пожала плечами: «Не знаю... Раньше хоть резерв на руководящую должность готовили...»

Никак не могут считать себя хозяевами на мясокомбинате и те, кто поставляет «сырье»: разные ТОО и АО (колхозы-совхозы постарому), — а ведь им, напоминая, принадлежит 39 процентов акций. Производители с переработчиками никакие не партнеры. Каждый тащит одеяло на себя. «Нам нет интереса в том, чтобы они развивались, — сказал мне Владимир Чирков, директор ТОО «Липецкое» (крупнейший поставщик скота мясокомбинату). — А им неинтересно, чтобы развивались мы. Они скот норовят купить подешевле. Вроде бы считается, что есть конкуренция, но я звоню им, звоню на мясокомбинат в Грязи, звоню на мясокомбинат в Данков, а там точно такую же цену держат!.. Сговорились?..»

Директор мясокомбината Гусев тоже недоволен партнерством с экс-колхозами-совхозами: «С ка-

кой стати мы им должны дивиденды платить?.. За скот платим, а потом еще и прибылью должны делиться? Собираемся выкупить у них свои акции».

Заместитель главы областной администрации по сельскому хозяйству Николай Сикачев противоположного мнения: «Необходимо, чтобы контрольный пакет акций перерабатывающих предприятий — мясокомбинатов, молзаводов, хлебоприемных пунктов — принадлежал тем, кто трудится на земле. Чтобы крестьянин свою волю диктовал. И проект реприватизации перерабатывающих предприятий в Москве уже готовится. (Однако в Москве, в Госкомимуществе, о таком проекте ничего не знают. — Авт.) Сейчас переработчики — монополисты! Они диктуют цены! У них зарплата в три-четыре раза выше, чем у тех, кто в поле. Мы посмотрели, какова доля наших крестьян в стоимости буханки хлеба: 18 процентов! Остальное достается хлебоприемным пунктам, хлебопекарням, магазинам».

Словом, согласия в партнерах, поставляющих к нашему столу булку и ветчину, приватизация — увыл — не прибавила...

Всем нам станет легче через 58 лет

Давайте подводить итоги. Итак, кому и что дала приватизация? Кто выиграл? Кто проиграл?

Выиграли, без всякого сомнения, почти все директора и другие руководители предприятий. Большинство из них нашли способ, чтобы завладеть львиной долей фабрики, комбината, завода и получать баснословные зарплаты плюс дивиденды. Жаль только, что как раз те промышленные лидеры, которые больше других этих благ

заслуживают, люди деловые и совестливые, которые постеснялись хапать, безбедную старость себе не обеспечили. И сыновьям, как это принято повсюду в мире, свой контрольный пакет не передадут. Нет у них этого контрольного пакета.

Выиграли от приватизации нувориши, сколотившие первые тысячи долларов на компьютерах, а первые миллионы — на цветных металлах: не только БМВ и офисы теперь в их руках, но и заводы.

Выиграли в результате акционирования, несомненно, коррумпированные чиновники, которые успешно торговали своим правом разрешать-запрещать, а также конфиденциальной информацией.

А вот мы, простые, так сказать, люди, что выиграли, что проиграли в результате приватизации? У меня процесс разгосударствления вызывает двойственные чувства (амбивалентные, как любят писать литературные критики). Плюсы тут перемежаются с минусами.

Сперва — о минусах, на примере того же «Липецккомплекса».

Если государственное предприятие прибыло в общем-то не волновала, то для частного она — как воздух. Поэтому каждый производитель готов поднять цену до небес. Ограничить его может конкуренция, но ее частенько и нет: изготовитель либо монополист, либо сговаривается с «себе подобными». Зарвавшихся производителей ограничить может (и должно!) государство, но оно с этим явно не справляется.

Ограничивает рост цен лишь платежеспособный спрос: ну не купят сейчас колбасу по 100 000 (хотя у нас предприниматели готовы на варварство, лишь бы цены не снижать: радио «Свобода» недавно сообщило, что книгопродавцы сжигают тома Ахматовой

и Мандельштама — лишь бы не продавать их дешевле).

Второй очевидный минус: настала тяжелая жизнь для бездельников, растяп и неумех (их-то у нас, что называется, в достатке...), а также для слабых здоровьем и обремененных хворающими детьми...

А плюсы?

Предприятие — само себе хозяин. Оно или выживает, или умирает. А чтобы выжить, оно все-таки не только цены вздувает, но порой новые товары производит, новые рабочие места создает. Деловитым — простор. Умелым — карты в руки. И не надо постановлений. Не надо лозунгов: «Дорогу инициативе!» или «Больше хороших товаров!». Стали бы при прежних порядках на мясокомбинате звероферму строить, шубы-куртки шить, магазин реконструировать? Нет, конечно. Не разрешил бы никто. И не очень-то надо было.

И от абсурда командной системы приватизация людей избавила. Скот не заставляют держать по трое суток некормленным-непоеным, а колбасу в леднике морозить. Даже чисто формально предприятие никому не подчиняется. У кого и когда выгодно, скот купил; тому, кому повыгодней, мясо продал... В самом деле — хозяева.

В статье двухлетней давности я приводил мнение эксперта, кандидата экономических наук Дмитрия Радыгина, который утверждал, что нелепо ждать от приватизации плодов немедленно, что она — только начало длинного пути и благодаря тому, что мы на него ступили, легче жить нам станет лет через шестьдесят.

Поэтому не будем выносить разговор приватизации немедленно. Подождем.

...Осталось каких-то пятьдесят восемь лет.

ЛЮБИТЕЛЯМ
Музыки
и
видеофильмов
ВСЕХ ЖАНРОВ!

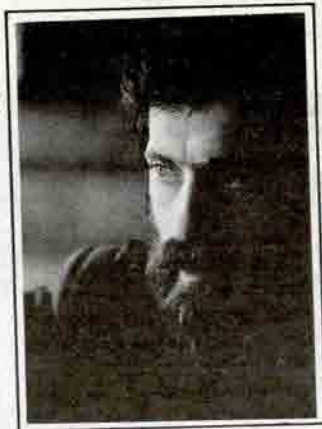
Большой ассортимент популярных видеофильмов и аудиокассет с записью отечественных и зарубежных исполнителей вы можете получить по почте наложенным платежом или после предоплаты. По вашей заявке мы вышлем **КАТАЛОГ**, по которому вы сможете заказать нужные кассеты.

**КАЧЕСТВО
ЗАПИСЕЙ
ГАРАНТИРОВАНО.**

Стоимость
КАТАЛОГА - 2000 руб.
(с учетом почтовых расходов).

**ЗАЯВКИ ВЫСЫЛАТЬ
ПО АДРЕСУ:**

111394, Москва - 394,
а/я 34, Божкову А.А.

МИЗАНСЦЕНА

По толковому словарю С. И. Ожегова, это «размещение актеров и сценической обстановки в разных моментах исполнения пьесы». По Губаеву, мизансцена — «кусочек жизни, который я режиссирую, выстраиваю и снимаю на пленку». Если мы привлечем в эту компанию драматурга и актера В. Шекспира с его утверждением, что весь мир — театр, а люди в нем — актеры, думаю, творческая концепция фотографа Фарита Губаева вполне состоятельна и очевидна в прямом смысле (см. фото).

...Столь легкомысленное начало этой заметки обусловлено, как ни странно, серьезностью работ Фарита. Они не только художественно-изобразительны, но и философичны, и литературны. За каждой фотографией Губаева — новелла, рассказ, этюд о человеческой жизни, ситуации, поступке.

Эти фото, смею утверждать, многомерны. И в то же время они легко «дышат» и общаются с нами на языке обыденном и понятном.

— Мы с мамой жили крайне бедно, — вспоминает Фарит. — В бараке на тридцать семей. Мама не умела ни читать, ни писать.

Я «глотал» книги за двоих. И снимал, снимал...

Закончив журфак Казанского университета, работал в республиканской молодежной газете, в городской «вечерке».

Но лишь позже, нырнув в московский творческий водоворот и благополучно вынырнув из его «пенной» круговерти, ощутил себя художником.

— Для тебя фото — зеркало жизни или «увеличительное стекло»?

— Конечно, увеличительное стекло. И я всегда помню — оно может прожечь насквозь.

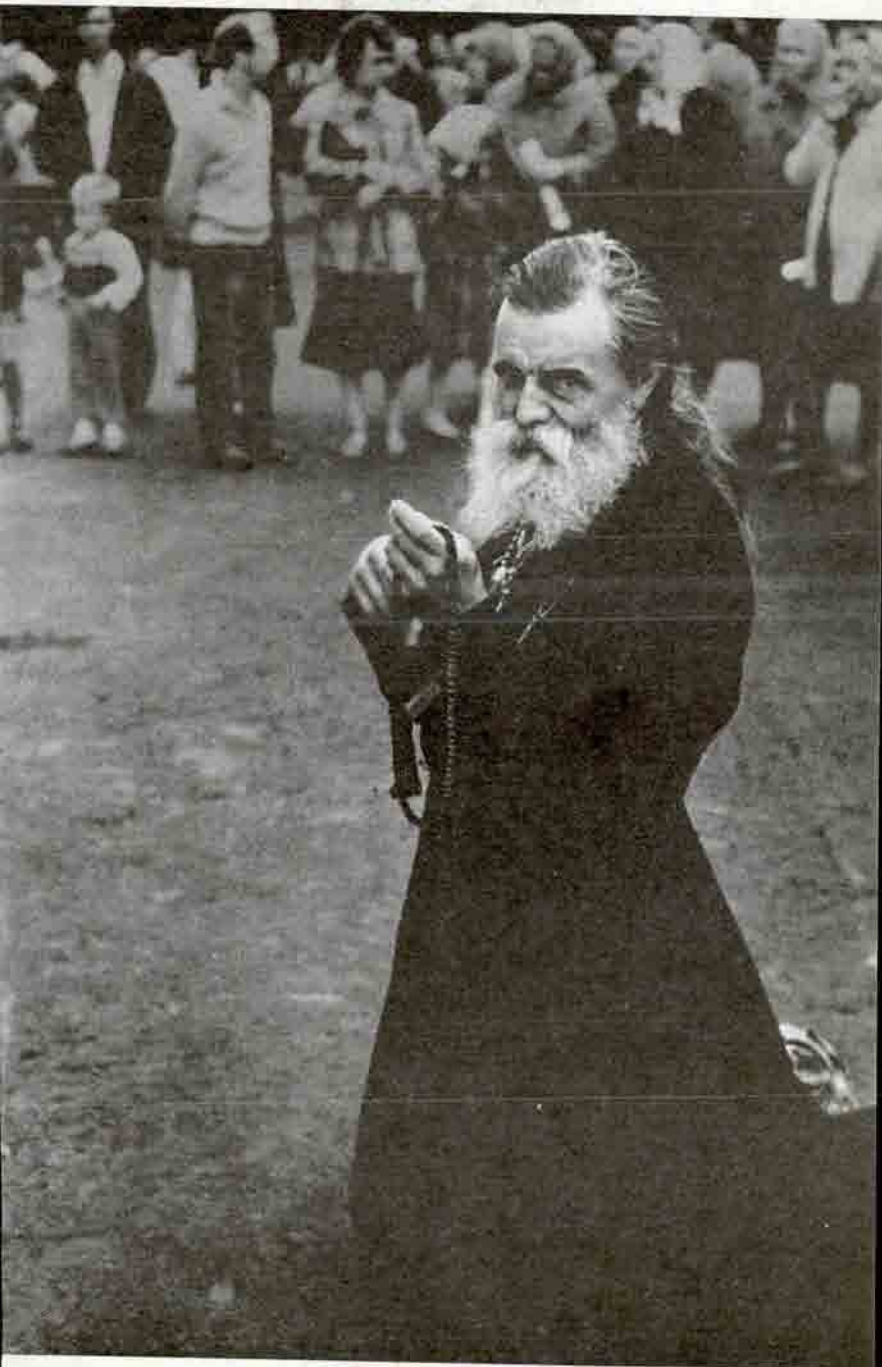
— Ты торопишься жить, снимать, любить?

— Я вглядываюсь. После очерчиваю кусок действительности, пространства — и в нем режиссирую как на сцене, как в кинокадре.

Остается добавить: фотограф Фарит Губаев имеет немало дипломов и призов международных фотовернисажей.

А теперь прошу, читатель, в мизансцену Ф. Губаева. Действо разворачивается, возможно, вы найдете там и для себя роль...

В. ГУРИНОВИЧ

«Услышь, господи!» (г. Арзамас, 1991 г.).

Братя.

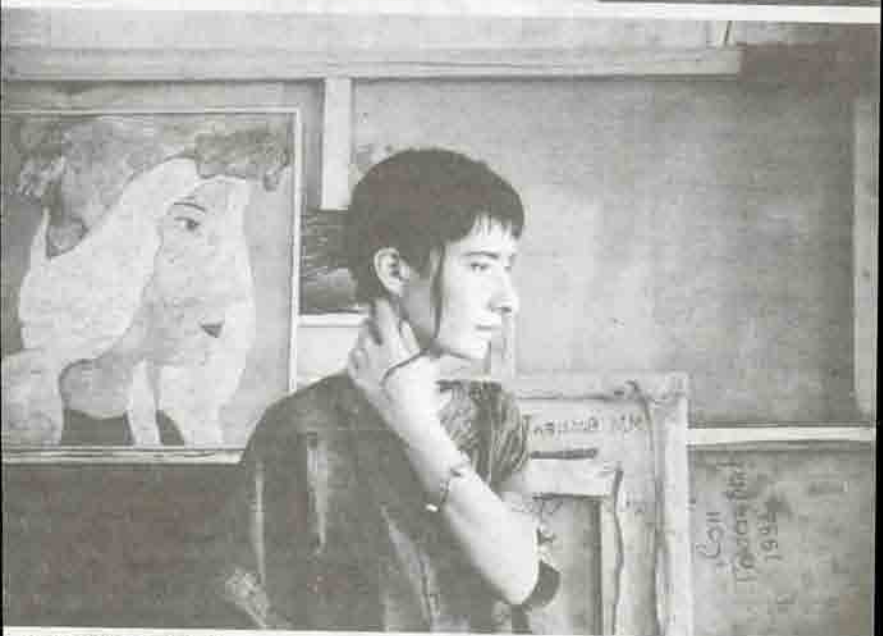

Митингующий (Москва, 1993 г.).

Лена.

Портретное сходство.

Намаз (Казань, 1994 г.).

...Не поле перейти (Татарстан, 1984 г.).

Несколько лет назад небольшой российский городок был буквально потрясен зверским убийством. Убили девочку-подростка. По подозрению был задержан некто Л. Косвенных доказательств хватало. А прямого, чтобы, как говорится, поставить точку над «i» — не было. Следователи с ног сбились, добывая это самое доказательство. И вот найдена куртка подозреваемого с тщательно замытым пятном крови.

Невольно вырвалось:

— Как же вы тут работаете?!

— Вот и немецкие коллеги тоже удивляются, — засмеялся Клим Сулимов, автор методики и руководитель лаборатории.

— Клим Тимофеевич, а когда появилась идея подобной экспертизы?

— Метод возник на стыке криминалистики и розыскного собаководства. Первый научный эксперимент, известный в литературе, про-

НЮХОМ ЧУЮ!

— Чего там, мой кровь, — твердил Л. — Порезался...

А надо сказать, группа крови Л. и убитой девочки совпадали...

И тогда куртку послали в Москву в Экспертно-криминалистический центр на одорологическую экспертизу. И экспертиза эта дала однозначный, исключающий всякие сомнения ответ: в пятнах крови — запах убитой девочки...

Уникальный метод идентификации человека по запаху разработан в лаборатории одорологической экспертизы (одор — запах, логос — учение) центра. Он основан на исключительных биосенсорных возможностях животных, в частности собак. Когда я впервые пришла сюда, поразились: все службы — тренажерный зал, комната экспертов, специальные помещения, кухня на тридцать собак — располагаются всего-то на семидесяти квадратных метрах.

вел в 1895 году Романес. Феноменальные способности такого аппарата, как собачий нос, позволяют безошибочно идентифицировать человека по его запаховым следам — причем это не только следы на земле... Дайте-ка ваш платочек. — Сулимов указал на уголок носового платка, выглядывающего из-под манжеты блузки. — На этом кусочке ткани зафиксирован ваш индивидуальный запах. Запаховый след остается на волосах, одежде. В запаховом комплексе человека насчитывается только установленных пятьсот компонентов! И это не предел, ведь у каждого из нас есть собственное вещество, характеризующее конкретный организм. Представьте теперь, что преступление совершено одним из братьев-близнецов, а отпечатков пальцев не осталось. Как определить виновного? Оказывается, люди-двойники, кроме некоторой разницы в папиллярных узорах, отличаются ин-

**Запах —
это тоже
вещдок...**

дидуальными запахами. Причем для собаки не имеет значения, когда совершено преступление — вчера или пять лет назад. Помните сумгаитскую трагедию восемьдесят восьмого года? Среди убитых был гражданин М. Допрашивали по этому делу многих, но за неимением улики отпустили. Спустя два года, когда исчерпали все средства поиска виновных, вспомнили о мужском платке, найденном рядом с телом. Отправили его на экспертизу

к нам. Вместе с платком прислали и собранные ранее образцы крови проверяемых — они были законсервированы на марлевых тампонах. Так вот, на носовом платке сохранился индивидуальный запах мужчины, причастного к убийству. Судебно-биологическая экспертиза подтвердила наш вывод.

Эксперт Вуди на старте

— Идея консервации и использования запаховых проб, получен-

ных со следа человека на местах происшествий, начала развиваться в семидесятые годы, — продолжил Клим Тимофеевич. — Обобщенные данные кинологической практики свидетельствуют: так же, как мы с вами узнаём человека в лицо, несмотря на возрастные изменения, так и собака без особого труда способна обнаружить индивидуальные признаки в пробах запаха человека, даже если они содержат посторонние компоненты. Причем существует строжайший контроль за правильностью сигнального поведения детекторов — так называются наши собаки. Ну, да сейчас сами увидите, как они работают.

Специальным щупом эксперт Екатерина Батаева расставляет на полу банки с запахами. Пол размечен — десять цифр, выписанных белой масляной краской, образуют «огурец» (выражение Сулимова, обозначающее контрольный контур). Банки располагаются так, чтобы закрывали собой номера.

Все готово, можно приглашать главное действующее лицо — Вуди. Рыже-серый симпатяга держится весьма деловито и заинтересованно. Батаева дает четвероногому эксперту занюхать «образец» запаха. Собачий нос опускается в банку... Это наиответственнейший этап экспертизы, на который Вуди отводится 60 секунд. Сулимов сидит спиной к помощнику, он не знает, где стоит банка с дубликатом искомого запаха.

— Я не должен даже думать, где находится эта банка, — объяснил мне еще раньше Клим Тимофеевич. — Если знаешь, то своим поведением подсознательно спровоцируешь собаку, невольным движением подскажешь.

Время! Вуди впереди, Сулимов чуть сзади, слабо натягивая поводок. Собака идет по периметру «огурца», обнюхивает банки и са-

дится около номера семь. Это сигнал: «Здесь!»

Итак, предположительно Вуди обнаружил запах, идентичный занюханному на старте. Теперь тщательно протирают пол и приводят другого «детектора» Алдана. Все повторяется. Потом меняют расположение банок, снова протирают пол, и уже третья собака ищет тот же запах. Иногда удается провести экспертизу за один-два дня, а бывает, уходит неделя.

— Три старта — для повышения достоверности исследования и исключения возможных случайностей. — Сулимов, судя по всему, доволен экспертизой. — Мы представляем следствию или прокуратуре выводы четырех типов: категорически положительный — выявлено искомое лицо, его запах; категорически отрицательный — в изъятых пробах не обнаружено индивидуальных запахов проверяемых лиц; вероятно-положительные и вероятно-отрицательные. Вероятностные выводы не служат доказательством по уголовному делу.

От себя добавлю, что отечественные и зарубежные специалисты оценивают направление проводимых в центре исследований как приоритетное в мировой практике.

Своя порода

— Вы учтите, — говорит Клим Тимофеевич, — что в пробах, взятых с места происшествия, почти всегда содержатся не только индивидуальный запах человека, но и множество отвлекающих. Женский платочек, как правило, пахнет духами, мужской — табаком. В карманах, сумочке могут быть лекарства, часто с весьма резко выраженным запахом — валериановые капли, валидол, валокордин. Тем не менее практика показывает, что все это для детекто-

ра не помеха. Высокая чувствительность обоняния и аналитические способности мозга собаки обеспечивают безошибочное узнавание нужного запаха в смеси различных компонентов.

— Интересно, — удивилась я, — почему же тогда не срабатывают лучшие розыскные собаки, стоит преступнику посыпать след махоркой?

— Да очень просто. Розыскная собака отказывается работать, потому что едкая пыль, если мы имеем дело с махоркой, механически раздражает дыхательные пути. А если след обработан химическим раздражающим веществом, что тоже встречается, происходит отравление обоняния собаки. В лабораторных же условиях раздражители сведены к минимуму. Поэтому четвероногий эксперт именуется у нас «лабораторная собака-детектор».

О собаках, которых готовит Сулимов, разговор отдельный. Одну из них я с сожалением снимаю с коленей и возвращаю в вольерчик, пока не явилась с прогулки мамаша.

— Но пока еще нет специальной породы для идентификации запахового следа, — уточняет Клим Тимофеевич. — Немецкая овчарка — прекрасная собака, но требуемые нами качества не характерны для породы в целом. Поскольку у каждой из пород «узкая специализация», я пришел к выводу: надо выводить свою, особую. Что от нее требуется? Не экстерьер, не морфологические особенности, а прежде всего поведенческие признаки, позволяющие собаке выполнять поставленные задачи. Огромное значение имеет способность собак переносить клеточное содержание без особого ущерба для психики. И, конечно, лояльность к человеку вообще, а не только к знакомому персоналу. За

основу нового типа я взял лаек — карельских и оленегоночек. Они неприхотливы в содержании, очень подходящи по типу нервной деятельности и размерам. И я осуществил эксперимент, в некотором смысле экстравагантный: помесь лайки и фокстерьера «скрестил» с шакалом. Гибриды лучшего качества, сохраняющие обоняние дикого зверя, получил возвратным скрещиванием полукровных животных с собакой. Таким образом, у гибридного потомства одна четверть генома шакала. Посему наш Вуди, выражаясь высоким стилем, — квартерон.

Воспитывать щенят начинают сразу после рождения, а когда они достигнут семимесячного возраста, приступают к специальному курсу обучения и работают с собакой до десяти-одиннадцати лет.

Питомник во дворе необычный, трехъярусный. Верхний ярус — конура, надежное убежище от дождя и снега. Второй ярус может разделяться сетчатыми перегородками на три секции. Средняя вначале пустует, так как будущие сотоварищи содержатся в крайних. Потом одну из перегородок убирают, и если соседи не проявляют взаимной агрессии, то удаляют и последнюю преграду. Когда собаки не уживаются характерами, им подыскивают более подходящих, психологически совместимых сородичей.

Пол в среднем ярусе сетчатый, поэтому чистить приходится лишь нижний ярус, служащий как бы приемником отходов. А он устлан специальным компостным составом, позволяющим убирать его раз в пять лет.

Спор теоретиков и практиков

В России гремят выстрелы, взрываются автомобили, квартиры. Из трех миллионов зареги-

стрированных в прошлом году преступлений более пятисот тысяч — тяжкие. Все сложнее искать и изобличать преступника. В такой ситуации метод одорологической экспертизы мог бы здорово помочь. Работники следствия и суда сразу приняли его. А юристы-теоретики оказались «в оппозиции».

Тысячи папок хранятся в лаборатории Сулимова — тысячи уголовных дел, когда с помощью экспертов была установлена истина. Сулимов занят описанием последней экспертизы, а я изучаю отзывы об одорологических исследованиях, экспертизах. Написаны они сухо, сугубо официальным языком, но разве в этом дело? Читаю на выбор: «Закончено расследование по делу по обвинению гр. М., гр. Л., гр. А. в совершении разбойного нападения на гр. М. По данному делу была проведена судебно-odoroлогическая экспертиза, в результате которой установлено, что запахи, имеющиеся на монетах, обнаруженных при осмотре места происшествия, принадлежат обвиняемому М. Вина гр. М., кроме того, была подтверждена показаниями потерпевшего, протоколами опознания личности, а также во время обыска у М., где были изъяты вещи потерпевшего...

Заключение судебно-odoroлогической экспертизы по уголовному делу, возбужденному по факту кражи из квартиры гр. К., явилось одним из решающих доказательств причастности гр. С. к совершению преступления. Вина гр. С. была подтверждена также другими доказательствами. **А. А. ВОЛОГДИН, ЭКО УВД Кировского облисполкома.**

«По уголовному делу в отношении гр. Ц., обвиняемого в совершении ряда преступлений, была проведена одорологическая эксперти-

за, результаты которой в совокупности с другими объективными доказательствами (заключениями баллистических и судебно-биологических экспертиз) позволили изобличить преступника и легли в основу обвинительного заключения. Дело направлено в суд. **А. А. АНИСИМОВ, прокуратура Кировского района г. Москвы.**».

«По факту убийства водителя такси гр. С. было возбуждено уголовное дело... Непосредственно при осмотре места происшествия были изъяты вторичные запаховые следы с рулевого колеса и сидений автомашины; в помещении ЭКО УВД были изъяты запаховые следы с шарфа, которым преступники задушили водителя, оставив и шарф на трупе. Впоследствии следователем были изъяты индивидуальные образцы запаха у гр. И. и гр. Б., обвиняемых по делу.

Согласно заключению судебно-odoroлогической экспертизы, проведенной в ВКНЦ МВД РФ, на шарфе, а также в автомашине были обнаружены запахи как гр. Б., так и гр. И. Поскольку запах гр. Б. был обнаружен на шарфе, то этим было опровергнуто его утверждение, что он, находясь в салоне автомашины, водителя не убивал, шарфом его не душил. Приговором суда гр. И. и гр. Б. признаны виновными по семи статьям УК РСФСР, в том числе в умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах и приговорены к 15 годам лишения свободы каждый. В своем приговоре судебная коллегия по уголовным делам Кировского областного суда в качестве доказательства вины обоих обвиняемых сослалась на приведенный вывод одорологической экспертизы. Суд использовал заключение одорологической экспертизы не только в комплексе иных доказа-

тельств, но и как самостоятельное доказательство вины конкретного обвиняемого в совершении убийства. Представляется, что необходимо и дальше совершенствовать и развивать применение одорологических экспертиз. **Б. Б. КОНДРАШИН, прокуратура Кировской области».**

— Вам до утра читать хватит, — говорит Сулимов. — В августе прошлого года наконец-то создано семь (только семь на всю Россию!) одорологических групп, а надо бы не менее двадцати пяти. Ведь у нас очередь на экспертизу, а мыслимое ли дело за этим в очереди стоять. И почему-то не особенно едут к нам учиться, опыта набираться. Но если бы только это...

Я знаю, что имеет в виду Сулимов. Хотя одорологическая экспертиза признана самостоятельным доказательством в следствии по уголовным делам, продолжается борьба между сторонниками и противниками метода. Скептицизм теоретиков права часто основан лишь на эмоциях. Но вот мнение компетентного ученого — академика Владимира Соколова: *«На основе уникальных природных свойств собаки в методику удачно привнесены приемы исследования, присущие приборным методам, такие, как оценка информативности и правильности восприятия запаховой пробы, соответствия и однозначности выходных данных, обеспечивающих надежность получаемых результатов».*

Сулимов — оптимист и, прощаясь со мной, пообещал привезти из Америки, куда его пригласили для передачи опыта, «настоящего койота для улучшения породы».

Каждый раз, возвращаясь домой из лаборатории, я задавала себе один вопрос: когда же будет

преодолен психологический барьер в неприятии собак-детекторов? Чем объяснить неспешное распространение методики Сулимова?

Мы и так вынужденно задержались с развитием исследований в области одорологической криминалистики из-за ее критики в печати. Первые научные работы появились в середине шестидесятых, а лаборатория Сулимова лишь в 1979 году получает социальный заказ на создание методики по идентификации запаха человека. Сейчас лаборатория в состоянии выполнить всего сто пятьдесят-двести экспертиз в год. Три года назад на расширенном заседании ученого совета тогда еще Всесоюзного Криминалистического Центра доктор юридических наук профессор Рафаил Белкин высказался категорически однозначно: «Недопустимо в современных условиях и далее пренебрегать столь действенным средством установления истины по делу, каким является одорологический метод».

Статистика нераскрытых преступлений сейчас могла выглядеть иначе. Могла бы... Но еще раскачиваемся, сомневаемся, а тем временем специалисты многих государств сосредоточенно записывали почти каждое слово одного из докладчиков международного симпозиума криминалистов, который состоялся в Москве прошлым летом. Сообщение, вызвавшее особый интерес участников, касалось проблем идентификации человека по его запаховым следам. Докладчиком был ученик Сулимова — эксперт медико-биологического отдела Василий Иванович Старовойтов.

...Клим Тимофеевич прилетел из Америки с двумя парами койотов.

ЦАРСТВОНЫС МІСТЫ

Рисуюк ГЕННАДІЯ НОВОЖИЛОВА

И

звестно, что в семейной истории царствовавшего дома Гогенцоллернов фигурирует таинственная «Белая Дама», обитающая якобы в Потсдамском дворце. В хронике нашего дома Романовых нет семейных призраков, но в истории частной жизни царствовавших особ встречаются события, окруженные мистической тайной. В свое время одна из них была описана и формально подтверждена Бироном и караульным офицером. Но как нет оснований сомневаться в достоверности этой истории, так и нет, по всей видимости, возможности как-то объяснить это даже и современными, научными данными.

Событие это произошло в ночь на 10 октября 1740 года. Государыня Анна Иоанновна жила тогда в Аничковом дворце на Фонтанке.

Все в тот день шло заведенным порядком: плотно поужинав и позабавившись шутами и дурами, государыня удалилась в 11 часов на покой, и во дворце понемногу все стихло. Дворцовый караул произвел смену. Между прочим, часть его, взвод солдат, занимала комнату, смежную с тронным залом. У дверей зала стоял, по обычаю, часовой. Свободные от дежурства солдаты дремали в ожидании своей очереди, а караульный офицер, расположившись в мягких креслах, крепко спал.

Вдруг — приблизительно около часа ночи, — когда все во дворце было погружено в глубокий сон, гулко раздался удар караульного колокола и окрик часового:

— Караул вон!

Солдаты быстро повскакивали с мест и схватились за ружья, офицер выстроил их и вынул саблю для салюта.

Весь караул с офицером во главе увидел через раскрытые двери императрицу. Заложив за спину руки, склонив голову, она задумчиво ходила взад и вперед по тронной зале.

Тронный зал был слабо освещен несколькими горящими в канделябрах свечами: лицо императрицы было необыкновенно и проникнуто какой-то тайной. Караул, держа у плеча ружья, и офицер с обнаженной саблей замерли в суеверном ужасе, но что самое странное: ходившая по залу императрица, казалось, совершенно не замечала их.

Первым очнулся офицер. Он вполголоса передал свою команду

взводному, а сам торопливо направился в так называемый женский апартамент, чтобы вызвать дежурную фрейлину.

В длинном коридоре он встретил герцога Бирона и поспешил доложить ему, что императрица вошла в тронный зал и теперь ходит там в глубокой задумчивости. Бирон изумился.

— Этого не может быть! — воскликнул он. — Я только что от императрицы. Она направилась в свою опочивальню. Это чья-то шалость. Или интрига!

— Взгляните, ваша светлость, сами, и тогда вы убедитесь! — сказал смущенный офицер.

Герцог направился вслед за офицером к тронному залу. Здесь они оба увидели, что императрица продолжала медленно ходить взад и вперед. Бирон остановился пораженный.

— Это не государыня, — пробормотал он. — Это какой-то наглый обман! Я сейчас!

Он поспешно направился во внутренние апартаменты и приказал разбудить императрицу.

Войдя к ней, он рассказал о том, что видел, и просил ее пройти немедленно к тронному залу, чтобы обличить обман. Смущенная императрица надела пеньюар и направилась послушно за Биронем.

Во дворце уже стали просыпаться. Непонятное волнение охватило всех. Государыня прошла мимо караула и вошла в тронный зал. Мистический ужас наполнил ее душу. В зале перед нею молча и торжественно ходил ее двойник, в задумчивости не замечая ее присутствия.

Анна Иоанновна шагнула по направлению к нему и крикнула:

— Дерзкая!

— Зарядить ружья! — приказал Бирон офицеру.

Тот отдал команду. Солдаты дрожащими руками зарядили ружья.

Императрица готова была лишиться чувств.

— Кто ты? Зачем пришла? — задыхаясь от волнения, спросила она.

Двойник остановился и вперил в нее тоскующий, неподвижный взор. Затем стал медленно отступать к трону и, не сводя взгляда с императрицы, поднялся на его ступени.

Бирон обезумел от ужаса и гнева.

— Это обманщица! Вот ваша императрица! — закричал он солдатам.

Двойник поднялся на верхнюю ступеньку трона.

— Стрелять в нее! — закричал неистово Бирон.

Солдаты подняли ружья.

В этот момент двойник стал бледнеть и вдруг исчез. Свечи погасли, словно от чьего-то дуновения. Всех присутствующих охватил суеверный ужас.

— Это моя смерть, — сказала императрица, изумленная и дрожащая от страха.

Анна Иоанновна, как известно, умерла 17 октября 1740 года, то есть неделю спустя после видения.

Трудно найти для психолога другую натуру, заслуживающую

более обстоятельного и внимательного изучения, чем император Павел I: воображение было в нем так сильно развито, что он представляемые предметы принимал как действительно существующие. В нем, еще десятилетнем мальчике, особенность эта была уже замечена воспитателем его Семеном Андреевичем Порошиным. Павел остался мистиком до конца жизни. Павел верил в сны и предзнаменования. Вспомним сон его перед вступлением на престол, переданный в записке Ростопчина: тут ему снилось, что его три раза поднимает кверху неведомая сила (должно припомнить и то, что Павел Петрович принадлежал к масонству).

Медицинская наука в те и последующие времена видела причины напряженного воображения и видения призраков как результат расстройства пищеварительной системы, и, перечитывая, например, «Записки» Порошина, врач найдет в них прямое подтверждение этой теории. Десятилетний Павел, сила воображения которого изумляла наставников, постоянно страдал плохим пищеварением. Рвота и головная боль были в нем постоянным недугом. Порошин, не зная, чем объяснить это явление, приписывает его тому, что, обыкновенно не любивший долго сидеть за столом, великий князь глотал большие куски, не совсем разжевывая их.

Приводимый здесь рассказ великого князя в связи с другими данными раскрывает психические особенности этой замечательной личности.

В 1782 году Павел Петрович вместе с молодой супругой своей Марией Федоровной путешествовал за границей. Множество подробностей об этой поездке мы находим в «Записках» баронессы Оберкирх.

Баронесса Оберкирх, подруга детства принцессы Доротеи Виртембергской (потом — императрицы Марии Федоровны), путешествовала вместе с русской великокняжескою четкою по Франции, Бельгии и Германии. Павел Петрович очень уважал баронессу, к которой великая княгиня, его супруга, сохраняла прежние чувства теплой девической привязанности. Подаренные раз баронессе великим князем фрукты бросили даже мимолетний колорит легкой ревности на отношения между супругами, но это был порыв тоже почти шуточной ревности, которой, например, встретила великая княгиня рассказы супруга о королеве Марии Антуанетте, очаровавшей его в Париже.

10 июля 1782 года в Брюсселе Павел Петрович, путешествовавший под именем графа Северного, ужинал в обществе. Великая княгиня, утомившись путешествием и театром, который путешественники посетили тотчас по приезде в Брюссель, не была за столом. Ужин ли, жаркий ли летний вечер дал особенное направление разговору, только беседа скоро обратилась к чудесному, к явлению призраков и т. д. Каждый рассказывал что-нибудь чудесное из собственного опыта, лишь один великий князь хранил молчание.

Следующее заимствуем мы буквально из «Записок» Оберкирх, которым смело можно доверяться: все интересное, слышанное ею, она тотчас же передавала бумаге. Так, незадолго перед тем

вечером она записала рассказ принца де Линя, тотчас после того, как слышала его. Великая княгиня Мария Федоровна сделала тогда то же самое, хотя, в сущности, рассказ принца о том, как он в платье монашенки и под вуалью присутствовал при пострижении девушки, оставившей в нем неизгладимое впечатление, не представлял ничего особенно интересного.

— А что же вы, ваше высочество? — обратился принц де Линь к Павлу. — Или вам нечего рассказать? Разве в России нет чудесного? Или злым духам и колдунам не удалось расставить вам чары?

Великий князь поднял голову.

— Куракин знает, — сказал он, — что и мне было бы кой о чем рассказать, как и другим. Но есть воспоминания, которые я стараюсь удалить из памяти. Я и так уже вынес из них немало.

В комнате господствовало молчание. Великий князь посмотрел на Куракина, и во взоре его выразилось грустно-тяжелое чувство.

— Не правда ли, Куракин, что со мною приключилось кое-что очень странное? — спросил он.

— Столь странное, ваше высочество, что при всем моем доверии к вам я могу приписать оное лишь порыву вашего воображения.

— Нет, это была правда, сущая правда, и если мадам Оберкирх даст слово, что не скажет ничего моей жене, я передам вам, в чем было дело. Но позвольте, господа, и всех вас просить держать мой рассказ в тайне, — прибавил великий князь, смеясь, — потому что очень неприятно было бы, если бы по всей Европе разошлась история о привидении, в которой я играю роль.

«Мы все дали обещание, и по крайней мере что касается меня, — писала впоследствии баронесса Оберкирх, — я сдержала свое слово. Если эти мемуары будут когда-нибудь обнародованы, то не прежде как нынешнее поколение сойдет со сцены и не останется в живых никого, кого бы интересовал этот рассказ (?). Передаю от слова до слова, как слышала от самого великого князя.

Раз вечером или, пожалуй, уже ночью я в сопровождении Куракина и двух слуг шел по петербургским улицам. Мы провели вечер вместе у меня во дворце за разговорами и табаком и вздумали для освежения сделать прогулку инкогнито при лунном освещении. Погода была не холодна, это было в лучшую пору нашей весны, конечно, впрочем, весны не южных климатов. Разговор наш шел не о религии и не о чем-либо серьезном, а, напротив, был веселого свойства, и Куракин так и сыпал шутками насчет встречных прохожих. Несколько впереди меня шел слуга, другой шел сзади Куракина, а Куракин следовал за мною в нескольких шагах позади. Лунный свет был так ярок, что при нем можно было читать письмо, и, следовательно, тени были очень густы.

При повороте в одну из улиц вдруг вижу я в глубине подъезда высокую худую фигуру, завернутую в плащ в роде испанского, и в военной, надвинутой на глаза, шляпе. Он будто ждал кого-то.

Только что я миновал его, он вышел и пошел около меня с левой стороны, не говоря ни слова. Я не мог разглядеть ни одной черты его лица. Мне казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производят странный звук — точно как будто камень ударялся о камень. Я был изумлен, и охватившее меня чувство стало еще сильнее, когда я почувствовал ледяной холод в моем левом боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнул и, обратясь к Куракину, сказал:

— Судьба нам послала странного сопутника.

— Какого сопутника? — спросил Куракин.

— Господина, идущего у меня слева, которого, кажется, можно заметить уже по шуму, производимому им.

Куракин раскрыл глаза в изумлении и заметил, что никого нет у меня с левой стороны.

— Как? Ты не видишь этого человека между мною и домовою стеной?

— Ваше высочество идете возле самой стены, и физически невозможно, чтобы кто-нибудь был между вами и ею.

Я протянул руку и точно оцупал камень. Но все-таки незнакомец был тут и шел со мною шаг в шаг, и звуки его шагов, как удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрел на него внимательнее прежнего, и под шляпой его блеснули глаза столь блестящие, что таких я не видал никогда ни прежде, ни после. Они смотрели прямо на меня и производили какое-то околдовывающее действие.

— Ах! — сказал я Куракину. — Я не могу передать тебе, что я чувствую, но только во мне происходит что-то особенное.

Я дрожал не от страха, но от холода. Я чувствовал, как что-то особенное проникало все мои члены, и мне казалось, что кровь замерзает в моих жилах. Вдруг из-под плаща, закрывавшего рот таинственного спутника, раздался глухой и грустный голос:

— Павел!

Я был во власти какой-то неведомой силы и механически отвечал:

— Что вам нужно?

— Павел! — сказал опять голос, на этот раз, впрочем, как-то сочувственно, но с еще большим оттенком грусти. Я не мог сказать ни слова. Голос снова назвал меня по имени, и незнакомец остановился. Я чувствовал какую-то внутреннюю потребность сделать то же.

— Павел! Бедный Павел! Бедный князь!

Я обратился к Куракину, который тоже остановился:

— Слышишь? — спросил я его.

— Ничего, — отвечал он, — решительно ничего.

Что касается до меня, то этот голос и до сих пор еще раздается в моих ушах. Я сделал отчаянное усилие над собою и спросил незнакомца: кто он и что ему нужно?

— Кто я? Бедный Павел! Я тот, кто принимает участие в твоей судьбе и кто хочет, чтобы ты особенно не привязывался к этому миру, потому что ты долго не останешься в нем. Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Бойся

укора совести: для благородной души нет более чувствительного наказания.

Он пошел снова, глядя на меня все тем же пронизательным взглядом. И как я остановился, когда остановился он, так и теперь я почувствовал необходимость пойти за ним. Он не говорил, и я не чувствовал особенного желания обратиться к нему с речью. Я шел за ним, потому что он теперь шел впереди. Это продолжалось более часа. Где мы шли, я не знал. Куракин не хочет верить ничему этому. Посмотрите, он смеется. Он думает, что все это было не более как сон.

Наконец пришли мы к большой площади, между мостом через Неву и зданием Сената. Он прямо пошел к одному как бы заранее отмеченному месту площади, я, конечно, следовал за ним, и затем остановился.

— Прощай, Павел! — сказал он. — Ты еще увидишь меня опять, здесь и кой-где еще.

При этом плеча его поднялась как бы сама собою, и глазами моим представились орлиный взор, смуглый лоб и строгая улыбка моего прадеда Петра Великого. Когда я пришел в себя от страха и удивления, его уже не было передо мною.

На этом самом месте императрица возводит монумент, который скоро будет удивлением всей Европы. Это конная статуя, представляющая царя Петра и помещенная на скале. Не я советовал моей матери избирать это место, выбранное, или скорее угаданное, призраком. И я не знаю, как описать чувство, охватившее меня, когда я впервые увидел эту статую. *Я боюсь мысли, что могу бояться*, что бы ни говорил князь Куракин, уверяющий, что все это было не более как сон, виденный мною во время прогулки по улицам. Малейшая подробность этого видения памятна мне, и я по-прежнему утверждаю, что это было видение и все связанное с ним представляется мне так же ясно, как бы это случилось вчера.

Придя домой, я нашел, что мой левый бок положительно окаменел от холода, и я почувствовал некоторую теплоту лишь несколько часов спустя, хотя тотчас же лег в теплую постель и закрылся как можно теплее.

Надеюсь, что вам понравилась моя история и что если я заставил вас подождать, то было из-за чего.

— Знаете, что это значит, ваше высочество? — спросил принц де Линь.

— Это значит, что я умру в молодых годах.

— Извините, если я не сойду с вами во мнении. Я полагаю, что это доказывает неоспоримо две вещи. Во-первых, что не надобно выходить ночью, когда клонит ко сну, и во-вторых, что не следует ходить слишком близко к домовым стенам, промерзшим в таком климате, как у вас. Другого заключения из этого я не могу вывести. Призрак вашего знаменитого прадеда существовал лишь в вашем воображении, и я не сомневаюсь, что на верхней одежде вашей осталась пыль от домашних стен...

Этот рассказ, говорит баронесса Оберкирх, произвел, вы можете быть уверены, сильное впечатление на всех нас. Мало кто

слышал его, потому что великий князь никогда не желал предавать его огласке. Великая княгиня не слыхала его по сей день*. Он бы перепугал ее. Удалясь к себе, я подробно записала его, как всегда делала с тем, что находила особенно важным, ограничиваясь относительно предметов меньшей важности одними заметками, которые бы помогали моей памяти».

Читая далее мемуары баронессы Оберкирх, мы видим, что Павел после как бы раскаивался, что сделал поверенным этой тайны друга своей жены. Он старается убедить ее, что все рассказанное им было выдуманно с целью рассказать что-нибудь страшное в свою очередь. Но баронесса была тонкая наблюдательница, и ее не так легко было уверить и разуверить. 17 августа того же года Павел Петрович и его супруга были в Мобельяре, у родителей Марии Федоровны, когда там получено было письмо из Петербурга, извещавшее, что 18-го числа того же месяца памятник Петру I был торжественно открыт в присутствии императрицы. Когда читали письмо, Павел Петрович приложил палец к губам, делая этим знак баронессе. Баронесса наблюдала внимательно и видела, как великий князь старался улыбаться, хотя мертвенная бледность покрыла лицо его. Это объяснило ей окончательно, шутил или не шутил Павел в ту памятную ночь в Брюсселе.

116 Как известно, Павел взошел на престол 7 ноября 1796 года, после скоропостижной смерти Екатерины II. Покойной императрицею ему предопределена была другая участь. Для него была уже предназначена бывшая темница Иоанна Антоновича в Шлиссельбургской крепости, а наследником назначался сын его Александр. Смерть изменила порядок событий и ход истории, но Павел знал замыслы своей матери и готовился к горькой чаше.

Когда прискакал Зубов, торопясь назвать его императором, Павел подумал, что это передовой гонец со страшным приговором.

Ничто не обещало ему трона.

И вот, в тревожные дни осведомленности о своей участи, в ночь на 5 ноября 1796 года, Павел увидел сон, будто неведомый ему сияющий святой старец приблизился к его изголовью, благословил его и тихим голосом наказал надеяться на Божью помощь.

Павел проснулся потрясенный и растроганный и тотчас окликнул свою супругу. Она не спала и в ответ на его вопрос рассказала ему приснившийся ей сон, который буквально совпадал со сном Павла.

Мистической тайной окружена и лихорадочно-спешная постройка Михайловского дворца.

Прежде на этом месте стоял так называемый Летний дворец, построенный Петром I в 1711 году. Летний дворец был небольшим деревянным зданием, в котором при Елизавете жила Ека-

* Мемуары оканчиваются 1789 годом.

терина со своим супругом, наследником Петром Федоровичем, и в котором родился Павел.

По восшествии на престол император Павел издал 22 ноября 1796 года странный указ, которым этот Летний дворец приказывал впредь навсегда называть Михайловским дворцом. Этот указ изумил в то время всех, но следом за ним произошло еще более странное и таинственное событие.

У Летнего дворца всегда находился караульный пост и стоял часовой. И вот в глухую полночь перед часовым, стоявшим на посту, вдруг явился старец, весь убеленный сединами, большого роста, сразу внушивший часовому глубокое почтение. Он подошел и повелительно сказал:

— Иди и скажи своему государю, что я повелел ему на сем месте выстроить церковь во имя архистратига Михаила-архангела.

Часовой смутился, но собрался духом и твердо сказал:

— Как же мне это сделать? Меня за это забьют насмерть.

— Не опасайся ничего, — ответил ему старец, — тебе зла за это никакого не будет, ты только напомни государю, ибо он сие и так знает.

И старец исчез.

Солдат на смене сказал об этом видении разводящему, потом со страшными клятвами подтвердил капралу и караульному офицеру. Тот донес командиру, и на другое утро об этом узнал государь.

Выслушав донесение, Павел задумчиво опустил голову и сказал как бы про себя:

— Да, я это уже знаю.

И вскоре после этого архитекторам Баженову и Бренна было поручено строить Михайловский дворец, а на месте, указанном старцем, 26 февраля 1797 года был заложен храм имени архистратига Михаила.

Замечательный след чего-то таинственного, относящегося к постройке дворца и церкви, есть и среди документов того времени.

На имя государя было прислано неким Ефимом Ульяновским прошение о разрешении ему построить в Петербурге церковь имени Михаила, так как ему, Ульяновскому, явился св. Кирилл Новоозерский и приказал это сделать.

На этом прошении Павел 16 декабря 1796 года начертал резолюцию: «По предсказанию св. Кирилла, должно построить Михайловскую церковь, посему будут Михайловский дворец и в нем — церковь сего имени».

Дворец строился с невероятной спешностью. Павел следил за постройкой и так торопился с нею, словно с переселением в новый дворец связывал что-то очень значительное в своей жизни.

Громадный дворец, со всею внешнею облицовкой и внутренней отделкой, с полным убранством, был закончен менее нежели в четыре года, и 1 февраля 1801 года Павел со всею семьею переехал в него.

Новый дворец не принес ему счастья. Он прожил в нем всего 40 дней и в ночь на 12 марта был умерщвлен.

Замечательно и совпадение, которое истолковали как пророчество. На фронтоне нового дворца Павел приказал начертать надпись: «Дому твоему подобаешь святыня Господня въ долготу дней». Оказалось, что число букв этой надписи точно соответствует числу лет, прожитых императором Павлом: 47.

Мистические предчувствия, казалось, сопутствовали Павлу до последнего его дня — 11 марта 1801 года.

В продолжение рокового этого дня Павел посетил между прочим и малолетнего великого князя Николая Павловича, которого он очень любил. Во время этого свидания великий князь (ему шел уже пятый год) обратился к своему державному отцу с вопросом: отчего его называют Павлом Первым?

— Потому, — отвечал государь, — что не было другого императора, который носил бы это имя до меня.

— Тогда, — продолжал великий князь, — меня будут называть Николаем Первым.

— Если ты вступишь на престол*, — заметил ему государь. Погрузившись затем в раздумье и устремив долгое время свой взор на великого князя, Павел крепко поцеловал сына и быстро удалился из его комнаты.

Но и это не было последним его предчувствием.

Вечер 11 марта Павел провел с семьей и с обычно приглашавшимися знатными особами в гостиной комнате дворца. Стол был накрыт на девятнадцать кувертов. Павел был *необыкновенно, много более чем обычно, весел*; позже это отметят все очевидцы. Вспомнят и о том, что много лет назад он признавался в одном частном письме, что заметил за собою одну особенность, что когда «сей род веселости» найдет на него, это «всегда перед печалью». Писаны эти слова давно, в 1784 году, и тот же «род веселости» нашел на Павла Петровича в последний его день к вечеру.

За ужином великий князь Александр Павлович был молчалив и задумчив, Павел, напротив, разговорчив чрезвычайно и весел необыкновенно. И это тем более странно, что накануне он видел страшный сон: его насильно одевают в одежду, которая его душит. Заметив между весельем, что наследник не в обыкновенном расположении духа, император спросил его:

— Что с вами сегодня такое, ваше высочество?

— Государь, я чувствую себя не совсем хорошо, — отвечал Александр.

— Ну так посоветуйтесь с доктором и берегите себя. Всегда нужно останавливать недомогание с самого начала, чтобы помешать ему превратиться в серьезную болезнь.

Александр ничего не ответил, он наклонился и потупил глаза.

* Николай Павлович был третьим сыном Павла I и потому мог наследовать только после Александра и Константина. Последующее развитие событий, завершившихся неожиданной смертью Александра I, отречением Константина, 14 декабря и восшествием Николая, невозможно было предположить в 1801 году, когда имел место этот диалог.

Через несколько минут великий князь чихнул. И тут вместо обычного «Будьте здоровы!» император сказал ему по-французски и с веселостью в голосе:

— *За исполнение всех ваших желаний, ваше высочество!*

И продолжал удивлять всех необыкновенною в этот вечер веселостью и оживлением.

После ужина, разговаривая с гостями, он взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток искажать лица, посмеялся своему отражению и сказал:

— Посмотрите, какое смешное зеркало, я вижу себя в нем с кривою шейю.

Ужин кончился в половине десятого. Заведено было, чтоб все выходили в другую комнату и прощались с государем. В этот вечер Павел также вышел в другую комнату, но ни с кем не простился, а, глядя куда-то в пространство, только сказал:

— *Чему быть, того не миновать.*

**Собрал по старинным источникам и пересказал
АЛЕКСЕЙ КАРЕТНИКОВ.**

ПОЛЬ КОНОДИ

РАФА

АЛЬ

«Говорю тебе, чтобы изобразить одну красивую женщину, мне понадобилось бы видеть нескольких красавиц и иметь тебя под рукою, чтобы выбрать самую красивую», — писал Рафаэль, находившийся тогда на вершине славы и благополучия, своему неизменному другу, графу Бальдассару Кастильоне, который, будучи сам идеальным придворным, подарил миру бессмертный памятник культуры эпохи Возрождения книгу «Придворный».

Начертывая эти строки, король живописцев хотел, может быть, только сказать любезность человеку, который сам служил образцом вежливости и изящных оборотов речи. Но выше приведенные слова приобретают глубокий смысл, если вместо *женщина* поставить *картина* и если взять Кастильоне как олицетворение разума и учености. Ибо красота рафаэлевского искусства сложилась из различных элементов красоты, содержащихся в том искусстве, которое предшествовало Рафаэлю, и созидалась вокруг него.

Рафаэль действительно родился под счастливою звездою. Он не был ни великаном разума, ни таким гением, какие создают эпоху. Как о нем сказал Микеланджело, он был обязан своим искусством не только природе, сколько обучению, но он родился в такое

ЧУДЕСНЫЙ УЛОВ. Лондон. Музей Виктории и Альберта.

время, когда два века постепенного художественного развития вызвали потребность в художнике, который собрал бы расходящиеся нити и довел бы движение до его высшей точки, на все времена пребывающей мериллом совершенства. Выгоды происхождения и обстановки ранних лет, привлекательные внешность и характер, благодаря которым он становился любимцем, где бы ни появлялся, восприимчивость, умение приспособляться, усердие, а особенно раннее и легкое усвоение техники, соединившись в Рафаэле, поместили его для этого подвига. Ничем не омраченное течение его жизни, переход от уважения к славе, от состоятельности к богатству — не тот бурный путь, которым шествует гений. Стеза гения уныла и одинока. У Микеланджело, мятежного духа, озлобленного и неудовлетворенного, у Леонардо да Винчи, который преследовал свои высокие идеалы, не помышляя о мирском успехе, пока на старости лет не оказался изгнанником, лицом к лицу с бесплодием своих работ, — у этих людей чистого гения мало общего с гибким придворным Рафаэлем, который и сам был главою маленького двора, состоявшего из верных последователей.

Существует рассказ, что озлобленно настроенный Микеланджело, встретив счастливого соперника во главе обычной свиты человек из пятидесяти приближенных, обратился к нему со словами: «Ты шествуешь, как шериф со своим *posse comitatus*». Находчивый же Рафаэль ответил: «А ты, как палач, направляющийся к эшафоту».

Правдив ли этот рассказ или нет, но он отмечает разницу между складом таланта, хотя и самого редкостного, и складом гения.

II

В конце пятнадцатого века, в правление герцога Федерико Монтефельтре, просвещенного государя, который отдавал свои лучшие силы и время, остававшееся у него от обязанностей на поле битвы, покровительству искусствам, украшению своего прекрасного дворца и собиранию бесценных рукописей, картин, древностей и всевозможных художественных произведений, старый город Урбино возвысился настолько, что стал одним из центров культуры и науки, а герцогский двор сделался местом, где собирались архитекторы, поэты и гуманисты, привлеченные богатством и щедростью высокого покровителя.

В числе менее крупных спутников, привлеченных солнцем Монтефельтре, находился некий Джованни Санти, прибывший в Урбино в середине пятнадцатого века. Хотя он был довольно искусным художником и, может быть, учился у Фиоренцо ди Лоренцо, но в начале своего пребывания в Урбино он нашел необходимым пополнять свой скромный доход торговлей маслом, хлебом и другими товарами, по примеру своего отца. Но разнообразные дарования скоро выдвинули его и обеспечили ему положение придворного живописца и поэта. Важнее всех его картин, дошедших до нас, — его знаменитая рифмованная хроника в 23 000 стихов, в дантовском размере, где он прославляет добродетели и подвиги своего патрона.

У Джованни Санти и его жены Марии Чарлы в великую пятницу, 28 марта 1483 года, родился сын, которому было суждено в течение сравнительно краткой жизни достигнуть такой славы, какая досталась в удел лишь немногим смертным. Старшие брат и сестра Рафаэля умерли в раннем возрасте, а за ними и мать последовала в могилу, когда ему еще не было восьми лет. Ее место в родительском доме было занято Бернардиной Парте, дочерью золотых дел мастера, на которой Джованни женился вскоре после смерти первой жены. Из большой поэмы Джованни Санти как бы следует, что он находился в дружеских и близких отношениях с некоторыми из крупнейших мастеров своего времени, например, Мелоццо да Форли, Мантенья, Пьеро делла Франческо и Вероккио.

Было бы основательным предположить, что самое раннее художественное воспитание Рафаэля, под руководством отца, было направлено на развитие той своеобразной способности, которая впоследствии позволяла ему схватывать и усваивать преимущества в стиле различных мастеров, с кем он приходил в соприкосновение.

Легкость, с которой его скороспелый талант воспринимал уроки наставников, сделалась очевидною, когда вскоре после смерти отца, последовавшей в 1494 году от лихорадки, схваченной в малярийном воздухе Мантуйских болот, куда он отправился по приказанию Елизаветы Гонзаги, Рафаэль поступил в мастерскую ученика Франчя Тимотео Вити; последний поселился в Урбино в 1495 году, и его выдающееся положение среди художников этого города, вероятно, навело опекуна Рафаэля (дядю со стороны матери Симона Чарла) на мысль, что было бы желательно поручить юношу столь опытному руководству. А Рафаэль усвоил не только стиль своего первого учителя, но даже такую его особенность, как широкие руки и ноги и томный поворот головы, с такою полнотою, что Морелли, родоначальник современного критического метода, благодаря этим внутренним указаниям имел возможность после трех веков заблуждений опровергнуть утверждение Вазари, будто Рафаэль перешел из мастерской отца прямо в мастерскую Перуджино. Влияние Тимотео совершенно явственно в трех самых ранних картинах, принадлежащих кисти Рафаэля: «Видение рыцаря», «Св. Михаил» и «Три Грации». Не только те черты, которые сближают эту группу картин со стилем Тимотео Вити, но также робкое, мелочное выполнение и названная неподвижность фигур определяют их как работы незрелой юности Рафаэля.

Эти картины были написаны ранее, чем он достиг семнадцатилетнего возраста. Картина «Три Грации», которая, скажем мимоходом, очевидно, была внушена античной камеей, была куплена в 1885 году герцогом Омальским из коллекции лорда Дедли за 25 000 фунтов стерлингов, — конечно, это единственная в своем роде цена за произведение, написанное шестнадцатилетним мальчиком! В университетской галерее в Оксфорде хранится сделанный мелом портрет этого дивно одаренного привлекательного мальчика работы его первого учителя.

В 1500 году, когда тяжба была решена, он уже уехал в Перуд-

жизню продолжать занятия в качестве помощника Перуджино.

Опять-таки мы вскоре замечаем, что он и здесь усваивает стиль нового учителя так успешно и с такою полнотою, что, говоря словами Вазари, «его копии нельзя отличить от оригинальных работ учителя и различия между произведениями Рафаэля и произведениями Пьетро не поддаются точному определению». В те времена совесть художника не смущалась и плагиатом, и в картинах Рафаэля той эпохи легко проследить целые группы, заимствованные у старшего мастера. Но это почти буквальное подражание было лишь фазой, тогда как постоянными приобретениями для его искусства остались великий урок *воздушной перспективы* и типичный, почти религиозный пыл в передаче мирной красоты умбрийских холмов, усвоенные Рафаэлем в Перуджии.

В 1502 году Перуджино вернулся во Флоренцию, а Рафаэль, вероятно, вступил в штат помощников Пинтуриккьо, хотя сообщение Вазари, будто он сделал рисунки для фресок последнего мастера в библиотеке Пикколомини в Сиене, можно отвергнуть как басню.

В это время Рафаэль написал своих первых мадонн, именно мадонну «Conestabile» (теперь находящуюся в Петербурге), целиком опирающуюся на картину Перуджино «Св. Дева с плодом граната», и две картины, находящиеся в Берлинском музее. Миланское «Обручение», в котором личность юного мастера уже сказывается сквозь весьма заметные феррарские и перуджийские влияния, было написано в 1504 году для церкви св. Франческо в Вита-ди-Кастелло.

О раннем мастерстве Рафаэля в портретной живописи свидетельствует портрет Перуджино в галерее Боргезе, который благодаря твердой определенности характера и превосходному исполнению мог много лет считаться произведением Гольбейна.

Тем временем герцог Гвидобальдо после смерти своего врага папы Александра VI возвратился в Урбино, куда направился и Рафаэль в 1504 году. Маленький «Св. Георгий» (Лувр) служит воспоминанием об этом кратком пребывании, которое окончилось в октябре того же года, когда Рафаэль, снабженный очень теплым рекомендательным письмом к гонфалоньеру Пьеро Сомерини, покинул родной город для Флоренции, которая тогда была центром художественной жизни и взволнована соперничеством между великанами — Микеланджело и Леонардо да Винчи.

Вероятно, молодой человек был немало потрясен множеством новых впечатлений, которые нахлынули на него в чудесном городе на берегах Арно, полном внушительных дворцов и церквей, кипучей жизни и искусства, гораздо более мужественного и монументального, чем мечтательное, почти изнеженное искусство, порожденное мягкой благоуханной атмосферой Умбрии. Как он должен был наслаждаться, созерцая благородные фрески Мазаччо в капелле Бранкаччи, которые служили руководством для целых поколений живописцев и отзвук которых повторился десятью годами позже в картонах к коврам, предназначенным для Сикстинской капеллы! С каким удивлением и благоговением

МАДОННА В ЗЕЛЕНИ. Вена, Музей истории искусств.

он должен был останавливаться перед «Давидом» Микеланджело, принимая решение впредь отдаться более обстоятельному изучению человеческих форм и движений! Обаяние, которое имел для него гений Леонардо, выразилось в некоторых из более ранних плодов пребывания Рафаэля во Флоренции: в портретах галереи Питти, известных под названием «Анджело Дони», и его жены Маддалены Строчи.

В мастерской архитектора Баччио д'Аньоло, которая тогда была любимым местом сборищ молодых флорентийских художников, юноша из Урбино встречался на равной ноге с такими мастерами, как Ридольфо Гирландайо, Антонио ди Сангалло, Сансовино и Фра Бартоломео, которым опять-таки принадлежит значительная роль в образовании стиля Рафаэля, как это можно видеть по «Мадонне со св. Антонием», находящейся в коллекции Пирпонта Моргана, который, говорят, заплатил за нее огромную сумму — 100 000 фунтов стерлингов. Эта картина и «Мадонна Ansidei», купленная для Национальной галереи из собрания герцога Мальборо за 70 000 фунтов, были написаны во время пребывания в Перуджии в конце 1505 года: первая — для женского монастыря св. Антония Падуанского в Перуджии, а вторая — для капеллы Ansidei в церкви Сан-Лоренцо, в том же городе.

Сведения о переездах Рафаэля между 1504 и 1505 годами, когда он окончательно покинул Флоренцию, скудны и ненадежны. Достоверно только, что, кроме поездки в Перуджию, он провел некоторое время в Урбино в 1506 году, написав в это время для Гвидобальдо «Св. Георгия», который числится среди подарков, отвезенных Кастильоне Генриху VII английскому. Эта картина находится теперь в Эрмитаже, в С.-Петербурге*.

Большинство превосходных изображений Мадонны, которые более чего бы то ни было иного способствовали бессмертной славе и популярности Рафаэля, относится к флорентийскому периоду: «Великогерцогская Мадонна» — в галерее Питти, «Мадонна дома Темпи» — в Мюнхене, «Мадонна дома Орлеанов» — в Шанталы, «Мадонна на лугу» — в Вене, «Мадонна со щегленком» — в галерее Уффици, «Мадонна с ягненок» — в Мадриде и «Прекрасная садовница» — в Лувре.

При посещении им Перуджии Атланта Бальоне, мать Грифнетто Бальоне, павшего жертвой кровопролитных семейных раздоров, которые превратили Перуджию в 1500 году в кровавую арену, заказала Рафаэлю запрестольный образ в память этого события — «Положение во гроб», которое художник окончил в 1507 году и которое теперь находится в галерее Боргезе. Это была первая попытка Рафаэля в драматической композиции, искусством которой ему еще предстояло овладеть: принужденный, неестественный драматизм картины предоставляет больше простора критике, чем судебный процесс по поводу уплаты 100 дукатов, которые Рафаэль был должен за дом, купленный им у семейства Червази. Это вновь потребовало присутствия его

*О судьбе этой картины, проданной в США, см.: «Смена», 1988 год, № 19.

МАДОННА С БЕЗБОРОДЫМ ИОСИФОМ. Фрагмент. Эрмитаж, С.-Петербург.

в Урбино в октябре 1507 года. В апреле следующего года Гвидобальдо умер. Письмо Рафаэля к его дяде Симону Чарла, сообщавшему ему об этом печальном событии, доказывает, что художник к этому времени возвратился во Флоренцию. Выразив свое огорчение по случаю известия о смерти герцога («Я не мог читать твоего письма без слез»), Рафаэль просит в этом письме дядю достать ему другое рекомендательное письмо к флорентийскому gonfalonьеру «от монсьеора префекта», так как главный правитель Флоренции может распорядиться отдачей крупного заказа — росписи помещения.

Но для юного просителя была уготована лучшая участь — ему предстояло быть призванным на более широкое поприще. По словам Вазари, родственник Рафаэля Браманте из Урбино обратил внимание папы Юлия II на редкие дарования Рафаэля и был причиною приглашения его в Рим.

III

Рафаэль прибыл в Рим осенью 1508 года. Вероятно, молодой мастер почувствовал себя ошарашенным, внезапно очутившись среди чудес классического мира, который в то время господствовал над всем мыслящим миром, так что самое христианство прониклось язычеством. Кроме того, Рафаэль внезапно возвысился из скромного положения, которое во Флоренции заставляло его смотреть с трепетом и благоговением на Микеланджело и Леонардо, и занял независимое и ответственное место наравне с величайшими людьми его профессии.

По-видимому, папа Юлий II с самого начала отнесся с величайшим доверием к пришельцу, а способ, каким Рафаэль разрешил первую задачу, предложенную могущественным доверителем, не только оправдал это доверие, но, по-видимому, вызвал недовольство папы значительною частью декоративной работы, исполненной в ватиканских покоях до прибытия урбинского живописца. Вследствие ненависти к своему предшественнику Александру VI Юлию II было не по душе жить в комнатах, которые занимал папа фамилии Борджиа; поэтому он решил в 1507 году переселиться в верхние комнаты Ватикана, расписанные при папе Николае V Пьеро делла Франческо и Брамантино. Однако эти фрески не понравились новому папе, который пригласил Перуджино, Перуцци, Содому, Синьорелли и Пинтуриккьо для нового украшения **станц*** и наконец поручил Рафаэлю написать четыре медальона на потолке работы Содомы в зале Печати.

* Станцами называют личные покои папы в Ватикане.

ПОРТРЕТ АНЬОЛО ДОНИ. Флоренция, Галерея Питти.
ОБРУЧЕНИЕ МАРИИ. Милан, Пинакотека Брера.
СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ И ДРАКОН. Вашингтонская национальная галерея.
ТРИ ГРАЦИИ. Шантильи, Музей Конде.
ДОННА ВЕЛАТА (ДАМА С ПОКРЫВАЛОМ). Флоренция, Галерея Питти.

Относительно назначения этой комнаты существовало некоторое разногласие, но сюжеты росписи ясно указывают, что первоначально она предназначалась для библиотеки. Аллегорические фигуры Богословия, Философии, Правосудия и Поэзии, которыми Рафаэль заполнил четыре медальона сводчатого потолка, редко употреблялись для украшения библиотек в конце эпохи Возрождения; частое же повторение книг во всех композициях делает эту догадку еще более правдоподобной.

Юлий II был так восхищен тем, как Рафаэль справился с первым поручением, что тотчас же передал ему роспись всей амфилады из четырех комнат и приказал безжалостно уничтожить прочие фрески, раньше исполненные другими руками. Но Рафаэль в час своего торжества выказал то великодушие, мягкость и любезность, которые привязывали к нему всех, с кем он приходил в соприкосновение. Он убедил своего стремительного патрона сохранить некоторые работы Бальдассаре, Перуцци и Перуджино и живопись Содомы на потолке залы Печати. Ряд голов работы Брамантино, «столь прекрасных и столь совершенно исполненных, что им не хватало только дара слова, чтобы ожить», был обречен на гибель; но раньше их уничтожения Рафаэль поручил одному из помощников скопировать их.

Что же касается работ самого Рафаэля в зале Печати, то глубокомыслие, познания и ученость, обнаруженные во всем замысле, доказывают или то, что молодой мастер быстро пошел нога в ногу с умственным движением своего времени, или же то, что он благоразумно прибежал к советам тех, кто стоял во главе этого движения. Действительно, нам известно письмо, в котором он просит поэта Ариосто дать ему совет относительно некоторых подробностей. Кроме того, сам папа, без сомнения, подсказывал собственные идеи любимому художнику, тогда как просвещенный кардинал Бибиена, граф Бальдассаре Кастильоне и знаменитый гуманист Пьетро Бембу, его близкие друзья, всегда были к его услугам, Браманте же, вероятно, помогал ему рисовать архитектурные аксессуары для групп. Сам Рафаэль, хотя и крайне восприимчивый и лучше всякого другого способный воплотить идею в самых совершенных живописных формах, не был человеком ученым. Это очевидно из того, что в последние годы жизни, когда он занимал должность хранителя древностей, ему пришлось пригласить ученого гуманиста Андреа Фульвио, чтобы тот переводил ему латинские надписи развалин классической эпохи.

В зале Печати вся роспись Рафаэля носит такой же характер размеренного расположения, такое же единство замысла в бесконечном разнообразии мотивов и событий, как и каждая отдельная фреска всего плана. После огромного количества подготовительных работ он приступил к заполнению обширной стены под «Богословием»: он написал удивительную монументальную фреску, известную под названием «Спор о таинстве Евхаристии», которая, вовсе не изображая спора, представляет проповедников, святых и отцов церкви (в том числе Данте, Савонаролу и Фра Анжелико), совместно исповедующих торжество Церкви и таинство Евхаристии.

На противоположной стене под «Философией» находится так называемая «Афинская школа», в которой согласно с противоречивым духом века философские системы древнего мира прославляются совершенно так же, как христианство в «Споре». В благородно расположенной группе философов друзья и современники Рафаэля: Браманте, Леонардо, Кастильоне, Франческо делла Ровере, Федерико Гонзага, Содома, сам художник и многие другие — фигурируют под видом Эвклида, Платона, Зороастра и других мудрецов.

Для искусства Рафаэля в композиции не составило препятствия неудобное расположение больших дверей в плоскости двух прочих стен: на одной из них под медальоном «Поэзия» он изобразил «Парнас», где музы и поэты (Гомер, Виргилий, Данте, Ариосто, Боккаччо, Тебальдео, Сапфо и пр.) сгруппированы вокруг Аполлона, который играет на скрипке вместо обычной лиры. Над дверью последней стены помещены аллегорические фигуры Мужества, Благоразумия и Умеренности, а по сторонам — «Юстиниан, вручающий пандекты» и «Григорий IX (в образе Юлия II) передает декреталии». Вся комната была закончена ранее ноября 1511 года.

Вероятно, в том же году Рафаэль написал великолепный портрет Юлия II (находящийся в галерее Питти): с суровыми и отсутствующими чертами, каким папа действительно мог казаться в эти времена политических бедствий, завершившихся потерей Болоньи. Но когда Рафаэль принялся за роспись «комнаты Гелиодора», звезда папы опять восходила, и его политика одержала крупную победу: французы были разбиты и изгнаны из страны. Поэтому сюжеты, избранные для украшения названной комнаты, более или менее стоят в прямой связи с упомянутыми событиями, особенно фреска, по которой комната получила название «Изгнание Гелиодора из Иерусалимского храма» — явный намек на изгнание французских сил. Фреска замечательна эффектной противоположностью между бурным драматическим движением на правой стороне и торжественным покоем группы слева, вокруг фигуры папы Юлия II, величаво восседающего на троне.

Тот же владыка Церкви стоит на коленях против священника, служащего обедню, на фреске «Месса в Больсене». Но в этой фреске мало работы Рафаэля: она исполнена почти целиком его помощниками. Роспись этой станцы была закончена в 1514 году, который принес с собою Рафаэлю дальнейшие почести и обязанности: он был назначен преемником Браманте в качестве строителя собора св. Петра.

Поэтому скорее следует смотреть на Рафаэля как на главу небольшой группы живописцев и мастеров, которых он снабжал идеями и рисунками, исполнявшимися под его наблюдением, чем как на художника, ответственного за выполнение всякой частности в работах, выходявших из его мастерской за его санкцией и под его именем. Даже в ранние годы римского периода сравнительно небольшое число заказываемых ему за престольных образов и станцевых картин принадлежало целиком его кисти.

Письмо, написанное Рафаэлем его дяде Симону Чарла 1 июля 1514 года, имеет бесценную важность благодаря тому свету, который оно проливает на частную жизнь и характер художника. Оно написано человеком, который упоен успехом, но вместе с тем скромен; он вполне наслаждается всеми дарами, доставленными ему благосостоянием, его талантом и тактом, но в нем отнюдь нет надменности или хвастовства. И все письмо проникнуто тоном холодного расчета как в денежных вопросах, так и в планах вступления в брак. Он сообщает цифру своего состояния, размер жалованья, получаемого в качестве архитектора собора св. Петра, и платежи, которые ему предстоит получить за заказы, находящиеся уже «в работе». Совершенно так же он говорит о «выгодной партии», которую ему предлагает кардинал Бибиена и на которую он дал согласие, но, если она не удастся, «я поступлю согласно с твоими желаниями», — здесь, по-видимому, подразумевается подходящая кандидатка в Урбино. В Риме тоже нет недостатка в невестах; он даже знает хорошенькую девушку с приданым в 3000 золотых дукатов! Рафаэль подводит нас к одной из самых интересных и самых спорных глав его жизни — его негласной привязанности к «прекрасной Форнарине», красавице, дочери сиенского булочника, о которой впервые упоминает Вазари.

Согласно с местными преданиями, в Риме указывают три дома, как последовательные жилища возлюбленной Рафаэля, каждый из этих домов находится в ближайшем соседстве тех зданий, росписью которых был последовательно занят мастер. Один из этих домов и поныне занят пекарней, в стену второго вставлена дощечка с надписью, гласящей: «Согласно преданию, та, которая была так дорога Рафаэлю и которую он прославил, жила в этом доме».

Теперь известно по переписи, произведенной при Льве X в 1518 году, что один из домов фамилии Сасси был занят булочником Франческо из Сиены; это вполне совпадает с преданием, что «Маргарита, возлюбленная Рафаэля», как она названа в заметке на полях одного экземпляра Вазари, была дочерью пекаря из Сиены. Но еще убедительнее доказательство, найденное в 1897 году в виде записи в главной книге конгрегации св. Апоглолии в Трастевере, которая была чем-то вроде приюта для падших и раскаявшихся женщин. Эта запись, помеченная 18 августа 1520 года, то есть с небольшим через четыре месяца после смерти Рафаэля, гласит: «Сегодня принята в наше учреждение вдова Маргарита, дочь покойного Франческо Лути из Сиены».

Замечательное совпадение чисел и имен не оставляет сомнений в том, что «вдовою» была прекрасная Форнарина, дочь сиенского булочника Франческо, дивное создание, послужившее Рафаэлю моделью для «Женщины под покрывалом» и «Сикстинской Мадонны».

Рассказывают, что привязанность Рафаэля длилась до самой его смерти, когда по настоянию посланного папы, который дол-

ТРИУМФ ГАЛАТЕИ. Деталь. Рим, вилла Фарнезина.

МЕССА В БОЛЬСЕНЕ. Деталь. Рим, Ватиканский дворец.

жен был напутствовать умирающего, она была удалена из комнаты. Вазари рассказывает также, что в своем завещании Рафаэль «оставил ей сумму, достаточную для того, чтобы она могла жить прилично». Продолжительным увлечением дочерью пекаря, может быть, объясняется его нежелание связать себя брачными узами даже со столь желаемой и благородной невестой, как племянница кардинала Бернардо Бибиена Марией Бибиена, с которой он был действительно помолвлен в 1514 году и которая после многочисленных отсрочек брака, говорят, умерла с горя.

Сообщение Вазари, будто колебание Рафаэля стояло в связи с надеждою на получение кардинальской шапки, совершенно неправдоподобно и противоречит всему предшествующему и здравому смыслу. Гораздо правдоподобнее, что Рафаэль считал дипломатичным угодить столь могущественному человеку, как кардинал Бибиена, и согласился на помолвку с его племянницей, хотя его собственное положение было таково, что он мог разговаривать с кардиналами в тоне равного. Мы можем заключить это из остроумного ответа, записанного его другом Бальдасаром Кастильоне.

Два кардинала, рассматривая картину, над которой в то время работал Рафаэль, выразили неодобрение красному цвету лица святых Петра и Павла. «Монсеньоры, — возразил Рафаэль, — не тревожьтесь: я написал их вполне намеренно, ибо мы имеем причину полагать, что св. Петр и св. Павел именно так красны на небесах, как вы видите здесь, они стыдятся, что их церковь управляется людьми, подобными вам».

Но возвратимся к работам Рафаэля за последнее десятилетие жизни.

Он уже не мог всецело отдаваться избранному им искусству, и хотя целый рой помощников был постоянно занят работой, он находил совершенно невозможным справляться со множеством заказов, которые сыпались на него от сильных мира сего. Тщетные просьбы Изабеллы д'Эсте, желавшей получить небольшую картину его работы, показывают, как трудно было добиться такой милости. Ведь в то время Рафаэль был папским архитектором и главным распорядителем церемоний, а в 1515 году он был назначен хранителем древностей. Он должен был писать декорации, рисовать медали и планы, а однажды от него потребовали даже, чтобы он написал на стенах Ватикана слона в естественную величину!

И все-таки, несмотря на все эти поглощающие занятия, он нашел время сочинить несколько рельефов для гробницы Киджи в церкви св. Марии del Popolo, изготовил архитектурные рисунки виллы Madama для Джулио Медичи (впоследствии Климента VII) и для нескольких других дворов Рима, а также для палатцо Пандольфини во Флоренции, где в светской архитектуре Возрождения впервые введено чередование сводчатых и треугольных аркад. Он доставил граверу Марку Антонио Раймонди из Болоньи такие рисунки, как знаменитый «Суд Париса». Он наметил и начал сложную «Космографию Рима» и среди всех своих разнообразных трудов находил время набрасывать пламенные любовные сонеты на листах с рисунками. Один образец его

поэтических излишней хранится в Британском музее, и его пламенный тон подтверждает сообщение Вазари, что Рафаэль был чрезвычайно восприимчив к прелестям прекрасного пола. Дворец, в котором он жил по-царски, был выстроен Браманте и куплен Рафаэлем 7 октября 1517 года.

Должно быть, именно в этой мастерской он написал самый крупный из запрестольных образов, наиболее заслуженно популярную «Сикстинскую Мадонну» и «Преображение», ныне находящиеся в Ватикане, которое находилось на мольберте, когда смерть остановила его руку. Вероятно, здесь же он написал портрет «Бальдассаре Кастильоне», который теперь составляет одно из бесценных сокровищ Лувра. Все наиболее замечательные люди, находившиеся в Риме в это время, прошли через мастерскую Рафаэля, но из портретов, заведомо написанных в Риме, до нас дошли сравнительно немногие.

Для виллы Фарнезина, принадлежавшей Августино Киджи, Рафаэль написал превосходную фреску «Галатее», которую можно считать наивысшим выражением духа эпохи Возрождения. Этот принц-коммерсант доставил художнику второй случай проявить свое искусство в декоративной живописи, когда пригласил его расписать капеллу Киджи в церкви св. Марии. Сивиллы и ангелы этих фресок представляют резкий пример влияния Микеланджело на Рафаэля. Любопытно то совпадение, что именно по поводу этой работы было запрошено мнение Микеланджело относительно добросовестности счета Рафаэля в 500 дукатов. Из того, что Буонарроти великодушно оценил работу своего соперника в 900 дукатов, следует, что мелочная зависть не была в числе его недостатков.

В 1515 — 1516 годах Рафаэль нарисовал картоны ковров, которыми должно было закончиться убранство Сикстинской капеллы. По этим картонам на фабриках Фландрии были вытканы ковры за 34 000 скуди; после многих странствий эти ковры, сильно пострадавшие от времени, помещены теперь в верхнем этаже Ватикана. Семь картонов, разрезанных на полосы, как того требовала работа на ткацких станках, были найдены во Фландрии Рубенсом и куплены по его совету Карлом I в 1630 году. Когда коллекция злополучного короля была разрознена, Оливер Кромвель спас картоны от перевозки, и теперь они находятся в музее Виктории и Альберта.

В начале апреля 1520 года Рафаэль заболел лихорадкой, которую он, вероятно, схватил, наблюдая за какими-нибудь раскопками. 4 апреля он составил духовное завещание, а 6-го числа умер...

«Весь папский двор, — говорит Вазари, — горько оплакивал смерть Рафаэля не только потому, что он составлял часть этого двора, занимая должность камерария при наместнике Петра, но также потому, что Лев X ценил его чрезвычайно высоко и потеря его причиняла этому государю тяжелое горе. О, блаженный и трижды благословенный дух, о котором все говорят с гордостью, чьи дела восхваляются всеми людьми, малейшее из составленных тобою произведений вызывает удивление и хвалы».

**ВАСИЛИЙ
ЖУКОВСКИЙ**

МАДОННА

(Из письма о Дрезденской галерее)

136

...Сказывают, что Рафаэль, натянув полотно свое для этой картины, долго не знал, что на нем будет: вдохновение не приходило. Однажды он заснул с мыслью о Мадонне, и, верно, какой-нибудь ангел разбудил его. Он вскочил. «Она здесь! — закричал он, указав на полотно, и начертил первый рисунок». И в самом деле, это не картина, а видение: чем долее глядишь, тем живее уверяешься, что перед тобою что-то неестественное происходит (особливо, если смотришь так, что ни рамы, ни других картин не видишь). И это не обман воображения: оно не обольщено здесь ни живостью красок, ни блеском наружным. Здесь душа живописца, без всяких хитростей искусства, но с удивительной простотою и легкостью, передала холстине то чудо, которое во внутренности ее совершалось...

Час, который провел я перед этой Мадонною, принадлежит к счастливым часам жизни, если счастьем должно почитать наслаждение самим собою. Я был один; вокруг меня все было тихо; сперва с некоторым усилием вошел я в самого себя; потом ясно начал чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величия в нее входило; неизобразимое было для нее изображено, и она была там, где только в лучшие минуты жизни быть может...

Не понимаю, как могла ограниченная живопись произвести необъятное; перед глазами полотно, на нем лица, обведенные чертами, и все стеснено в малом пространстве, и несмотря на то,

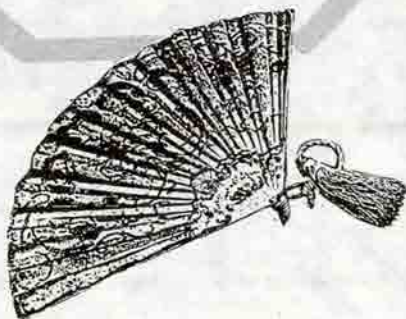
все необъятно, все неограниченно! И точно, приходит на мысль, что эта картина родилась в минуту чуда: занавес раздернулся, и тайна неба открылась глазам человека. Все происходит на небе: оно кажется пустым и как будто туманным, но это не пустота и не туман, а какой-то тихий, неестественный свет, полный ангелами, которых присутствие более чувствуешь, нежели замечаешь; можно сказать, что все, и самый воздух, обращается в чистого ангела в присутствии этой небесной, мимоидущей девы. И Рафаэль прекрасно подписал свое имя на картине: внизу ее, с границы земли, один из двух ангелов устремил задумчивые глаза в высоту; важная, глубокая мысль царствует на младенческом лице: не таков ли был и Рафаэль в то время, когда он думал о своей Мадонне? Будь младенцем, будь ангелом на земле, чтобы иметь доступ к тайне небесной. И как мало средств нужно было живописцу, чтобы произвести нечто такое, чего нельзя истощить мыслию! Он писал не для глаз, все обнимающих во мгновение и на мгновение, но для души, которая чем более ищет, тем более находит.

В Богоматери, идущей по небесам, неприметно никакого движения; но чем более смотришь на нее, тем более кажется, что она приближается. На лице ее ничто не выражено, то есть на нем нет выражения понятного, имеющего определенное имя; но в нем находишь, в каком-то таинственном соединении, все: спокойствие, чистоту, величие и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земного, следовательно, мирное, посто-янное, не могущее уже возмутить ясности душевной. В глазах ее нет блистания (блестящий взор человека всегда есть признак чего-то необыкновенного, случайного; а для нее уже нет случая — все свершилось); но в них есть какая-то глубокая, чудесная темнота; в них есть какой-то взор, никуда особенно не устремленный, но как будто видящий необъятное.

Она придерживает Младенца, но руки ее смиренно и свободно служат ему престолом: и в самом деле, эта Богоматерь есть не иное что, как одушевленный Престол Божий, чувствующий величие сидящего. И он, как царь земли и неба, сидит на этом Престоле. И в его глазах есть тот же никуда не устремленный взор; но эти глаза блистают как молнии, блистают тем вечным блеском, которого ничто ни произвести, ни изменить не может. Одна рука Младенца с могуществом Вседержителя оперлась на колено, другая как будто готова подняться и простереться над небом и землею.

Те, перед которыми совершается это видение, св. Сикст и мученица Варвара, стоят также на небесах: на земле этого не увидишь. Старик не в восторге: он полон обожания мирного и счастливого, как святость; святая Варвара очаровательна своею красотой: великость того явления, которого она свидетель, дала и ее стану какое-то разительное величие; но красота лица ее человеческая, именно потому, что на нем уже есть выражение понятное: она в глубоком размышлении; она глядит на одного из ангелов, с которым как будто делится таинством мысли. И в этом нахожу я главную красоту Рафаэля картины (если слово картина здесь у места).

история одного
РОМАНА

ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ

«Гений чистой красоты»

1825 год

После вечернего чая они сидели вдвоем на приступочке деревенской террасы. К вечеру слаще пахли левкой. Серебром поблескивал пруд, и глухо грохотали внизу возы со снопами по бревенчатому мосту. Очень было тихо.

Каждый день он был другой, совсем непохожий на прежнего. На днях он читал им новую свою поэму, — и как будто молодой бог пришел к ним, нездешним светом лучились ясные звезды глаз, и нечеловеческая красота была в лице. А сейчас сидел он, — застенчивый и колючий, такой необычный в смуглом безобразии горбоносого, полногубого лица, с крутыми кольцами волос. Обезьяна или чорт.

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Она говорила по-французски задушевым своим голосом:

— Завтра я уезжаю от тетушки. И никогда, никогда я не забуду вас, никогда не забуду вашего чтения и этих очаровательных «Цыган», и даже этой большой черной тетради, по которой вы читали. Никогда я никого не слушала с таким восхищением.

Его губы передернулись, и он нетерпеливо ответил:

— Ах, оставьте! Не говорите мне о восхищении. Что это за чувство — восхищение! Говорите мне о любви, — вот чего я жду. И, во всяком случае, не говорите мне о стихах!

— Но почему же, если они мне так нравятся? Я думаю, всякий поэт должен быть рад и горд, что его стихи восхищают слушателей.

— М-ме Керн, не наивничайте.

— Не понимаю вас.

— Зачем вы прикидываетесь наивной? Ведь вы вовсе не наивны.

Она лукаво спросила:

— Вы уж так хорошо узнали мой характер?

— При чем тут характер! Не хочу его и узнавать... Разве хорошенькие женщины должны иметь характер? Существенное это — глаза, зубы, руки и ножки; я бы еще прибавил — сердце, но ваша кузина Анетта слишком опошлила это слово.

— Пушкин, не представляйтесь таким циником. Я о вас гораздо лучшего мнения.

Он злился и жадно смотрел на ее прекрасное лицо с девически чистым овалом, на трогательный, полуоткрытый ротик, на карие глаза: в них была тайная грусть и в то же время волновавшая душу тревожная, неутоленная страстность. Злило его, что в глазах этих, когда она смотрела на него, было что-то лукаво-ускользающее, и в ласковых, задушевных речах — осторожная граница, за которую она не переступала.

А полная грудь над тонким станом дразнила. И он хорошо знал, что она вовсе не недоступна: молоденькою шестнадцатилетнею девочкою была она выдана отцом за старого генерала, грубого, развратного и пошлого, и уехала от него, и жила теперь с приятелем Пушкина, хорьским помещиком Родзянком, большим циником и плохим поэтом. Эту зиму у Пушкина была игривая переписка с ним и с нею, и еще в мае он получил письмо от Родзянки, с приписками г-жи Керн, перерывавшими письмо, где он жаловался, что она вздумала мириться с мужем. «Снова пришло давно остывшее желание иметь законных детей, и я пропал. Тогда можно было извиниться молодостью и неопытностью, а теперь чем? Ради Бога, будь посредником». И Анна Петровна, отняв у него перо, продолжала: «Ей-богу, я этих строк не читала!» А он следом: «Но заставила их прочесть себе десять раз».

Пушкин спросил:

— Вы будете писать Родзянке?

— Да.

— Тогда перешлите ему и мой ответ на ваше с ним письмо. —

Он протянул ей сложенный вчетверо листок и прибавил с странною улыбкою: — Можете прочесть — здесь и про вас.

Она развернула.

— Ах, стихи!

Глаза загорелись тщеславным любопытством. Она стала читать:

*Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной,
Полтавских Муз поведать тайны,
А пишешь лишь о ней одной!..
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, ты влюблен, Пирон Украины!*

Анна Петровна, прищурившись, читала вполголоса, а он с той же странною улыбкою следил за нею.

*Ты прав: что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей.
Дороже славы разногласной,—
Поговорим опять об ней.
Хвалю, мой друг, ее охоту...*

Она запнулась и покраснела. Дальше стала читать молча и все больше краснела, а он с острым, озорным наслаждением смотрел на ее милое, девически-смущенное лицо.

*Хвалю, мой друг, ее охоту
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей,
И счастлив, кто разделит с ней
Свою приятную заботу.
Не наведет она зевоту.
Дай Бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту.
Но несогласен я с тобой.
Не одобряю я развода;
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...
А, во-вторых, замечу я,—
Благопристойные мужа
Для умных жен необходимы;
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы...*

Она растерянно взглянула, — и показалось ей, как будто горбоносый сатир похотливым взглядом смотрит на нее из кустов во время купания.

Звякнула дверь террасы, из гостиной донесся голос тетушки Прасковьи Александровны. Анна Петровна поспешно сложила записку и сунула за корсаж, к которому приколоты была веточка гелиотропа. Они встали.

Отужинали шумно и весело. Лунный свет был за окнами,

в них широко вливался запах спелой ржи. На потолке чернели стаи заснувших мух. Босые девки толпились в прихожей.

Анна Петровна пела, а дочь хозяйки, Анна Николаевна, аккомпанировала на рояли.

*Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой!
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной...*

Голос у нее был небольшой, но нежный, и звучала в нем та же задушевность, как и в речи. И губы при пении не складывались в смешное «о», как у заправских певцов. Пушкин сидел глубоко в диване, не отводил от нее глаз, как влюбленный мальчик.

*Все вливает тайно радость
Чувствам снится дивный мир;
Сердце бьется; мчится младость
На любви весенний пир.*

Сухой блеск лунной ночи за окнами; посеребренные вершины деревьев с черными тенями; и милый, чистый облик женщины, как будто пришедшей из другого мира, где все красота, свет и радость — и целомудренная чистота. «Чувствам снится дивный мир...» Мир этот спускался в жизнь и всю ее преображал, и гармонические волны, колыхавшиеся в душе, ширились, разливались вокруг, все претворяли в светлую чистую легкую радость.

*Не мила ей прелесть ночи,
Душен свежий ветерок,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.*

Все шумно аплодировали. Только Пушкин смирно сидел в уголке, опустив курчавую голову. Сын хозяйки, дерптский студент Алексей Вульф, ленивою походкою подошел к Анне Петровне и своим особенным, уверенным во власти над женщинами голосом похвалил ее пение. И ее глаза, когда она смотрела на студента, засветились радостно-покорным, отдающимся выражением, и улыбка была особенная, с какою она не смотрела на поэта. Но Пушкин этого не видел.

Хозяйка Прасковья Александровна, маленькая женщина с красивым лицом и сильно выступающею нижнею губою, захлопала в ладоши.

— Mesdames et messieurs! Мне пришла в голову мысль. Посмотрите, какая божественная ночь! Велим запретить лошадей и проедемся в Михайловское, к Александру Сергеевичу... Пушкин, вы нас примете?

Пушкин вскочил с дивана, запрыгал и в бешеной радости захлопал в ладоши.

У крыльца позвякивали бубенчики двух экипажей. Пушкин подсаживал Анну Петровну в тарантас. Над черными липами стоял яркий месяц. Прасковья Александровна сказала дочери:

— Annette! Ты сядешь с Анной Петровной, и Пушкин с вами. А мы с Алексеем в пролетку.

Пушкин досадливо прикусил губу: попечительная Прасковья Александровна не хотела оставить его наедине с Анной Петровной.

Подросток Зизи с золотыми волосами говорила обиженно:

— Маман! Позвольте же и мне ехать. Вот видите, есть лишнее место.

Но Прасковья Александровна властным голосом, которого дочери привыкли слушаться, ответила:

— Ты останешься дома. Тебе пора спать.

— Трогай!

Весело звенели бубенчики, тарантас плавно катился по накапанной дороге. Пушкин сидел на узенькой передней скамеечке. Широкий запах спелой ржи плыл навстречу, пахло кожей, дегтем и конским потом, это говорило о дороге и далях. На жнивьях темнели копыны.

Пушкин, блестя глазами, наклонился к Анне Петровне и сказал вполголоса:

— Я торжествую. Я воображаю себе, как будто Александр Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а я вас увожу... Помните нашу первую встречу в Петербурге? Когда вы после ужина уезжали в карете с вашим кузенком, — как я ему завидовал, что с вами он... Вы были слишком блистательны!

— А вы были довольно смешной и дерзкий мальчик.

— Да? — Пушкин засмеялся своим раскатистым, звонким смехом. — Я и теперь остался таким же... Посмотрите кругом, — как хорошо! Как прекрасна луна!

Анна Петровна протянула с лукавым удивлением:

— Луна — прекрасна? Вы же ее постоянно называете глупой!

— Что она глупа, это бесспорно, — взгляните в нее. — И он ласкающим голосом сказал тише: — Но я люблю ее, когда она освещает прекрасное лицо.

Из-под смутной тени шляпы на Анну Петровну близко смотрели сверхъестественно живые, упоенно-радостные глаза.

Сердце бьется, мчится младость

На любви весенний пир... —

продекламировал Пушкин.

Спутница их, Анна Николаевна, молчала, прижавшись в угол тарантаса, и, по привычке часто помаргивая страдающими глазами, глядела в сухо-серебристые дали полей. Между нею и Пушкиным было так много! Больше, чем кто-нибудь мог знать. А он ее совсем не замечал и не думал, как ей должно быть больно. Он так ничего не хотел знать и помнить, что все эти недели эгоистически делился с нею своими восторгами по поводу ее кузины.

Колеса шуршали в песке дороги. Лошади во весь дух мчались в гору. Проскакали через молчаливый крестьянский поселок и вкатили в широкий двор Михайловской усадьбы. Два огромных волкодава с густым, грозным лаем бросились навстречу.

Маленький, крытый соломой барский дом, а по другую сторону двора — вековой парк в лунном сиянии, черный внутри.

Анна Петровна воскликнула:

— Ах, какая прелесть!

— Пойдемте, я вам покажу парк!

Они пошли к калитке, с черною крапивою у плетня. Волкодавы неуспокоенно лаяли, махая хвостами, и ласкались к Пушкину. Анна Николаевна осталась стоять у тарантаса.

Пушкин с Анной Петровной вошли в парк. Лунные узоры дрожали на аллее, поперек тянулись корни. Анна Петровна спотыкалась и невольно прижималась к спутнику, он вздрагивал и молчал.

Со стороны двора донеслось:

— Ау!!

По аллее шла подъехавшая Прасковья Александровна с сыном и дочерью. Она вздыхала и в сентиментальном восхищении повторяла:

— Боже, как очаровательно! Как божественно!.. — И вдруг сказала: — Мой дорогой Пушкин, окажите честь вашему саду, покажите его мадам Керн.

Она в душе ревновала Пушкина, назавтра Анна Петровна все равно уезжала, и у Прасковьи Александровны был хитрый расчет: чтобы дочь ее, Анна Николаевна, почувствовала, как мало думает о ней Пушкин.

Пушкин поспешно подал руку Анне Петровне, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Они пошли быстро-быстро. Пушкин, наклонившись, зашептал взволнованно:

— Вот, я увез вас от Александра Полторацкого, а он там остался на крыльце...

И он говорил, говорил, она слушала, подняв брови, с глазами, тисцеславно улыбавшимся про себя.

— Всегда я буду помнить ту нашу первую встречу. С первого взгляда вы тогда поразили меня, как только вошли к Лениным с вашим мужем. С вашим мужем... Как можно быть вашим мужем? Я никак не могу себе этого представить, как не могу представить себе рая... И у вас был тогда такой девственный вид! И неправда ли, вы несли на себе какой-то тяжелый крест, да?

— Да. Это правда. — Она вздохнула. — Я и теперь его несу.

— Я знаю. Но вы смелы... Да, да, вы смелы в действиях, хотя и робки в манерах. Вы сбросите этот крест... Вы молоды, вы прекрасны, еще целая жизнь перед вами...

Она опять споткнулась о тянувшийся поперек аллеи выступ корня, ее бедро, обжигая, коснулось его бедра, он крепко прижал ее локоть к своему боку. И, продолжая прижимать, повернул в темную боковую аллею, поросшую снытью. Темнота радостно сближала, тело мучительно-сладко ощущало прикосновение полного, прелестного локтя.

Блестящими глазами он вглядывался в ее смутно улыбавшееся лицо.

— Как к вашей красоте идет запах гелиотропа! — Он наклонился к ее груди и стал нюхать цветок. В разрезе платья белела полная шея с чуть обозначившимся вторым подбородком. Она стыдливо отстранилась.

— Подарите мне на память эту веточку!

- Не слишком ли это много?
— Даже это — много? Даже это? Мучительница вы!
— Ну хорошо...

Он, задыхаясь, сказал:

— Позвольте, я сам сниму...

Она, улыбаясь, отвела его руку, протянувшуюся к ее груди.

— Господин Пушкин!.. Натё и будьте скромны.

Он жадно целовал цветок и жадно смотрел на нее глазами, светящимися, как у кошки на добычу.

— Через цветок я целую ту прекрасную грудь богини, которую он украшал, и завидую, почему я сам не был этим цветком...

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,

В тревогах шумной суеты,

Звучал мне долго голос нежный,

И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный

Рассеял прежние мечты,

И я забыл твой голос нежный,

Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья,

Тянулись тихо дни мои

Без божества, без вдохновенья,

Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:

И вот опять явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,

И для него воскресли вновь

И божество, и вдохновенье,

И жизнь, и слезы, и любовь.

«Тебе один остался друг»

1828 год

Она уже не так была ослепительна, как три года назад, — эта милая мадам Керн. Но все же была прелестна. Теперь она окончательно порвала с мужем, переехала в Петербург и жила в бедной квартирке с девушкой-сестрой, хорошенькою Лизюю.

Судьба вела Анну Петровну дорогою, все больше переходившею в извилистую и топкую болотную тропинку. Шестнадцати лет ее выдал отец за старика генерала, грубого и пошлого солдафона. Как многие женщины, у которых великий акт выхо-

да из девичества был грубо загрязнен и опоганен, Анна Петровна шла через жизнь с неутолимым, как у Дон Жуана, исканием любви. На ее чистом лбу брови были слегка приподняты с тем ожидающим вопросом, который всегда есть в бровях девушки, а в алых чувственных губах горела сладострастная тревожность. Вечно она кого-нибудь любила, безоглядно и страстно, а бывало, любя одного, влюблялась еще и в другого, и в третьего. Годы непрерывных неприятностей, уничтожения, потеря всего, чем женщины дорожат в обществе, не могли разочаровать Анны Петровны. При каждой новой любви сердце ее вспыхивало как бы в первый раз. И, вдохновленная своею страстью, она всем рассказывала о ней и повелевала благоговеть перед святынею любви!

Знакомые мужчины льнули к ней, сыпали комплиментами, писали ей в альбом мадригалы, но глядели на нее с игривыми огоньками в глазах, позволяли себе говорить ей то, чего не сказали бы другим дамам своего круга, а за глаза отзывались с пренебрежением и цинизмом; Пушкин называл ее «вавилонскою блудницею». Знакомые дамы хотя и не порывали с нею знакомства, но старались держаться от нее подальше, принимать пореже. И говорили о ней: «C'est une malheureuse femme, elle est á plaindre — voila tout»*. Анна же Петровна ничего этого как будто даже не замечала, ни от кого не скрывалась и открыто шла, куда ее вело вечно горевшее и никогда не перегоравшее сердце.

Пушкин был теперь в самом ярком блеске своей славы. Анна Петровна упоенным облачком истаявала в лучах сверкающей этой славы, в обществе видела одного только Пушкина; с суетным тщеславием старалась дать всем заметить близость их знакомства. У Пушкина давно уже прошла к ней страсть, которая три года назад воспалительным ядом жгла его кровь и взрывами огненного безумия мutilа голову. Но Анна Петровна все еще была соблазнительна, и все еще больно ныло в душе оскорбленное мужское самолюбие: страстные искания его были тогда отвергнуты, а студент Алексей Вульф тогда же добился всего. Вульф, окончивший университет, и сейчас жил в Петербурге спокойным и пресытившимся обладателем красавицы. Пушкин иногда заставлял его у Анны Петровны, спящим после обеда на ее постели в одной жилетке.

И случилось это однажды вечером. Алексей Вульф уехал кататься с Лизью, за которую усердно ухаживал. Анна Петровна была в квартире одна. Завлекающе белела полная шея, захотелось дерзкою рукою проникнуть за корсаж и ласкать высокую грудь, захотелось утолить давнишнюю обиду отказа. И легко, просто, почти мимоходом, Пушкин взял то, что когда-то дало бы ему радость неповторимую, а теперь было только легким развлечением.

Он был у нее еще несколько раз. Однажды, держа ее на коленях и лаская, Пушкин увидел на письменном ее столике

* «Это несчастная женщина, она вызывает жалость — вот и все» (франц.).

письмо с знакомым почерком приятеля своего Соболевского.

— Что это, в любви объясняется тебе?

Анна Петровна прижалась щекою к его щеке и, радуясь возможности сказать ему «ты», ответила:

— Прочти.

Письмо было недвусмысленно игривого, совершенно циничного свойства. За подобное письмо к честной женщине близкий к ней человек почел бы себя обязанным отхлестать обидчика по щекам. Пушкин звонко рассмеялся:

— Животное! Влюблен в тебя. Недавно я получил от него письмо — все полно одною тобою... Эдакий Калибан! На стенку готов лезть от страсти!

И вдруг ему бросился в глаза девически-чистый ее облик, тайная, робко спрашивающая грусть, спрятавшаяся в глубине прекрасных ее глаз... И на короткую секунду письмо Соболевского показалось ему чудовищным. И огромнейшим вонючим болотом представилась жизнь, способная создавать такие письма.

Назавтра Пушкин сидел у себя в номере гостиницы и писал деловое письмо Соболевскому. Встало перед ним массивное, жирное лицо приятеля — и захотелось Пушкину подразнить его своей удачей, захотелось представить себе, как завистливо и похотливо загорятся его маленькие глазки. Пушкин написал:

«Безалаберный! Ты ничего не пишешь мне о 2.100 р., мною тебе должных, а пишешь о мадам Керн, которую с божией помощью я на днях <- - - ->».

И в циничной фразе, под стать жаргону Соболевского, он осведомил московского сплетника о полном своем успехе у Анны Петровны.

*Когда твои младые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права,
Один, среди толпы холодной,
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.
Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.
Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья:
К забвенью сердце приготовь;
Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.*

Р. С. Конечно, не для душевного «обличения» Пушкина эти рассказы. Бессмысленно обличать человека, который сам так настойчиво указывал на несовпадение поэта с человеком в пла-

не реальной жизни. «Душа вкушает холодный сон, и меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Несовпадение это остро интересовало Пушкина, именно потому, что, очевидно, близко касалось его самого. Он в «Египетских ночах» отмечает совершенно несоизмеримое различие импровизатора в жизни и в минуту творческого вдохновения. И эпитафией ставит: «Я царь, я раб, я червь, я Бог». Он рисует в «Пророке» полное перерождение человека в минуты, когда он становится поэтом, — перерождение зрения и слуха, языка и сердца. Он стал теперь другим, он теперь по-иному видит и слышит, по-иному чувствует.

Таков и был Пушкин, и это составляет характернейшую черту его творческой природы. Мало есть поэтов, у которых *Dichtung* (поэзия) их так бы отличалась от *Wahrheit* (правды), как у Пушкина. Для нас так привычно представление, что поэт в лирике своей просто отображает то, что непосредственно чувствует. Если поэт восхищается журчанием Бахчисарайского фонтана или перед тремя соснами благословляет идущую на смену новую жизнь, то мы уверены, что так именно поэт действительно это и переживал, и живописцы с чистою совестью рисуют Пушкина перед Бахчисарайским фонтаном, Пушкина перед тремя соснами, на лице его — соответственное стихотворение. У Пушкина впечатления жизни не выливались в его поэзии непосредственно. Наступали часы творчества, и в пылающий огонь вдохновения валилась темная руда непосредственных переживаний, и из нее выплавлялся блистающий металл поэзии, который, может быть, составлял только маленькую частицу первоначальной руды. И то, что в жизни, в непосредственном переживании человека было затемнено страстью или пристрастием, что было мелко, серо, нередко дрянно, пошло и даже грязно, — все это у поэта претворялось в божественную незатемненность духа, глубочайшее благородство и целомудренную чистоту. И притом — ни единого фальшивого звука. Величайшая из загадок художественного творчества.

Заурядный случай

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

За последние годы мы, кажется, уже привыкли к тому, к чему привыкнуть никак нельзя: стрельбе на улицах, грабежам, убийствам; к тому, что опасно ходить по вечерам, подниматься в лифтах, открывать дверь на звонок. Привыкли к постоянному страху за себя, за детей. Уголовное дело, о котором пойдет речь, из разряда «привычных». Заурядное дело.

...Село Старые Кельцы, примыкающее к рязанскому городу Скопину. Поздним январским вечером аппаратчица Валентина Линева шла на Скопинский гидрометаллургический завод (работала во вторую смену). На улице уже не было ни души. Но, пройдя церковь, Валентина вдруг увидела лежащего у дороги человека. Тут откуда-то из темноты выбежал второй и закричал лежащему: «Вставай!» И еще услышала от-

борный мат и глухие удары. Расстояние было приличным, и Линева не смогла разглядеть нападавшего. Впрочем, понятно состояние женщины — ей в такой ситуации было не до разглядываний. Она испугалась и побежала; почудилось, будто ее преследуют. Понадобилось минут десять, чтобы отдышаться возле заводской проходной.

В это время Мария А. нервничала, ожидая мужа — мастера того же завода. Но Александр не вернулся ни вечером, ни ночью. Утром жена позвонила на завод, там ответили, что видели его на работе. Мария немного успокоилась. Но днем, когда она пришла домой на обед, раздался звонок с завода: интересовались, где ее муж. Мария удивилась, забеспокоилась и тут же связалась с приемным покоем больницы. Там сообщили, что привезли труп какого-то мужчины...

Накануне, в конце рабочего дня, Александр А. предложил бригадир-у токарей Василию К. отметить Крещение. По словам Василия, у мастера оказалась бутылка водки, но, видимо, он до этого уже где-то «принял». Решили пойти в гараж к К. Посидели, выпили. Домой отправились затемно, но по дороге распрощались: бригадир пошел пешком, а мастер остался на остановке ждать автобуса.

Семнадцатилетний Роман Р. тоже решил отметить праздник — шестилетие сводного брата Паши. Мать и отчим запретили праздновать дома: мол, денег нет. Если хотите, сказали, поезжайте к тете Гале в Скопин, там и отмечайте.

Деньги Роман достал: продал брюки. Хватило на три бутылки самогона, на подарок брату не осталось ничего... Отмечали с тетей, ее мужем и знакомыми. Домой возвращались около девяти ве-

чера. Перешли мост через реку Верду... И тут пути Романа Р. и Александра А. пересеклись.

Не дождаввшись автобуса, Александр пошел пешком. Идти ему, естественно, было трудновато. Поэтому, когда на дороге возник незнакомый парень с ребенком, попросил: помоги, друг, добраться. Роман согласился, взял под руку. По дороге отвел Пашу домой, и они остались вдвоем. Да, у подъезда Роман подобрал крепкую палку — для защиты от хулиганов, как позже объяснял на следствии и суде.

На пустынной Заводской улице Роман огляделся: нет ли кого? И начал стаскивать с Александра куртку. Тот — мужчина сильный, значительно сильнее подростка, но в данном состоянии преимущество оказалось не на его стороне. Сильнейший удар палкой по голове свалил с ног.

В первый момент Роман испугался при виде неподвижного тела и убежал. Но недалеко. Остановил его другой страх: за последствия. Попытка ограбления, избиение (возможно увечье). В небольшом селе его отыщут быстро.

Вот тогда он возвращается, кричит «Вставай!» и, не увидев реакции, добывает лежащего палкой и ногами (эту сцену и застала Линева). Я видел фотографии погибшего: у него не лицо, а кровавое месиво...

Что ж, раз непоправимое свершилось, нужно извлечь из этого выгоду. Роман снимает с убитого куртку, сапоги, забирает связку ключей, заводской пропуск, деньги. Но тут у него возникла мысль: а если какой-нибудь случайный встречный увидит его с сапогами в руках? Сразу возникнут подозрения. Тогда он надевает сапоги, а свои старые кроссовки выбрасывает. Но как он объяснит домашним появление куртки? Проще все-

го занести ее к приятелю Василию И. — его дом открыт в любое время дня и ночи. От Василия Роман возвращается спокойно — у него в руках ничего нет.

Утром следующего дня рабочий Михаил А. направлялся на работу. У дома своего зятя наткнулся на тело. Подумал: наверное, Николай спяну не добрался до порога. Но почему-то не подошел сразу проверить, а постучал в дверь зятя. Спросил: «Ты не пьян?» «Да я уж забыл, когда пил».

Новость распространилась мгновенно. Роман понимает: надо избавляться от вещей убитого. Вместе с Василием выбрасывают куртку, сапоги продают тете Гале и идут пить пиво.

Следователи допрашивают массу людей: жену убитого, сослуживцев, соседей. Допрашивают и Романа — пока в качестве свидетеля, так как улики против него недостаточны. Он заявил, что пришел от тети в девять, сразу лег спать, по дороге никого не встречал, и... был отпущен из милиции.

Однако после этого ведет себя довольно странно: перестает ночевать дома, скрывается от следствия, на вызовы не является. Зачем, спрашивается, если невиновен? Это еще не доказательство, но веская причина поглубже разработать версию. Тем более у следствия появились новые улики: обломки палки со следами крови, кроссовки Романа, опознанные его товарищем и матерью.

На квартире устраивается милицмейская засада. Роман, не будь дураком, посылает «на разведку» Василия, а сам укрывается поблизости. Нарвавшись на засаду, Василий поднимает шум, услышав который, Роман убегает в город к тете Гале. А Василия забирают в милицию.

Через день оказывается за ре-

шеткой и Роман. Тетя добровольно выдает злополучные сапоги. Роман в милиции пишет «явку с повинной».

Из школьной характеристики:

«Роман материал любого предмета свободно усваивал на уроке. Способен к математике... Непростые отношения мальчика с матерью и отчимом, конфликты с учителями из-за пропущенных уроков, «сила» улицы привели к тому, что Роман не смог продолжать обучение в школе. Странно констатировать, что жизнь в силу различных обстоятельств у юноши к 15 годам не сложилась. Учитывая это, Роману необходимо, несмотря ни на какие провинности, дать шанс, может быть, последний, встать на ноги, исправиться, чтобы не случилось худшего и необратимого».

Да что может быть необратимей убийства человека?..

На суде отчим заявил, что отношения с приемным сыном у него нормальные. Куда уж нормальней, если запрещает отметить день рождения родного сына. Не отпавшись сводные братья в город — и трагедии не случилось бы. Несчастное стечение обстоятельств? Косвенным образом оно было организовано отчимом.

Следователь Валентина Николова убеждена:

— Семья неблагополучная. Родители Романа выпивали, сам он часто не ночевал дома...

Первую кражу Роман совершил в 11 лет — спер зачем-то совершенно не нужный ему нивелир. Был поставлен на учет в инспекции по делам несовершеннолетних.

В 15 лет угнал машину. Уголовное дело прекратили в связи с направлением материалов в комиссию по делам несовершеннолетних.

А еще через год был суд. Вместе с приятелем унесли из заводской столовой немало масла, маргарина, сахара. Дали три года с отсрочкой приговора на два года.

Украл — чтобы продать и купить водки. У родителей денег не спросишь: вся семья из пяти человек (есть еще младшая сестра), живут на заработок отчима. Правда, взрослым на выпивку денег хватало...

Мать ссылалась на влияние улицы, слабую работу педагогов:

— Со стороны классного руководителя не было особого желания помочь Роману. Она говорила: «Мне такие балбесы здесь не нужны». Я пыталась ограничить круг друзей Романа. Даже запирала его дома, но он все равно уходил... А в семье отношения у нас были хорошие.

Хорошие, а чего ж тогда сын постоянно не ночует дома?

После седьмого класса направили Романа в интернат, откуда он через месяц сбежал. В школу идти не захотел. Комиссия по делам несовершеннолетних направила Романа учеником плотника в ремстройуправление, где он отработал ровно три дня. С тех пор не учится и не работает. Отправка в интернат, видимо, стала сильнейшим психологическим ударом: легко ли оказаться в казенном доме при живой семье, пусть даже далеко не идеальной?

Соседи, хорошо знающие Романа, до сих пор не могут поверить, что он мог убить. Добрый, говорят, по характеру парень. Всегда поможет, если попросишь... О том же говорили на суде все другие свидетели, включая классную руководительницу Романа Нину Стародубцеву.

Следователь Валентина Николаева придерживается иного мнения:

— Я бы сказала, что Роман агрессивный и жестокий. Накануне убийства я проводила с ним работу, хотела помочь ему, но он даже не стал со мной разговаривать.

Я не понял, что это за «работа», если даже разговора не состоялось, и в чем конкретно выразилась жестокость Романа, — фактов следователь не привела. Но проблема не в характере. Проблема в том, что на скамью подсудимых все чаще садятся внешне вполне «благополучные» подростки.

— В последнее время, — рассказывает прокурор Рязанской областной прокуратуры Людмила Зайцева, — увеличивается число тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В прошлом году на территории области подростки совершили тринадцать умышленных убийств, тогда как в предыдущие годы их было по два-три. Способы убийств поражают изощренностью и жестокостью. Удивляет мелочность мотивов преступления...

А нужно ли удивляться? Вдумаемся, не нравственная ли обстановка в обществе последних лет активно воспитывает агрессивность ребенка? Сейчас мы стыдливо стараемся не вспоминать пропагандистскую кампанию 70-х годов против «вещизма», прокатившуюся по многим печатным изданиям. Смысл ее был простым: главное — духовные ценности, а материальные — разные там шмотки-тряпки — третьестепенны. Дискуссии те были в чем-то прямолинейны, наивны, но все же смысл имели — если судить хотя бы по тогдашнему уровню детской преступности. Лозунг «Обогащайтесь!» вошел в нашу жизнь слишком резко. В одночасье ушел в небытие герой того времени — чудак-бессребреник. Сегодня герой дня — удачливый коммерсант.

Я не ханжа и тоже понимаю, что деловые люди нам очень нужны (чудаки не выведут страну из нищеты). И что бедность — не то достоинство, которым следует гордиться.

Но дети живут не в вакууме, они слышат разговоры взрослых, смотрят телевизор. И усваивают, что есть два вернейших пути обогатиться: халявный («Мы сидим, а денюжки идут») и криминальный — надувательство, обман, грабеж. Когда на улицах появились юные предприниматели — продавцы газет, мойщики машин, — их умилительно показывали по телевизору: мол, какие молодцы, помогают родителям. Но вскоре появились другие молодцы, чуть постарше, и обложили первых данью. «Если взрослые так делают, почему нам нельзя?» Подрастут мойщики и тоже подадутся в рэкетеры: у них ведь хорошие наставники, научившие, как получать деньги, не утруждаясь.

Во время всяческих запретов вырезались кинокадры, где актеры курили или выпивали рюмку вина. И тут мы нынче ударились в другую крайность. Леня Голубков с братцем вечно навеселе; подмигивает «Распутин» — какая замечательная водка! Какие замечательные сигареты! Какие замечательные ружья! Покупайте! — вдалбливают нам изо дня в день. Телевизионщики поясняют: бюджет мал, без рекламы нельзя, иначе придется сократить объем вещания. А может, действительно лучше сократить? Что важнее — работающий почти круглосуточно телевизор или нравственное здоровье молодых (и не очень) людей? И еще позвольте спросить. На что расходуются вырученные от рекламы деньги? Не на покупку ли бездарнейших иностранных многосерийных мультфильмов для детей, где всю рекламу

насилие? В них ведь, кроме стрельбы и взрывов, нет ничего. Мой шестилетний родственник однажды устроил истерику: из-за поломки телевизора не смог посмотреть очередную серию «Звездных войн». Она нужна была ему, как ежедневная доза для наркомана...

Безоглядная переоценка ценностей, поворот на 180 градусов от духовного к материальному, резкое расслоение на богачей и бедняков куда более сильнодействующие факторы, чем «влияние улицы». Так что ж удивляться жестокости подростков, если само общество становится все более жестоким?

На первом допросе Роман во всем признался — рассказал, где встретил Александра А., где взял палку, где убил. В «явке с повинной» написал о том, что по дороге они поссорились и — «он меня обзывал, стукнул в лоб. Я его — палкой, снял сапоги, куртку, оставил кроссовки и ушел. 20 января я узнал, что убил его. Испугался, куртку утопил, сапоги продал тете».

На первом судебном заседании полностью отказался от своих прежних показаний:

— Я никого не убивал. Агафонов не видел. На предварительном следствии меня избивали работники угро. Кто именно — не могу сказать. Явку с повинной меня заставил написать следователь. При адвокате я давал такие же показания, потому что мне внушили, что уже ничего нельзя изменить.

Ему вторил свидетель Василий И., пробывший после задержания в доме Романа десять дней в камере (за мелкое хулиганство):

— Все десять дней меня били по голове, по спине. Свои показания я давал не добровольно. Меня заставили это написать. Мне сказали: «Пиши про куртку, что вы ее

утопили, а если не будешь писать, Роман скажет, что это ты убивал».

А как же главная улика — сапоги убитого? Купили у двух незнакомых мужиков. За деньги или бутылку — Роман не помнит, для него «это одно и то же». Василий сказал, что за деньги, потом вспомнил — нет, все же за бутылку.

Такая забывчивость настораживала, и в связи с новыми обстоятельствами дело было направлено на дополнительное расследование.

В некоторых странах не существует понятия «дополнительное расследование». Если следователь не сумел собрать достаточно улик, убедительных доказательств вины подозреваемого и это вскрыется в ходе судебного заседания, дело просто закроют. У нас же нередко посылают в суды «сырые» дела, в расчете на то, что суд их «вытянет» (я говорю не о случае с Романом — в принципе). Не потому ли так загружены наши следователи и суды, что множество дел им приходится заниматься дважды, а то и трижды?

Стоит подсудимому, свидетелю изменить показания в суде — и снова затяжка процесса. Ведь их показания — часть доказательств. В данном случае следователей подвели изъяны нашей пенитенциарной системы, не исключающей связь арестованного с «волей». Так, Роман и Василий каким-то образом переписывались. Они могли договориться об изменении показаний в целом, но не сумели предусмотреть мелочей. Поэтому показали разные места, где якобы встретили мужиков с сапогами, пугались в форме оплаты. Как видите, проблема дополнительных расследований зависит у нас не столько от уголовно-процессуального кодекса, допускающего такую

практику, сколько от профессионализма всех работников, имеющих отношение к арестованному — от следователя до охранника.

Провели служебное расследование по поводу избиений Романа и Василия. Слова их не подтвердились... У меня нет оснований не верить скопинским следователям, однако проблема нарушения прав подозреваемых, как говорится, место имеет.

Судил Романа суд присяжных. Вердикт вынесли единогласно: виновен. Окончательный приговор — 9 лет (максимум для несовершеннолетнего — 10).

Но... кассационная палата Верховного суда по жалобе адвоката отменила приговор и направила дело на новое разбирательство в тот же Рязанский облсуд.

В дореволюционной России приговор суда присяжных тоже не был окончательным и бесповоротным — его мог отменить Сенат. Но пользовался своим правом редко, даже если присяжные были откровенно не правы. В связи с этим можно вспомнить хотя бы классический случай из практики знаменитого адвоката Федора Плевако. Друзья удивлялись: зачем он взялся защищать растратившего церковные деньги священника? Дело безнадежное: все доказательства налицо, да и сам подсудимый не сознался. Плевако предложил пари: он будет выступать минуту, и священника оправдают.

Все заседание адвокат, к полному недоумению публики, молчал, не задал ни одного вопроса. Только в конце встал и произнес такую речь:

— Господа присяжные заседатели! Двадцать лет мой подзащитный отпускал вам грехи ваши. Отпустите грех один раз и вы ему, люди русские.

Поклонился в пояс и сел. После

нескольких мгновений гробовой тишины раздался шквал аплодисментов. Приговор был предрешен.

Адвокат Романа был менее удачлив, и это понятно: поводов для серьезных возражений материалы следствия не давали, а придумать какой-либо эмоциональный «ход» в деле об убийстве невозможно. Но почему все-таки Верховный суд отменил приговор? Нашел ли он ошибки рязанских присяжных? Или суд не разобрался в сложном деле?

— Дело это очень простое, — сказал мне Алексей Шурыгин, председательствовавший на заседании кассационной палаты. — Ошиблись не присяжные, а судьи. Они поставили перед коллегией присяжных вопросы, требующие юридической оценки при вынесении вердикта. А это противоречит статье 449 уголовно-процессуального кодекса.

Поясню. В начале судебного заседания присяжным раздаются вопросы (в письменном виде), на которые они должны дать однозначные ответы — «да» или «нет». Так что ж за вопросы получили присяжные?

«Доказано ли, что разбойное нападение на А. совершил Р.?»

«Доказано ли, что умышленное убийство А. из корыстных побуждений совершил Р.?»

«Виновен ли он в этих преступлениях?»

Верно, среди присяжных не было ни одного юриста. Но трудно представить, как можно еще проще сформулировать вопросы. По существу, они сводятся к одному: виновен или нет? Когда-то на подобные вопросы отвечали мещане, купцы — словом, люди самых разных профессий, сословий. Они выносили решение на основе здравого смысла, житейского опыта. Неужели современные присяжные, имеющие как минимум среднее об-

разование, настолько глупее, что не в состоянии ответить на элементарные вопросы?

Повторный суд, с новым составом присяжных подтвердил первоначальный приговор. Роман вину не признал... В заключении не раскис, держится спокойно, даже уверенно. Но впереди девять лет. Хватит ли уверенности на весь срок? Каким выйдет из заключения? На эти вопросы пока нет ответа...

ПАМЯТИ ДРУГА

Этот очерк — последняя журналистская работа Владимира Анисимова, хорошо знакомого читателям нашего журнала.

Он трагически погиб накануне нового, 1995 года. Ему было сорок четыре...

Из них девятнадцать лет отдано «Смене».

А до этого Володя работал на радио в Эвенкийском национальном округе, корреспондентом в газетах «Лесная промышленность» и «Социалистическая индустрия».

Трудно, больно говорить о Володе Анисимове — был. Мы потеряли не только талантливого журналиста, материалы которого не раз отмечались как лучшие, но и доброго, советского человека.

Мы скорбим о потере друга...

Его нелепая преждевременная смерть — наше общее горе. Светлая память о Владимире будет всегда с нами.

«Сменовцы»

НЕГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

... Он врывается на сцену Театра Российской Армии, и зрительный зал, уже порядком утомленный бесконечными монологами, мгновенно оживал. Кто он? Античный юноша Орест из эсхиловской «Орестеи», поставленной самим Петером Штайном, — артист Евгений Миронов. И словно внезапный порыв свежего ветра, невесть откуда взявшегося, проносился по спокойным театральным рядам. Вместе с Женей Мироновым на сцену врывается жизнь — наша, не античная. Та, которая трогает и тревожит не только ум, но и душу. Нет, он вовсе не пытался сделать своего героя пареньком с соседнего двора. Он жил в суровых законах спектакля, но так истово верил во все происходящее на сцене, что эта вера заражала и зрителей.

Казалось бы, что ему Гекуба? Он же страдал и негодовал до отчаяния, до сумасшествия... Потому что Миронов — артист. Не актер только, каких сотни, а именно артист, художник. Его окружали «звезды» — Е. Васильева, Т. Догилева, Л. Чурсина, И. Костолевский. Он не потерялся в их свете и, достойно вписавшись в созвездие, сохранил собственную яркость.

А потом его узнала Европа. Ведь масштабный проект «Орестеи» предполагал едва ли не кругосветное путешествие. В рецензиях западной прессы имя Миронова звучало часто, и слов одобрения было куда больше, чем неизбежной для артиста критики.

Впрочем, не надо думать, что Орест — его первый успех. Штайн отбирал в свой спектакль не новичков, а тех, кто уже успел сказать свое слово. А Женя сказал, и не одно. Уже не первый сезон «на него» ходят в Театр под руководством О. Табакова: «Бумбараш», «Звездный час по местному времени», «Обыкновенная история». Он может все: играть в пси-

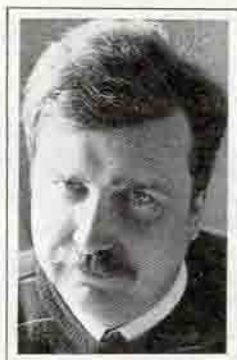
хологической манере, петь, демонстрировать пластическую подготовку.

Учителем Миронова был и есть Олег Табаков. Он и в искусство пришел как бы по его стопам — начиная с саратовского детства и тамошнего актерского училища, через Школу-студию МХАТа на сцену и в кино. И действительно, многие его герои чем-то неуловимо напоминают тех знаменитых «табаковских мальчиков», что потрясали когда-то Москву. Только живут эти мальчики в другом времени. Быть может, в них меньше воинственного молодого азарта и непримиримости, но все та же открытость миру, незащищенность, доверчивость. Они стали более трезвыми, но все так же пробуют жизнь по вечным законам юношеского оптимизма, не размениваясь на случайные мелочи.

Сегодня такие признанные мастера, как Н. Михалков, А. Кончаловский, П. Тодоровский, называют Миронова в «первой пятерке» молодых артистов. Роли в фильмах «Любовь», «Как живете, караси?», «Анкор, еще анкор!» уже принесли ему массу престижных наград. Его признавали лучшим актером года на фестивалях «Созвездие» и «Кинотавр», отмечали в Швейцарии и в Каннах.

А внешне он ничем не выделяется из толпы своих ровесников — невысокий симпатичный парень, совсем не «герой», поигрывающий мускулами. Вот только глаза выдают принадлежность к избранным. Глаза, в которых нет фальши и цинизма, нет пошлости. Кажется, они знают то, что пока недоступно нам. И потому, выходя на сцену или появляясь на экране, этот «негерой» остается самим собой и становится частью нашего времени. И когда-то еще мы поймем, каким оно было. Миронов нам в этом поможет.

ИРИНА АЛПАТОВА

как стать

ДОЛГОЖИТЕЛЕМ

158

Лучший подарок иностранному другу (знаю по себе) — не бальные матрешки, а открытки и плакаты Владимира Уборевича-Боровского. Володя рисует шаржи на российскую действительность. Точнее, на западные представления о России.

Когда в 1970 году «Комсомолка» проводила среди читателей конкурс молодых карикатуристов, рисунок двадцатилетнего студента Архитектурного института В. Уборевича-Боровского не только был опубликован в главной молодежной газете, но и получил первый приз...

Родился Володя в Воркуте. Место рождения объясняется фамилией: легендарный командарм, расстрелянный в 1937 году, — его дед... И рисовал Володя в детстве и юности в основном танки и сражения. Хотя мама (в «оттепель» семья вернулась в Москву) настаивала: сделай иллюстрации к «Мастеру и Маргарите». (Роман еще не был напечатан, но его в семье Уборевичей читали благодаря дружбе

с Еленой Сергеевной Булгаковой. А Лиля Брик давала подростку «на просмотр» живописные альбомы, только что полученные из Парижа...)

Однако сын не послушался маму: иллюстраций к «Мастеру» не сделал ни в шестидесятые, ни позже, не собирается делать теперь, потому что, по его словам, «уже выработал ироничный, насмешливый взгляд на мир — таким ключом «Мастера» не открыть».

Зато Уборевич-Боровский нарисовал сотни карикатур. Участвовал во множестве конкурсов. Имеет немало призов (в том числе и нашего журнала). Иллюстрировал книги — детские и юмористические. Придумал и воплотил десятки открыток и плакатов по заказу западных издательств.

...Получив их в подарок, мой знакомый американец воскликнул: «Great!» («Здорово!»). А я добавил: и здорово, ибо смех, как правило, продлевает жизнь.

С. ЛИТВИНОВ

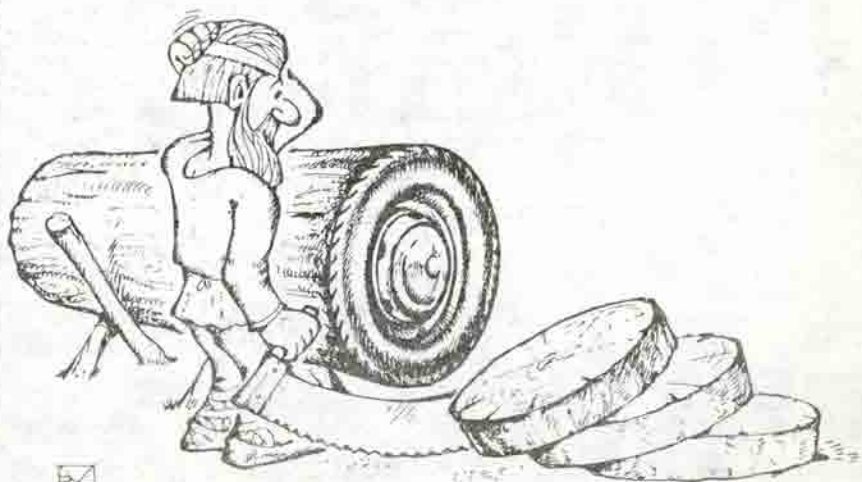
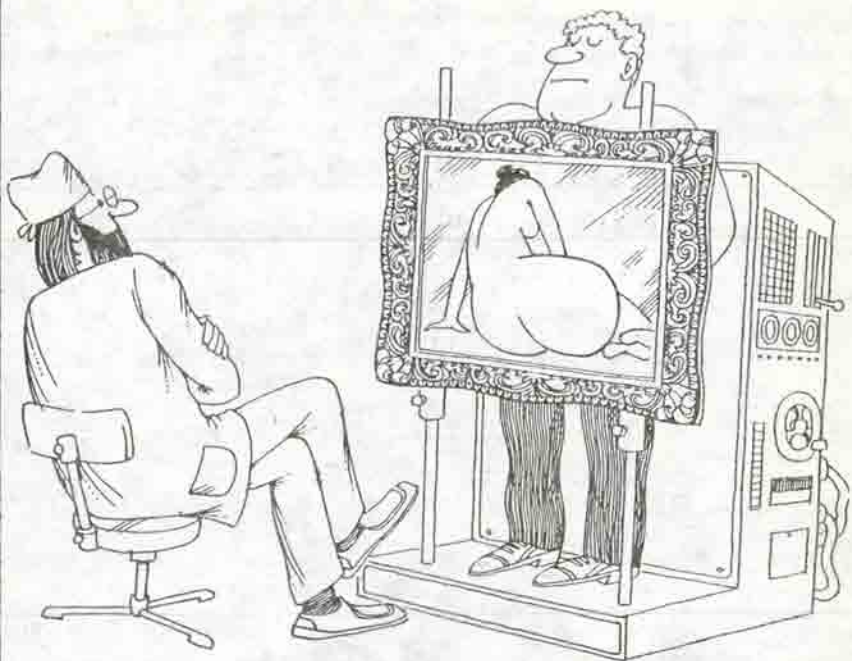
КТО ИЗ ЭТИХ
ЛЮДЕЙ ПЫТАЛСЯ
ОТНЯТЬ У ВАС
ГУМКУ?

Рецепт
и рисунки
от
Уборевича-Боровского

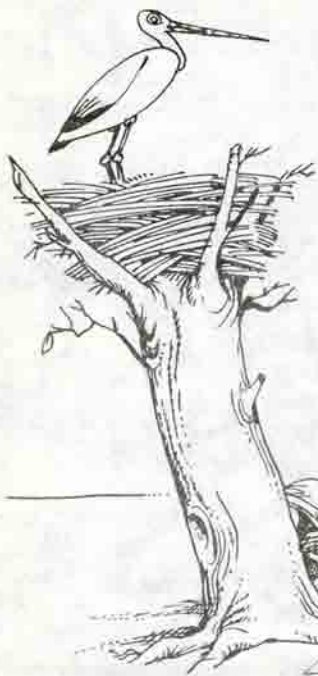

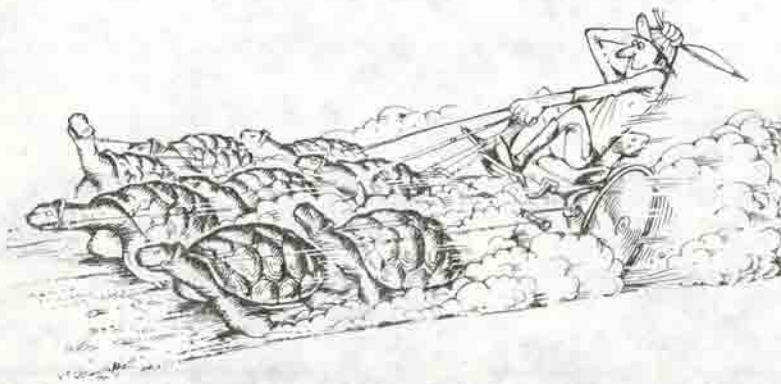

**Вась! Ахст это к
счастью!**

Александр Шаганов — певец, продюсер, но прежде всего поэт и, пожалуй, не только по профессии, но и по призванию.

И все-таки интересно, «поэт» для Александра — профессия или состояние души?

— Я написал много песен, поэтому «поэт» для меня — все-таки скорее профессия, в хорошем смысле слова — ремесло. Но это не значит, что моя работа — только средство зарабатывания денег

или популярности. Я не превращаю творчество в бизнес. Если, например, для кого-то понадобится написать текст за 20 минут — это не ко мне, поскольку сегодня, бывает, не пишется, а завтра, смотришь, пошло...

Мое увлечение поэзией сложилось из прогулов школьных занятий, когда я с утра уезжал в читальный зал Некрасовской библиотеки. И первые поэтические строки, оказавшие на меня бук-

АСТЬ СЧАСТЬЕМ

важно магнетическое воздействие,— Андрея Вознесенского. Недавно нашел свою старую записную книжку, где вместе с телефонами друзей по футбольной команде обнаружил переписанные от руки стихи из его сборников.

Но сказать о себе как о законченном «книжнике» было бы неверно. «В осенней мгле московские бульвары учили жизни вместо букваря...» Я достаточно рано узнал, что такое большой город с романтикой вечерних улиц, и, может быть, поэтому для меня поэзия — незлитарное занятие.

А свои первые строки придумал лет в четырнадцать. Причем помню их до сих пор. Невероятно наивные... А потом спустя несколько лет январским вечером как озарение сочинилось — «Деревянные церкви Руси». Наверное, в этот день я и понял, чем буду заниматься в жизни. Но опять же потребовалось много времени — только

в 1987 году группой «Черный кофе» была записана песня «Владимирская Русь», вошедшая во все хит-парады страны.

Когда пишу, испытываю состояние, которое, видимо, и называют счастьем, состояние внутреннего спокойствия, порождающее желание жить.

— Подобное чувство испытываете часто?

— Для меня песня — мой особый мир. Наверняка более интересный, чем я сам в обычной жизни. Как приходят идеи, из чего складываются темы стихов — до сих пор не знаю. Но знаю, что песня помогает человеку пережить тяжелые испытания (а со мной такое было не раз). Позволяет рассказать о своем времени самым доступным и точным языком.

И поэтому, мне кажется, мы должны быть достойны лучших песен, звучавших ранее, и помнить,

что во многом о нас самих будут судить по нашим сегодняшним песням.

— Не проще ли жить днем сегодняшним?

— Нет. Я считаю, если жизнь так часто меняется, нужно думать о вечном, не стоит жить сиюминутным, все проходит как мгновение. Сегодня так, завтра иначе. Каждый год приносит новые имена, новое ощущение времени. То, что мы делаем сейчас, — слепок нашего времени. Уверен, что этот период будет интересно освещен в литературе, быть может, в поэзии, но только много лет спустя.

— Но до лирики ли сейчас? Надо думать и о «хлебе насущном»...

— Россия была и остается страной поэзии. На мой взгляд, успехи или неудачи в экономике не имеют значения по сравнению с тем, что произойдет, если люди когда-нибудь вдруг забудут о кино, театре, эстраде.

— Вам никогда не хотелось вернуть время вспять?

— Зачем? Проходить один и тот же путь дважды — непростительная глупость. Ведь я уже знаю, каким я был в 18, 25... Единственно, мне интересны какие-то старые ощущения, вновь хочется вернуться к друзьям, к тем местам и домам, где когда-то гостил и бывал, где влюблялся и расставался. Конечно, жаль, что мне сейчас не 18 — самый замечательный возраст, не обремененный опытом, нацеленный только вперед в понимании самого себя и жизни. Ведь с каждым днем человек познает себя, открывает что-то новое и интересное. С годами пришел к выводу: не нужно торопиться жить, тогда можно не успеть сказать главное...

— А бывает, что сказать нечего?

— В такие минуты обычно наступает депрессия, наваливается скука, кажется, что все известно заранее, и удивления в душе не происходит. Но депрессии не стоит бояться, она сопутствует творчеству любого художника. Даже хорошо, что такие дни наступают, что ты не тот постоянно веселый и счастливый идиот. Что же касается моего сегодняшнего состояния, то я переживаю период накопления, не финансового, естественно, а чисто эмоционального. Делаю два новых проекта. Один — с молодой начинающей певицей Кристиной. Второй — с самим собой: «Александр Шаганов — молодой артист». Я не хочу, чтобы меня воспринимали только как поэта, который еще и поет. В моей жизни это большой эксперимент. Я не напрашиваюсь в телевизионные программы, никому не «вешаю лапшу на уши», мне просто очень нравится петь. Не исключено, что завтра все изменится. А сейчас я рад, что это желание живет в моем сердце и есть силы воплотить его в жизнь. По возможности я стараюсь больше времени проводить на природе. Ни друзья, ни тусовки, ни выпивка, ни женщины — только природа дает мне силы в минуты уединения.

*И сердце вновь зальется
переливом,*

И я спою все песни наизусть,

И буду думать только о

счастливом,

*А счастье с счастьем — это та же
грусть...*

Жизнь наша, словно музыка. Нота верхняя, а потом сразу же нижняя. Из всего этого получается красивая мелодия. А ежели все на одной ноте — такая скука...

**Беседу вела
МАРЬЯМ НОРКИНА.**

**Фото на IV обложке
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА**

≡
*Сколько в жизни твоих дней, одиночество?
Как языческий бог, жертву ты требуешь,
Собирая с живущих
Свою лепту безжалостно.*

*Ни мечты, ни дела, ни увлечения
Не заполнят наш век, не заслонят тебя:
Все проходит бесследно,
Словно облачко — по небу.*

*Никому не уйти от неизбежного,
Никому не порвать сети невидимой;
Одиноким родишься,
Одиноким уходишь в ночь...*

*Над созданием Своим смилуйся, Господи!
Как томительна жизнь! Словно декабрьский день:
Рассвет ненадолго —
И уж ночь надвигается...*

≡
*Много ль новых зим суждено нам встретить?
Сколько нам надежд жизнь еще подарит?
Скоро ли предаст неизбежной смерти
Скорбная участь?*

*В тишине ночей слышен монотонный
Перестук часов, как колес на стыках
Серебристых рельс, что мечту уводят
В дали иные.*

*В черноте небес не зажгутся звезды;
Утренней зари не займется пламя;
Солнечного дня не увидишь света;
Сомкнуты веки...*

*Радостно ль, душа, вырвешься на волю
Праздновать свое перевоплощение,
По небу кружить белоснежной птицей
В поисках стаи?..*

≡
*Кто б послал нам тебя, Древо Познания?
Мы — в крошечном раю жители дикие,
Что добра не умеют
Отличить от погибели.*

Ни своей наготы не замечаем мы,
Лучезарного дня стыд и посмешище,
И не трудимся в поле,
В поте лиц не едим свой хлеб.

Впору вновь совершить грехопадение,
Чтобы с глаз пелена разом обрушилась,
И себя б мы познали,
И позор свой извели!

Но слепцам не прозреть от обличения.
Древа Жизни плодов жаждем мы яростно —
Чтоб сравниться с богами,
Чтоб порок стал бессмертием.

К ПЕСОЧНЫМ ЧАСАМ

Чем удержать тебя, время текучее?
Что поставить тебе твердой преградой?
Убегает песок в узкое горлышко:
От сужденного — вниз, к невозвратимому...

Это легкий песок — жизнь, мне врученная,
А для цели какой — то мне неведомо.
Кто ее поместил в чашу прозрачную,
Тот, наверно, и знал, что с нею станется.

Без стремительных лет — чем увенчается?
Опрокинет судьба чаши заветные,
И забудет песок, чьим был он временем,
Чьих морщинами глаз и сединой волос...

Или вдребезги вмиг, жестом безжалостным,
Разобьют мой фиал, духа вместилище,
И погибнут года, ветром развеяны,
Как ненужная пыль, очи слепящая...

Сердце, радуйся дням, сколько осталось их!
Не уйти от судьбы предуготованной:
Кто поставил сосуд перетекающий,
Тот во тьму уведет душу безмолвную.

ПРОПИСИ

В листок, разлинованный косо,
Впишу, не увиден никем,
Три слова, верней, три вопроса:
Откуда, куда и зачем.

*Когда — о, великое чудо! —
В урочный рождаемся час,
Откуда, о Боже, откуда
Душа загорается в нас?*

*Когда исполняются сроки
Для присно опущенных век,
Куда — о, вопрос тот жестокий! —
Куда мы уходим навек?*

*И, вспомнив нелепые были,
Шепчу, не услышан никем:
Зачем мы дышали и были?
Зачем — о, ответьте! — зачем?*

≡

*Ангел пресветлый оплакивал чью-то заблудшую душу,
С неба слезинка упала в волны лазурного моря,
Мягкого лона достигла, с соленой водой не смешалась,
Раковине терпеливой попала в раскрытые створки.
Там затвердела слезинка и стала жемчужиной белой,
Ангельски чистой и свежей, теплой, как воды морские,
Легкой, как праведных души, и драгоценной, как вера.*

СМЕРТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Каролина Кассиди напрягла всю свою силу воли, чтобы вырваться из объятий тягостного сна. Хотя ничего особенного пока не произошло, у нее осталось гнетущее чувство, будто что-то весьма неприятное может случиться с ней в любую минуту. И не просто неприятное, а скорее смертельно опасное.

Она широко раскрыла глаза и вдруг с удивлением обнаружила, что не помнит имени и фамилии мужчины, который сейчас мирно дремал на кровати рядом с ней. Она пригладила светлорусую пушистую шевелюру и еще раз взглянула на него. У ее нового приятеля были густые седые волосы и такое твердое и решительное лицо, будто он не позволял себе расслабиться даже во сне. Широкие ладони мускулистых рук лежали поверх покрывала. У левого плеча Каролина разглядела татуировку в форме тюльпана.

Она потянулась и села в кровати.

«Ну и проститутка же ты. Встретилась с совершенно незнакомым мужчиной в четыре часа дня, и — гляди-ка — в восемь он уже занимается с тобой любовью, причем используя такие приемчики, что тебе и не снились», — беззлобно отругала она себя и вдруг улыбнулась.

Даниэль Ромеро! Ну как же можно позабыть его имя? И Каролина чуть заметно притронулась к татуировке.

Мужчина открыл глаза и начал внимательно рассматривать девушку.

— Не хочу показаться банальной, — осторожно сказала Каролина, — но вообще-то мне не слишком часто приходится заниматься подобным...

— Я и не сомневался в этом, — произнес мужчина басом. — Ты была даже чересчур скромна в постели.

— Неужели?

Он улыбнулся, и теперь Каролина не смогла бы точно определить его возраст — скорее всего где-то сорок с небольшим.

Журнальный вариант.

Томас Альтман — современный американский писатель. Первая его книга «Поцелуй на прощанье папу» была написана в 1980 году и сразу же стала бестселлером. Затем вышли в свет романы «Настоящая невеста», «Черное Рождество», «Смерть в раю» и «Темные места».

Враю

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

— Похоже, в ваших местах не слишком богато с развлечениями, — заговорил Ромеро.

Каролина протянула руку к пепельнице, где лежал недокуренный «косяк» с марихуаной, зажгла спичку и с наслаждением медленно вдохнула дым. «Какие уж тут развлечения, — с грустью подумала она. — Лас-Косимас — это не Лас-Вегас. Но, с другой стороны, — это и не Богом забытый захолустный городок».

— Не надо курить эту дрянь, — продолжал Ромеро. — Марихуана вредит здоровью.

— А мне нравится, — игриво ответила Каролина и, виновато улыбнувшись, слегка отвела взгляд в сторону, где сквозь полуоткрытые шторы уже пробивался восход.

Так что же ей известно об этом мужчине, который назвался Даниэлем Ромеро?

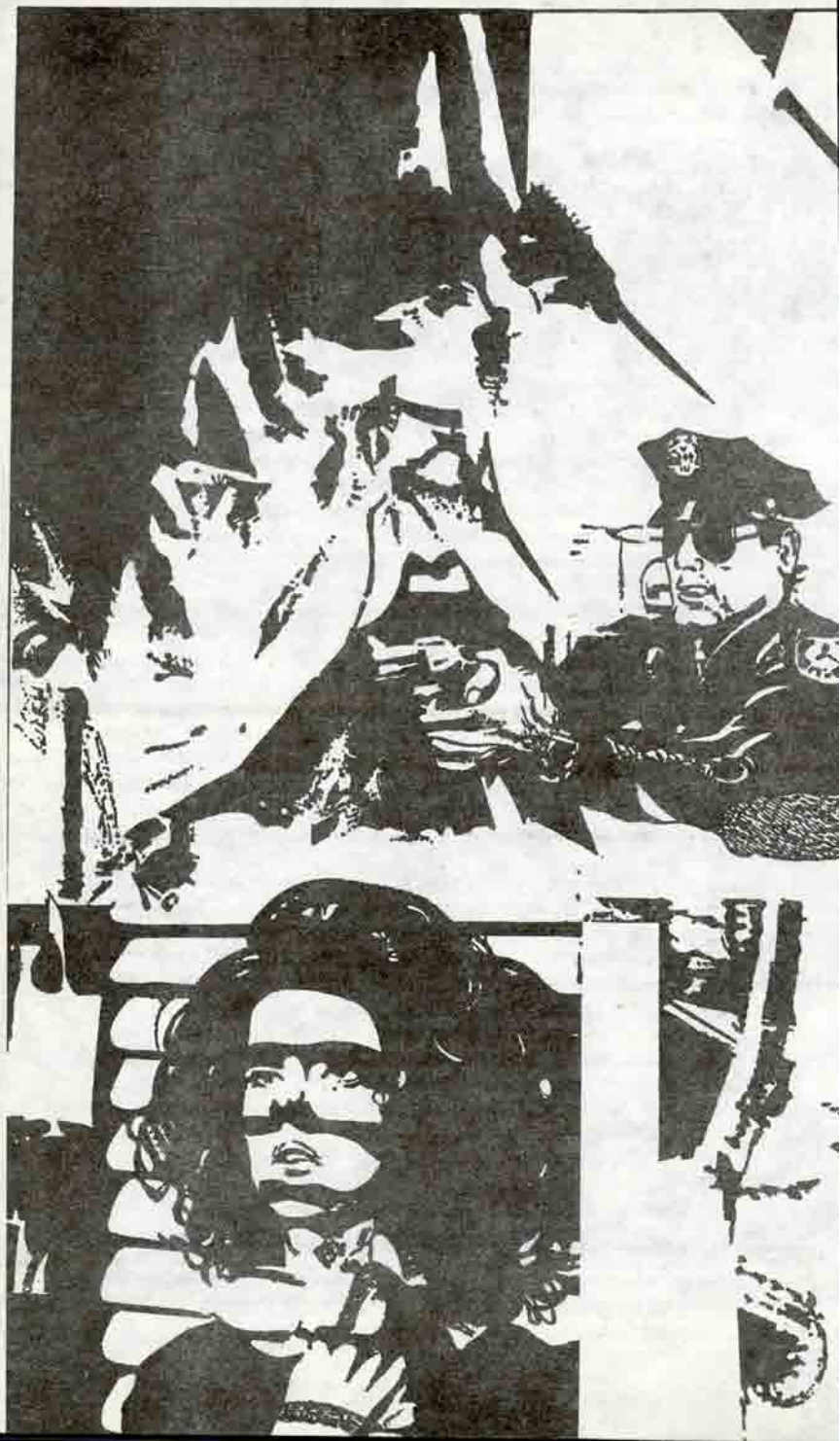
Он явился в контору, где она работала, и заявил, что приехал из Висконсина, но хочет поселиться здесь, в Калифорнии. Причем Лас-Косимас кажется ему идеальным городом для этой цели.

Как только Каролина увидела Ромеро, то сразу же почувствовала к нему большую симпатию — ей понравились его уверенность и решительность. Такие мужчины ее всегда привлекали.

Она встала с кровати, предварительно обмотавшись простыней, но он успел перехватить кончик простыни, и девушка предстала перед ним обнаженной.

— Тебе так больше идет, — объяснил Ромеро.

Каролина положила руки на бедра и тряхнула головой, волосы мягкими волнами рассыпались по ее плечам. Через секунду она направилась в ванную, где наспех умылась и, быстро почистив зубы, с удовольствием осмотрела себя в зеркале. Ей нравилось собственное лицо — и высокие скулы, и необычайно чистый голубой цвет глаз. Создавалось такое впечатление, будто всю свою сознательную жизнь она провела, беспечно загорая на калифорнийских пляжах в окружении неотразимых юношей. На самом же деле Каролина родилась на Востоке и ненавидела свой город. Правда, ее отец — довольно способный промышленник — сумел сколотить неплохое состояние в такой, казалось бы, безнадежной области, как торговля каучуком и соевыми бобами. И это дало ему возможность отправить дочь в Раджертс продолжать

образование, откуда она вылетела ровно через год, проучившись на историческом факультете.

Каролина оказалась «уродом» в семье, потому что брат ее, например, процветал в Майами, имея целую сеть собственных предприятий. Ну почему Каролину повсюду преследовали неудачи?

Позже девушка целый год работала в Вашингтоне с различными бумажками, связанными с налоговой системой, соцобеспечением и так далее, причем почти все ее клиенты страдали от старческого слабоумия, и многие из них даже не соображали, какое время суток на дворе, не говоря уже о том, какие бумаги, а главное, зачем им надо подписывать.

Внезапно на пути несчастной Каролины возник некий Джей Эм Дунбар, основатель нового жилого района — целого городка под названием Лас-Косимас. Этот человек был просто одержим своей мечтой. Он уверовал в то, что будущее принадлежит компьютерам, а те, кто их делает, — несомненно богачи. Если не теперь, то в самом ближайшем будущем. И для них очень важно выстроить роскошные дома.

Каролина устроилась на работу к мистеру Дунбару в надежде помочь ему осуществить эту прекрасную мечту, в то же время не совсем понимая, в чем же будут заключаться ее конкретные обязанности.

А заниматься приходилось довольно многим. Она сочиняла различные рекламные буклеты и брошюры, поддерживала связь с общественными организациями, выступая от имени фирмы «Лас-Косимас и перспективы его развития», и время от времени торговала недвижимостью. За эти весьма туманные услуги ей довольно неплохо платили и предоставили бесплатную квартиру в самом фешенебельном районе городка на площади Гермосилло.

Каролина невольно задумалась. Вряд ли в городке может произойти что-то необычное. Это был полный спокойствия и безопасности рай для мистера Дунбара и ему подобных процветающих бизнесменов, которые легко могли позволить себе любую шалость.

И тогда мысли девушки снова вернулись к Даниэлю Ромеро, ибо она просто не могла себе представить, что он способен серьезно обосноваться в этом городе. Как вообразить его, скорчившегося над компьютерным экраном и методично разрабатывающим какую-нибудь сверхъестественную программу? И еще оставалось непонятным одно. Чем же так притягивает ее этот мужчина?

Ромеро сидел в кровати и курил сигарету. Его золотой портсигар лежал рядом на тумбочке.

— Так что ты мне посоветуешь? — непринужденно начал он. — Стоит обзавестись домом в вашем чудном местечке?

Каролина пожала плечами:

— Ну, если тебе важно мое мнение, Даниэль... Хотя я не знаю, чем ты занимаешься в жизни, какая у тебя профессия...

— И ты не ошиблась. Об этом мы с тобой не разговаривали.

— И не будем никогда, что ли?

— В последние дни мне хочется просто забыть обо всех делах и немножко успокоиться.

Он явно недоговаривал чего-то, и чувство непонятной тревоги овладело девушкой...

ГЛАВА ВТОРАЯ

На углу крупного перекрестка полицейский Тобиас на минуту замешкался, снял форменную фуражку и, почесав затылок, задумался, отчего же, несмотря на спокойствие здешних мест и умиротворение, он все чаще склоняется к мысли, что ему для полного счастья требуется совсем другое — грязный воздух, от которого потом болят легкие, выхлопные газы и всевозможный мусор, разбросанный на улицах.

Тобиас направился вверх по холму. Добравшись до вершины, он снова остановился и вынул из кармана небольшой кожаный мешочек с табаком. На мешочке небольшими буквами значилось: «Т. М.». Подарок сына. Ах, как давно все произошло, но каждый раз при взгляде на эту надпись сердце мучительно сжимается.

Его сын умер.

Можно уместить событие в трех словах, только суть не изменится. Все ушло в прошлое. И любимый Манхэттен с шумными беспокойными улицами. И сын, которого не стало. Тобиас не спеша скрутил папиросу, затянулся и закрыл глаза. Сквозь едкий дым до него донесся другой запах — чуть дальше начинался океан. Он вспомнил своего напарника, который остался там, в Манхэттене. Настоящий друг, Арт Фрай. И еще мертвый сын. И забытый потерянный город. Все это слилось воедино и нахлынуло мощной волной. Следы твоей истории, Тобиас.

Вздохнув, он направился к пирсу, издали заметив тусклый отблеск лампочек у самой кромки воды.

Это был мексиканский квартал, бревном лежавший в глазу Джея Эм Дунбара, который считал, что все зло и неприятности в райском уголке происходят именно отсюда. Настоящий Змий, приютившийся здесь для того, чтобы портить и развращать людей любыми способами.

А для Тобиаса, наоборот, это было единственное приятное место во всем Лас-Косимасе. Несмотря на миллионы, мистеру Дунбару так и не удалось прибрать к рукам последнее прибежище мексиканцев, высоко ценивших свои семьи и традиции.

Полицейский дошел до улицы Либертад. Она оказалась совершенно безлюдной, и лишь одинокий фонарь горел у входа в таверну Энрико. Хозяин предпочитал работать круглосуточно, выручая деньги с каждого возможного посетителя, которых, правда, в это время здесь практически не бывало.

Но на этот раз, зайдя внутрь, Тобиас увидел сразу троих парней, из которых знал только одного, да и то лишь по имени — Карлос. Красавчик иногда подрабатывал, незаконно спекулируя валютой. Двое других оказались сезонными рабочими и пришли сюда пропустить по рюмочке.

— О, старина Тобиас! — обрадовался Энрико, завидев друга, и подал ему бутылку любимого пива.

— Как идут дела? — поинтересовался Тобиас.

— Как всегда — потихоньку, — равнодушно ответил Энрико, пожимая плечами. — А что вообще может измениться в Лас-Косимасе?

«Это уж точно», — согласился про себя Тобиас и вдруг услышал, как заработала рация, вызывая его на связь.

Энрико смотрел на рацию с нескрываемым любопытством:

— Будешь слушать, что тебе скажут, Тобиас?

Тобиас сорвал рацию с ремня и нажал на кнопку.

— Маннинг слушает, — произнес он, разглядывая трех мексиканцев, которые теперь в открытую уставились на него и улыбались во весь рот.

В баре послышался отчетливый и громкий голос шерифа Карла Резабек:

— Маннинг? Где вы находитесь?

— Обошел квартал, сейчас возвращаюсь, — кратко сообщил Тобиас.

— Послушайте, Маннинг, к нам поступило заявление о пропавшем человеке. Только что, — продолжал Резабек. — Приходите в участок, по возможности быстрее.

— Вас понял.

— Буду ждать к половине шестого, не позже, — успел предупредить шериф.

Тобиас пристегнул рацию к ремню и с тоской взглянул на пустую бутылку из-под пива. Человек пропал из дома. Кто это? Какой-нибудь сумасшедший программист, решивший выйти на связь к братьям по разуму и отправиться полетать на тарелке? Полицейский закрыл глаза, устало потер веки и, выйдя на улицу, тут же растворился в темноте.

Дойдя до середины площади Гермосилло, он внезапно остановился.

Над магазинами в одном из жилых домов горел свет. В окне мелькнула фигура и на секунду прижалась к стеклу.

Это была молодая женщина.

Тобиас постарался тут же забыть о ней и двинулся в сторону Маскота-стрит, где располагался полицейский участок. Невдалеке он заметил припаркованный черный «линкольн». Полицейский остановился, осмотрел дорогой автомобиль, отметил про себя, что номерные знаки принадлежат штату Висконсин, и зашагал дальше.

Весьма странная машина в таком месте, как Маскота-стрит. И уж совсем непонятно заявление о пропавшем человеке.

Он остановился под фонарем у входа в участок, и неожиданно перед его мысленным взором возникла фигура Каролины Кассиди.

Тобиас подумал о том, как не хватает ему женского тепла.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сидя в кабинете, Карл Резабек рассматривал свои руки так

внимательно, как это делают ценители искусства, изучая редчайшие и ценнейшие экземпляры коллекции, а потом наконец обратил внимание на Маннинга, прибывшего в участок несколько минут назад. Резабеку всегда казалось, что этот тип не слишком пунктуален и не совсем точно выполняет его приказы. Правда, в их отношениях зависть занимала не последнее место. Еще бы! Маннинг пятнадцать лет имел настоящую практику, да еще в Манхэттене — одном из самых сложных районов во всей стране, а теперь ему приходилось ходить под начальством бывшего полковника морской пехоты, мало сведущего в гражданских делах.

Резабек потер ладони и задумался.

Потерять сына — одно это могло сломить кого угодно. Сам-то он никогда не был женат и детей не имел, но обладал прекрасным воображением, которое его нередко выручало. Юноша, его звали Дэвид, умер от какой-то врожденной болезни сердца еще в Нью-Йорке. И сразу после этого печального события Тобиас Маннинг с женой решили переехать сюда, в Лас-Косимас, чтобы все быстрее забыть. Новый город, новая жизнь... Но буквально через несколько месяцев умирает и Эдит Маннинг, от той же самой неизлечимой болезни сердца. У Маннинга был еще один сын — Поль. Он учился в колледже, но шериф не помнил, где именно и в каком штате. По крайней мере у Тобиаса оставалась хоть одна родная душа.

Шериф взглянул на настенные часы.

Без пяти шесть.

Он прокашлялся и, пытаясь выкинуть из головы мысли о Тобиасе, произнес только одно слово:

— Шарп.

Маннинг сделал шаг вперед и переспросил:

— Шарп?

— Исадора Шарп, — повторил шериф. — Жена Генри Шарпа. Генри Шарп — одна из ведущих фигур в компании «Шарп».

— Я знаю эту фамилию, шериф, спасибо за напоминание.

— Так вот, он-то последний и видел ее за ужином. Она сказала, что неважно себя чувствует. Шарп работал над какими-то программами. В два ночи он пошел спать, а через два часа позвонил сюда.

— Возможно, она вышла подышать свежим воздухом? Не исключено, что у нее есть тайный любовник, посещающий ее по ночам, — предположил Тобиас.

Резабек пожал плечами и вернулся к своему креслу.

— Ну, если она пошла гулять, то босиком.

— А Генри успел пересчитать всю ее обувь?

— Некоторые люди любят ходить босиком, Маннинг. Так что это может оказаться важным.

— Сколько же ей лет? — заинтересовался Тобиас.

Резабек поднял со стола исписанный листок бумаги:

— Вот подробное описание. Ей под сорок, рост, вес, черные волнистые волосы. В спальню она отправилась в ночной рубашке бутылочного цвета. Генри Шарп сообщил, что она больна и по-

стоянно принимает лекарства. Правда, по-моему, не очень сильные.

Тобиас задумался. Больная женщина. Лекарства, правда, не очень сильные. Значит, и болезнь не очень серьезная?

И снова в мозгу тихим эхом отдались волны его собственных чувств и переживаний. Тобиас закрыл глаза и увидел перед собой фигуру Каролины Кассиди в окне. Почему эта малозначительная сценка не выходит у него из головы? Он часто разговаривал с девушкой, раз двадцать, а может, и больше. Частенько наблюдал, как она садится в свой голубой «датсун», ступая так грациозно, что у Тобиаса все сжималось в груди, а позади нее развевались легкий шарфик и пышные волосы.

— Три года, Маннинг, — печально произнес шериф. — Три года я сижу на этом месте. И за все это время в Лас-Косимасе не пропал еще ни один человек.

Тобиас с трудом сдержал зевок. Надо же! Больной женщине вздумалось побродить неизвестно где. Казалось бы, пустяк. Но этот пустяк влечет за собой целую цепь последствий. Как, например, то, что уставший полицейский после рабочего дня теперь не скоро сможет прилечь на свою пустую кровать, чтобы забыться сном. И постараться отбросить прочь воспоминания.

— Поедем на моей машине, — закончил Резабек.

Когда они вышли на улицу, Тобиас сразу же отметил про себя, что роскошный черный «линкольн» с номерами штата Висконсин уже исчез.

Каролина Кассиди стояла, задумавшись, перед своей конторой, дверь которой уже открыла ее секретарша — миловидная, но бестолковая девушка Синди.

Каролина уселась за стол и, взглянув на календарь, вспомнила, что сегодня — первое июля, а значит, предстоит визит Самого, ибо мистер Дунбар посещал их контору первого числа каждого месяца, что уже вошло в традицию. Исключение составлял декабрь. В это время мистер Джей Эм Дунбар колесил по бескрайним просторам Мексики в поисках собственной супруги, которая сбежала от него на третью ночь их медового месяца.

Придирчиво осмотрев кабинет, Каролина решила, что он достаточно чист и опрятен. Потом она проверила воду в охладителе и пришла к выводу, что температура ее как раз соответствовала вкусам прихотливого мистера Дунбара. Запас одноразовых стаканчиков достаточный. Все карандаши и ручки на столах — отечественного производства и даже обе пишущие машинки — не японские. Компьютер, стоявший в кабинете, — американский, так по крайней мере гласила этикетка, приляпанная к его корпусу. Короче, ничего, произведенного в Стране восходящего солнца, дабы не раздражать мистера Дунбара.

После этого Каролина принялась изучать лежавшие перед ней документы. За последний месяц продано два дома, и сейчас наклеивается третий. Эти маленькие победы радовали душу мистера Дунбара, который спал и видел, как расширяется Лас-Косимас.

Конечно, главной его мечтой было отвоевать весь мексикан-

ский квартал, но дружные его обитатели оказались достаточно сплоченными и пока что с достоинством отбивали все официальные предложения мистера Дунбара. Лидеры квартала утверждали, что «капитализм разрушит их общину», хотя Каролина подозревала, что это лишь пустые слова, а на самом деле мексиканцы просто набивают цену своим развалюхам.

Девушка налила себе стаканчик воды из охладителя и сразу же почувствовала лёгкий привкус хлорки. Потом пролистала несколько брошюр, подобранных неделю назад, и принялась сочинять новый рекламный проспект, заимствуя из этих брошюр то удачное выражение, то оборот, а то и целый абзац.

Мистер Дунбар любил осторожный, мягкий подход к клиенту. «Не надо бить прямо в лоб, — говаривал он, — как это делают мои расчудесные компьютерщики. Продавец должен обладать даром заманить клиента и убедить его сделать покупку. Ступай осторожно — и зверь сам побежит на ловца».

«И ведь действительно побежит», — мысленно согласилась Каролина.

Закончив черновик нового проспекта, девушка бросила взгляд на огромную карту Лас-Косимаса, висевшую на стене. Розовым цветом на ней были обозначены те районы, которые пока что не удалось купить мистеру Джею Эм Дунбару. В основном это были старые фермерские хозяйства, винодельни и владения старожилов, короче, именно такие участки, которые хозяева уступили бы только под угрозой ядерного взрыва. Да и то вряд ли.

Часы показывали ровно десять.

До обеда Сам так и не появился.

Каролина некоторое время наблюдала за Синди, размышляя о том, что творится с этой девушкой. Видимо, основная часть ее мозга была просто незадействована. В свободное время Синди занималась тем, что склеивала из бумажных полосок звенья, постепенно скрепляя их между собой и превращая в длиннющие бумажные цепи.

Вдохнув, Каролина пробежала глазами свой проспект, сделала несколько исправлений и, отдав его Синди для перепечатки, позвонила в центральную гостиницу города.

Раздался сладковато-приторный голосок администраторши, которая, очевидно, долгое время работала в библиотеке и готова была осыпать вас статистическими данными с ног до головы. Оказывается, их гостиница занимает общую площадь в пятнадцать акров. Имеется поле для игры в гольф с тренерами-профессионалами. Шесть теннисных кортов. Два бара. Три ресторана. Сто прекрасно оборудованных номеров плюс солярий.

«А мне всего-навсего надо узнать номер телефона Ромеро», — с грустью подумала Каролина.

Когда наконец она дозвонилась до 78-го номера, то оказалось, что там никого нет. Каролина в отчаянии швырнула трубку на рычаг. Наверное, он уже уехал по своим делам. Пожав плечами, Каролина поднялась и подошла к окну. На площади в кафе сидели посетители и посасывали коктейли с такой сосредоточенностью, которой позавидовали бы древние йоги, занимающиеся своими мудреными упражнениями.

— Тебя к телефону, — неожиданно раздался сзади голос Синди.

— Кто спрашивает?

— Не знаю. Какой-то мужчина. Он не представился.

Каролина выхватила у нее трубку.

«Наверное, Ромеро», — мелькнуло в голове у девушки.

— Каролина Кассиди, — произнесла она и приготовилась услышать знакомый голос.

Но вместо этого с другого конца провода донеслось лишь тихое и неровное дыхание.

Каролина почувствовала смутную тревогу. Если бы только она видела сейчас этого человека, то, конечно, сумела бы спокойно разобратся в происходящем. Но она не могла его видеть, и безликий образ мучил ее все сильнее. Теперь она уже представляла себе мерзкого оборванца в засаленном плаще, с грязными ногтями, стоящего в телефонной будке.

— Послушайте, — произнесла девушка и не узнала собственного голоса, — у меня есть дела поважнее, чем беседовать с таким придурком, как вы...

В это мгновение незнакомец заговорил.

Вернее, зашептал.

И этот шепот походил на ветерок, шевелящий прогоревшие, но еще не потухшие угли.

— Каролина... — зазвучало в трубке. — Каролина, ты больна.

Она швырнула трубку на рычаг, сознавая, что Синди ошарашенно смотрит на нее. Голос незнакомца настойчиво проникал в мозг Каролины, подобно нелепому, дикому эху, которое ей совершенно не хотелось слышать.

«Ты больна...»

Что же, черт побери, это могло означать?

Каролина уселась за стол и изо всех сил сжала руками подлокотники кресла. Ей вдруг представилось, что этот тип, вооружившись мощным биноклем, подсмотрел за тем, как они с Даниэлем Ромеро занимались любовью. Этот подлец шпионил за ними, а потом, охваченный вожделием, позвонил ей по телефону.

«Так кто же из нас в таком случае действительно болен, а шутник? Я или ты — следящий за нами?..» И тут же Каролина отбросила эту мысль — с какой стати человек, наблюдавший за ними, возжелал бы с ней переспать?.. Это что-то из области фантастики.

Девушка открыла ящик стола, достала аспирин и проглотила, не запивая, сразу две таблетки.

— Что-то случилось? — спросила секретарша.

Каролина неопределенно пожала плечами.

— Я спросила, потому что ты бросила трубку так, словно она загорелась у тебя прямо в руке.

«Почти что так», — подумала Каролина.

Она поднялась из-за стола и, подойдя к окну, стала наблюдать, как женщины внизу шмыгали из магазина в магазин с такой скоростью, словно узнали какую-то ошеломляющую новость.

Где-то в раю, созданном мистером Дунбаром, в светлом, без-

облачном Лас-Косимасе завелся чужак, свернувшийся, как червь в самой сердцевине роскошного красного яблока.

И эта мысль огненной вспышкой пронеслась в ее мозгу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Резабек уселся за руль серой с черными полосами «хонды», на дверцах которой красовались буквы ПЛК — полиция Лас-Косимаса — и герб города. Говорят, что этот герб приснился господину Дунбару в то роковое воскресенье, после которого он и задумал выстроить город. На гербе красовались два сердитых орла, восседающих на сооружении, напоминавшем ворота роскошной виллы. И если этот символ и имел какое-то значение, то оно было известно только самому Дунбару. Остальные жители города пребывали в полном неведении относительно назначения орлов, а некоторые старожилы из мексиканского квартала за глаза прозвали птиц-близнецов «жертвами хронического запора».

Резабек вел машину излишне осторожно, сцепившись в руль, будто был припаян к нему. Дорога извивалась вдоль каньонов, и создавалось впечатление, что «хонду» сжали в кольцо густые тени, несмотря на утренние лучи солнца. Дома словно зависли в неподвижном воздухе или по крайней мере возвышались на невидимых ходулях. Тобиас сквозь дрему наблюдал, как мимо проплывали площадки для гольфа у здания центральной гостиницы, сливаясь с розоватой дымкой, поднимавшейся со стороны океана. И даже в такое раннее время на одной из спортивных площадок вдалеке маячила фигура какого-то сумасшедшего любителя гольфа.

— Наверное, Маннинг, у вас раньше в практике бывали подобные случаи? — прокашлявшись, заговорил шериф. — Ну, такая же ерундовина?

— Какая именно ерундовина? — отозвался полицейский, забарабанив пальцами по приборной доске.

— Ну... когда внезапно пропадали люди, — пояснил Резабек.

Что это? Игра света и тени? Или Тобиас в самом деле уловил на лице шерифа выражение некой растерянности?

— Случалось, — кратко ответил полицейский. И замолчал.

Нередко одно только присутствие Резабека повергало его в полное уныние и отбивало всякую охоту продолжать беседу. Именно в такие моменты Тобиасу даже не хотелось помогать шефу. Пусть задает конкретные вопросы, если нужна информация. К чему эта белиберда? Хочешь что-то узнать — спрашивай, а не ходи вокруг да около.

— Наверное, это случается время от времени, — неопределенно начал Резабек.

— Бывает. А бывает, что и нет.

— Ну и что же по этому поводу говорит статистика, Маннинг? Какие шансы на успех?

— Трудно сказать. Некоторые кончают жизнь самоубийством. Сами понимаете — долги, имущество заложено, не справляются с воспитанием детей, несносная жена... Или наоборот. Бывает, что как раз жена не выдерживает жизни с возлюбленным супру-

гом и решает отправиться к праотцам. Конечно, не всегда дело доходит до этого. Иногда таких путешественников отыскивают где-нибудь в Северной Дакоте или Нью-Мексико, но на их поиски уходит уйма времени. Случается еще, что они объявляются сами собой буквально на следующий же день, когда успокоятся нервы.

Резабек кивнул, будто последнее замечание удовлетворило его любопытство. Впрочем, он терпеть не мог справляться о чем бы там ни было у Тобиаса и старался не вдаваться в детали, если все же до этого доходило.

У шерифа оставались свои представления об иерархии в служебной карьере, и он до сих пор искренне считал, что бывший полковник морской пехоты стоит на много ступенек выше бывшего полицейского, пусть даже работавшего в самом Нью-Йорке.

Солнце поднималось все выше, и теперь в поле зрения попадали новые дома, стоявшие за густыми деревьями. То тут, то там появлялись первые проснувшиеся жители городка, собравшиеся позавтракать. На одном балконе Тобиас заметил широкогрудого юношу, упражнявшегося с гантелями.

— Представляете, мы подъезжаем к дому, а миссис Шарп уже вернулась,— произнес Резабек и улыбнулся. Улыбка его была несколько странной: когда он причудливым образом растягивал губы, то казалось, что верхняя пугается нижней и изгибается, как кошка.

Тобиас ничего не ответил. Он молча смотрел на солнечный диск и чувствовал, как усталость сковывает все его тело. Затем не спеша скрутил папиросу, закрыл глаза и погладил мягкую кожу мешочка с табаком. Тут же вспыхнула знакомая картинка. В тот памятный день этот мешочек ему преподнес его сын Дэвид. Подарок был упакован в пеструю бумагу с надписью: «Для папы». Но память для Тобиаса была похожа на свечу, и чем ближе он подходил, тем больше возрастала опасность обжечься.

Слишком много смертей в этих воспоминаниях.

А человек не может жить, неся в сердце одни только смерти.

Что-то словно повернулось в его груди, когда Тобиас вспомнил о втором сыне — Поле, но эти воспоминания были хрупкими, как лепесток засушенного цветка. Иногда, думая о Поле, он благодарил Бога за то, что у него осталась хоть одна родная душа на этом свете, что судьба пощадила одного ребенка. Но бывало, что находили на Маннинга и грустные мысли, и тогда он жалел, что Поль жив, если бы погибли все, возможно, ему самому стало бы легче. Ведь тогда бы не осталось ни единой ниточки, связывающей его с прошлым, которое разрывает сердце и ранит душу, подобно безжалостной рапире.

Порой, просыпаясь по утрам и обнаруживая, что сердце по-прежнему бьется в груди, Тобиас жалел, что Господь не послал ему ночью смерть, что его, Маннинга, не смыло в вечность потоком блаженных сновидений и что впереди еще один день, исполненный печальных воспоминаний и душевной пустоты, который ему предстоит пережить.

Машина поравнялась с небольшим домом, расположившимся

на холме. Тобиас мельком взглянул на здание, которое, казалось, было отдано во власть природных стихий. Двор захлебывался от чрезмерно разросшихся сорняков, а сам дом полностью обвил плющ. Полынь, репейник, лопухи и еще какие-то диковинные растения царствовали здесь. А окна особняка были темными и холодными.

Этот дом хорошо известен Тобиасу. Но не только потому, что он частенько проходил мимо него во время своего дежурства.

Именно сюда он привел свою жену Эдит, когда от нее отказались врачи из больницы Лас-Косимаса, убедившись, что все их мази, бальзамы и уколы ни на шаг не приблизили ее выздоровления. Здесь жил врач — частный практик Эндрю Контурас.

Тобиас отвернулся.

— Иногда мне кажется, что этот парень плохо кончит, — заметил Резабек, глядя в страшный особняк. — И когда он умрет, пройдет немало времени, прежде чем его труп здесь обнаружат.

— Ему вполне достаточно собственного общества, — мрачно отозвался Тобиас.

У него не было настроения обсуждать жизнь доктора и его привычки, поэтому полицейский даже обрадовался, когда «хонда» начала подниматься вверх к каньону Эсмеральды. Воздух словно стал чище, а дома более опрятными, и вскоре проявление богатства и роскоши уже безошибочно угадывалось в каждом особняке.

Вот, например, осталась позади высоченная башня с телескопом, принадлежавшая Чарли Макмартину и напоминавшая средневековое строение, взмывающее в небеса, чтобы посоперничать со Всевышним. Вот и знаменитый птичник семейства Валенски — сквозь мелкую решетку повсюду переливаются цветастые перья диковинных птиц — попугаев, туканов, павлинов. Потом «хонда» пронеслась мимо удивительного дома мистера Шварца. Говорят, что дерево для этого шедевра и гипс доставляли прямо с родины Шекспира. Строительство обошлось Шварцу в кругленькую сумму. Один умник даже подсчитал, что на эти деньги можно было бы прокормить все население Никарагуа в течение целой недели. Видимо, только толстосумам под силу жить в доме, точь-в-точь напоминавшем обиталище великого поэта древности.

Ну что ж, у богатых свои причуды.

Здесь, на границе земли и океана, жители Калифорнии словно сами находились на грани здравого рассудка и сумасшествия.

И вот, наконец, впереди блеснула гигантская спутниковая антенна Генри Шарпа, будто бы служившая для поддержания постоянной связи своего хозяина с инопланетянами. Мрачная, сверкающая сероватым холодным металлом, она словно отвергала солнечные лучи.

— Вот и приехали, — объявил Резабек.

Действительно, только слепой мог не заметить этого дома.

Генри Шарп встретил их, облаченный в ярко-красный халат тончайшего шелка. На руке его сверкали огромные золотые

часы. Тобиасу сразу же представилось, что халат этот соткан из каких-то фантастических зеркальных нитей, до того сильно били в глаза блики света.

Волосы Шарпа были настолько ухожены, что казалось, будто парикамахер корпел отдельно над каждым волоском, доводя его до совершенства. Не говоря уже о великолепной мягкой коже рук и ногтях, которым бы позавидовала любая красавица.

Шарп любезно пригласил полицейских на террасу, наполовину закрытую тенью знаменитой спутниковой антенны. Он тут же предложил всем выпить по бокалу какого-то изысканного вина с мудреным названием.

— Ежевика, — пояснил хозяин дома, — способствует пищеварению. Только не спрашивайте, почему именно, это слишком долго объяснять, — добавил он и решительно взглянул на посетителей.

У Тобиаса сразу же создалось впечатление, что у такого человека скорее должна была пропасть не жена, а бутылка драгоценного редкостного ликера. Он внимательно посмотрел на Шарпа, а потом перевел взгляд на шерифа и понял, что тот онемел от роскоши, окружившей их сейчас со всех сторон. Казалось, еще несколько секунд — и Резабек грохнется на колени перед Шарпом, как простой рядовой, приглашенный запросто в гости к генералу — кавалеру всех известных наград.

Шарп поднялся со своего кожаного кресла и, подойдя к веранде, некоторое время молча стоял, всматриваясь в пейзаж за окнами.

Тобиас провел ладонью по вспотевшему лбу. Утреннее солнце уже несло с собой изнуряющую жару. Вдали, там, где должен был находиться Тихий океан, виднелась лишь густая дымка, поднимавшаяся от воды.

— Это так на нее непохоже, — пожал плечами Шарп. — То есть ничего подобного раньше не происходило.

Тобиас обернулся и скользнул взглядом по стеклянным дверям, ведущим в соседнюю комнату. Его всегда удивляло, что сказочно богатые люди иногда ударяются в другую крайность и начинают обставлять некоторые помещения в спартанском суровом стиле. Гладкие, крашенные в белый цвет стены, пара грубых ковриков на полу, обтянутые светлой мешковиной диваны и малиновые подушки...

«Ну, хоть подушки тут малиновые», — словно успокоился Тобиас.

Вся обстановка в доме свидетельствовала о том, что декоратор, приступая к работе, принял изрядную дозу ЛСД. Когда они проходили на террасу, Тобиас успел мельком оглядеть несколько комнат. Некоторые были до отказа забиты мебелью, гигантскими растениями в кадках и картинами, причем настолько, что на полу и стенах не оставалось ни единого свободного дюйма. Туда, видно, даже и не ступала нога человека.

Одна из комнат со стеклянными стенами была отдана огромному горячему фонтану, который, видимо, один и обитал в ней, постоянно бурля потоками воды. А рядом, на второй веранде, отделанной итальянским цветным кафелем, разместились пе-

стрые тенты, удобные шезлонги, стульчики и столики.

— Она не страдала лунатизмом? — поинтересовался Резабек.
«О Господи, — пронеслось в голове Тобиаса, — только у этого идиота фантазия может развиваться до такой уродливой степени. Лишь он способен так отрываться от реальности».

Даже Шарпу, по-видимому, вопрос показался наивным. Он только отрицательно покачал головой и, ничего не ответив, принялся разглядывать ногти, а потом вернулся к столику и налил себе еще бокал вина.

Тобиас сунул руки в карманы, раздумывая о том, что сейчас надо бы сделать еще очень много. Во-первых, осмотреть спальню. Заглянуть в дневник (если она его, конечно, вела). И самое неприятное — задать Генри массу вопросов.

Всякое расследование — это прежде всего вмешательство в чью-то частную жизнь. Подчас грубое, словно ты сам и есть преступник, нагло ломающий тонкие перегородки в личных отношениях. Без спроса водворяешься в святость смерти, и ни в одном случае у тебя нет приглашительного билета.

— Мистер Шарп, вы говорили, что ваша жена больна, — напомнил Тобиас.

— Да, она принимала лекарства, — отозвался Генри.

Где-то в доме зазвонил телефон. Кто-то снял трубку. Тобиасу тут же представилось, как в холле в это время уже собралась вся многочисленная прислуга — привратники, посыльные, горничные...

— А какие именно лекарства?

— Они все стоят в ее ванной.

Ах, ну конечно. В ванной. В ее личной ванной комнате.

Ванные у таких людей, разумеется, отдельные. Как, впрочем, и кровати. Такие кровати показывают в старых голливудских картинах. Тобиас шаркнул ногой. Он всегда чувствовал себя неуютно среди роскоши. Не потому, что сам стремился к ней или завидовал богачам, — нет. Просто не знал, как надо правильно вести себя в подобной обстановке, и поэтому роскошь вызывала в нем нервное напряжение.

В Нью-Йорке или же в мексиканском квартале Лас-Косимаса он чувствовал себя в своей тарелке. Но только не в доме у богача. Ему казалось, что даже воздух здесь более насыщен кислородом. А от этого росло непонятное ощущение собственной неуклюжести.

— А где находится ее ванная, мистер Шарп? — осведомился Тобиас.

— Я провожу вас.

Они прошли по спиральной лестнице, окружавшей колонну из белого кафеля, напоминавшую сверкающий ледник. Решетка перил была выполнена в виде птичьих голов и каких-то причудливых крыльев. Затем миновали небольшой коридор, с обеих сторон увешанный яркими картинами, написанными маслом. Тут были изображены вполне земные вещи — картины представляли собой пейзажи и натюрморты с непременными оливками и огромными бутылками вина. Тобиас задержался на секунду у одной из картин.

— У Исадоры были свои вкусы, — бросил на ходу Шарп. Тобиас взглянул на Генри. «Почему «были»?» — задумался он и тут же смутился. Просто вырвалось ненароком, наверное. «Были свои вкусы». Он еще раз внимательно взгляделся в лицо Шарпа и пришел к выводу, что в молодости тот, наверное, обращал на себя внимание многих женщин. Даже сейчас, если Генри принарядится как следует, то будет достаточно привлекательным. Возраст таких людей трудно определить. Где-то под пятьдесят. Но разве можно судить о возрасте человека, когда у него идеальные седые волосы?

— Вот сюда, — произнес мистер Шарп и распахнул дверь в просторную спальню. Огромное витражное окно выходило прямо на каньон. Шарп сунул руки в карманы халата, словно почувствовал себя неуютно без привычного бокала с вином.

Тобиас окинул взглядом большую неубранную постель под роскошным балдахином. Простыни на кровати оказались из темно-синего шелка, а подушки — кораллового цвета, по крайней мере именно под таким названием значится этот розовато-грязный оттенок во всех декораторских каталогах. На стенах развешаны аккуратные пейзажи. Словом, не спальня, а настоящий зал картинной галереи.

Посередине комнаты стояла старинная прялка, добытая, очевидно, на каком-то аукционе по антиквариату. Резабек прошелся вокруг нее с видом путешественника во времени, с удивлением рассматривающего непонятное изобретение древности.

— Об этой вещи меня даже не спрашивайте, — предупредил Шарп. — По-моему, она годится только для того, чтобы начать собирать коллекцию антикварных безделушек. Исадора обожала все коллекционировать. По-моему, именно с этой целью она и приобрела данный предмет...

Перед мысленным взором Тобиаса с удивительной ясностью вспыхнула картина недавнего прошлого. Он почему-то увидел миссис Шарп в каком-то диковинном платье с кружевами, в длинных до локтя перчатках и широкополой шляпе, сидящей среди незнакомых людей в душном амбаре, служившем залом для аукциона.

Он подошел к двери ванной и распахнул ее. И снова все вокруг засверкало разноцветным дорогим кафелем. Посередине находился душ, и над ним были пробиты изящно застекленные окошки. Множество зеркал в розовой оправе расположились таким образом, что, глядясь в них, не так заметны становились и морщины, и впалые щеки, и стареющая кожа. Зеркало-лжец. В отражении Тобиас увидел Резабека и Шарпа. Выражения их лиц почему-то напомнили полицейскому злорадствующих хищников, словно они уже почуяли смерть, витающую где-то совсем рядом. Тобиас неопределенно пожал плечами и открыл маленький шкафчик, где хранились лекарства.

Перед ним предстал целый батальон пузырьков с каплями и таблетками. Все снадобья, которые помогают смягчить стрессы. Опора и поддержка в трудную минуту. Снотворные, транквилизаторы... Все то, что заставляет реальность чуть-чуть отступить и погружает вас в приятное расслабленное состояние. И тем не

менее это не наркотики. Все лекарства — согласно предписанию врача.

И вдруг, о чудо! Среди них — баночка с засушенным цветком, хранившая какие-то дорогие воспоминания.

Видимо, Исадора сознательно вела такое существование, превращая свою волю в послушный инструмент с помощью этих лекарств. И жизнь ее, наверное, больше походила на спокойное плавание в тихих, чуть прохладных водах надежно защищенного бассейна.

Тобиас взглянул на верхнюю полку шкафчика.

Все пузырьки здесь оказались из темно-коричневого стекла, но назначение этих лекарств было совсем иным.

Увидев их и прочитав наклейки, Тобиас словно был отброшен назад во времени, в то место, которое он прекрасно знал и где никогда в жизни не захотел бы оказаться снова. Это место приносило ему лишь боль и страдание.

У полицейского закружилась голова. Он схватился за край раковины, а другой рукой захлопнул шкафчик — может быть, даже громче, чем намеревался. Все поплыло перед глазами, и собственное отражение в зеркале показалось Маннингу расплывчатым пятном.

Оглянувшись на Резабека и Шарпа, он сразу понял, что те ничего не заметили — ни побледневшего лица Тобиаса, ни того, как побелели костяшки его пальцев, судорожно вцепившихся в край раковины. Сейчас как никогда ему хотелось открыть кран с холодной водой и засунуть под него голову.

Как знакомы эти проклятые пузырьки!

Вновь как наяву промелькнуло лицо Эдит, искаженное от боли и страданий.

Он потер глаза.

Шарп что-то объяснял про балкон в комнате, который выходил во двор, и все трое двинулись из ванной в направлении застекленной двери. Через секунду Тобиас уже стряхнул с себя печальные воспоминания и снова вернулся к действительности. В неподвижном воздухе стоял нестерпимый зной. Тобиас чувствовал, как стекают тоненькие струйки пота от воротничка рубашки вниз по волосатой груди.

С балкона вела лестница, заканчивавшаяся у входа в сад. Тобиас сразу же отметил, с какой тщательностью был распланирован этот сад. Деревья и кустарники посажены с изумительной геометрической четкостью. В основном это были хвойные деревья — сосны, кедры и одна аллея из голубых елей. Он долго смотрел на сад, а потом на ступеньки, воображая себе, как Исадора Шарп уходит по ним вдаль, покидая свою шелковую спальню и тесный мир снотворных таблеток и вечного досуга.

— Вы ничего не слышали? — обратился он к Шарпу. — Никакого шума в комнате?

Шарп на секунду задумался, а потом решительно покачал головой.

— Нет, ничего.

Тобиас снял фуражку, почесал затылок и стал разглядывать аккуратно подстриженную траву, растущую между деревьев.

Можно биться об заклад, что над этим садом потрудились целая армия специалистов. И тут ему представились толпы самых различных экспертов, забивших дом до отказа. Они красили стены, таскали гигантские горшки с цветами, тут же аккуратно подстригая непослушно разросшиеся листья, вешали картины и передвигали мебель. Казалось, что все это время Генри и Исadora жили не в собственном мире, а просто гостили в чуждой им вселенной, сфабрикованной для них этими людьми. Шарпы были чужими в собственном дворце.

Специалисты...

И один из таких знатоков выписывал лекарства для Исадоры. Тобиас вышел на балкон и глянул вниз.

Вот! Какая-то догадка мелькнула в голове Маннинга.

— Она ждала кого-нибудь? — спросил он Шарпа, не оборачиваясь.

— Ждала? — Шарп скривился, словно при этих словах что-то кольнуло его. — Я вас не совсем понимаю...

— Мужчину, — подсказал Тобиас.

— Вы что, серьезно?.. — начал Шарп и запнулся.

Резабек достал носовой платок и шумно высморкался. Лицо его побагровело.

— Простите, — тут же извинился Тобиас. — Но мне важно знать абсолютно все.

— Вы не исключаете возможности, что она могла сбежать с кем-то? — изумился Шарп.

— Пока что я не могу исключить ничего, — подтвердил Тобиас, надевая фуражку. — Такое тоже случается.

Шарп поглядел на свои роскошные наручные часы. По его глазам нетрудно было догадаться, что мысли известного компьютерщика уже перенеслись куда-то очень далеко, возможно, в деловой дневник, который он сейчас старался припомнить, и теперь горько сожалел о том, что непредвиденные обстоятельства тормозят его бурную профессиональную деятельность. Видимо, важную встречу придется перенести, и все из-за того, что дражайшая половина вдруг куда-то запропастилась. А потом едва заметная улыбка скользнула по его лицу.

— Простите, сэр, но тут вы ошибаетесь. Она ни с кем не встречалась, — уверенно произнес Генри, обращаясь к Тобиасу.

Генри Шарп высказал свое мнение, а, следовательно, оно было верным. Никаких подозрений на супружескую неверность. Вопрос закрыт.

Тобиас поднял глаза к солнцу и прищурился. Возможно, что Исadora действительно сбежала от мужа. Может быть, она и вправду решила поиграть своим сердцем, как неудачно подброшенным теннисным мячом на спортивных кортах.

Но потом его мысли снова вернулись к тем злосчастным пузырькам с лекарствами, и, порассуждав еще некоторое время, Тобиас понял, что эта теория скорее всего не годится.

Нет, миссис Шарп была в самом деле настолько больна, что не смогла бы позволить себе дальние прогулки, да еще и с тайным гостем. Если уж за ее здоровьем начал следить сам Эндрю Контурас.

Причем в точности так, как он следил за Эдит.

Бенни Возек по праву считался самым несчастным жителем Лас-Косимаса. К тридцати четырем годам он окончательно разрушил свой мозг непосильной работой в компьютерной индустрии и чрезмерным потреблением кокаина. Еще года три-четыре назад его заслуженно считали гением в области изобретения уникальных медицинских протезов. Ходили даже слухи, что незадолго до своего полного падения он почти сконструировал работающую модель искусственного сердца. Но бессонные ночи, постоянные перенапряжения, вкупе с неизбежным потреблением кокаина для искусственного поддержания жизненных сил, в конце концов сломили его, чего и следовало ожидать.

Организм просто не выдержал перегрузок, и Бенни рехнулся. В настоящее время он не работал, но отнюдь не бедствовал, потому что до сих пор изредка получал гонорары за какие-то разработки программ для компьютерных игр.

Бенни Возек жил в полном одиночестве в большом доме чуть ниже каньона Эсмеральды. Став жертвой научного прогресса, теперь Бенни полностью посвятил себя общению с природой, разбив чудесный сад, где выращивал самые разнообразные растения, а в свободное время любил побродить по мексиканскому кварталу и, опрокинув пару рюмок у Энрико, погулять вдоль океана в своем неизменном сомбреро. Если же Бенни удавалось завладеть вниманием посторонних людей, то он сразу начинал заводить разговоры о преимуществах различных сортов бобов, о пользе морковного сока и салате из сырой свеклы. Больше всего его восхищала чечевица. Дома у Бенни постоянно был наготове котелок с чечевичным супом, а соседи даже утверждали, что огонь под этим котелком никогда не затухал с того самого дня, когда стало понятно, что разум навсегда оставил беднягу Возека. Изредка Бенни направлялся к старому деревянному пирсу и, устроившись под гнилыми досками, закидывал в мелководье удочку, забывая снабдить крючок наживкой.

Первого июля около одиннадцати утра Бенни шатался по мексиканскому кварталу, намереваясь зайти к Энрико, чтобы распить очередную бутылочку пива. Как ни удивительно, но небольшая доза алкоголя производила на его мозг просветляющее действие, и после первой же кружки он мог вполне разумно беседовать с хозяином забегаловки в течение целых пяти минут.

Правда, по истечении этого времени все вставало на свои места, и Бенни, странно взглянув на Энрико, начинал недоумевать, что же он делает в таком непристойном заведении, когда именно сейчас должен находиться у себя в конторе.

Так случилось и на этот раз. Выйдя из забегаловки, он направился к пляжу, рассматривая по пути витрины магазинчиков, где были выставлены всевозможные глиняные горшки, одеяла, сотканые вручную, ремни и безделушки из кожи и множество других вещей.

К полудню Бенни наконец добред до пляжа и сразу направился к пирсу. Тут внимание его привлек крик птиц, круживших

чуть поодаль над пляжем. В какое-то мгновение стая обезумевших крылатых созданий даже заслонила солнце. Бенни шагнул вперед, и птицы взмыли ввысь, захлопав крыльями с такой силой, словно где-то там, на небесах, устроился настоящий оркестр ударных инструментов. Что же так привлекло сюда этих «санитаров» пляжа, подьедающих разный мусор, выброшенный волнами, этих морских стервятников?

Теперь они, словно сердясь на Бенни за его внезапное появление, кричали прямо у него над головой.

Пройдя еще несколько метров, Бенни остановился как вкопанный.

Он увидел, что так возбудило птиц.

И увидел достаточно отчетливо сквозь темные зеленые водоросли и ветви деревьев, прибитые к самому берегу.

Бенни Возек покачал головой, удивляясь, какие штуковины иногда выбрасывает приливом.

Тобиас сбросил тяжелые ботинки и прилег на кровать.

Надо сказать, что его квартира в Лас-Косимасе была весьма уютным и комфортабельным жилищем. Однако Тобиас предпочел бы никогда больше не видеть ее, забыть раз и навсегда и больше никогда не вспоминать. У него не было ни малейшего желания идти на кухню. Тобиас отвернулся к стене. Но тишина квартиры начала одолевать его, наваливаясь со всех сторон.

Все идет к тому, Тоби, что ты становишься одиноким человеком. Конечно, ты не был рожден таким. У тебя были отец и мать, а еще две сестры. Позднее в школе ты приобрел неплохих товарищей, а затем — Арта Фрая, напарника по службе в Нью-Йорке. Потом у тебя появились жена и двое сыновей. Нет, ты не родился одиноким, это потом одиночество набросилось на тебя.

Тобиас сел на кровати, поправил подушку и постарался отбросить прочь жалость к самому себе.

Возможно, что любовь и дружба, которые он пережил, только подготавливали его к одиночеству.

Он прошел на кухню, вынул из холодильника банку пива и резким движением открыл ее. Ледяная жидкость полилась на подбородок и закапала на рубашку. Как это естественно — будучи одиноким, ходить в заляпанной пивом рубашке. Тобиас подошел к окну. А совсем рядом, в пяти футах, находилась дверь в крохотный чуланчик. За этой дверью стояло инвалидное кресло, которым приходилось пользоваться Эдит в последние три месяца перед смертью.

После того, как умер Дэвид, они словно потеряли вместе с ним и Нью-Йорк. Какую-то искорку города, его жизненную энергию. Улицы приобрели мертвенные оттенки. И даже осень того года казалась им однотонной.

«Давай поедem куда-нибудь далеко, на новое место», — предложила тогда Эдит.

И Тобиас только кивнул в ответ.

«Там ты найдешь работу».

И он снова кивнул.

Тобиас смял банку из-под пива, вернулся в спальню и, усев-

шись на край кровати, посмотрел на изуродованный кусок алюминия в ладони. Вся комната была увешана фотографиями. Вот свадебная, с которой смотрят счастливые лица — его собственное и Эдит. Запах цветов. Шелест подвенечного платья. Застывшие улыбки первой любви и радость первого жилья. Это была паршивая дешевая квартирка в бедняцком районе. Когда родился Дэвид, они переехали в Квинс, и некоторое время Тобиас чувствовал себя плывущим по течению, словно брошенным на волю судьбы. Немного погодя на свет появился Поль.

На одной фотографии они были сняты вчетвером.

Теперь осталось только двое, и даже Поля не было рядом, он учился далеко, в Лос-Анджелесе.

Тобиас закрыл глаза. Ну почему они не могут вернуться, хотя бы на один денек? Почему не позволено умершим вырваться из вечности к живым, пусть даже на одно мгновение? Последний раз прикоснуться к любимым... Но они ушли навсегда, и непроницаемая мгла поглотила их. Не важно, сколько лет ты проживешь, пусть даже целую тысячу, ты не сможешь уже ни увидеть их, ни услышать, ни прикоснуться к ним. Никогда.

Тобиас тряхнул головой и открыл глаза.

Возвращаясь из дома Генри Шарпа, он увидел Каролину Кассиди, но она не заметила Тобиаса, хотя ему так хотелось окликнуть ее. Теперь Тобиас чуть было не решился позвонить девушке, но сразу же отбросил эту мысль. Зачем? Это же просто прихоть одинокого пожилого человека, уставшего от тоски в своем пустом жилище, исстрадавшегося по человеческому теплу. Увлечение Каролиной представлялось ему пустым занятием.

Он поднялся и, шагая по комнате, начал вспоминать...

Больничная койка. Бледно-салатовые стены.

И он держит в руке ладонь Дэвида.

Холодную, уже мертвую плоть. А потом, как в кошмарном сне: лица медсестер, мрачные глаза врачей, какие-то голоса вокруг него, и кровать, уже пустая, ненужная именно этому, дорогому для него человеку.

Тобиас сжал виски. В душе его оставалась одна лишь пустота, напоминающая чистый холст.

Так нарисуй свои воспоминания на этом холсте, Тобиас. Походы в горы, рыбалку и выезд на машине на весь уик-энд. Четверо счастливых людей, которым хорошо вместе.

Не уходите. Не бросайте меня. Не ускользайте от меня так просто...

Он повторял эти слова, как заклинание, дважды в жизни. И молился.

И оба раза тщетно.

О Господи! Такие мысли частенько непрошеными гостями роились в его голове. И он был не в состоянии управлять ими или хоть как-то сдерживать. Они полностью овладевали его волей и не желали слушать приказов разума.

У окна Тобиас остановился.

Хватит. Теперь надо подумать об Исадоре Шарп.

Именно это сейчас важнее всего.

Исадора Шарп и выписанные ей лекарства.

Пропавшая леди. Тайна Лас-Косимаса.

А ведь это настоящая тайна. Вот где место для размышлений. И он почувствовал тот старый забытый трепет, который испытывал еще в Нью-Йорке, когда они с Артом сталкивались с запутанными преступлениями, не спали ночами, опрашивали десятки людей, чтобы докопаться до истины, иногда так убийственно жестокой... Ну, хорошо, пусть пропавшая женщина не труп в бетономешалке, и все же...

По крайней мере расследование выбьет его из состояния полной тоски, одиночества и бесконечных мыслей о несложившейся судьбе.

Он вернулся на кухню и, вынужден еще одну банку пива, на этот раз выпил ее за столом.

И тут ему послышалось нечто странное.

Будто что-то постороннее проникало в его мозг.

Что-то, по звуку напоминающее скрип инвалидного кресла Эдит, когда она — еще живая — передвигалась из комнаты в комнату.

Где-то в подсознании зазвучал ее голос: «Тоби, ты же обещал смазать эту штуковину, разве забыл?»

Разве ты забыл, Тоби?

Да, я забыл.

Я и в самом деле ничего не сделал тогда, а потом было уже слишком поздно.

Допив банку до дна, он снова подумал о том, что мертвые, видимо, имеют право тревожить живых. Ведь мы у них навсегда остаемся в неоплатном долгу.

Как скрип того самого кресла, никому больше не нужного.

Как тысячи других, так и не выполненных обещаний.

Тоска по жене создала душевную пропасть внутри Тобиаса, которую никто и ничто уже не могло заполнить. В сердце его царил пустыня, где не прорастет ничего до самой смерти. Глаза Маннинга заслезились, и он снова проклял себя за такую слабость. Не раз ему представлялась будущая жизнь в образе пустыни, в которой не встретится не то что оазис, но даже мираж.

Как же так? Ведь остался Поль. Если бы сейчас он смог увидеть его, тогда острота потери и боль улеглись бы хоть ненадолго. Если бы его мальчик был здесь, Тобиас прижал бы его к себе, поцеловал, и вся любовь хлынула бы из сердца на маленького сына...

Звонок телефона вывел его из раздумий, и Тобиас, поднявшись, двинулся в комнату, размышляя по дороге, кто бы это мог быть.

Неужели Каролина, которая наконец поняла, как он одинок, и теперь хочет помочь?..

Нет, это похоже на гром среди ясного неба.

А вдруг Поль решил позвонить из Лос-Анджелеса?

Но скорее всего это Генри Шарп или Карл Резабек. Сейчас кто-то из них сообщит, что Исадора Шарп нашла и ничтошеньки с ней не произошло за эти несколько часов отсутствия.

Волны спутали волосы, песчинки застряли между ресницами,

а из открытого рта торчали длинные водоросли, каким-то образом зацепившиеся за верхние зубы. Промокшая рубашка прилипла к телу. Кончики пальцев сморщились, как это бывает от долгого пребывания в ванне. Посреди небольшой группы зевак, смущенный появлением полицейских, возле трупа стоял Бенни Возек. Ему мерещилась русалка, таинственное морское создание, выброшенное волнами на сушу. Он обвел безразличным взглядом собравшихся вокруг него людей. А толпа все прибывала, сбегались ребяташки из мексиканского квартала и взрослые — в основном продавцы мелких лавок, чтобы поглазеть на покрытый песком труп женщины с зияющей раной в груди.

Карл Резабек что-то кричал и тщетно пытался разогнать любопытных, отчаянно размахивая руками, как это делают регулировщики во время большого затора на улице. Чарли Никольсон — бывший частный сыщик из Чикаго, здоровенный парень с мясистым красным лицом, стоял рядом с Тобиасом и внимательно разглядывал труп.

— Ножевая рана, Тоби, — решительно произнес он. — Единственный удар. И прямо в десятку. Могу поручиться, что она умерла мгновенно.

— Похоже, что так, — согласился Маннинг.

Полицейские всегда разговаривали об убийстве, как о самом простом деле. Профессионализм не позволял задумываться обо всех тонкостях жестокой реальности. Короткие предложения. В небе суетились чайки и не переставали взволнованно кричать. На секунду взгляд Маннинга упал на Бенни Возека, на его измученное лицо, почти закрытое огромным сомбреро. В темных глазах Бенни светился разум, правда, весьма далекий от обычных понятий.

— Так ты нашел ее прямо здесь? — обратился к нему Тобиас. Бенни кивнул.

— А больше на пляже никого не было?

— Еще были чайки, — задумчиво сообщил Бенни. — Я разрабатывал схему будущей системы выращивания овощей без почвы. Но больше всего меня смущает, конечно, что придется, наверное, использовать оранжереи. Вы понимаете, они же стеклянные. Может быть, применить такое стекло, вроде зеркального? И тут я увидел эту женщину.

«А ведь в твоих словах есть смысл», — подумал Тобиас и взглянул на труп. На пальце кольцо с крупным рубином, вокруг шеи обвилось дорогое ожерелье.

Кто-то заколол ее, но при этом не ограбил.

Тот, кто не имел целью материальную наживу.

Таков печальный конец Исадоры Шарп.

Тобиас посмотрел на море. Волны начинающегося прилива лизали ноги убитой женщины.

— Красotka, — произнес Чарли Никольсон.

Лет тридцать пять, может, чуть больше. И действительно, настоящая красавица, как правильно отметил Чарли.

Тобиас повернулся к Резабеку, который пытался справиться с праздными зеваками. Шериф раскраснелся, с лица стекал пот, и он напоминал человека с нарушенной координацией движе-

ний, отчаянно размахивающего всеми четырьмя конечностями. Вдали послышалась сирена «скорой помощи». Резабек подошел к Тобиасу и, сложив губы трубочкой, шумно выдохнул. Взглянув на труп, он сделал такую серьезную мину, словно вспоминал, что когда-то читал книгу о расследовании убийств и теперь пытался припомнить оттуда хоть что-то полезное.

Карета «скорой помощи» уже продвигалась по песку, сигналила фарами.

Тобиас наблюдал, как прибывшие санитары поднимают тело Исадоры Шарп и закидывают его, возможно, несколько грубовато, в машину. Когда автомобиль умчался, толпа так же внезапно рассеялась сама собой.

— Я не верю, — резюмировал Карл Резабек. — У нас здесь, в Лас-Косимасе? Да я просто не верю.

— Такое может случиться где угодно, — заметил Чарли Никольсон. — И у бедных. И у богатых. Деньги тут не имеют значения. Я видывал трупы и в гетто, и на роскошных виллах. От этого не застрахован никто.

На мгновение шерифа охватило странное чувство собственной беспомощности. Так не пойдет. Ни в коем случае нельзя сейчас показывать ни свою растерянность, ни нерешительность. Это никак не прибавит ему уважения коллег.

— Тело нашел Возек, верно? — обратился он к полицейским.

Тобиас кивнул. Он взглянул на пляж и увидел, как Бенни забирается на свое любимое место под пирсом, погруженный в собственные раздумья, не имеющие ничего общего с реальной жизнью и ее проблемами.

— А вам не кажется, что... — начал было шериф и не договорил.

— Что? Бенни Возек? — изумился Тобиас. Неужели Резабек и вправду подозревает, что безумный Бенни может иметь отношение к убийству? — Послушайте, шериф, Бенни не знает даже, ночь сейчас или день. Не говоря уже обо всем остальном.

Шериф только отмахнулся от него, делая вид, что занят серьезными мыслями.

А Маннинг поправил ремень на брюках и уныло посмотрел на оставшееся углубление от тела женщины. Ямка начала заполняться водой. Через пару минут волны смоют все следы, и на этом месте не останется ничего, что свидетельствовало бы о кошмаре, который они только что наблюдали собственными глазами.

Будто нет и не было никакой тайны.

Но Тобиас знал, что она существует. Единственное, чего ему не хватало сейчас, — это присутствия напарника, Арта Фрая.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мистеру Дунбару постоянно не давала покоя одна мысль. Если что-то дурное происходит в Лас-Косимасе, то причина всех бед — проклятый мексиканский квартал. Что бы ни случилось — сломался ли водопровод, забился канализационный сток, повысилась влажность воздуха или пожелтела трава на площадке для гольфа, — он неизменно считал, что корень зла находится где-то

в глубинах мексиканского квартала. Правда, сломанный водопровод — это одно дело, а вот убийство Исадоры Шарп — совершенно иное...

Усевшись в кресло в кабинете Резабека мистер Дунбар стукнул об пол тростью с серебряным набалдашником и бросил на шерифа сердитый взгляд.

— Генри Шарп, — начал он, — является моим близким другом. И я лично убедил Генри Шарпа, что Лас-Косимас — достойный город для спокойной жизни, соответствующий его положению в обществе. Продавая мистеру Шарпу самое лучшее поместье, я даже не мог предположить, что там произойдет убийство. Я продаю недвижимость совсем не для этого, Резабек.

В кабинете воцарилась полная тишина. Дунбар окинул взглядом двоих полицейских, подчиненных шерифа. Один — пухлый, с физиономией, напоминающей свиную окорок. Второй вообще какой-то странный, с крохотными усиками и опущенными уголками губ, придававшими ему чересчур грустное выражение лица. А потом повернулся к Каролине Кассиди, которая сопровождала его в полицейский участок, протянул руку и ущипнул девушку за ягодицу. Она не шелохнулась. Видимо, привыкла к подобным выходкам мистера Дунбара — короля Лас-Косимаса.

— Это убийство, — снова заговорил Дунбар, — это возмутительное преступление может нарушить все течение жизни в городе. Продажа недвижимости замрет так же быстро, как и взлетела. Дома опустеют. Те, кто остался, начнут разъезжаться. Цены резко упадут. И что мы получаем в результате, Резабек? Неужели вы считаете, что вас опять примут в воздушные силы? Я угадал?

Ему никто не ответил. Да и самому Резабеку сейчас меньше всего хотелось поправить Дунбара и напомнить, что он служил не в воздушных силах, а в морской пехоте.

— Мексиканский квартал, — резко продолжал мистер Дунбар. — Вы еще попомните мои слова, Резабек. Хотите побыстрее отыскать убийцу? Тогда немедленно отправляйтесь в мексиканский квартал. Обшарьте там каждую лачугу. Подготовьте ордера на обыск и всякую прочую ерунду. Не забудьте проверить подвалы. И чердаки. Арестуйте хоть половину населения. Забейте все камеры подозреваемыми. Мексиканский квартал.

Тобиас почти не слушал этого взбалмошного старикана, а только смотрел на прилипший к его губе крошечный листочек петрушки, забавно трепыхавшийся при каждом слове. Украдкой, время от времени, следовательно бросал взгляды на Каролину Кассиди. Она заметила это, чуть улыбнулась и кокетливо откинула со лба прядь непослушных волос. «Искушение», — отметил про себя Тобиас. Искушение, поддаться которому он не имел никакого права. Но в следующее мгновение решил, что обязательно будет первым из тех, кто когда-нибудь завладеет сердцем Каролины по-настоящему.

Каролина отделалась от мистера Дунбара ближе к вечеру. Ее покровитель отправился в свою резиденцию в Сан-Диего — огромный особняк, стены которого были сплошь увешаны фото-

графьями его некогда сбежавшей супруги. Девушка чувствовала себя уставшей и изможденной до предела, как это бывало всякий раз, когда мистер Дунбар решался осчастливить городок своим визитом. Она решила расслабиться и пропустить пару коктейлей в баре центральной гостиницы и поэтому сразу же отправилась туда на своем автомобиле.

За поворотом появились яркие рекламные огни, высвечивавшие название центральной гостиницы. Девушке сразу же вспомнился Даниэль Ромеро. Интересно, где он сейчас? Может быть, сидит в баре за коктейлем? Или развлекается у себя в номере со следующей базаботной красоткой? Последнее предположение Каролине было не по душе.

Она припарковала машину среди роскошных «мерседесов», «ягуаров» и «кадиллаков» и, тяжело вздохнув, двинулась вперед. Прошла прохладное фойе, постукивая каблучками по кафельному полу, и, миновав столик администратора, направилась к бару. Войдя внутрь, она некоторое время оставалась на месте, чтобы глаза успели свыкнуться с непривычным полумраком. За роялем сидел старый пианист и нажимал на клавиши толстыми коротенькими пальцами.

Каролина устроилась за стойкой, заказала легкий коктейль, сразу же сделала несколько жадных глотков, а потом огляделась. В баре было немногочленно — только по углам ютились незнакомые парочки, тихо перешептывающиеся о чем-то своем. Девушка прикурила сигарету и в этот момент увидела свое отражение в большом зеркале, висевшем над стойкой бара.

Выглядела она отвратительно.

Впрочем, этого и следовало ожидать — слишком много всего свалилось на нее — и целый день, проведенный с мистером Дунбаром, и нестерпимая жара, и, конечно же, смерть Исадоры Шарп. Ну как тут сохранить свежесть и жизнерадостность?

И еще тот странный звонок, вспомнила Каролина. На какое-то мгновение этот безымянный негодяй и убийца Исадоры Шарп слились в ее сознании в одну личность. Она представила себе, как обладатель резкого противного шепота вонзает нож в сердце Исадоры и хладнокровно наблюдает за уходящим в океан телом. Каролина вздрогнула.

«Нет, нет, — попробовала она успокоиться. — Эти извращенцы способны только на то, чтобы крутить телефонный диск. Они не могут пойти на убийство».

Девушка еще раз огляделась по сторонам, быстро допила коктейль и сразу заказала следующий.

Неожиданно рядом с ней возникла Мод Логан. В облегающем желтом костюме, с широкой лентой на голове, она казалась настолько свежей, что предположить можно было одно из двух: либо исключительное здоровье, либо постоянные посещения косметического салона.

Муж Мод работал в компании «Шварц Электроникс». Он славился тем, что умудрялся напиваться на вечеринках до совершенно свинского состояния и донимать окружающих своими заявлениями о том, будто это он придумал выражение «кремниевая долина». Каролина, разумеется, знала, что это словосочета-

ние ввел в обиход совсем другой человек, но Эйб Логан каждый раз убеждал гостей, что именно он является его автором.

— Ты сегодня плохо выглядишь. Тебе просто необходимо срочно заняться аэробикой, — посоветовала Мод.

Она заказала себе коктейль из бананового сока с йогуртом и, ткнув Каролину пальцем в живот, надменно произнесла:

— Каро, ты еще в хорошей форме, но учти: годы возьмут свое! Так что торопись. Молодость не вечна.

— Несомненно.

Некоторое время обе женщины молчали. Мод заговорила первой:

— Слушай, а это правда, что говорят про Изабель Шарп?

— Ее звали Исадора, — поправила Каролина. — И все это правда.

— Бедняжка. Есть подозреваемые?

Каролина отрицательно покачала головой:

— Пока что нет.

Взглянув на Мод, девушка тут же поняла, что к ночи покойная Исадора Шарп будет считаться самой закадычной подругой Мод Логан и та весь вечер будет висеть на телефоне, пока трубка не раскалится у нее в руке.

— Ее застрелили? — поинтересовалась Мод.

— Нет. Насколько я поняла, она была зарезана.

— Боже мой, — выдохнула Мод и отхлебнула пенящегося напитка, который, очевидно, должен был прибавить ей еще здоровья и жизненной энергии. Поднявшись со стульчика, она весело помахала Каролине рукой:

— Прости, мне пора бежать.

— Так рано? — притворно обиделась девушка.

— Сегодня Гамлетты дают прием. А ты разве не идешь?

Каролина покачала головой. Вечеринки в доме Дэйла Гамлетта были для нее настоящей пыткой. Натянутые улыбки, фальшивые комплименты, бессмысленные разговоры. Не брезговали гости и «травкой». Нет, сегодня Каролина не пошла бы в гости. Этой ночью надо быть бдительной и готовой ко всему. Страх и без того слишком глубоко засел у нее в мозгу, чтобы расслабляться среди беспечной толпы.

Каролина взглянула в пустой стакан и только собралась заказать третий коктейль, как ощутила на шее прикосновение чьих-то губ.

Она резко повернулась и тут же увидела перед собой Даниэля Ромеро.

— Откуда ты узнал, что я приду сюда? — изумилась девушка.

— Интуиция, — коротко ответил Ромеро и с загадочным видом почесал указательным пальцем кончик носа.

«Интуиция, — эхом пронеслось в голове Каролины. И тут предательское сознание ослепило ее внезапной догадкой: — А ведь Даниэль Ромеро и таинственный незнакомец, звонивший мне по телефону, — одно и то же лицо! Кто знает, может быть, это одна из его странных игр? Еще одна игра... Да и в конце концов, что она знает о нем? Практически ничего».

Но как только он взял ее под руку и повел к лифту, она

почувствовала, что постепенно все страхи проходят и растворяются внутри нее, ибо впереди их ждало нечто другое — восхитительное и прекрасное.

Юноша остановил свой старенький «фольксваген» на дороге, ведущей мимо каньона Эсмеральды. Он вышел из автомобиля, потянулся, разминая затекшие руки, и прислонился к переднему крылу.

Внизу переливался огнями Лас-Косимас, а вдалеке темнел океан. Юноша провел пальцами по спутанным волосам, потом снял очки и протер их рукавом рубашки. Внизу, на освещенном теннисном корте, какие-то фигуры бегали за невидимым отсюда мячом и от этого казались смешными и нелепыми. Юноша наблюдал за ними еще пару минут, а затем снова сел в автомобиль и повернул ключ зажигания.

«Лас-Косимас... Страна Мечты, у самого берега океана».

Прислушиваясь к работающему мотору, он ощутил внезапный приступ боли в затылке, как это бывало у него нередко в последнее время, закрыл глаза, задержал дыхание и с шумом выпустил воздух. Затем проделал это упражнение еще несколько раз, чтобы полностью прийти в себя и расслабиться.

Он тронулся с места и продолжил свой путь.

«Теперь уже близко».

Совсем близко.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Тобиас бродил по мексиканскому кварталу, изредка останавливаясь у магазинов и вглядываясь в витрины. И хотя ночь выдалась спокойной, он все равно чувствовал, как тревожно плещутся волны у берега.

Тобиас прошелся по берегу Либертад и остановился у магазинчика Мануэля Гротто, торговавшего церковной утварью и сувенирами.

«Исадора шла именно этой дорогой к океану. Или ее привезли сюда уже мертвой. Но к последнему прибежищу она перемещалась именно этой дорогой», — размышлял следователь. В кратком отчете патологоанатома сообщалось, что смерть наступила от единственного ножевого ранения в сердце. Вопрос состоял теперь в том, чтобы выяснить: была ли она убита где-то в другом месте и привезена сюда, или же встретила смерть прямо на пляже. Допустим, она шла на ночное свидание к неизвестному. Но ведь расстояние от каньона Эсмеральды до пляжа не меньше шести-семи миль. Возможно ли это?

Если только предположить, что она находилась в наркотическом опьянении. Не исключено также, что кто-то намеренно выслеживал ее и шел за ней по дороге смерти.

«Ну-ка, давай еще раз прокрутим возможный сценарий», — решил про себя Тобиас.

По какой-то ей одной известной причине Исадора Шарп совершает путешествие в темноте ночи.

Может быть, в этом нет ничего необычного? Ну, давай пред-

ставим на минуту, что она страдала бессонницей, решила прогуляться по свежему воздуху и встретилась лицом к лицу с безымянным убийцей. Просто навстречу ей попался человек с ножом в руке.

Теперь еще раз. Итак, он убивает Исадору Шарп, затаскивает тело в автомобиль и отвозит его к пляжу.

Внутри спальни Исадоры все в полном порядке, никаких следов борьбы. Если ей и пришлось бороться в эту роковую ночь, разве что только с бессонницей. Впрочем, то, что она страдала этим недугом, подтверждают пузырьки со снотворными таблетками, обнаруженные в туалетном шкафчике в ванной комнате.

Итак, ей кто-то повстречался.

А может быть, ждал ее заранее.

Но Исадора Шарп была серьезно больна.

Лекарства, прописанные ей доктором Контурасом, никак не давали покоя следователю.

Ведь именно эти таблетки принимала Эдит... И выписывал их ей все тот же злополучный доктор.

«Нет, — продолжал рассуждать Тобиас. — Женщина, принимающая сильные сердечные средства, не стала бы на ночь глядя отправляться в такую даль и вообще подвергать себя всяческому риску, назначая свидания на улице». Тобиас прекрасно знал по своему горькому жизненному опыту, что сильнодействующие лекарства вроде тех, что принимали и его жена, и покойная Исадора Шарп, требовали строгого соблюдения распорядка дня и исключали всякие волнения и стрессы.

Настоящая тайна. Тайна, написанная на песке и смытая водой. Как же не хватало сейчас Тобиасу старого напарника Арта Фрая. С какой радостью он бы встретился с ним и обсудил все свои проблемы!

«Вот что я тебе скажу, старина Тоби, — сказал бы Арт. — Кто-то эту бабу ненавидел лютой ненавистью. Просто выносить не мог».

Карл Резабек чувствовал себя преотвратно. Ему казалось, будто он погружается в какую-то трясину, выбраться из которой будет нелегко. Мистер Дунбар буквально потряс его до самой глубины души. Будто бы в смерти Исадоры Шарп повинен не кто иной, как сам Карл Резабек. Еще ни один человек не смел так разговаривать с шерифом города. Никто и никогда. Шериф вытер ладонью вспотевший лоб, взирая на глубокий каньон с крыши роскошного дома Генри Шарпа.

Хозяин виллы переключился с любимого ежевичного вина на более крепкие напитки и уже осушил полбутылки джина, причем пил его довольно быстро и ничем не разбавляя. Наблюдая за ним, Резабек переминался с ноги на ногу, ощущая неловкость затянувшегося молчания. Как ему не хватало Маннинга! Ведь у того был значительный опыт в делах подобного рода. И от того, что Маннинг сумел бы лучше справиться с ситуацией, Резабек снова ощутил всю тяжесть своей несостоятельности как полицейского.

— Никаких завистников, — пьяным голосом объяснил Ген-

ри. — Она была чудесной женщиной. Имела одних только друзей.

Резабек нервно теребил в руках фуражку. Он чувствовал, что оставаться здесь бессмысленно и, тяжело отдуваясь, снова вытер пот, стекавший с лица струйками. В этот момент Генри Шарп неожиданно вздрогнул, и остатки джина засверкали радугой на кафельном полу. Резабеку почему-то захотелось подойти к Шарпу и, положив ему на плечо руку, как-то успокоить несчастного. Но он не шевельнулся.

— Мне надо задать вам несколько вопросов, мистер Шарп, — сухо начал шериф. — Я знаю, сейчас вам трудно отвечать...

— А когда мне будет легко? — выдавил Шарп. Он плеснул в стакан еще немного джина и осушил его одним большим глотком. — Но я чувствую, какие это могут быть вопросы, поэтому могу ответить на все сразу, Резабек. Нет, любовника у нее не было. Несчастной со мной она тоже не была. И никто из наших добрых соседей не хотел ей причинить зла. Нет, и еще раз нет. Нет. Нет. Нет!

И каждый раз, выкрикивая короткое «нет», Генри Шарп пьяно встряхивал головой.

— А что с ней было не так? — поинтересовался Резабек. — То есть, я хотел бы узнать, чем она болела.

— Она ходила к Контурасу, — начал Шарп. — И он выписывал ей какие-то лекарства. Так что вам лучше побеседовать с ним. Понимаете, моя супруга не любила обсуждать со мной проблемы своего здоровья. Она считала, что это касается только ее, и поэтому никому даже не говорила, что наблюдается у врача. Я случайно узнал об этом буквально несколько дней назад. — Генри Шарп немного помолчал, а потом вдруг заговорил, быстро и бессвязно: — Она никогда ни на что не жаловалась. Все держала в себе, считая, что ее проблемы могут плохо отразиться на моем настроении. Друзья ее просто обожали. Она была такая добрая и отзывчивая. Приносила домой бездомных кошек, потом как-то пристранвала их. Выхаживала птичек с перебитыми крыльями. Состояла в благотворительном обществе...

Внезапно Генри Шарп разрыдался, склонившись на перила, и Резабек отшатнулся, потому что ни в одном своде законов не написано о том, что взрослые мужчины имеют право рыдать на глазах у других. Шериф надел фуражку и, быстро заморгав, отвернулся, не зная, как вести себя дальше. Он сам никогда не был не только женат, но и не знал, что такое искренняя привязанность к женщине. Все его любовные связи ограничивались визитами к проституткам. И поэтому такое поведение Шарпа не было предусмотрено жизненным опытом Резабека.

Он медленно побрел к лестнице, неся в себе странное ощущение. Ему показалось, что Генри Шарп отныне потерян для общества навсегда.

У самого выхода Резабек услышал, как в доме зазвонил телефон, и этот странный живой звук в обители смерти преследовал его еще некоторое время, когда он уже шагал по улице.

— Это же ты звонил, признайся, — настаивала Каролина.

Но Даниэль Ромеро упрямо тряс головой.

— Клянусь, что нет.

— А кто же тогда? — не отступала девушка.

Его мускулистая рука лежала на ее животе. Каролина пристально взглянула в глаза своего любовника, но не увидела там ничего, кроме чуть заметного напряжения. Может быть, он что-то скрывает от нее?

— Ну подумай сам, кому еще придет в голову звонить мне, дышать в трубку, а потом, после пары дурацких фраз, вешать ее?

— Я уже стар для таких розыгрышей, — признался Ромеро.

— Мне почему-то не верится, — улынулась Каролина.

Она знала, что ей давно надо было все выяснить до конца и расспросить его: кто же ты такой, Даниэль Ромеро, и зачем так поступаешь со мной? Каролина закрыла глаза и вдруг со всей отчетливостью увидела перед собой труп Исадоры Шарп, расквашивающийся на волнах.

На вечеринке у Дэйла и Эммы Гамлетт разговор шел в основном о смерти Исадоры Шарп. Все остальные темы словно отодвинулись на второй план. Дэйл Гамлетт, полнеющий бизнесмен лет сорока, своей внешностью напоминавший пончик, старался изо всех сил веселить гостей.

— Привет! — раздался сзади чей-то голос.

Дэйл обернулся и увидел прямо перед собой никогда не унывающую Мод Логан. Каждый раз при виде этого энергичного создания Дэйл Гамлетт ощущал прилив свежих сил. Женщина излучала здоровье и жизнерадостность.

— Добрый вечер, милая, — радостно отозвался Дэйл, и тут же лицо его приняло серьезное выражение: — Не совсем удачное время для вечеринки, да? Я понимаю, надо было, конечно, все перенести, но я не успел никого предупредить...

Мод Логан начала перебирать жемчужины своего ожерелья.

— А моему мужу на все наплевать, — вздохнула она и кивнула в сторону подвыпившего Эйба. Потом наклонилась к Дэйлу и доверительным тоном добавила: — Микросхемы. У него в голове только одни микросхемы.

— Ну, это понятно, микросхемы — его хлеб.

— Еще мне не хватало на супружеском ложе выслушивать про микросхемы, — пожаловалась Мод. По ее раскрасневшемуся лицу Дэйл догадался, что она приняла изрядную дозу спиртного. — А что у него и есть мужского, то это уж точно «микро», — заявила Мод и тут же рассмеялась.

Однако Дэйл Гамлетт так и не понял, в чем тут заключается юмор. Он сделал еще один глоток и положил руку на плечо Мод. Ее кожа показалась ему нежной и приятной. Мод заморгала наклеенными ресницами и словно ненароком прижалась к нему. Всего на секунду, но более, но Дэйл тут же почувствовал, как тревожно забилось его сердце.

— Ты не обидишься, если я уйду по-английски, не прощаясь? — прощбетала Мод.

— У тебя назначена встреча? — удивился Дэйл.

— Именно так. Но думаю, что моего отсутствия сегодня никто не заметит, включая, разумеется, и Эйба.

«Ну, понятно. Микросхемы надоели,— подумал про себя Дэйл.— Хотя все говорят, что она серьезно больна».

Он смешался с гостями, ощущая, что невольно стал одним из участников поминок по Исадоре Шарп. И, уже подходя к жене, почему-то вспомнил, что она, так же, как и Мод Логан, ходила к тому же самому врачу — Эндрю Контурасу.

Юноша припарковал свой «фольксваген» в переулке и, выйдя из машины, скривился, увидев при свете уличного фонаря, что бока автомобиля порядочно забрызганы грязью. А потом повернулся и направился к большому жилому дому вдоль бульжной мостовой. У стеклянной входной двери он немного замешкался, словно сомневаясь, правильно ли поступает, вздохнул и решительно толкнул дверь.

«Нет, отступать уже поздно. Теперь ты вошел в мир, где принято ходить в наглаженных рубашках, а если уж носишь джинсы, то следи за тем, чтобы они были самой последней и престижной модели».

Юноша медленно поднялся по ступенькам вверх и на площадке опять остановился.

Впереди виднелась знакомая дверь.

Некоторое время он чувствовал себя растерянным, словно в смятении позабыл адрес и теперь не был точно уверен, в тот ли дом попал и та ли самая дверь находится перед ним.

Но это замешательство вскоре прошло.

Он решительно взялся за ручку и, повернув ее, вошел в квартиру, где в нос ему тут же ударил застоявшийся, спертый воздух.

Такой запах, наверное, бывает внутри склепа.

Юноша вошел в гостиную, забрался с ногами на диван и, сняв очки, потер пальцем переносицу. А потом огляделся. Темный экран телевизора, бесконечные фотографии на стенах и пачка старых газет на журнальном столике...

От этого, видимо, ему никуда уже не убежать.

Он вспомнил слова своего психиатра, криво усмехнулся и, закрыв глаза, предался воспоминаниям, пробуя забыться, но боль все сильнее овладевала им. Тогда он поднялся с дивана и принялся расхаживать по комнате, затем вошел в спальню и мельком взглянул на неопрятно заправленную постель.

На круглом столе у окна выстроилась целая галерея фотографий в аккуратных деревянных рамках.

«О Господи! — пронеслось у него в голове.— И зачем только отец выставляет их напоказ? Зачем ему хранить все это собрание, лишний раз напоминающее о давно ушедшем прошлом? Надо бы устроить этим фотографиям хороший погребальный костер...»

А лица, смотревшие со снимков, словно обвиняли юношу в чем-то. Слово это были не его родные, а члены суда присяжных, готовые вынести ему обвинение в страшном преступлении.

«Возможно, преступление состоит в том, что я остался жить. Это мой единственный грех».

Мод Логан, бросив полупьяного мужа на вечеринке, быстро забралась в автомобиль и подъехала к своему дому. Войдя внутрь, она с удовольствием прислушалась к одиноким звукам собственных каблучков, эхом разносившимся по пустой вилле. Потом прошла в ослепительно белую кухню, напоминавшую своей чистотой операционную, и из ящика набрала целую горсть жареных семечек. Некоторое время она задумчиво жевала очищенные зерна, затем поднялась в огромную спальню, скинула платье, нижнее белье и облачилась в короткое черное платье, по длине едва доходящее до середины бедер. Спускаясь в холл, Мод почувствовала приступ боли в груди и невольно задрожала, ощутив свежесть ночного ветерка, свободно проникающего в комнаты через распахнутые окна.

Она стала уже привыкать к сердечным приступам, хотя на этот раз боль немного напугала ее.

Подумав несколько секунд, Мод решительно подошла к телефону, сняла трубку и набрала номер. Правда, звонить доктору было уже поздно, но тревога не покидала ее, и она все же посчитала необходимым на время позабыть о приличиях.

На другом конце провода раздался знакомый голос Эндрю Контураса.

— Доктор Контурас? — зашебетала в трубку Мод. — Говорит миссис Логан.

— Слушаю, — кратко произнес доктор и замолчал.

— Простите, я не хотела тревожить вас так поздно. Но у меня снова появилась боль в сердце. Похоже на приступ...

Было слышно, как доктор тяжело вздохнул.

— Милая моя, я вас как будто вижу сейчас. Во-первых, вы изрядно переутомились на занятиях по аэробике. И то, как вы разговариваете, дает все основания предположить, что сегодня вы принимали спиртное.

Мод Логан подумала о том, что иногда Контурас становился просто невыносимым.

— Ну... немножко было, — созналась она, выглядывая в окно, где темнели силуэты деревьев.

— Во всем надо знать меру, — изрек старую истину доктор. — И в занятиях аэробикой. И в особенности в потреблении спиртных напитков. Вам же я посоветовал бы сейчас лечь и отдохнуть. А еще лучше — постарайтесь заснуть. Думаю, ничего страшного с вами не происходит.

Мод показала, что в саду промелькнула чья-то фигура, и у нее перехватило дыхание. Она почувствовала, как на лбу выступила испарина. «Он уже здесь, — пронеслось у нее в голове. — Он уже ждет».

— Спасибо, доктор, — быстро проговорила женщина и швырнула трубку на рычаг.

Потом вышла из дома, чувствуя под босыми подошвами ног мягкую, чуть прохладную траву.

Ночной бриз, дующий с океана, приятно освежал все ее тело. И снова сердцебиение и знакомая боль.

Мод глубоко вздохнула и остановилась, разглядывая тени деревьев.

Она почувствовала, как начинает возбуждаться, и тут ей вспомнились слова доктора:

«Ничего серьезного, надо прилечь».

«Да я как раз и собираюсь прилечь, — мысленно согласилась Мод с Контурасом. — В каком-то смысле, разумеется».

Она вошла в беседку и замерла, прислушиваясь к ночным звукам.

Где-то совсем рядом скрипнули деревянные доски настила.

Мод закрыла глаза, стараясь не обращать внимания на боль.

Он подошел совсем беззвучно и, обхватив ее тело, прижал к себе. Она чувствовала его дыхание на своем затылке, а потом он стал снимать с нее платье и очень скоро отбросил его в сторону, как ненужную оболочку.

Наконец Мод повернулась и в темноте увидела его красивое лицо. Она закрыла глаза и уже в который раз почувствовала себя совсем юной и счастливой девушкой, взмывающей в небеса на невидимых качелях.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тобиас слишком переутомился за время своего дежурства. Ему пришлось пройти по Лас-Косимасу ни много ни мало — целых одиннадцать миль. От чрезмерного количества выкуренных папирос болело в груди, и полицейский вздрагивал всякий раз, когда раздавался знакомый писк рации, висевшей у него на ремне. Резабек без конца проверял местонахождение Маннинга, словно задался целью заставить того врасплох.

Спускаясь по шоссе вдоль каньона Эсмеральды, полицейский остановился, чтобы скрутить папиросу, и взглянул на часы, с удовольствием вдыхая свежий воздух. Было уже три часа ночи — самое время заканчивать дежурство и возвращаться в участок.

И снова он подумал о том, как ему не хватает патрульной машины, будь она проклята.

Вокруг, в сумраке и безмолвии, виднелись темные дома. И еще страшно болели ноги.

Проходя мимо дома Эндрю Контураса, заросшего сорняками, Тобиас машинально посмотрел на черные окна. В Лас-Косимасе многие говорили об этом враче. А слухи здесь, между прочим, значили порой гораздо больше, чем обоснованные факты, и за ними следили так же тщательно, как за курсом доллара на мировом рынке. Говаривали, что он когда-то занимал важный пост в одной из клиник, а потом переехал в Лас-Косимас, где полностью посвятил себя самым невероятным исследованиям, о результатах которых можно было только догадываться. Конечно, чтобы прокормиться, он имел несколько постоянных пациентов, но в основном был увлечен своими таинственными опытами и жил как самый настоящий затворник, редко показываясь на людях.

Когда Эдит стало совсем плохо, Тобиас пару раз привозил ее в этот дом... Даже тогда, подходя к этому зданию, он испытывал жгучую боль, словно пытался перетянуть на себя хоть часть

страданий любимого человека. Теперь у него уже ничего не болело — после смерти Эдит Тобиас понял, что сердце его превратилось в камень.

Вскоре он оказался на площади Гермосилло, шагая мимо высаженных в деревянные кадки огромных пальм. Через стеклянную витрину кафетерия были видны перевернутые на столы стулья, сверкала кофеварочная машина. Тобиасу даже показалось, что все вокруг словно вымерло — такой безжизненной была площадь ночью. И на этой площади находился дом, где жила Каролина Кассиди...

Он взглянул на темные окна ее квартиры и живо представил себе, как девушка мирно дремлет в кровати, как рассыпались по подушке ее пышные волосы, а ноги, наверное, немножко высушились из-под одеяла...

Полицейский замешкался. В глаза ему бросились две припаркованные машины. Одну он узнал сразу — это был «датсун», принадлежавший Каролине. А другой оказался тот самый роскошный черный «линкольн» с номерами из штата Висконсин. Из-за того, что сейчас эти машины стояли рядом, Тобиас почувствовал какое-то беспокойство.

Он снова посмотрел на окно и по появившимся силуэтам тут же догадался, в чем дело.

Девушка в окне потянулась к мужчине и прижалась лицом к его шее. Мужчина погладил ее поясницу, рука его заскользила вниз. Раздался смехок, и Тобиас поспешно спрятался за толстый ствол пальмы. Ему стало вдруг стыдно, что он наблюдает за чем-то очень личным и сокровенным, словно подглядывает в замочную скважину.

Оказывается, Каролина Кассиди и незнакомый мужчина — любовники. Только глупцу надо объяснять, отчего это произошло. Мужчина приблизился к стеклу, и лицо его стало отчетливо видно в свете уличного фонаря.

Что-то знакомое вспыхнуло в памяти Тобиаса. Конечно, он не мог вспомнить ни имени, ни фамилии, просто возникло ощущение, что они раньше где-то встречались. Тобиас посмотрел на свою руку и с удивлением заметил, что машинально сжимает и разжимает кулак.

Это лицо не давало ему покоя. Тут мужчина отвернулся и растворился в темноте.

Тобиас медленно побрел по площади.

Дойдя до Маскота-стрит, он стал злиться на самого себя. Когда же прекратятся эти фантазии? О Господи, ну когда все это кончится?

Вдруг он заметил грязный крошечный «фольксваген», припаркованный у его дома. Сразу же исчезли все видения — и Каролина со своим новым любовником, и труп женщины на песке, и даже полицейский участок, в который ему надо было обязательно зайти, чтобы расписаться в книге сдачи дежурств. Все унеслось куда-то прочь, как остатки прошлогодней листвы, сорванные порывом весеннего ветра.

Ощувив прилив радости, Тобиас бегом бросился к дому.

Да нет, он неумышленно следил за ней — в этом Каролина

была твердо убеждена. И все же на пути в спальню, выглянув случайно из окна, она увидела, как Тобиас шмыгнул за ствол пальмы, спрятавшись в тени дерева на площади Гермосилло. Девушка повалилась на кровать и раскинула руки, размышляя о том, как мило оказалось со стороны Ромеро проводить ее до самой квартиры. Вот еще одна совершенно новая сторона его таинственного и непонятного характера. А сколько еще нового узнает она о нем? И все же, заметив присутствие полицейского, Ромеро почему-то насторожился и поспешил уехать к себе в гостиницу.

Каролина отыскала в пепельнице недокуренный косяк, зажгла спичку и тут же осознала, как несправедлива к Маннингу. В конце концов он на службе, и это его прямая обязанность — ходить по улицам и следить за порядком в городе. Ну а потом, если учесть, что произошло накануне, его поведение и вовсе становится объяснимым. Полицейские вообще должны быть подозрительными. Не исключено, что он успел как-то связать Даниэля Ромеро с загадочным убийцей.

Девушка улыбнулась. Ей в самом деле импонировал этот полицейский, и она всегда радовалась, когда встречалась с ним на улицах. Да и беседовать с Маннингом было довольно приятно.

Он такой очаровательный, живо интересуется ее судьбой...

Почувствовав, что косяк совсем догорел и начал обжигать пальцы, Каролина торопливо бросила его в пепельницу и встала.

Взглянув на автоответчик, она заметила, что в нем мигает лампочка, а это означало, что во время ее отсутствия кто-то звонил. Каролина нажала на кнопку и, когда пленка перемоталась, услышала знакомый голос...

— Ты же знаешь, как ты больна, Каролина... — запипел аппарат.

Каролина замерла, напрягая все мышцы в ожидании чего-то страшного, что могло сейчас произойти.

— Ты же знаешь, что ты больна, Каролина, — продолжал незнакомец.

Потом наступила тишина, но это оказалось еще хуже, потому что в голове Каролины завертелись назойливые образы. Она увидела парня, ссутулившегося, с ядовитой ухмылкой на губах. Он стоял, закрыв глаза, прижимая одной рукой телефонную трубку. А в другой сверкал какой-то длинный предмет, и Каролина точно знала, что негодяй держит в потной ладони нож. Скорее всего это был тот самый нож, который он вонзил в сердце Исадоры Шарп, а теперь уготовил и ей, Каролине, такую же страшную смерть.

Тут девушка услышала последнюю фразу:

— И тебе не станет лучше, Каролина. Хотя...

На этом месте связь оборвалась и раздалась гудки.

Хотя...

— Хотя что? Что значит «хотя»?! — срывающимся голосом выкрикнула девушка и быстро набрала гостиничный номер Ромеро.

Когда Даниэль поднял трубку, она услышала его сонный голос и подавленный зевок.

— Ведь это был ты, Дэнни, сознайся, — затараторила Каролина. — Ведь только ты мог оставить мне на автоответчике такую глупую запись, верно? Скажи, что это был ты!..

— Мне только что снился чудный сон, — лениво ответил Ромеро. — Я купался в прозрачной голубой воде, а рядом резвилась симпатичная девица в таком оригинальном купальнике, что я решил проверить, что же находится под ним. И вдруг твой звонок обрывает мой увлекательнейший сон на самом интересном месте.

— Прошу тебя, Дэнни. Сон ты досмотришь потом. Мне очень важно выяснить насчет телефонных звонков...

— А знаешь что, — прервал ее Ромеро, — мне кажется, что у тебя появился еще один тайный дыхательный аппарат на стороне. Он очень скромный и боится связаться с тобой напрямик. Конечно, я не одобряю такие поступки, но понять таинственного поклонника в общем-то можно.

— Это был ты, зануда! — не отступала девушка.

Ромеро помолчал, потом неожиданно бросил:

— Спокойной ночи, Каролина, — и повесил трубку, оставив ее, полную страха и переживаний, наедине с собой в пустой квартире.

Тобиас не шевелился. Он стоял молча, свесив руки, хотя ему так хотелось приблизиться к сыну и осторожно погладить его по голове. «Поль, мой милый мальчик», — повторял про себя полицейский. Он смотрел на сына, переводя взгляд с исхудалого лица то на очки, зажатые в кулаке, то на выбившуюся из-под брюк рубашку, то на обнаженную белую полоску живота. И чувствовал, как наконец приходит долгожданное успокоение после пережитого накануне. Ведь Поль — единственное, что у него осталось на этой земле. Больше никого. Все остальное — шелуха, которую сейчас можно отбросить. Позабыть хотя бы на время обо всех посторонних делах и обрушить нерастрченную любовь на сына.

И все же он не шевелился.

Прислушиваясь к равномерному дыханию Поля, Тобиас еще раз с тоской отметил, как младший сын похож на Дэвида. Правда, только внешне. Больше у них не было ничего общего, если, разумеется, не считать искренней братской любви, которая вытесняла всех друзей и товарищей. Им было хорошо вдвоем, и третьего в свой маленький мир они не впускали.

«О Господи! — подумал Тобиас. — Смерть так жестока. Она как призрак ходит вокруг живых и наносит свой удар, когда вы меньше всего готовы встретиться с ней». Он потер глаза костяшками пальцев и тут же как наяву увидел свежую могилу, деревянный гроб и лежавшую в нем женщину, которая даже после смерти была красивее всех. Дважды Тобиасу приходилось хоронить любимых, и этот спящий юноша — все, что у него осталось.

Маннинг подошел ближе к Полю и произнес еле слышно: «Я люблю тебя».

Поль открыл глаза и удивленно уставился на стоящего в неподвижности отца.

— Я решил нагрнуть без предупреждения, чтобы сделать тебе сюрприз,— сообщил он.

Тобиас часто заморгал.

— Даже не позвонил...

— Ну, папуля, тогда было бы неинтересно,— оправдывался Поль.

Тобиас нагнул и так крепко прижал к себе хрупкое тело юноши, словно вся его дальнейшая судьба зависела от этого объятия. Папуля. Поль всегда его так называл. Он отступил в сторону, взъерошив сыну волосы.

— Я бы хоть пирог испек,— притворно обиделся Маннинг.

— Ты бы его обязательно сжег,— рассмеялся Поль.

— Зачем же... Я бы постарался как следует.

Поль ничего не ответил, лишь широко улыбнулся и надел очки. Тобиас тихонько толкнул сына в грудь.

— Да от тебя, дорогой мой, остались кожа да кости. Что вас там, в Лос-Анджелесе, на голодных пайках держат? Прямо как из концлагеря.

Поль зевнул и сладко потянулся.

— Слишком много энергии приходится тратить,— пояснил он.— Слушай, папуля, как здорово, что ты рядом. В самом деле, теперь я рад, что решил приехать.

Тобиас вдруг понял, что плачет, слезы струйками текли по его щекам. Засопев, он принялся размазывать их по лицу.

— Мне сейчас приходится много работать,— заговорил Поль.— Учиться на медицинском факультете — это тебе не на пляже загорать.— Он поднялся с дивана, подошел к холодильнику и, отыскав пакет прокисшего молока, нацедил себе стакан.— Мне приходилось видеть пустые холодильники,— заметил юноша, укоризненно качая головой,— но твой среди них занял бы первое место.

— Я обедаю в городе,— стал оправдываться Тобиас.— А на сколько ты приехал, сынок?

— Сам не знаю. Как получится,— неопределенно ответил Поль, дошивая молоко.

Глядя на хрупкого юношу, Тобиас еще раз удивился, как тому удалось пережить трагедию их семьи и не свихнуться окончательно.

— Послушай, а каким врачом ты хочешь стать?

— Я буду лечить при помощи внушения. Думаю, что сумею пробиться на телевидение и там вести передачу. Причем все мои пациенты будут совершенно здоровыми людьми. С ними и проще, и спокойнее. Вообще болезнь легче предупредить, чем вылечить.

— А если серьезно? — усмехнулся Тобиас.

— Если серьезно, пока еще не решил. Но время терпит.

Тобиас прошел в гостиную и уселся на диван. Поль улегся рядом с отцом и блаженно закрыл глаза. «Может быть, не стоило мне сюда приезжать,— подумал он.— Надо было оставаться в Лос-Анджелесе...» Он ощущал чуть потные ладони и вспомнил о психиатре, которого приходилось посещать у себя в городе. Это был маленький одноглазый европеец. Он постоянно расхаживал

по кабинету и разглядывал потолок и стены приемной, будто те могли помочь ему поставить правильный диагноз и выбрать нужный метод лечения. «Да нет, пожалуй, я поступил правильно. Сколько же можно убежать от действительности?» — решил Поль.

— Я тебе еще не говорил про убийство? — неожиданно перебил его мысли Тобиас.

— Убийство?

— Ну да. В нашем тихом Лас-Косимасе. На пляже обнаружен труп женщины. Ее закололи ножом.

— Смерть коснулась и этого райского уголка, — пробормотал Поль.

Тобиас кивнул. Ему не сиделось, и, поднявшись с дивана, он зашагал взад-вперед по комнате.

— Не переживай, папуля, ты обязательно найдешь убийцу. Ты же у меня самый несравненный сыщик, — попытался утешить отца Поль.

Тобиас направился в спальню, чувствуя, как усталость словно свинцом наливает все его члены.

— Тебе на диванчике будет удобно? — спросил он сына.

— Разумеется, — улыбнулся Поль. — Ну все, разговор на сегодня закончен. Иди отдыхай, а то у тебя действительно вид какой-то замученный.

Присев в спальне на краешек кровати, Тобиас тут же почувствовал, как его начинают окружать призраки. Глядя в потолок, он с горечью думал, сколько же еще времени можно мучиться воспоминаниями, словно только они и остались в его жизни, и ничего уже больше не повторится. Никогда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда Эндрю Контурасу исполнилось сорок, он осознал, что выбрал не ту профессию, которой стоило бы посвятить всю свою жизнь. Люди в целом вовсе не интересовали его, а тем более их болезни, по большому счету излечивавшиеся очень просто: при помощи аспирина, правильной диеты и хорошо подобранных физических упражнений.

Однажды, во время лекции о кровообращении, когда Контурас еще преподавал в Бостоне, он вдруг со всей ясностью осознал, что, будь на то его воля, он вернулся бы назад в прошлое и посвятил себя изучению рыб. Ихтиология — вот что интересовало незадачливого доктора. Но, к сожалению, менять что-либо оказалось поздно, поэтому Контурас бросил работу и переехал в Лас-Косимас. Правда, еще до того, как этот уголок стал престижным местом обитания миллионеров. Весь верхний этаж он отдал своему хобби, разместив в комнатах бесчисленные аквариумы.

Но увлечение доктора оказалось делом весьма дорогостоящим, ему пришлось вспомнить все, чему он когда-то учился, и начать частную практику. Эндрю терпеть не мог своих пациентов, тем не менее деньги были нужны, и он остановился на специализации по сердечным заболеваниям. Вскоре по городу поползли

упорные слухи, что Контурас и в самом деле неплохо разбирается в своей области.

Доктор жил уединенно, считая, что для общения ему вполне хватает морских чертей. Поэтому сейчас его как никогда раздражал фигляр, рассеявшийся в кресле и выдававший себя за городского шерифа. Надув пунцовые губы, Эндрю принялся выслушивать то, что собирался высказать ему непрошенный гость.

— Она была вашей пациенткой, если не ошибаюсь, — заметил Карл Резабек.

— Да, миссис Шарп лечилась у меня, — подтвердил доктор.

— От какой болезни?

— Врачебная этика не позволяет разговаривать на эту тему, — осторожно начал Эндрю, вспомнив подробности убийства. Неожиданно на пляже находят женщину. Кто-то нанес ей удар ножом прямо в сердце. Ножом, а может быть, и скальпелем.

— Я думаю, учитывая все обстоятельства, вы могли бы говорить со мной более откровенно о покойной миссис Шарп, — сердился шериф.

— У нее было больное сердце.

— А конкретней? — не сдавался шериф. — Когда вы видели миссис Шарп последний раз?

— Три недели назад. Я не одобряю частых визитов и всегда предупреждаю пациентов, чтобы они приходили не более одного раза в месяц. Потому что по большей части это только пустая трата времени. И для них, и для меня тоже.

— Скажите, а ее болезнь была неизлечимой?

— В общем, у нее плохо функционировала трехгранная артерия, — сухо ответил Контурас.

Резабек наклонился вперед и спросил в упор:

— А вы не знаете, кто ее убил?

— Странный вопрос. Откуда же мне знать?

— Ну, видите ли... — Шериф замешкался. — Некоторые пациенты настолько начинают доверять врачам, что, бывает, раскрывают им свои самые сокровенные тайны. Вы понимаете, к чему я клоню...

— Вот тут вы как раз ошиблись, шериф. Я не одобряю ничего подобного в своей практике.

— Неужели она никогда не рассказывала вам о своей личной жизни? О своих друзьях? А может быть, и о врагах, доктор?

— Ну, если бы даже до этого дошло, я бы просто не стал ее слушать, — не моргнув глазом, выпалил Контурас. — Поймите сами. Ко мне приходит пациент. Я его осматриваю, выписываю лекарство, и на этом моя миссия заканчивается. Потом больной идет домой, и что происходит в его доме — не моего ума дело. — С этими словами Эндрю поднялся со стула и, быстро взглянув на часы, добавил: — Простите, шериф, мне пора. Много срочной работы.

— Ну что ж, извините, что отнял у вас несколько минут вашего драгоценного времени, — произнес Резабек и тоже встал.

Контурас повернулся и стал подниматься по лестнице на второй этаж, не обращая ни малейшего внимания на присутствие шерифа в своем доме. Вскоре входная дверь громко за-

хлопнулась. А Контурас вдруг застыл на месте, вспоминая Исадору Шарп.

Впрочем, она ему никогда не нравилась.

Войдя в комнату, он прильнул к аквариуму, из которого на него уставились пустые рыбы глаза.

Сев на свое рабочее место за письменным столом, доктор выдвинул ящик и вынул оттуда недавно заточенный скальпель. Потом проткнул кожу на кончике указательного пальца левой руки, выдавил каплю крови и некоторое время с отвращением смотрел на нее. После этого отложил скальпель в сторону и придвинул стул поближе к аквариуму, наблюдая за ленивыми движениями проплывающих рыб.

Контурас с удивлением подумал, зачем ему понадобилось резать себе палец. Что это? Проверка лезвия на остроту или желание посмотреть нож в работе? Он почувствовал беспричинную тревогу, словно кто-то посторонний угрожал ему.

«Ножом и прямо в сердце», — произнес он про себя.

Через несколько секунд Эндрю поднялся со стула и, нервно потирая руки, вознамерился хорошенько поработать, чтобы побыстрее стереть все неприятные видения, которые начали всплывать в его мозгу после посещения этого чертова шерифа.

Проснувшись, Тобиас обнаружил, что Поль уже куда-то ушел, видимо, решил прогуляться и купить утренние газеты. Полицейский приготовил себе завтрак — яичницу с беконом. Но когда он достал тарелку и выложил на нее свою стряпню, то вдруг понял, что есть ему совершенно не хочется. Он потыкал кусочком хлеба в желток, а потом с отвращением отодвинул тарелку в сторону. Затем поднялся со стула и, подойдя к окну, долго смотрел на пустынную улицу.

Не придумав ничего лучшего, Тобиас оделся и отправился в участок. Чарли Никольсон стоял в задумчивости возле охладителя воды и крутил в руке пластиковый стаканчик. С лица Чарли градом катил пот. Охладитель время от времени издавал булькающие звуки, когда на поверхность поднимались пузырьки воздуха.

— Привет, старина, — поздоровался он с Маннингом. — Что тебе вздумалось забрести сюда в такую рань?

Тобиас не спеша устроился в кресле и скрутил папиросу.

— Дома не сидится, — объяснил он.

— Не терпится узнать новости, да? — улыбнулся Никольсон, сжал в кулаке стаканчик и серьезно добавил: — Боюсь огорчить тебя, Тобиас, но убийцу пока не нашли.

— А где Резабек? — поинтересовался Маннинг.

— По-моему, он решил сам вести следствие, все вынюхивает что-то. Правда, думаю, толку от этого будет маловато.

— Похоже на то, — согласился Тобиас, наблюдая, как поднимается дым от папиросы к потолку, туда, где беззвучно крутился большой вентилятор. — Бог его знает, что он хочет разнюхать.

Никольсон прислонился к прохладной стене и поправил пистолет на ремне.

— Мне кажется, Тоби, — начал он, — что шеф слишком близко

к сердцу принял сольное выступление мистера Дунбара. Теперь бедняга уверен, что если дело пойдет в тупик, то его собственная голова покатится в первую очередь. Поэтому и рыщет по городу, как охотничий пес в поисках дичи.

— Да, странная активность. И чего он хочет добиться в одиночку? — недоумевал Маннинг.

Он взглянул на календарь. Второе июля. Оставалось всего два дня до праздника — Дня Независимости, когда в городе будет проводиться традиционный ежегодный фейерверк.

— Чарли, ты не обратил внимания на черный «линкольн» с номерами штата Висконсин? Он недавно в наших местах, — как бы невзначай спросил Тобиас. — Ну, такая махина с тонированными стеклами.

— Да нет, что-то не припоминаю, — задумчиво проговорил Никольсон. — А что?

— Ничего, просто так, — успокоил его Тобиас.

В этот момент дверь в участок распахнулась, и на пороге возник Карл Резабек. Вид у него был такой изможденный, что Тобиасу почему-то показалось, будто этого бедолагу по ошибке запустили вместе с бельем в стиральную машину и там хорошенько прокрутили.

Шериф, не говоря ни слова, прошел к своему столу и уселся в кресло, предварительно передвинув его поближе к стене. Да и спрашивать было не о чем, — по грустному выражению лиц обоих полицейских Резабек сразу же понял, что дело Исадоры Шарп так и не сдвинулось с мертвой точки.

В кабинете воцарилась тишина, только изредка было слышно, как булькает вода в охладителе.

Тобиас поднялся. Он решил пройтись по мексиканскому кварталу, попробовать отыскать Поля и, если удастся, выпить с ним по бутылочке пива у Энрико.

— Я чувствую, как надвигаются тучи. Что-то должно произойти в самом ближайшем будущем, — неожиданно заговорил Резабек.

— Конечно, — кивнул Никольсон.

— Да, когда все вокруг успокаивается и уже ничего не ждешь, тут-то и происходят самые невероятные события, — изрек Маннинг, направляясь к двери.

Каролина зашла в кафе и, выпив первую чашку кофе, сразу поняла, что этого недостаточно, чтобы полностью проснуться и почувствовать себя бодрой. Но после того, как она, сидя за стойкой, заказала себе еще порцию, ей вдруг стало неуютно. Словно кто-то смотрел ей в затылок, сверля пронзительным взглядом. Нет, никакой тревоги она при этом не ощутила, просто стало очень неприятно.

Каролина закурила и прислушалась к равномерному гудению огромного кофеварочного аппарата.

Антонио, владелец кафе, приблизился к ней и, навалившись всем телом на стойку, заговорщическим тоном начал:

— Ну так что же, готовимся, значит? Скоро ведь уже.

— К чему готовимся? — не поняла девушка.

— Трах! Бах! — пытался объяснить Антонио, отчаянно размахивая при этом руками, словно отгонял от себя невидимых насекомых.

«Что это еще за трах-бах такой?» — изумилась Каролина, мучительно пытаясь понять, что же хочет сообщить ей этот симпатичный итальянец.

— Фрайерверк! — выкрикнул Антонио, словно обрадовавшись, что наконец-то вспомнил нужное слово.

— Фейерверк, — поправила Каролина.

— Ну да. Я так и сказал. Скоро ведь праздник. Большой день для американцев, — подтвердил сияющий Антонио.

— Мне своего личного фейерверка хватает, — досадливо произнесла девушка.

— Что-что? — переспросил Антонио.

— Да нет, все нормально.

Каролина допила вторую чашку, и Антонио, не спрашивая, сразу же налил ей следующую. Принимая ее из рук итальянца, Каролина заметила, что у нее дрожат пальцы. Этот взгляд в спину просто не давал ей покоя.

Она повертела головой, не найдя ничего подозрительного вокруг, отхлебнула глоток горячего кофе и закрыла глаза. У нее начиналась головная боль. Нервно затушив сигарету, Каролина резко обернулась и в самом углу кафетерия заметила юношу в очках, смотрящего в ее сторону. Что-то полузабытое вспыхнуло в памяти, пока юноша шагал к ней через весь кафетерий.

— Я так долго смотрел на вас, извините, — засмутился он, подойдя к Каролине.

— Тебя зовут Поль, верно? — улыбнулась девушка, вспомнив наконец имя и фамилию этого юнца. — Ты ведь Поль Маннинг.

Юноша улыбнулся, неуклюже переминаясь с ноги на ногу.

— Давненько не виделись, — продолжала Каролина. — Ты приехал к отцу в гости?

— Да, — рассеянно ответил Поль и уставился на кофеварочный аппарат.

— Ну, и как же ты поживаешь?

— Учусь на медицинском в лос-анджелесском университете, — сообщил юноша.

— Да-да, что-то припоминаю. Ну, и надолго заехал в наши места?

— Денька два пробуду, наверное, — неопределенно ответил Поль. — Может быть...

— Что «может быть?» — кокетливо переспросила Каролина.

— Я просто подумал... Может быть, вы согласитесь пойти со мной вечером в кафе? Мы бы выпили по коктейлю...

Ах, вот в чем дело. Интересно, сколько мужества потребовалось этому малышу, сколько храбрости, чтобы подойти к ней вот так и напрямик назначить свидание? Она снова взглянула ему в глаза, но теперь на очки падал свет, и Каролина не могла разглядеть, что кроется за этими стеклами. Не исключено, он больше всего боится получить от нее отказ. Неожиданно для самой себя Каролина развеселилась.

Она отодвинула чашку с кофе и, присмотревшись к юноше,

отметила про себя, что он чертовски хорош собой, и, наверное, не стоит обижать его прямым отказом.

— А ты обещаешь, что не будешь ко мне приставать? — улыбнувшись, спросила девушка.

— Клянусь, — торжественно произнес Поль и расправил плечи, всем своим видом показывая, что он уже настоящий мужчина и истинный джентльмен.

— Давай поступим так, Поль. Позвони мне сегодня вечером, и тогда что-нибудь придумаем, — предложила она.

— Вечером? Сегодня? А в котором часу?

— Где-нибудь в районе семи. Наверное, к этому времени я уже буду знать свои планы.

Каролина улыбнулась, подхватила сумочку и решительно направилась к выходу.

«На кой черт мне все это надо? — с удивлением думала она, выйдя на солнечную площадь. — Ведь если Даниэль Ромеро позвонит до семи, я отменю все свидания».

Потому что коктейль с симпатичным молокососом — это одно дело.

А страстные объятия Даниэля — совсем другое.

По мнению Дэйла Гамлетта, самая страшная штука на земле — похмелье — по своей жестокости куда хуже смерти.

Сделав над собой нечеловеческое усилие, он рысью бросился в ванную, включил кран с холодной водой и, не раздумывая ни секунды, засунул под него голову. Вода приятно зажурчала, и Дэйл начал постепенно приходить в себя.

Насколько он помнил, вчера в его доме был прием, что-то вроде вечеринки, на которую собрались хорошие знакомые.

Дэйл осторожно спустился по лестнице на кухню и чуть было не потерял дар речи, увидев, что натворили с его жилищем эти близкие друзья и добрые соседи.

Пустые бутылки валялись повсюду или были аккуратно запихнуты между подушками на диване и креслах. Возле камина сверкала груда осколков. Пройдя по залу и спотыкаясь о различные предметы вроде банки из-под маслин или опрокинутой вазы, Дэйл обнаружил, что мебель оказалась заляпанной жирными пятнами, а на его любимое кресло кто-то, наверное, умышленно пролил бокал вина. На журнальном столике валялись треснувшее зеркальце, бритва, половинка изжеванной трубочки для коктейля и маленький пузырек с белым порошком.

Он начал звать жену, и голос отдавался в его мозгу, причиняя страшную боль.

— Эмма, дорогая, где ты?

Наверняка она устала ждать пробуждения супруга и решила немного прикорнуть в гостиной на диванчике. Надо проверить.

По пути он обратил внимание на коричневые брызги по обе стороны узенького коридорчика. Дверь в гостиную оказалась полуприкрытой.

Неожиданно Дэйл остановился. Ему показалось, будто какое-то гнетущее предчувствие в один миг полностью завладело его

мозгом. Переложив стакан в левую руку, он толкнул дверь и вошел в комнату.

— Эмма... Эмма, дорогая... Ты где?..

Что-то темное и вязкое прилипало к голым подошвам. То, что он поначалу по простоте душевной принял за разлитую пепси-колу. В гостиной тоже повсюду виднелись зловещие коричневые пятна.

Внутри Дэйла сработал какой-то инстинкт. Он резко обернулся, и тут же перед его взором предстало тело Эммы, лежавшее на диване в неестественной позе. Нет, это была совсем не пепси-кола и даже не вино. Дэйл хотел закричать, позвать кого-нибудь на помощь, но язык отказывался повиноваться. Когда он широко раскрыл рот, из горла его не раздалось ни звука.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тобиас прогуливался по улице Либертад и разглядывал витрины магазинов. Дул легкий бриз, и Маннинг дошел почти до самого пляжа. По океану плавали яхты, и их бело-желтые паруса раздувались, издавывая напоминая крылья неведомых птиц. Полицейский оглядел старый пирс, заметив издавывая двух рыбаков с удочками, неподвижных словно статуи. А потом повернулся и зашагал прочь все той же дорогой, лишь бросив взгляд на то самое место, где был обнаружен труп Исадоры Шарп.

Он уже хотел свернуть в переулок и зайти в таверну к Энрико, как неожиданно заметил впереди себя Каролину Кассиди. Она только что вышла из табачного магазина, прижимая к груди маленький сверток. У Тобиаса сжалось сердце. Вот оно что. Теперь она одаривает своего приятеля сигарами. Конечно. Разве бедный полицейский может сравниться с таким роскошным господином из Висконсина!

Завидев полицейского, Каролина широко улыбнулась и остановилась. Ветер прижал ткань кофточки к груди, и Тобиас обратил внимание на то, что девушка не носила бюстгальтер. Наверное, без него она чувствовала себя свободнее.

— По-моему, Маннинги меня сегодня решили преследовать, — пошутила она.

— В каком смысле? — удивился Тобиас.

— Я буквально час назад встретила вашего сына, — пояснила Каролина. — В кафетерии. Славный мальчишка.

— Вы решили начать курить сигары? — притворно изумился Тобиас, делая вид, что только что обратил внимание на сверток из табачного магазина.

— Нет, это подарок, — улыбнулась девушка.

— Везет же некоторым, — недвусмысленно прокомментировал ее заявление Тобиас.

— Это уж точно, — согласилась девушка. — Может, мне не стоило вам говорить... Ну, в общем, ваш сын назначил мне свидание.

— Неужели? Разве мой сын на это способен? И вы согласились?

— Мы договорились созвониться попозже, — уклончиво отве-

тила девушка. — Надеюсь, я поступила правильно? То есть я хотела узнать, не будете ли вы возражать, если мы с ним разок встретимся?

— Я? Возражать? — Тобиас вскинул брови, а потом попробовал выдавить из себя смешок. Глядя на него, девушка невольно расхохоталась.

— Послушайте, Тобиас, а я ведь засекала вас на площади сегодня ночью. Не очень-то вы и прятались...

Тобиас почувствовал, как начинает краснеть.

— Я заканчивал ночное дежурство, — неуверенно проговорил он, — и вот совершенно случайно...

— Да ладно, — тут же успокоила его Каролина, для уверенности взяв за руку. — Все нормально.

— Я не собирался шпионить за вами, Каролина. То есть я не подглядывал нарочно. Понимаете, в городе произошло убийство, и вот я...

— Да знаю, что вы никогда не шпионите, Тобиас. Что с вами? Я все прекрасно понимаю. Такова уж ваша работа.

— Ну да, работа, — подхватил Тобиас, цепляясь за это слово, как за спасительную соломинку.

— И конечно, теперь вы измучили себя вопросом, кто же это был рядом со мной. Я угадала?

— И снова вы правы, — согласился Маннинг. — Поймите, я должен быть начеку...

— Ну, если вы еще это не выяснили, то могу помочь, — лукаво произнесла Каролина. — Зовут его Даниэль Ромеро. Он из Висконсина, а пока что остановился в центральной гостинице...

— Да нет же. Вы вовсе не обязаны отчитываться передо мной, — ответил Тобиас, потупив взор. Ему почему-то стало стыдно за свое поведение.

— Но я уже вполне взрослая, — добавила Каролина. — И могу отвечать за свои поступки.

— Я не шпионил за вами, — чуть слышно прохрипел полицейский.

— Я вам верю. А знаете, так даже спокойнее. Всегда помнишь, что у тебя под боком в случае чего есть полицейский. Особенно теперь, после всего, что произошло... Простите, что спрашиваю. Никаких новостей пока нет?

Тобиас отрицательно покачал головой. Девушка задумалась, вспоминая покойную Исадору Шарп.

— Кстати, вот еще что, — снова заговорила она. — Мне несколько раз кто-то звонил и не называл своего имени. И вообще эти звонки начинают меня сильно беспокоить. Как вы считаете, нужно подать об этом заявление в полицию?

— А какие звонки? — насторожился Тобиас.

— Ну, если хорошенько все проанализировать, то смысла в них, конечно, маловато. — Девушка неопределенно пожала плечами. — Похоже, что этот шутник слегка тронулся умом.

— Вы узнали голос?

Каролина покачала головой.

— И что же, этот тип вам чем-то угрожает? — продолжал допрос Маннинг.

— Да нет, не совсем так. Угрозами это вряд ли назовешь. Но все равно неприятно каждый раз снимать трубку и слушать всякую чушь. Что бы вы мне посоветовали, Тобиас?

— Во-первых, необходимо поменять номер телефона. Ну а если и тогда звонки будут продолжаться, мы поставим ваш телефон под контроль и проследим, кто и откуда вам названивает.

— Хорошо. Пожалуй, мне действительно стоит связаться с телефонной компанией. — Каролина улыбнулась и распрощалась с Тобиасом. А он, не раздумывая, пошел в таверну к Энрико. Только на этот раз не стал пить пива, а заказал себе рюмку виски и осушил ее одним залпом.

В это мгновение дверь в таверну распахнулась, и на пороге возникла знакомая фигура Карла Резабек.

— Вы решили попутешествовать по трущобам, шеф? — иронично начал Тобиас.

Резабек медленно покачал головой.

— Тобиас, — чуть слышно обратился он к полицейскому.

Маннинг моментально отставил стакан в сторону. Что бы ни случилось, ему надо быть трезвым.

— Тобиас... произошло еще одно убийство, — мрачно сообщил шериф.

Тобиас закрыл глаза. Так он и думал. Еще одно.

— Ее звали Эмма Гамлетт, — хриплым голосом добавил Резабек.

Тобиас решительно поднялся со стойки и, бросив Резабеку короткое «пойдемте», вышел из таверны. Шериф поплелся вслед за ним, как заблудшая душа на безымянных улицах чистилища.

— Послушай, приятель, я ничего не знаю. И знать не желаю, — упрямо произнес невысокий мексиканец по имени Сэмми, переминаясь с ноги на ногу. Он отпрыгнул в сторону и посмотрел на себя в большое треснувшее зеркало, висевшее на стене мужского туалета.

У Сэмми была одна слабость. Вернее, слабостей и недостатков у него хватало с избытком, но он отличался тем, что не мог устоять при виде блестящих предметов, и если перед его взором возникали часы, браслет или колечко, которые продавались, глаза у Сэмми начинали сверкать не хуже золота. Он предлагал за вещь баснословно низкую цену и начинал отчаянно торговаться. А если кому-то приходилось продавать свои вещи по нужде, то единственным, кто выигрывал от таких сделок, был, разумеется, Сэмми Суарез.

Он вынул из кармана рубашки расческу, провел ею пару раз по волосам и, прокашлявшись, начал все заново.

— Послушай, я тебя совсем не знаю. И чего тебе от меня надо, тоже непонятно. Сколько я должен тут стоять и выслушивать твою пьяную болтовню, скажи на милость... Ну, допустим, что ты не совсем пьяный, для тебя такое состояние является нормой. Но ведь я даже фамилии твоей не знаю. У меня репутация честного человека, и я не хочу навлекать на свою голову неприятности. Понимаешь?

Молодой человек покорно выслушивал тираду и только изредка кивал в знак согласия. А Сэмми не сводил глаз с изящной золотой цепочки, которую его собеседник держал в руках, небрежно покачивая взад-вперед прямо у самого носа перекушника.

— Ну хорошо, малыш. Уломал. Мне твоя побрякушка пришла по душе, — выдал из себя Сэмми.

— А у меня еще есть.

— Например?

— Да так, золотишко кое-какое... — неопределенно махнул рукой молодой человек и, подойдя к зеркалу, приоткрыл рот, делая вид, что занят разглядыванием собственных зубов.

— Послушай, приятель. Я тебя вообще не знаю. Поэтому дело, сам понимаешь, рискованное. Короче, даю за эту цепь полтинник, и расходимся, — предложил Сэмми.

— Полтинник? — изумился юноша.

Сэмми с важным видом кивнул.

Молодой человек рассмеялся, сверкая ослепительно белыми зубами.

— Две сотни.

— Да ты спятил, — сразу же отреагировал Сэмми.

Молодой человек сгреб цепочку в кулак, а кулак подставил Суарезу прямо под подбородок. Этот жест должен был означать высшую степень презрения.

— Ну хорошо-хорошо, уговорил, — поспешно заявил Сэмми. — Даю сотню, но только с одним условием.

— С каким еще условием? — нахмурился юноша.

— Ты мне рассказываешь, как к тебе попала эта цапка.

— Не выйдет, приятель, — улыбнулся молодой человек. — Тут замешано честное имя одной известной дамы.

— Даю слово, что буду молчать, — медленно проговорил Сэмми. — Но войди в мое положение. Мне надо убедиться, что эта цепь не имеет никакого отношения к той красавице, которую недавно нашли на пляже мертвой. Договорились?

Юноша кивнул.

— Хорошо. Эту побрякушку мне выдали как подарок в обмен на услуги. Идет?

Сэмми зашаркал ногами.

— И эта женщина сейчас жива и здорова. Так?

— Совершенно верно, — подтвердил юноша.

— Ну хорошо. Ты мне понравился. Можешь дальше ничего не рассказывать. Даю семьдесят пять — и разбежались.

— Сто двадцать.

— Девяносто.

— Сто десять.

— Тогда ровно сто, и по рукам, — настаивал Суарез.

Кулак разжался, и золотая цепочка перекочевала в ладонь Сэмми в обмен на пять хрустящих двадцаток. Сделка совершилась.

Юноша улыбнулся и высокомерно заявил:

— Как-нибудь я покажу тебе все мои сокровища, Сэмми. Может, что и приглянется.

— Хорошо, Карлос. Как только я тебе понадобится, дай знать. Годится?

Ничего не ответив, Карлос Айяла вышел из туалета и вернулся в бар. А Сэмми, оставшись один, еще несколько секунд в восхищении разглядывал дорогую вещицу, а потом прижал ее к губам, как религиозный фанатик, целующий распятие.

Дом, в который заглянула смерть, всегда чем-то отличается от других. словно душа умершего еще присутствует в нем, и это чувствуют все, кто находится рядом.

Дэйл Гамлетт сидел на кухне с отрешенным выражением лица.

Тобиас уже осмотрел труп женщины, лежавший в гостиной. И единственный след от ножа, попавшего прямо в сердце, подтверждал самые страшные предположения полицейского. И так, Лас-Космас пригрозил маньяка и теперь прячет его где-то в тишине своих переулков.

В соседней комнате находился Резабек и в отчаянии чуть ли не рвал на себе волосы. Тобиас вызвал врача, и тот спешил на помощь к несчастному Дэйлу.

Эндрю Контурас раскрыл свой черный саквояж и стал доставать оттуда различные ампулы. Эти лекарства, вливаясь в поток крови несчастного Дэйла, должны были облегчить его страдания хотя бы на некоторое время. Бедняга Гамлетт сидел на стуле и не понимал, что творится вокруг. Тобиас увидел, как сверкнула игла, как выступила капля крови на руке Гамлетта, и отвернулся.

Он успел насмотреться на медицинские иглы. Эти воспоминания не только затронули за живое Тобиаса. Он разолился на всех. На врачей, которые ничего не смогли сделать, на саму проклятую болезнь, которая отобрала у него жену, и даже на вечно хорошее настроение Эдит. Она улыбалась даже перед смертью, словно и не умирала вовсе, а лишь присутствовала на некоем спектакле, где все роли были заучены наизусть, а сцены отрепетированы заранее.

Тобиас тряхнул головой, отгоняя грустные мысли. В это время Контурас уже провозжал в спальню несчастного Дэйла, для которого реальность больше не имела никакого значения.

Контурас вернулся на кухню через пару секунд.

— Если не ошибаюсь, ваша фамилия Маннинг? — обратился он к полицейскому.

Тобиас кивнул.

— Совершенно верно. Мы с вами раньше встречались.

— Ну конечно. Я помню Эдит. — С этими словами доктор громко защелкнул свой саквояж и, окинув комнату быстрым взглядом, добавил: — Все это ужасно неприятно, я понимаю.

— Вы видели тело? — поинтересовался Тобиас.

— Да. Единственная ножевая рана, — подтвердил Эндрю.

— Точно такая же, как у Исадоры Шарп, — напомнил Тобиас.

— Вам виднее, — пожал плечами доктор.

Из комнаты, где лежал Дэйл Гамлетт, время от времени

доносились громкие всхлипывания, то затихающие, то, наоборот, доходящие до истерики. Лекарство еще не начало действовать, и долгожданное успокоение пока не приходило к бедняге. Эти страдания больно ранили сердце Тобиаса. И хотя он чувствовал смертельную усталость, он не мог их игнорировать.

— В любом случае Эмме Гамлетт оставалось жить совсем недолго, — равнодушно проговорил Контурас.

— А вы разве знали убитую? — изумился Тобиас.

— Да, она была моей пациенткой.

— И чем же она болела?

— Да у нее было полно проблем, господин полицейский.

— Ну например? — не отставал Маннинг, пристально глядя на Контураса.

— У нее плохо функционировал митральный клапан сердца и, кроме того, было нарушение кровообращения...

— Можно задать вам один вопрос, доктор? — прервал его Тобиас.

— Только побыстрее, — ответил тот и посмотрел на часы.

— Как вы думаете, может, есть человек, который ненавидит вас настолько сильно, что отважился убивать ваших пациентов?

— Дорогой мистер Маннинг, — покачивая головой, заговорил Контурас. — Те, кто меня недолюбливает, выражают свою враждебность вполне открыто на страницах медицинских журналов. А острыми предметами эти люди пользуются только во время работы в операционной.

С этими словами доктор чуть заметно поклонился и вышел из дома. В комнату тут же ввалился Резабек.

— Что нам известно о Контурасе? — с ходу задал вопрос Маннинг.

— Этот парень немного о себе рассказывает, — буркнул шериф.

— Мне кажется, надо заняться им и выяснить побольше о его прошлом, — уверенно произнес Маннинг.

— А зачем?

— По-моему, он недостаточно внимателен к своим пациентам. Они у него мрут как мухи. — Тобиас многозначительно посмотрел на шефа.

Резабек кивнул и сделал вид, что серьезно задумался над словами Маннинга. Вскоре они услышали, как завывла сирена «скорой помощи», подъезжающей к дому Гамлеттов.

Тобиас прошел в гостиную и с грустью оглядел труп женщины с единственным темным пятном на груди, там, куда вонзился нож.

— Этот убийца... — начал было Резабек и зашнурлся.

— Да, я слушаю вас, — небрежно бросил Тобиас.

— Вы думаете, что он, наверное... — Резабек окончательно замолчал, потому что не привык рассуждать и мыслить логически. Вместо этого он, как загипнотизированный, смотрел на труп Эммы Гамлетт.

— Да, — согласился Тобиас. — Я уверен, что он «наверное». А если бы я был азартным человеком, то поставил бы сто против одного, что он точно «наверное».

«Наверное, осмелится еще не на одно убийство, — закончил Тобиас про себя пугающую фразу. — Потому что до сих пор разгуливает на свободе. Жестокий хладнокровный убийца».

У кромки тротуара Контурас остановился и набрал в легкие побольше свежего воздуха.

Он еще раз вспомнил про труп Эммы Гамлетт, но воспоминания эти были довольно обрывочными.

«Наверное, рука у убийцы достаточно твердая, а нож он заточил на славу, — подумал доктор. — Судя по ране, конечно». И попробовал представить, как нож перерезает легочную артерию. Картина была довольно жуткой, но настолько яркой, что удивился даже сам доктор. А потом ему вспомнилась совсем другая картина. Скальпель, разрезающий плоть, кровь, потоком хлынувшая на руки, и никто уже не в силах этот поток сдержать...

В душе Контураса началась настоящая паника.

Но он все-таки совладал с собой, выпрямился и, переложив саквояж из одной руки в другую, степенно зашагал к своему автомобилю.

Никто не видел, как доктор сел в машину и отъехал от страшного дома, где сейчас властвовала сама Смерть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Представители фирмы «Карамель» каждый раз пытались очаровать Каролину своей программой. Правда, получалось это не всегда так, как хотелось бы девушке. Они не собирались потворствовать толпе и показывать нечто ординарное, что уже было до них. Потому что фирма «Карамель» — это высокохудожественный фейерверк, рассчитанный на тонкого ценителя.

И на этот раз компаньоны выдумали нечто из ряда вон выходящее, а именно — продемонстрировали доступными им изобразительными средствами эволюцию человечества.

Держа трубку вспотевшей рукой, Каролина пыталась представить себе, как в небе загораются цветные очертания неандертальцев и какой эффект они произведут на перепуганных детишек. Выдумать такое мог только человек с большим воображением.

— Гэс, — обратилась она к одному из работников фирмы, — я, так и быть, стерплю ваше изобретение, если под конец вы покажете нам американский флаг, как и положено.

— Ну, тут дело сложное, — ответил Мортон, напарник Гэса. Они работали вдвоем и всегда разговаривали на параллельных телефонах. — Разве вы не понимаете, чтобы оценить наше произведение искусства, надо быть настоящим поэтом, фантазером, если хотите, и, конечно, иметь превосходный вкус.

— Ну ладно, Мортон, — вмешался в разговор Гэс. — Я думаю, под конец можно все-таки показать им это звездно-полосатое убожище, раз дама требует. Хотя у меня от одного его вида все внутри переворачивается.

Каролина вздохнула. Сейчас приятели начнут бесконечную перебранку между собой, как это бывало каждый раз при обсуждении программы на День Независимости. Поэтому не стала ждать, чем закончатся препирательства, и повесила трубку. Она устало потерла глаза и зашагала по кабинету, остановилась у пустого стола Синди, молча оглядывая длиннющую бумажную цепь, валявшуюся возле пишущей машинки.

Сначала Исадора Шарп. Теперь еще одна жертва — Эмма Гамлетт.

Девушка подошла к окну и в задумчивости посмотрела на площадь Гермосилло. День кончался, на город опускались сумерки. В воздухе зависла дымка. Вероятно, с океана надвигался туман. Но два убийства никак не повлияли на беспечных горожан. Правда, Каролине теперь казалось, будто они чаще оглядываются и передвигаются рывками, переходя от магазина к магазину.

На тротуаре у одного из кафетериев она заметила Поля Маннинга. Юноша был высок, но сильно сутулился, отчего создавалось впечатление, будто он боится всего на свете. Каролина почувствовала такой прилив жалости в сердце, что сама удивилась. Отвернувшись от окна, она снова направилась к столу Синди, взяла телефонную трубку и набрала номер. Ей никто не ответил. Часы показывали уже половину седьмого. Наверное, несчастный Поль ждет не дожидается семи часов и бродит беспечно по улицам, просто убивая время.

Ее мысли прервал телефонный звонок. Девушка некоторое время колебалась, стоит ли снимать трубку.

— Я не выдержал и позвонил немного пораньше, — раздался сконфуженный голос Поля Маннинга.

— А ты уже достаточно взрослый, чтобы пить спиртное? — лукаво спросила Каролина.

— Я захвачу свидетельство о рождении, — обиделся Поль.

— И где же мы встретимся?

— Ну, этот город целиком и полностью ваш. Так что вы и решайте, — выкрутился Поль.

— Хорошо. Ты знаешь ресторан «Оксака» на улице Хуарез?

— Найду.

— Вот и прекрасно. В этом ресторане довольно приличный бар. Через час я буду там. Годится?

— Хорошо. Значит, через час, — обрадовался Поль.

Бар ресторана «Оксака» был обставлен в стиле мексиканской забегаловки, но при этом отделан самыми дорогими материалами.

Поль заказал два коктейля и, сидя за уютным столиком в полутемном кабинете, наблюдал, как Каролина облизывает край стакана, посыпанные сахарной пудрой. Сегодня Каролина была в серой блузке и узких бежевых брюках. Подумав, что слишком уж пялятся на свою подругу, Поль сначала отвернулся к стене, а потом стал разглядывать посетителей бара.

— Уютное местечко, — наконец заговорил он.

Каролина кивнула.

— Я вообще-то редко сюда хожу,— попыталась она поддержать разговор, который пока что никак не клеился.— А почему ты выбрал медицинский факультет?

— Не знаю, наверное, понравилось,— пожал плечами юноша.— Вообще-то я сначала хотел стать социологом, но постепенно пришел к мысли, что все это только пустая болтовня. Да и, кроме того, произошли кое-какие перемены...

«Произошло то, что ты потерял и мать, и брата»,— с грустью подумала Каролина, а вслух произнесла:

— Извини, Поль, может, я вмешиваюсь не в свое дело, но мне кажется, что ты слишком усердствуешь на занятиях. Вид у тебя изможденный.

— Что вы, вовсе нет...— попытался успокоить ее Поль. Он поднялся, и Каролина увидела, что юноша направился в мужской туалет. Он шел, сильно сутулясь и шаркая ногами по полу, отчего у девушки больно защемило сердце.

— Ты перешла на ясельный возраст? — неожиданно раздался позади веселый голосок Мод Логан. Сегодня Мод облачилась в легкое коктейльное платье черного цвета, через которое, однако, прекрасно было видно все нижнее белье. Мод прямо светилась от счастья, словно только и мечтала об этой встрече.

— Это мой старый приятель,— отмахнулась Каролина.

— Старый? Да ему, наверное, и пятнадцати не исполнилось,— улыбнулась Мод.

— Не совсем так. Он уже совершеннолетний, хотя ты для него и в самом деле старовата,— парировала Каролина.

— А у твоего партнера есть имя?

— Конечно. Его зовут Поль.

— Поль...— Логан подняла глаза к потолку, словно что-то вспоминая. Так ничего и не придумав, она решила сменить тему. Ну как же — ведь в городе убита еще одна женщина. Эмма Гамлетт. А разве Каролина еще ничего не слышала?

Но девушка уже знала об этой трагедии. Да, она искренне переживает смерть Эммы. Да, в городе становится опасно жить...

— Надеюсь, полиция принимает какие-то меры? Надо же найти этого маньяка,— возмущалась Мод, втайне рассчитывая, что подруга поделится с ней последними сплетнями.

— Я тоже так думаю,— равнодушно отозвалась Каролина.

Ничего не дождавшись, Мод махнула рукой и скрылась в темноте бара.

Зайдя в туалет, Поль заперся в кабинке и, устало прислонившись к стене, сжал кулаки. Перед ним предстала надолго запомнившаяся картина. Похороны матери... И Кассиди, которую он хорошо запомнил по тому печальному дню. Каролина держалась прямо, с достоинством, словно отгоняла и презирала саму Смерть. Всем своим видом девушка показывала, что она одна способна переступить границы неведомого.

Поль снял очки и потер переносицу. Каролина... Каролина... И зачем его угораздило назначить ей свидание? Ведь в ее присутствии он только и думал о том дне, когда хоронили мать. Кто же следующий? Смерть словно притаилась рядом, готовая

в удобный момент открыть свою черную пасть и проглотить очередную жертву, отправив ее в бездну вечности. Каролина Кассиди и смерть... Теперь Поль не мог даже мысленно отделить эти слова, а значит, они по своей сути были одним и тем же. Глаза юноши заслезились, во рту неожиданно пересохло.

Наконец он открыл кабинку и зашагал по затемненному бару назад, чувствуя себя весьма странно.

— Не хотите еще выпить? — спросил он Каролину, подходя к столику.

Но девушка только покачала головой, а потом посмотрела на часы. Надо было срочно придумать повод, чтобы побыстрее смотаться.

— Ну, мне пора, — заявила она.

— Так рано?

— Правда, надо идти.

— Тогда я вас немного провожу. Хотя бы до машины.

Каролина встала, и Поль поплелся за ней к выходу. Девушка достала ключи от автомобиля и нервно теребила их в руках. Внезапно она обернулась и поцеловала Поля в губы с таким видом, будто делала ему одолжение. Поцелуй был таким неестественным и холодным, что юноша вздрогнул и попятился.

— Когда ты уезжаешь? — спросила Каролина.

— Дня через два, но точно еще не знаю.

— Позвони мне перед отъездом, — попросила Каролина и направилась к «датсуну», по-прежнему играя ключами.

Выруливая со стоянки, она отчетливо видела в зеркальце юношу, понуро опустившего голову и смотрящего ей вслед.

— Проклятье! — выругался Чарли Никольсон. — Тут отпечатков больше, чем людей во всем Лос-Косимасе. Представляю, что за вечеринку отгрохали Гамлетты. Сам черт ногу сломит.

— Да и окончание у этой вечеринки чертовское, вернее, даже дьявольское, — кивнул Тобиас, наливая себе воды из охладителя. Потом окунул пальцы в пластиковый стаканчик и стряхнул брызги на вспотевшее разгоряченное лицо.

— Приезжайте в Лас-Косимас, — вздохнул Чарли. — Люди здесь мрут как мухи.

Тобиас смял стаканчик в кулаке и оглядел кабинет. Карл Резабек только что ушел домой. Выглядел шериф так, словно не спал уже недели две. Правда, Тобиас сильно сомневался, что шефу удастся благополучно заснуть и сегодня. Потому что очень скоро печальная весть дойдет до мистера Дунбара, и тот не преминет в первую же очередь дозвониться до несчастного Карла.

Чарли Никольсон подошел к компьютеру и нежно провел рукой по его корпусу. Этот компьютер был подарен полицейскому участку фирмой «Шварц Электроникс» и связан со всеми подобными устройствами в стране. В мгновение ока с его помощью можно узнать о человеке все, особенно если ваш субъект хоть раз переступил закон.

Правда, Чарли относился к машине с некоторым недоверием,

как и ко всем остальным чудесам техники. У него были странные способности нажимать на кнопки таким образом, что самая умная аппаратура почему-то тут же выходила из строя. Не важно, что это было — стереосистема, стиральная машина с программным управлением или простой телевизор. Поэтому он побаивался таких изобретений и по возможности держался от них подальше. Вот и сейчас он благоразумно отступил на пару шагов назад, предоставив право действовать Тобиасу.

— Теперь, я полагаю, в любую секунду надо ожидать информацию, — процедил Чарли.

Тобиас уселся на край стола Резабека и внимательно смотрел на темный экран монитора, выжидая, когда тот вспыхнет и перед ним появится то, что так волнует полицейского. Ему представилось, как компьютер разговаривает с другими машинами по проводам, как гудят его металлические жилы, как он выуживает необходимую информацию из банка данных.

ЭВМ словно положили свои кремниевые пальцы на пульс каждого живого человека. Как только в стране рождается ребенок, его тут же включают в список, что напоминает жертвоприношение младенцев. Компьютеризация породила множество новых ритуалов.

И вот на экране засветились слова и цифры.

ИНФОРМАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБРАБОТКИ
ВАШ ЗАПРОС ОТ 2 ИЮЛЯ 19 час. 30 мин.
КОД 835ППР

— Чушь какая-то, — пробормотал Чарли, уставившись на экран. — Что все это значит? Ничего не понимаю. — Но на всякий случай отошел подальше от компьютера, чтобы само присутствие Никольсона не смущало машину.

Тобиас молчал, впившись глазами в буквы.

КОНТУРАС, ЭНДРЮ ДЖОН
ЧИСЛО, МЕСЯЦ, ГОД РОЖДЕНИЯ 08.08.1935
МЕСТО РОЖДЕНИЯ г. ЧИКАША, ОКЛАХОМА

— Чикаша, — проговорил Чарли. — Вот откуда, оказывается, родом наш приятель.

Несколько секунд дисплей не показывал ничего, потом высветились другие данные.

ОКОНЧИЛ БОСТОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ, 1960 г.

Затем на экране почему-то появились непонятные значки, известные разве что только самой машине. Монитор потух, но очень скоро опять вернулся к жизни.

СПИСОК УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

— Ничего себе, — присвистнул Чарли.

— Я чувствую, что мы попали на след, — возбужденно произнес Тобиас и, потирая вспотевшие ладони, придвинул стул поближе к аппарату.

Но буквы не исчезали, и двое полицейских, как замороженные, чуть дыша смотрели на уже надоевшие слова.

СПИСОК УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

— По-моему, эта штукавина не спешит раскрывать нам тайну доктора Контураса, — пошутил Чарли.

Сгорая от нетерпения, Тобиас наспех скрутил папиросу, и табак прилип к его губам.

АРЕСТОВАН В БОСТОНЕ, ШТАТ
МАССАЧУСЕТС, 27 мая 1964 г.

— Арестован? — удивился Тобиас. — Интересно, за что же?

И тут на экране появился целый рассказ, который начинающий писатель мог бы запросто использовать для сюжета дешёвенького романа.

ПРОТОКОЛ № 78/Б/7334

ЭНДРЮ КОНТУРАС

ПОЛИЦЕЙСКИЕ, ПРОИЗВОДИВШИЕ АРЕСТ:
КЭШМЭН, МАКДОНАЛЬД.

26 МАЯ 1964 ГОДА ОБВИНЯЕМЫЙ КОНТУРАС ПРОИЗВЕЛ НЕЗАКОННЫЙ АБОРТ МАРИАННЕ ДЭВАЙН. ПОСЛЕДСТВИЯ ОПЕРАЦИИ ПРИВЕЛИ К СМЕРТИ. НА ОСНОВАНИИ ПОКАЗАНИЙ ЭСТЕР ДЭВАЙН, МАТЕРИ ПОГИБШЕЙ, ЧЕРЕЗ АДВОКАТА БЫЛО ПРЕДЪЯВЛЕНО ОБВИНЕНИЕ В УБИЙСТВЕ.

Компьютер выдержал небольшую паузу, и на экране высветилось продолжение страшной истории:

КОНСТАТИРОВАНА СМЕРТЬ ОТ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ. ЭНДРЮ КОНТУРАС ОПРАВДАН. ЛИШЕН ВРАЧЕБНОГО СТАТУСА. ВОССТАНОВЛЕН В ПРАВАХ В ДЕКАБРЕ 1970 ГОДА.

После этого машина успокоилась и больше уже ничего не показывала.

— По-моему, она выдохлась, — заметил Чарли. — Наверное, это все, что мы имеем.

Тобиас нажал на какие-то кнопки, и принтер начал распечатывать на бумаге то, что они только что видели на экране.

Тобиас задумался. Вся беда состояла в том, что компьютер давал лишь выжимки из событий, происходивших в реальности. Машина не могла рассказать о нюансах преступления, о тонкостях, которые иногда так много значат. Все это сейчас скрыто за кушными словами, светившимися на экране минуту назад.

Чарли Никольсон устало плюхнулся на стул.

— Что тебе приходит в голову, Тоби? Наверное, Эндрю тогда был здорово выбит из колеи. Представляешь, какой позор? Может быть, он возненавидел после этого случая всех женщин и решил, что рано или поздно отомстит за свою поруганную честь?

— Маловероятно, — отозвался Маннинг. — Ты, наверное, забыл, что речь идет о событиях двадцатилетней давности. Ты что же, предполагаешь, что все эти двадцать лет Контурас хладнокровно вынашивал план мести? С трудом верится.

Чарли Никольсон уставился в потолок, потирая виски пальцами.

— Ну, хорошо. Попробуем иначе. Представь себе, что Контурас решил скрыться в Лас-Косимасе. Но Эстер Дэвайн, мать погибшей девчонки, не простила ему смерть дочери. Она выслеживает его. Ей-то есть за что отомстить. Но чтобы разыскать

человека в огромной стране, может потребоваться не год и не два. Так вот, теперь ее мозг разработал чудовищный план. Не исключено, что она и сама слегка тронулась умом за эти годы, потому что вместо того, чтобы покончить с доктором, начинает, одну за другой, убивать его пациенток...

«Ну нет, — подумал Тобиас. — Это слишком сложно и запутанно. Не пойдет. Высосано из пальца».

— А что, мне нравится такой вариант, — неожиданно оживился Чарли. — Какое коварство, а? И Контурас ходит как в воду опущенный. В этом что-то есть, Тоби.

Маннинг только покачал головой.

Можно хоть весь день просидеть в кабинете, придумывая самые невероятные версии, расширять их до размеров фантастического романа, опровергать и предлагать новые варианты. Но только смысл от этого не меняется. В Лас-Косимасе по-прежнему где-то прячется настоящий маньяк с ножом в руке, готовый нанести очередной удар.

Тобиас посмотрел на Чарли. Ему нравился этот полицейский, но он, конечно, не Арт Фрай. Маннингу вспомнились вечера с Фраем, когда они до хрипоты могли обсуждать все новые и новые теории, как пара помешанных философов.

— Шантаж! — воскликнул Чарли. — Может быть, пациентки Контураса знали кое-что из темного прошлого доктора и решили его немного пошантажировать? А тот счел, что будет проще, если их просто прикончить. — Чарли достал из кармана носовой платок размерами с простыню и искоса поглядел на Маннинга. — Что? И это тебе не нравится?

— Нет, Чарли, — откровенно признался Тобиас. — Это действительно опять не то.

Он прислонился к прохладной стене, сцепив пальцы рук.

«Незаконный аборт. Дела давно минувших дней. Так ли хороша затея ворошить прошлое? Правда, речь идет о жизни и безопасности людей. И тут, наверное, будут оправданы любые средства», — пронеслось в голове Маннинга.

ГЛАВА ОДИННАЦАТАЯ

— Это же чистое золото, Энрико, — уговаривал старика Сэмми Суарез. — Только представь, как обрадуется твоя жена такому сувенирчику, а?

Энрико, улыбаясь пальцами еще раз оцупал тоненькую цепочку. И хотя безделушка ему понравилась, старик не торопился заключать сделку. Еще бы! Если вещь продает Сэмми, то нет никакой гарантии, что она не ворованная. Кроме того, он заметил, как Карлос уединился с Сэмми в туалете. И что-то уж слишком долго они оттуда не выходили. Может быть, эта цепь — расплата за весьма сомнительные услуги?

— Нет, Сэмми, — решительно произнес Энрико. — Я не могу себе позволить подобную роскошь...

— Ну, послушай, приятель, можно и в рассрочку. Я согласен, — торопливо заговорил Суарез.

— Нет, ничего не выйдет. — Энрико пожал плечами.

— Ну и не надо, — обиделся Суарез и опустил цепочку в карман. — А зря. Таковую вещичку проморгаешь!

Обслуживая какого-то подвыпившего клиента, Энрико подумал, что было бы и впрямь недурно приобрести золотую вещичку для Кармелиты. Но, конечно, иметь дело с Сэмми крайне опасно. Можно влипнуть в историю. Он посмотрел в сторону Карлоса, который издали был похож на настоящего гангстера, в белоснежных брюках и такой же куртке.

— Знаешь что, любезный, — заговорил Энрико, — а как ты докажешь, что эта цепь не ворованная?

— Послушай, зачем мне рисковать? — фыркнул Суарез.

— А это точно настоящее золото?

— Поверь мне на слово. Разве тебе неизвестно, что я прекрасно разбираюсь в драгоценностях? — Сэмми почувствовал, что старик начинает клеветать на золотую приманку, и быстро выудил цепочку из недр своего кармана.

— Ну, ладно. Пятьдесят я дам тебе сразу, еще пятьдесят — на той неделе, а двадцать пять получишь в конце месяца. Идет? — предложил старик.

Сэмюэль Суарез призадумался и, почесав подбородок, заговорил:

— Подожди-ка. В конце месяца ты отдашь мне не двадцать пять, а полтинник. Потому что ждать так долго мне нет резона, и, если я соглашусь на твои условия, ты должен приплюсовать мне кое-какие проценты. Верно?

Энрико вздохнул. Он снова представил себе, как обрадуется жена и как красива она будет в дорогом подарке.

Он вынул из кассы пятьдесят долларов и нехотя передал их Суарезу.

— Ты не пожалеешь, — убедительно произнес Сэмми, сверкая ослепительно белыми зубами.

Когда Тобиас вернулся домой, в квартире было темно. Он щелкнул выключателем, прищурившись от хлынувшего в глаза света, и, войдя на кухню, открыл банку пива. Поль еще не вернулся. Возможно, он сейчас вовсю наслаждается обществом Каролины.

Тобиас скинул ботинки, разлегся на диване и решил отдохнуть, но очень скоро понял, что все его мысли вертятся вокруг пресловутого доктора Контураса.

Неужели этот отшельник способен на то, чтобы убивать своих же собственных пациенток? То есть сначала он пытается их спасти от смерти, а потом сам отправляет на тот свет? Нет, логика в данном случае отступала. А если это не Контурас, методично убивающий своих пациенток, тогда кто?..

Зазвонил телефон, и от неожиданности Тобиас вздрогнул.

— Маннинг слушает, — произнес он в трубку.

— Скажите, можно мне побеседовать с Полем Маннингом? — раздался грубый мужской голос.

— Его сейчас нет дома.

— А он скоро придет? — поинтересовался мужчина после недолгой паузы.

— Трудно сказать, — вздохнул Тобиас. — Что ему передать?
И снова тишина, а потом все тот же ровный голос:

— Скажите, чтобы он мне перезвонил. Это Стрейчер. Доктор Стрейчер. Номер он знает.

— Хорошо, я ему передам. — Тобиас положил трубку на рычаг. Доктор Стрейчер. Наверное, какой-нибудь профессор с факультета. Маннинг смял пивную банку, прицелился в мусорное ведро, но, конечно же, промахнулся.

Он поднялся с дивана и, не находя себе места, нервно зашагал по комнате. Затем решил выйти на улицу.

Тобиас прошелся пешком до площади Гермосилло, где еще издали приметил голубой «датсун» Каролины. Правда, маленького «фольксвагена» почему-то рядом не оказалось. Он остановился у большой пальмы. Вернее, застыл как вкопанный.

Потому что из переулка на него нахально смотрел черный «линкольн».

Тобиас подошел поближе и осторожно коснулся сверкающего бока.

«Может быть, у Поля что-то неладно? Ведь если Каролина сейчас с ним на свидании, то какого черта делает здесь эта черная громадина?..»

Ночь, полная тайн...

Маннинг не заметил, как почти вплотную к нему подошел высокий мужчина.

— Присматриваетесь? — заговорил незнакомец. — Уж не собираетесь ли вы купить эту красавицу?

— Вряд ли осилю, — отозвался Тобиас, вглядываясь в красивое лицо владельца автомобиля. Серые волосы, стальные глаза. «Наверное, ему уже под пятьдесят, но он в прекрасной форме. Должно быть, состоит из одних мускулов. Даниэль Ромеро, любовник Каролины».

В мозгу пронеслись какие-то обрывочные воспоминания. Ромеро... Ну где же он мог слышать эту фамилию раньше?

— Скорость развивает чудовищную, — похвастался Даниэль. — И чертовски удобна.

— Не сомневаюсь, — с оттенком зависти произнес Тобиас, разглядывая великолепный автомобиль. — Знаете, мне всегда нравились большие машины. А вы из Висконсина?

Ромеро кивнул.

— Здесь проездом или решили обосноваться?

— Да вот подыскиваю себе домик...

— Нашли что-нибудь стоящее? — не отставал Тобиас.

Ромеро покачал головой.

— Кое-что уже присмотрел, — неопределенно ответил он.

— Вы работаете в нашей промышленности?

Ромеро удивленно вскинул брови.

— Понимаете, в Лас-Косимасе все состоятельные люди заняты компьютерами.

— Что вы! Я не отличу компьютера от стиральной машины! — рассмеялся Даниэль. — Я уже на пенсии.

— Счастливчик, — вздохнул Тобиас.

— А вы сами по части ЭВМ? — в свою очередь поинтересовался Ромеро.

— Я полицейский, — коротко ответил Тобиас.

— Наверное, у вас сейчас работы невпроторот.

— Да уж, хватает с присыпкой.

Ромеро открыл дверцу, уселся в удобное кожаное кресло и, пожелав Тобиасу удачи, бесшумно отъехал от тротуара.

Маннинг проводил его взглядом и, как только красные огоньки габариток скрылись за поворотом, снова с чувством тревоги поглядел в сторону дома, где жила Каролина. Потом зашел в телефонную будку и, разыскав в кармане монетку, бросил ее в автомат. С каждым гудком волнение его нарастало.

«Ну, поднимай трубку, — мысленно просил Тобиас. — Скорее, Каролина...»

Наконец девушка отозвалась, после чего полицейский, немного успокоившись, нажал на рычаг.

«А ведь ты позвонил неспроста, — рассуждал он. — Ведь у тебя внутри все перевернулось. Ты же и в самом деле подумал, что Ромеро...»

Что Ромеро? Убил девушку?..

Тобиас чуть заметно улыбнулся и, продолжая прогулку по площадке, снова спросил себя, где же мог ему повстречаться Ромеро. Но не нашел ответа и на этот раз.

Во время очередного запоя Эйб Логан вел себя непредсказуемо. Иногда ему хотелось петь, причем обычно он выбирал одну мелодию и повторял ее до полного оупения. Бывало, Эйб долго и заунывно декламировал сам себе стихотворения Роберта Бернса. Но последняя стадия всегда оставалась неизменной. Он подходил к проигрывателю и находил любимую пластинку, которую слушал по нескольку раз подряд. Потом непременно падал на пол между диваном и табуреткой, где и засыпал под звуки ковбойских напевов.

Мод, презрительно фыркнув, подошла к проигрывателю, сняла пластинку, намеренно царапнув эту погань иголкой, и посмотрела на мужа так, словно у ее дивных ног лежал слизняк, достойный только того, чтобы его немедленно раздавили. Затем зашла в ванную и распустила волосы, которые мягкими волнами упали ей на плечи и грудь. Подкрасив чуть-чуть глаза, она задержалась у большого зеркала, оценивая свою непревзойденную внешность, и решила еще раз проверить мужа. Убедившись, что тот мертвецки пьян, она выскользнула из дома черным ходом и устремилась к большой беседке в саду.

Ступая босыми ногами по траве, она вошла в беседку. Неподалеку послышались осторожные шаги. Он идет. Конечно, он спешит к ней.

В этот момент глаза Мод расширились, и в саду воцарилась полная тишина.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Еще не было шести утра, когда Резабек, с красными от

бессонницы глазами и опухшей физиономией, ввалился в участок. Тобиас уже находился на месте и курил дурно пахнущую самокрутку.

— Ее фамилия Логан, — без предисловия начал Тобиас. — Мод Логан. Вам известно это имя, шеф?

Резабек лишь покачал головой.

— По словам мужа, ее зарезали ножом в грудь, — продолжал Маннинг.

Резабек застонал и закрыл лицо руками. Казалось, эта новость слишком тяжела для его и без того измотанных нервов.

— Когда это произошло? — хриплым шепотом произнес он.

— Примерно полчаса назад позвонил ее муж. Судя по тому, как он изъяснялся, этот господин не успел протрезветь со вчерашнего вечера. Супругу он обнаружил в саду, в летней беседке. Вы поедете со мной, шериф? — спросил Тобиас и направился к выходу.

— Да-да, — чуть слышно проговорил Резабек и уныло поплелся за следователем, хотя в голосе его не чувствовалось ни капли энтузиазма.

Шериф уселся за руль, и «хонда» понеслась мимо каньонов Лас-Косимаса. Забрел рассвет и окрасил долины в золотистые тона. Никто в машине не нарушал тишину. Тобиас мрачно смотрел на извилистую дорогу, а по выражению лица Резабека можно было сделать довольно печальный вывод. Будь на то воля шерифа, он с радостью крутанул бы баранку прямо в бездну первого же каньона.

— Нам нужно попасть на бульвар Сьерра Madre, — сообщил Тобиас, пытаясь вывести шефа из состояния полной прострации.

— На бульвар, — безразличным голосом отозвался Резабек.

Они ехали мимо домов, перед которыми были высажены такие заросли кустарника, что невысокие виллы едва просматривались сквозь джунгли садов.

И в этом раю теперь таился убийца. Мир и спокойствие безмятежных жителей Лас-Косимаса потревожено каким-то негодяем, скрывающимся до определенного времени со своим беспощадным оружием. Ну и какой смысл владеть роскошной виллой, если она не защитит тебя от насильственной и страшной смерти?

Дом Логанов представлял собой великолепное здание из красного дерева с солярием на крыше. В глубине сада красовался огромный бассейн, выстроенный в форме листа герани. Эйб Логан с растерянным видом стоял на ухоженной лужайке перед входом в летнюю беседку и нервно курил сигарету. Когда Тобиас и Резабек приблизились к нему, он жестом указал на проклятую беседку, словно не хотел даже говорить о ней вслух.

Посередине дощатого пола лежала женщина. Платье ее было задрано почти до груди, руки безвольно раскинуты, волосы растрепаны. Тобиас наклонился над трупом и задумался...

Женщина выходит в беседку ночью босая. Видимо, чтобы встретиться с любовником. Иначе зачем ей надевать такое полупрозрачное платье, если не для тайного свидания? Но вместо страстного поклонника встречает хладнокровного убийцу. То же

произошло с Исадорой Шарп. А потом и с Эммой Гамлетт. В груди Мод зияла такая же рана, как и у ее несчастных предшественниц.

— Вы что-нибудь слышали ночью, мистер Логан? — обратился Тобиас к хозяину виллы.

— Признаться, нет. Я принял изрядную дозу вина и заснул. А когда очнулся, то начал звать жену, и вот... — С этими словами Логан закрыл глаза и застонал.

— А как вы думаете, зачем ей понадобилось выходить так поздно в сад? — продолжал Маннинг.

— Понятия не имею, — честно признался Эйб.

Тобиас устало прислонился к деревянной стене беседки. Может быть, Мод имела обыкновение прогуливаться ночью по свежему воздуху? Этакая любительница темных местечек. Или любительница встречаться в темных местечках?..

— Послушайте, а у нее не было привычки бродить в одиночестве по ночам на территории ваших владений? Ну, мечтать при луне? — не унимался Тобиас.

— Если ей не удавалось заснуть, она принимала таблетки, — пояснил Логан.

— Опять снотворное, — пробормотал Тобиас. Рецепты, лекарства... Неужели снова совпадение? Вопрос уже давно сформулировался в его голове, только Маннинг не спешил его задавать, будто боялся услышать страшный ответ, подтверждающий одно из его предположений. И все же не задать его сейчас он не мог.

— Скажите, мистер Логан, а кто выписывал ей эти снотворные таблетки?

— Доктор Контурас, — коротко ответил Эйб.

Услышав эту фамилию, Резабек застонал и пригнулся, словно у него внезапно скрутило живот.

Итак, Мод посещала пресловутого доктора. Третья погибшая пациентка Контураса.

— Скажите, а зачем она ходила к Контурасу? Только для того, чтобы он выписывал ей снотворное? — не унимался Тобиас, надеясь услышать положительный ответ.

Логан достал огромный носовой платок и высморкался.

— Нет, — вздохнув, заговорил он. — У Мод было больное сердце.

Тобиас подошел к Резабеку и вполголоса, так, чтобы не слышал Эйб, сообщил:

— Лично я собираюсь немедленно нанести визит нашему очаровательному другу Контурасу.

— Ну, может быть, вам повезет больше, — с надеждой отозвался Резабек. — Я, например, не смог выудить из него ни капли нужной информации.

— Если разрешите, я воспользуюсь вашей машиной.

Резабек отвернулся и, заметив подъехавшую «скорую помощь», произнес:

— Разумеется. А я прокачусь с покойницей.

Тобиас вздохнул и решительным шагом направился к «хонде» шерифа.

Квартира Карлоса Айялы находилась над бакалейной лавкой

на улице Чинко де Майо. Вернее, улицей ее трудно было назвать. Скорее этот грязный закуток напоминал проселочную дорогу. Единственное окно в комнате Карлоса выходило в переулок, где располагилась дюжина перекошенных хибар. Повсюду висело рваное белье на протянутых между домами веревках, в мусорных баках рылись облезлые бездомные дворняги.

Услышав шаги на лестнице, Карлос замер. В дверь, как и было условлено, осторожно постучали три раза. Карлос приоткрыл дверь и в узеньком проеме тут же узрел заспанное лицо Сэмми Суареза.

— Послушай, приятель, — зевнув, начал Сэмми. — Еще и семи нет. Я забыл, когда и просыпался в такую рань. Ну, выкладывай, что за спешка? Зачем я тебе понадобился?

Карлос молча передал коробочку Сэмми, который тут же раскрыл ее и заглянул внутрь. Там лежало несколько серебряных браслетов, женские часики и золотая брошь.

— Сколько дашь за все? — без предисловий спросил Карлос.

Сэмми начал рассматривать дорогие вещицы, взвешивая их на ладони. Потом, взглянув на Карлоса, тут же догадался, что у этого парня крупные неприятности.

— В семь утра, Карлос, — прищурившись, проговорил он, — ни один нормальный человек не станет продавать такое богатство. Если, конечно, ему не надо побыстрее смотаться подальше из любимого города...

— Ладно, гони пятьсот долларов и забирай все гуртом, — отмахнулся Айяла.

— Неужели ты успел кого-то прихлопнуть? — подмигнул Сэмми и расхохотался.

— Что ты сказал? — Карлос ухватил Сэмми за лацканы пиджака и тряхнул несчастного мексиканца с такой силой, что тот всерьез перепугался. — А ну-ка, повтори!

— Да что ты, я не хотел тебя обижать, — поспешно начал оправдываться Суарез. — Это я неудачно пошутил...

— Я получил письмо из родной деревни, — пояснил Карлос. — Моя мать при смерти. Срочно нужны деньги. Отдаю все за полтысячи. Мне надо быстрее попасть на самолет. Ясно?

Сэмми поспешно вручил коробочку назад хозяину.

— Нет, дорогой. Мне, конечно, жаль, что твоя мать заболела. Но эти пацки меня не интересуют. И выручить деньгами я тебя сейчас тоже не смогу. Сделка отменяется.

— Хорошо, скидываю две сотни.

— Я сказал: нет. Ни доллара, — упрявился Суарез.

Карлос сразу осунулся и тяжело опустился на стул, уставившись на коробочку пустыми глазами.

— Хорошо, отдаю все за полтинник.

Сэмми Суарез пожал плечами.

— Нет, Карлос, я немного поразмыслил над твоим предложением, а потом сопоставил все с тем, что происходит в последние дни в нашем городе. Дело, кажется, не чистое...

Сэмми открыл входную дверь и уставился в полутемный лестничный пролет. В Лас-Косимасе начали убивать женщин, одну за другой. А у Карлоса, оказывается, хранятся прямо на

квартире женские драгоценности. И как же он, Сэмми Суарез, опытный перекупщик, не понял с самого начала, что тут пахнет жареным? Мало того, сам прибрал цепочку у Карлоса да еще и успел спихнуть ее.

Пресвятая дева Мария!

Ну, правда, ворованная вещь — это еще полбеды.

Но если цепь была снята с трупа — тогда дело плохо...

Тобиас припарковал «хонду» у самого входа во владения Эндрю Контураса рядом с его «шевроле». Он приблизился к парадной двери, надеясь увидеть кнопку звонка, но, к своему удивлению, обнаружил, что дверь даже не заперта. Распахнув ее, Тобиас нос к носу столкнулся с Контурасом. Тот стоял с чашкой кофе в руке, облаченный в лиловый халат, и словно давно поджидал гостя.

— Господин Маннинг, если не ошибаюсь, — произнес Контурас. — У меня было предчувствие, что вы явитесь именно сегодня, причем с утра пораньше.

Не дожидаясь приглашения, Тобиас направился в прихожую, заявив, что ему необходимо задать несколько вопросов.

— Еще кого-то убили... — кивнул Эндрю, и по интонации было ясно, что ему уже известно об очередной трагедии. Он повернулся и двинулся следом за полицейским в гостиную, словно не он, а Маннинг был хозяином в этом мрачном доме.

— На этот раз убили Мод Логан, — сообщил полицейский. — Причем точно так же, как и двух предыдущих женщин. И заметьте, доктор, что все трое лечились у вас.

— Мод Логан... — задумчиво протянул Эндрю. — Как же, я хорошо ее помню. Она вела слишком бурную жизнь и действительно лечилась у меня. Странно, как она до сих пор не умерла своей смертью от сердечного приступа.

— Чем же она болела? — продолжал допрос Маннинг.

— У нее была грудная жаба, господин полицейский. Я думаю, вы знаете, что это такое.

— Да, с этим термином я знаком, — заявил Тобиас, чувствуя, как начинает закипать. — Это уже третья ваша пациентка. Вам не кажется странным?

— Но ведь они ушли из жизни не по моей вине, — хладнокровно заявил доктор. — Ни одна из них не умерла на моем операционном столе.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

— Я вовсе не намерен догадываться, на что вы намекаете, — равнодушно заявил Контурас, отхлебывая глоток кофе. — И не обязан принимать в своем доме полицейских в такой ранний час. К тому же мне не по душе ваш тон...

Тобиас швырнул окурок в камин и с удовольствием наблюдал, как тот задымился среди аккуратно разложенных поленьев. Он всегда недолюбливал Контураса. Еще в те времена, когда Маннингу приходилось возить сюда Эдит, он чувствовал неприязнь к доктору.

— Так почему же убивают именно ваших пациентов? — напрямую спросил Тобиас.

— Я считаю, что это обычное совпадение,— невозмутимо заявил Контурас.

— Возможно. Если бы речь шла о двух жертвах. Но не о трех, доктор.

— И все равно совпадение, Маннинг, как бы вы ни старались притянуть факты. Да у вас их просто нет.— Контурас допил кофе, и, когда он ставил чашку на журнальный столик, Тобиас заметил на ней выгравированные инициалы «Э. К.» и два изящных цветочка. Что это? Подарок от благодарного пациента? Трудно представить себе, чтобы кому-то пришло в голову одаривать такого врача, как Эндрю.

— Послушайте, доктор, а может быть, кто-то следит за вашими пациентами, интересуется их жизнью? — Тобиас попробовал зайти с другого конца.

— С какой целью? — удивился Контурас.

— И все же остается неопровержимым один факт, доктор. Ваши пациентки имеют странную тенденцию умирать одна за другой,— проговорил Тобиас, стараясь быть по возможности вежливым и тактичным и не дать волю нахлынувшим чувствам.— Так что я был бы чрезвычайно благодарен вам, если бы вы предоставили в мое распоряжение список своих пациентов... Это важно для их же безопасности...

Контурас смерил полицейского оценивающим взглядом.

— Об этом не может быть и речи, Маннинг. Я уже объяснял вашему так называемому начальнику принципы врачебной этики. Другое дело, если вы покажете мне ордер. Но добровольно я никакие списки передавать не стану. Исключено. И вообще я попросил бы вас немедленно покинуть мой дом.

— Мы еще встретимся. В этом я уверен,— парировал Тобиас, направляясь к двери. «Либо я сам сюда приду, когда тебя не будет, и разберусь без твоего участия, мой дорогой...» — добавил про себя полицейский.

Жена Энрико, Кармелита, размахнулась и швырнула цепочку в стену. Та брякнулась об пол и теперь походила на маленькую золотую змейку, свернувшуюся в углу.

Обиженный Энрико тут же поднял цепь. Он только что вручил супруге подарок, уверенный в том, что Кармелита несказанно обрадуется, сразу примерит цепочку и станет постоянно ее носить. Но ничего подобного! Она только несколько секунд смотрела на эту вещицу, а потом вдруг швырнула ее в угол.

— Я все понимаю, Энрико,— немного смягчившись, начала Кармелита.— Ты преподнес мне эту вещь с самыми добрыми намерениями. Но этим подарком ты нанес мне оскорбление, хотя сам, я уверена, еще ничего не подозреваешь.

— Но вещичка-то красивая,— не унимался Энрико, рассматривая отвергнутый подарок.

— Я с тобой полностью согласна,— кивнула Кармелита.

— Тогда, извини, я вообще перестаю понимать тебя,— пожал плечами Энрико.

— А ты рассмотри получше эту штучку. И обрати внимание на застежку.

Энрико прищурился и поднес цепь к самым глазам, но ничего особенного не заметил. Застежка как застежка, даже весьма симпатичная.

— Да ты что, ослеп, что ли? — взорвалась Кармелита.

— Ну, там вроде какие-то буковки нацарапаны... — замылся старик.

— Буковки... — передразнила его супруга. — Да там инициалы владелицы!

— Может быть, это имя ювелира? — предположил Энрико.

— Там выгравировано М. Л.

— М. Л., — повторил Энрико и сразу же разглядел то, что сначала принял за простые царапинки.

— Эта цепь уже кому-то до меня принадлежала, — продолжала Кармелита.

— Вполне возможно... — начал Энрико и осекся.

— Короче, тебе эту штучку всучил негодяй Суарез, можно даже не сомневаться. Каждый раз он тебе предлагает что-то подозрительное. Эта цепь наверняка ворованная, Энрико. И как тебя опять угораздило связаться с Суарезом? Эх ты, растяпа!..

Неожиданно сменив гнев на милость, Кармелита подошла к своему неразумному супругу и, нежно обняв его за шею, прижалась губами к небритой щеке.

— Ты добрый человек, Энрико, — заворковала она. — И я тебя очень люблю. Но ты слишком доверчивый, поэтому постоянно влипаешь в разные истории... А теперь вот что я тебе скажу, Энрико. Забирай цепочку и обязательно покажи своему приятелю. Я забыла, как его зовут. Ну, тот полицейский, что частенько заходит к тебе...

— Ты имеешь в виду Тобиаса? — спросил Энрико, а сам подумал, что обращаться с таким вопросом к полицейскому вообще-то страшновато, пусть даже и к хорошо знакомому. — Знаешь, Кармелита, может, не стоит торопиться? А вдруг эта вещь и не ворованная вовсе. Может, он ее сам у кого-нибудь купил, а?

В соседней спальне послышался шум — заворочался Мануэль, зять Энрико. Этот лентяй сумел пережить дочь стариков, Розу, и теперь висел у Энрико на шее.

Открылась дверь, и Мануэль ввалился в старой полосатой пижаме, зевая и почесывая лысину. Он посмотрел на стол в надежде обнаружить на нем готовый завтрак.

— Вы уже радио слушали? — хриплым голосом произнес он.

Энрико ничего не ответил. Он считал, что чем меньше общаться с зятем, тем спокойнее будет протекать их совместная жизнь.

— Еще один труп, — сообщил Мануэль.

— Господи, только не это, — простонала Кармелита.

— Зарезали какую-то Мод Логан, жену известного компьютерщика. Только что передали по радио. Даже концерт приостановили — прямо событие дня!

Кармелита и Энрико обменялись мрачными взглядами.

Мод Логан. Значит, ее инициалы М. Л.

— Господи! — испуганно пробормотала женщина.

Когда Тобиас вернулся домой, Поль уже дремал на диване, свернувшись поуютнее. Тобиас протянул руку, чтобы пригладить свалявшиеся волосы юноши, и, как только дотронулся до головы сына, тот моментально открыл глаза.

Тобиас уселся в кресло и выждал несколько секунд, пока Поль окончательно придет в себя.

— Который час, папуля?

— Уже девять.

Поль потянулся и сел на диване. А потом потер щеки, словно проверяя, не сильно ли выросла за ночь щетина.

Тобиас скрутил папиросу.

— Кстати, Поль, тебе звонил какой-то Стрейчер, я совершенно забыл...

— Стрейчер? — удивился юноша.

— Ну да. Разве ты его не знаешь? Он доктор. Я понял, что вы с ним в приятельских отношениях. Он просил тебя срочно перезвонить ему, как только вернешься. Так кто же такой этот Стрейчер? — спросил Тобиас, стараясь, чтобы голос не выдал его волнения.

— Он же тебе представился, папуля, — пожал плечами юноша. — Он доктор. Мы с ним иногда встречаемся...

— И чем же он конкретно занимается?

— Лечит больных.

— Это понятно, а что именно он лечит? Какая у него специализация?

— Ну, в общем, он психиатр, папуля.

Тобиас чуть было не раскрыл рот от удивления.

Значит, Стрейчер — психиатр, и у Поля сейчас такое состояние, что ему необходимы консультации этого доктора.

Тобиас затушил папиросу и поднялся с кресла.

— Извини, я не знал, что ты ходишь к психиатру, — виновато произнес он.

— Ты даже не представляешь, сколько людей сейчас только и делают, что бегают по таким специалистам. К Стрейчеру не пробьешься. А со мной ничего страшного не происходит.

Тобиас кивнул, давая понять, что эта информация его ничуть не удивила, но по выражению лица сына тут же понял, что развивать тему о врачах далее не следует. Мальчик и без того настрадался за свою жизнь, и вот теперь психиатр помогает ему забыться и справиться с одолевшей тоской.

— Ну, как прошло твое свидание с Каролиной? — Он перевел разговор на другую тему. — Надеюсь, вы прекрасно провели время?

Поль ничего не ответил, только глубоко вздохнул.

— Ну, все ясно. Первое свидание — это всегда нелегко, — подбодрил сына Тобиас и многозначительно подмигнул ему, а про себя подумал совсем другое. «Ромеро. Даниэль Ромеро всему виной. Не хочет она смотреть ни на кого другого. А только ждет его, когда он позвонит и придет...» — А ты ей еще раз позвони. Завтра будет большой праздник. Пригласи ее на фейер-

верк, составь компанию. По-моему, прекрасный повод.

— Она сама просила меня позвонить, когда я буду уезжать,— простодушно улыбнулся Поль.

«Видимо, он догадывается, что у девушки есть ухажер,— решил про себя Тобиас.— Может быть, Поль даже видел их вместе — Каролину и этого парня, Даниэля Ромеро. Дэнни Ромеро...»

Тобиас вздрогнул от неожиданности. Почему он произнес это имя как «Дэнни»? Зачем? И отчего так знакомо ему сочетание Дэнни Ромеро? Словно он уже неоднократно повторял его. Правда, это было очень давно.

Ну конечно! Как он мог забыть! Дэнни Ромеро! Им уже приходилось встречаться раньше. И это было далеко от райского уголка, называемого Лас-Косимасом.

Годы словно перестали существовать, и он снова очутился в далеком Нью-Йорке.

Тобиас быстро направился к телефону, снял трубку и набрал номер, который не забыл бы никогда в жизни. Через несколько секунд он услышал до боли знакомый голос Арта Фрая. Тот аппетитно чавкал, очевидно, поглощая очередную порцию сосисок с кислой капустой. Арт сразу узнал бывшего напарника и обрадовался ему:

— Тоби, дружище! Неужели это и впрямь ты? Ну, выкладывай, что там у тебя. Как я понял, ты звонишь из своей тьмутаракани, так что, будь добр, говори погромче, а то тебя хр-р-реново слышно! Идет?..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Представители фирмы «Карамель» разгружали свой сверкающий фургон «додж» с ярким призывом на бортах «ОСВЕТИТЕ СВОЕ НЕБО!». Работали они с осторожностью, сделавшей бы честь самым опытным саперам. Подготовка к празднику шла полным ходом. Каролина надела солнцезащитные очки и, сложив руки, наблюдала за напарниками. Гэс и Мортон аккуратно разматывали проволоку, которой должны были огородить значительный участок земли.

Она постоянно путала этих друзей. Один из них был худощавый, высокий, с вечно взлохмаченной копной рыжих волос, другой — толстяк коротышка с длиннющей бородой. Гэс и Мортон умудрялись постоянно ругаться. Наконец они закончили разматывать проволоку и принялись вбивать в землю колья.

Каролина вздохнула и бросила печальный взгляд в сторону городского клуба. От одной мысли, что ей придется присутствовать на этом представлении, ее начинало мутить.

Девушка с безразличным видом сунула руки в карманы облегающих вельветовых джинсов, чувствуя, как солнце начинает обогрывать ее тело даже сквозь воздушную шелковую блузку темно-каштанового цвета.

Сейчас она думала о Мод Логан, и, хотя, если быть честной до конца, не очень-то жаловала эту даму, ни один человек не заслуживал такого страшного конца.

Предстоящий фейерверк показался Каролине погребальным костром для несчастной Мод.

Гэс и Мортон направились к Каролине, по пути все так же огрызаясь друг на друга. Рыжий при этом бранился с набитым ртом, отхватывая огромные куски от толстого сэндвича, из которого торчали стручки фасоли. Теперь Каролина вспомнила, что долговязого звали Мортон, а коротышку — Гэс.

— Каролина, дорогуша, — начал Мортон, — хотим вас обрадовать. Мы все же решили под конец показать детишкам наш любимый национальный флаг...

— Но, конечно, как истинные художники, мы придумали кое-что оригинальное, — подключился Гэс.

— Ну, милочка, это можно назвать крохотным компромиссом, — извиняющимся тоном произнес Мортон.

Каролина рассеянно кивнула. Теперь все ее внимание было приковано к городскому клубу, потому что как раз в этот момент она заметила, как из-за поворота вынырнула полицейская «хонда» и остановилась у самого входа в гостиницу, причем из машины вышел не кто иной, как сам Тобиас Маннинг, а «хонду» он, как нарочно, припарковал рядом с «линкольном» Ромеро.

— Мы решили немножко изменить цвета флага, — продолжал Мортон, не замечая, что Каролина его почти не слушает. — Вместо всем надоевшего противного красного, от которого меня лично аж переворачивает, мы возьмем другой цвет. Перейдем на пастельные тона. И у нас получится не мерзкий красный, а нежно-розовый. Ну а вместо синего, как вы, дорогуша, наверное, уже догадались, у нас будет... конечно же, голубой. Пастель! Только пастель...

Каролина попробовала изобразить на лице некое подобие улыбки и отошла в сторону, дав приятелям возможность полностью насладиться обсуждением преимуществ нежных пастельных тонов. Она взошла на небольшой холм, откуда прекрасно просматривался вход в клуб.

«Мод Логан... — размышляла девушка, — Кто же дальше? Кто станет следующей жертвой?..»

Солнце вовсю припекало, но Каролине стало зябко. Она решительно зашагала к клубу, вознамерившись принять дозу спиртного, чтобы успокоиться и привести в порядок расшатавшиеся нервы. Войдя в бар, она тут же обратила внимание, что внутри не было посетителей. Правда, в столь ранний час сюда редко кто заходил. Но девушка почему-то подумала, что Тобиас Маннинг должен быть именно здесь. Она заказала себе джин с тоником, все еще не теряя надежды встретиться с полицейским и расспросить его о последних новостях. Может, из-за того, что она разволновалась, увидев Тобиаса, или же из-за грустных мыслей о Мод Логан Каролина вдруг ощутила усталость и внутреннее напряжение. Она уставилась на свои руки, где на запястьях еще виднелись красные следы от бинтов, которыми связывал ее Ромеро. И словно смутившись этих улик безумной страсти, она натянула пониже манжеты рубашки.

Господи! Что же это такое с ней творится? Ни одному мужчине она не разрешала так поступать с собой. Никаких извращений!

Ей всегда нравились ласковые, нежные любовники, мягкие в движениях, внимательные к ней и заботящиеся лишь о том, чтобы ей было хорошо, почти отрекающиеся от собственного наслаждения во имя ее удовольствия...

Но с Даниэлем Ромеро все почему-то происходило по-другому. Он будто очаровал ее, заколдовал. И теперь она не прежняя Каролина, а какой-то другой человек. Ромеро вторгся в ее жизнь как непрощенный гость, неведомый волшебник. Вот только добрый или злой?

Каролина отпила глоток джина и заметила, как сильно дрожат у нее пальцы. Теперь она беспокоилась и о собственной безопасности. Ведь если Ромеро может с такой легкостью проникнуть в ее квартиру, значит, замок запросто откроет и любой другой человек. Даже тот негодяй, который названивал ей. Черт побери, наверное, надо было воспользоваться советом Маннинга и действительно поменять поскорее номер телефона, чтобы оградить себя от дальнейших звонков...

Каролина закрыла глаза и поняла, что у нее начинается приступ мигрени.

Она повернулась на стуле, оглядела пустой зал и коридор, ведущий к туалетам.

Вдруг к ней подошла молоденькая администраторша и сказала, что ее просят подойти к телефону в фойе. Каролина сначала удивилась, а потом вспомнила, что оставила на автоответчике сообщение — если она кому-то срочно понадобится, то скорее всего ее можно будет найти в клубе. Она быстро соскользнула со стула и, пройдя темный бар, очутилась в неестественно ярком фойе.

Приблизившись к столику с телефоном, она сперва засомневалась, стоит ли снимать трубку, но тут же отругала себя за такую трусость, которая начинала граничить с паранойей.

Надо победить саму себя, переступить барьер страха.

Каролина вздохнула и, поднеся трубку к уху, назвала свою фамилию, удивившись, что из горла ее вырвался какой-то приглушенный крик.

Ей оставалось только надеяться, что звонит сейчас не тот хулиган, который в очередной раз сообщит ей, насколько серьезно она больна.

Проклятый потрепанный «шевроле» имел капризный стартер, барахливший водяной насос и проржавевший кузов. Видимо, его многочисленные предыдущие владельцы не привыкли заботиться о своей машине и вообще не уважали это достижение техники. Карлос не проехал и мили от своего дома, как мотор зачихал и совсем заглох. В довершение из-под капота повалил пар.

Ругнувшись, Карлос вышел из автомобиля и что есть силы ударил по колесу, будто этим мог как-то помочь делу. Тем не менее пар продолжал окутывать лицо Карлоса, словно идиотская машина вознамерилась взорваться у него на глазах.

Карлос вытер пот с лица и грустно взглянул на дорогу, ведущую к открытому шоссе, по которому он собирался побыстрее уехать из ненавистного Лас-Косимаса. Мимо проносились маши-

ны, а он стоял возле своей развалюхи и беспомощно оглядывал ее, уже не надеясь на чудо. Впрочем, другого выбора не оставалось, как только голосовать и ждать, что кто-нибудь подберет его и увезет отсюда подальше.

Карлос достал с заднего сиденья свой потрепанный чемоданчик и медленно пошел в направлении шоссе, чтобы не терять времени. Правда, он не очень-то рассчитывал на успех, потому что полиции на шоссе хватало, и эти блюстители порядка с особым подозрением относились к бродягам, на которого сейчас весьма смахивал сам Карлос Айяла.

Впрочем, если бы у него были деньги, то он смог бы убраться из этой дыры безо всяких проблем на автобусе или купил бы билет на самолет. Что за идиот этот Суарез — не смог его выручить в трудную минуту!

Он снова печально оглядел дорогу, чувствуя, как надежда оставляет его. Хотя в голове вертелся еще один вариант. Что если лечь на дно где-нибудь у приятелей в мексиканском квартале и там переждать, пока все утрясется? Кому придет в голову разыскивать его в трущобах?

Карлос задумался и замедлил шаг.

По-прежнему держа чемодан в руке, он в последний раз окинул взглядом пипящую машину, из которой вырывался пар, словно из глубины самого ада, и вновь подумал о мертвой женщине в летней беседке, беспомощно лежащей на дощатом полу, влажном от крови.

— Может быть, вы не откажетесь составить мне компанию на празднике? Мы могли бы вместе полюбоваться фейерверком... — проговорил Поль в трубку и понял, что у него возникает странное ощущение, словно он раздваивается. Одна его часть находится сейчас в отцовской квартире, а другая — в запутанной системе телефонных проводов. Интересно, как бы отреагировал на такое явление Стрейчер?

— Поль, мне приятно, что ты хочешь пригласить меня на вечер, — отозвалась Каролина. — Но боюсь, ты опоздал. У меня уже назначено свидание с другим человеком.

— Ах вот оно что... — уныло пробормотал Поль и замолчал, не зная, как продолжить разговор и стоит ли вообще это делать.

— Ну, если ты будешь на празднике, мы, наверное, все равно там встретимся, — попыталась приободрить юношу Каролина.

Но в ее голосе Поль сразу же уловил нотку нетерпения. Видимо, она и сама прекрасно понимала, что эту дурацкую беседу надо побыстрее заканчивать.

— Да, конечно, — без особого энтузиазма проговорил он.

Итак, никакой надежды на развитие отношений с Каролиной. Правда, если призадуматься, то и другой надежды у него не было. Ни на какие отношения с девушками.

Попрощавшись с Каролиной и швырнув трубку на рычаг, юноша начал беспечно бродить по квартире. Войдя на кухню, он зачем-то стал исследовать содержимое шкафов и в одном чуланчике обнаружил сложенное инвалидное кресло, принадлежавшее когда-то его матери. Поль осторожно потрогал его и тут

же отдернул руку, словно его обожгло. Зачем отец до сих пор хранит у себя такие вещи?

Он зашел в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Критически оглядев свое лицо, он еще раз подумал о том, достаточно ли представительно выглядит, чтобы стать доктором, человеком, спасающим других? И снова в голове зазвучал грустный голос Каролины. Она отказала ему, и у юноши больно защемило сердце. Потом он попытался представить, как Каролина лежит перед ним на кровати в расстегнутой рубашке.

Он нежно гладит ее, и она поддается этой ласке, закрывает глаза, а губы блестят и манят...

Наклонившись вперед, Поль открыл кран холодной воды и сунул под него голову.

А потом снова посмотрел в зеркало.

Да! Он обязательно станет врачом. Он действительно сможет исцелять больных.

Тобиас вошел в номер к Ромеро. Тот встретил его, улыбаясь. Он не ожидал визита полицейского и даже не успел смыть с лица пену, которая покрывала его подбородок. Помахивая бритвой, Ромеро направился в ванную, чтобы побыстрее закончить утренний туалет. Тобиас услышал, как сквозь шум воды Ромеро что-то объясняет ему, но ничего не смог разобрать и приготовился ждать.

Наконец Даниэль появился в дверях, держа в руке большое пушистое полотенце. Он продолжал улыбаться, но в глазах его читалось некоторое недоумение, словно он был озадачен появлением в своем номере столь странного гостя.

— Мне кажется, мы с вами уже встречались, — проговорил Ромеро, вглядываясь в лицо Маннинга. — Ну, конечно. Вы и есть тот самый полицейский, который присматривался к моему «линкольну». Так что же — все-таки надумали его приобрести?

— Да, я именно тот полицейский, которому подобные покупки не по карману, — напомнил Тобиас.

— Не стоит переживать, — поддержал Тобиаса Ромеро. — Она вся напичкана разными электронными устройствами, с ней еще и разбираться намучаешься, особенно если вы привыкли к простеньким машинам...

— Мне кажется, мы встречались с вами гораздо раньше, Ромеро, — произнес Тобиас после небольшой паузы.

— Неужели?

— Да. И было это пятнадцать лет назад. В Нью-Йорке.

Ромеро бросил полотенце на кровать и небрежно махнул рукой.

— Что ж, все может быть. Как говорится, мир тесен. Тогда простите, что не узнал вас. Как ваша фамилия?

— Маннинг. Тобиас Маннинг.

Ромеро задумался, а потом беспомощно развел руками, словно извиняясь за то, что ни лицо полицейского, ни его фамилия ничего ему не напоминают.

Тобиас не торопился начинать серьезный разговор. Неожидан-

но зазвонил стоявший на столике телефон, но Ромеро даже не двинулся с места.

— Пятнадцать лет назад, — повторил Маннинг, а потом неожиданно громко добавил: — Георгина Салливан.

— Кто-кто? — переспросил Ромеро.

— Георгина Салливан. Очень милая девчужка. Она помогала старичкам, ходила по магазинам, убиралась в квартирах... Иногда подрабатывала няней. Все соседи о ней хорошо отзывались. Симпатичная, всегда веселая девушка. Совсем крошка. Она умерла, когда ей исполнилось шестнадцать лет.

Ромеро сидел на краю кровати и некоторое время недоумевающим взглядом рассматривал полицейского.

— Вы думаете, я хоть что-нибудь понял из вашего рассказа? Вы считаете, что я должен сидеть вот тут, кивать и выслушивать все, что вы мне наговорите? В чем, собственно, дело?

Тобиас достал свой неизменный мешочек с табаком и принялся не спеша набивать папиросу. Да, прошло немало времени — целых пятнадцать лет. И все же Тобиас свято верил в Арта Фрая. Этот парень помнил наизубок все их дела, начиная с сороковых годов, а что касается людей, которых Арту приходилось допрашивать, тут уж и говорить нечего. И Арт определенно подтвердил, что такая фамилия фигурировала в одном деле. Да, именно Ромеро. Даниэль Ромеро. Только тогда он был уличным хулиганом. Довольно замкнутый, но совсем неглупый. Он знал, как выкрутиться из любой ситуации, и взять его голыми руками было невозможно.

— Ну так что же, — перебил Ромеро размышления полицейского. — Мы так и будем играть в загадки, или вы все же поясните мне, какое я имею отношение к девушке, которая умерла пятнадцать лет назад?

Тобиас поднес спичку к папиросе и взглянул на Ромеро. Действительно, через столько лет человека можно и не узнать. Появляются морщины, изменяется выражение лица, у него совсем другая прическа, он даже ходит по-другому, не так держит голову, не говоря уже об осанке... Сейчас же, вглядываясь в Ромеро, он пытался припомнить юного хулигана, которого они преследовали вдвоем с Артом Фраем летней ночью 1969 года. Дэнни Ромеро. Черные волосы, зачесанные назад, наглый вид... Правда, одет он был всегда по последней моде: кожаная жилетка, потертые джинсы, спортивные легкие туфли...

— Итак, однажды поздно вечером Георгина возвращалась из дома, где ей пришлось сидеть с чужим ребенком. И остановилась у бакалейной лавки. Она что-то купила, кажется, шоколадку, перекинулась парой фраз с продавцом и вышла из магазина... А на другое утро местные ребятишки нашли ее труп на пустой стоянке. Кто-то нанес ей несколько ножевых ранений и затолкал труп в мусорный бак.

Ромеро поднялся с кровати.

— Мне, конечно, искренне жаль несчастную девушку, — заговорил он. — Ей страшно не повезло, что она наткнулась на убийцу. Но, видите ли, у меня хватает своих дел, и некогда слушать поток ваших воспоминаний, Маннинг...

— Так вот, мы выяснили, что убийство совершил молодой человек, которого звали Дэнни Ромеро, — невозмутимо продолжал Тобиас. — То есть вы.

— Нет, Маннинг, вам надо немного поглубже копать. Вы не там ищите, как мне кажется, — наставительно произнес Даниэль.

Тобиас повернулся к Ромеро, сосредоточенно завязывавшему изящный серебристый галстук.

— Послушайте, Ромеро, ведь я в течение нескольких минут могу достать отпечатки ваших пальцев из полицейского архива Нью-Йорка, потом выяснить вашу личность и имею полное право задержать вас для допроса...

— Плевать я на вас хотел, — издевательским тоном заявил Ромеро. — Ни черта вы не можете, Маннинг.

— Когда вы уезжаете из Лас-Косимаса?

— Разве я говорил, что собираюсь уезжать?

— Так вы все же решили тут обосноваться?

— А почему бы и нет? Ведь я еще не всех женщин переубивал в вашем раю.

— Остается Каролина Кассиди, верно?

— Да, я в курсе дела. Вы за нами шпионите, — вздохнул Ромеро. — Полагаю, сами положили глаз на Каролину?

Тобиас застыл как вкопанный.

— Ну что ж, она недурна, — равнодушно продолжал Даниэль. — Неплохо выглядит, отлично целуется, а уж в постели и вовсе неотразима...

Тобиас громко хлопнул дверью и шагнул в коридор, злясь на себя, на свою неуклюжесть и беспомощность. Уже находясь в кабине лифта, он почувствовал, что сильно вспотел.

Ты забыл, как ведется игра, Тоби. Не помнишь правил, как пройти через лабиринт. А ведь по этому лабиринту разгуливают люди, и у кого-то из них руки запачканы кровью. Подумай еще раз. Кто это? Эндрю Контурас? А может быть, все же Даниэль Ромеро?

Слишком много крови, Тобиас, и ты обязательно должен выйти на след убийцы.

Вся беда заключалась в том, что этот паршивый народец болтал на какой-то смеси английского и испанского и приходилось постоянно напоминать, чтобы они придерживались официального языка страны. Но Карл Резабек сейчас был не в состоянии утихомирить трех разбушевавшихся мексиканцев, которые зашли в полицейский участок. Он беспомощно поднял глаза к потолку, где крутился вентилятор, и молил Бога о том, чтобы побыстрее возвращался Маннинг.

— Может быть, если вы перестанете орать и ругаться, мы скорее найдем общий язык? — начал Резабек, обращаясь к Суарезу.

— Послушайте, господин шериф, — осторожно произнес Суарез, — я пришел сюда с тем, чтобы защитить свое доброе имя, так сказать, репутацию...

— Это я уже понял, — устало кивнул Резабек.

Женщина, назвавшаяся Кармелитой, тут же перебила шерифа, сделав неприличный жест в сторону Суареза:

— Не слушайте его, господин шериф, репутация у него хуже, чем у последнего забулдыги. Это же самая настоящая свинья.— И она, тряхнув золотой цепочкой, швырнула ее прямо на стол Резабеку.

Ничуть не смутившись, Суарез продолжал:

— Эта женщина меня оклеветала. Она говорит, что я продал ее мужу ворованную вещь.

— Хуже! — вскипела Кармелита. — Гораздо хуже, чем ворованную!

Карл Резабек поднял цепочку и, положив себе на ладонь, принялся внимательно изучать ее.

— Я принес подарок для своей супруги, господин шериф, — вступил в разговор Энрико. — А приобрел ее действительно у Суареза...

— Я и не отрицаю этого, — гордо заявил Сэмми.

— Да ты хуже вора в тыщу раз! — снова закричала неугомонная Кармелита.

— Между прочим, у меня есть адвокат, — уже более спокойно проговорил Суарез. — И адвокат довольно известный. Так что если я к нему обращусь, вы у меня попляшете. Это же форменное оскорбление личности! Я правильно говорю, господин шериф?

Резабек мысленно заставил себя отключиться от этих порядком надоевших ему голосов и занялся изучением цепочки. Хорошая работа, крупные звенья, изящный замочек с выгравированными на нем буквами «М. Л.». Он вздохнул, удивляясь, почему латиноамериканцы без конца о чем-то спорят и ругаются. Неужели нельзя быть хоть чуточку поспокойнее?

— Значит, вы не отрицаете, что продали эту цепочку Энрико? — спросил он у Суареза.

— Ну, конечно, нет, я этого не отрицаю. Но только я ее ни у кого не воровал...

— Вы посмотрите на буквы, вы только посмотрите, какие там выгравированы инициалы! — бесновалась женщина.

— Да вижу я, вижу! Не слепой! — не выдержал Резабек, снова взглядываясь в проклятую цепочку. — Ну, буквы. Ну и что с этого?

И тут цепь выскользнула из его пальцев и плавно упала на стол.

— Эй, послушайте, шериф, что вы так на меня уставились? — испугался Суарез, заметив, как изменилось лицо Резабека. — Я повторяю, что не крал эту вещь. Я никогда ничего не краду...

Резабек почувствовал, как все вокруг него завертелось, в глазах померкло, во рту почему-то пересохло, а кончики пальцев онемели. Это означало одно из двух — либо начинается сердечный приступ, либо убийца у него уже в руках.

— Я честно купил эту вещь у Карлоса Айялы, — поспешно добавил Суарез.

— А вы не спросили его, где он ее раздобыл?

— Я забыл... И вообще об этом тогда почему-то не подумал... — замылся Сэмми.

— Наверное. Я вам верю.

— Я могу показать, где он живет, — смущенно затараторил Сэмми. — Я бывал у него. Он сегодня утром вызвал меня и предлагал купить еще кое-какие драгоценности. У него их дома целая шкатулка. Там есть очень дорогие вещи. Но я, конечно, сразу отказался, потому что почувствовал, что этот парень успел чего-то натворить...

Резабек расправил плечи и двинулся к выходу. Суарез, загнувшись на полуслове, поплелся вслед за шерифом.

Они направились к служебной «хонде», и Резабек вздохнул, подумав, что давно пора на ее блестящие бока нанести трафарет «ШЕРИФ». Правда, он сожалел об этом недолго. Потому что голову ему уже вскружила маячившая на горизонте слава победителя.

И пока замечательный опытный сыщик Тобиас Маннинг бродит по закоулкам Лас-Косимаса, шериф поймает убийцу собственными руками без его участия.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ночи в Лас-Косимаса отличались своей красотой. Пейзажи были достойны того, чтобы изображать их на открытках. Представьте себе роскошные виллы, темные глубокие каньоны, высокие стройные кипарисы... А там, внизу, где кончаются владения богачей, где уже нет ни соляриев, ни бассейнов, простирается величественный Тихий океан. Его поверхность серебрят лунный свет, бросая отблески на скользкие доски старого пирса.

Каролина закрыла глаза и прислонилась к одной из влажных деревянных подпорок. Ей казалось, что это очень романтично — наслаждаться запахом морской воды и мокрого дерева и чувствовать, как лунный свет падает на лицо. Легкий бриз обдувал ее губы, и она ощущала, как на них попадают песчинки с пляжа. Открыв глаза, девушка увидела, что Ромеро смотрит на нее и как-то загадочно улыбается. Может быть, даже немного таинственно, будто он открыл какой-то ее секрет, о чем остальным людям было неизвестно.

«А что, может, это и в самом деле так», — поразмыслив, решила она.

Ветер подул сильнее, и девушка начала дрожать.

Ромеро обнял ее за плечи. И тут Каролина с грустью вспомнила, что Даниэль предложил ей прогуляться по пляжу не ради прихоти. Это была прощальная встреча, потому что завтра он уезжает. И теперь ей казалось, будто звуки прибоя оплакивают их предстоящую разлуку.

— Этот город оказался мне не по сердцу, — объяснил Даниэль.

— Отчего же? — спросила Каролина. «Ну же, давай, защищай свой любимый Лас-Косимас, — уговаривала она себя. — Ты же большая специалистка по части рекламы. Вспомни, как ты приманиваешь своих клиентов, и они, как мухи на варенье, валом катят сюда. Это же твой хлеб — доказать любому, что лучше Лас-Косимаса нет места на земле...»

— Да скучновато здесь...

— Ничего себе сказано! — рассмеялась Каролина. — У нас тут и дня без убийства не происходит, сплошные развлечения, а ты говоришь — скучно.

Но Ромеро покачал головой.

— Если верить местному телевидению, убийца, оказывается, уже найден и арестован.

— Предполагаемый убийца, — поправила его Каролина. В самом деле, и по радио, и по телевидению передали, будто Резабек уже арестовал одного человека, который «имел некоторую информацию относительно происходящих в городе убийств». Но это же не сам убийца. И вообще подобная витиеватая формулировка была подана только для того, чтобы хоть немножко успокоить взволнованное население города. А вообще такие меры подобны таблетке аспирина при сильной пневмонии.

— Ну, какая разница, — отмахнулся Ромеро.

Наступила пауза. И сам океан, казалось, притих, потому что некоторое время девушка не слышала даже привычного шума прибоя.

— Но ты же не можешь пропустить фейерверк! — попробовала Каролина зайти с другого конца. — Неужели в тебе недостаточно патриотизма?

Даниэль Ромеро пожал плечами.

— Да просто ваш городишко для меня слишком мал, в этом вся причина.

«Нет, ты не прав, — отчаянно думала Каролина. — Наш город растет и будет расти дальше, потому что компьютерная индустрия никогда не перестанет процветать. И сюда все время приезжают люди. Лас-Косимас с каждым днем становится больше... Ну, где же твои лозунги, призывающие ехать сюда, почему все слова забываются в самый нужный момент, когда надо уговорить всего-навсего одного человека?» А Каролине так хотелось, чтобы Ромеро побыл здесь еще немного, а там, может быть, и действительно решит обосноваться насовсем...

Правда, она его совсем не знала, он так и остался для девушки темной лошадкой, но ведь чтобы притереться друг к другу, требуется определенное время. Постепенно она привыкнет к его странностям и начнет понимать их. В этом Каролина почему-то была твердо убеждена.

— Итак, ты ворвался в мою жизнь, взбаламутил ее и теперь вот так резко бросаешь? — Она широко раскрыла глаза, потому что никак не хотела верить в его жестокость и бессердечность по отношению к самой себе.

— Я странник по натуре... — просто ответил Ромеро.

— Ах, как это романтично! — Каролина обиженно отвернулась и уставилась на темный океан. Ну что же, надо сменить тему и попробовать думать о более приятных вещах. Ну, например: а вдруг этот Карлос Айяла, которого арестовал шериф, и есть преступник? Значит, убийства в городе прекратятся и постепенно жизнь вернется в привычное русло. Все встанет на свои места. Бояться будет нечего.

Но она прекрасно понимала, что прежняя жизнь не нужна

больше в первую очередь ей самой. Потому что без Ромеро в душе ее образуется пустота.

— Послушай, Каролина... — начал было Ромеро и замолчал. Затем положил ей руки на плечи и начал массировать их. Сначала осторожно, потом все сильнее и сильнее, пока наконец девушка не вскрикнула от боли и, отшатнувшись от него, торопливо зашагала к океану.

— Мне действительно надо ехать, — упрямо повторил Ромеро. — Я не могу оставаться, и давай перестанем об этом говорить.

— Хорошо, — коротко отозвалась Каролина и добавила про себя: «Ну и ладно. Отлично. Скатертью дорога. Пошел вон!»

— Но я тебя никогда не забуду, — проговорил Ромеро.

«И эта фраза у тебя заготовлена для всех любовниц, — усмехнулась про себя девушка. — А вообще какого черта я так заикнулась на Ромеро? Ведь мне уже предложили компанию на праздник. Поль Маннинг — очень милый молодой человек. Стоит только помянуть его пальцем, и он мой. Да и не только Поль — мало ли в городе симпатичных мужчин. Кому нужен этот Ромеро? — пыталась успокоить себя Каролина, но тут же горько созналась: — Мне, мне нужен этот негодяй».

— От кого же ты убегаешь все время? — произнесла она вслух.

— Кто сказал, что я убегаю?

— Кто ты, Даниэль? Я хочу знать, чем ты занимаешься в жизни и откуда ты явился к нам?

— Мне тяжело отвечать на такие вопросы, Каролина...

— Тяжело? Но ты же сильный и можешь таскать тяжести, — попробовала пошутить девушка.

— Может быть, ты и права, — улыбнулся Даниэль.

Она сложила руки на груди, чувствуя, как ветерок продувает насквозь тонкую ткань ее рубашки. А впереди сверкал песок, и набегающие волны манили к себе. Так хотелось прилечь и расслабиться. Девушка вдохнула аромат ночного воздуха. Неожиданно где-то наверху, на пирсе, послышался скрип досок. Может, там тоже бродит еще одна непоседливая душа?

— Ну хорошо, ответь мне на один вопрос, — решила Каролина. — Только на один, чтобы я уже окончательно успокоилась. И обещаю, что сразу же отстану.

— Хорошо, если это в моих силах.

— Ведь это ты все время названивал мне? Ну, я имею в виду те idiotские звонки, когда я не узнавала голос...

Ромеро вздохнул и окинул ее таким взглядом, словно перед ним находилась самая законченная дура:

— Послушай, ты что, хочешь, чтобы я снова дал торжественную клятву, что это был не я?

— Поклянись.

— Клянусь, крошка, я тебе не звонил.

Зачем она вообще задала этот idiotский вопрос? Ведь звонки больше не повторялись. Может быть, хулигану в конце концов надоело без толку тратить время на пустые развлечения? Такое бывает, особенно у психов...

— Значит, это наша последняя ночь, — попыталась улыбнуться Каролина.

— Да, — кивнул Ромеро.

— Ты знаешь, есть одна вещь, которую я никогда в жизни еще не делала, — созналась Каролина.

— Ну, расскажи мне...

— Я никогда не занималась любовью на песке.

— Ну, это негигиенично, песчинки могут попасть куда угодно... Да и неудобно, наверное...

— И все же мне хочется попробовать.

Она отстранила его от себя и зашагала по пляжу. Когда огни мексиканского квартала исчезли вдаль, девушка остановилась. Ромеро шел следом. Каролина скинула легкие сандалии и зашла по щиколотки в прохладную воду. Неподалеку проплыла едва заметная глазу толстая медуза, колыхаясь на волнах.

— Так ты говоришь, на песке? — ухмыльнулся Ромеро.

— Именно так, — поддакнула девушка.

Он поднял ее и, пронеся до границы воды и пляжа, уложил на мокрый песок, устроившись рядом.

Когда она повернулась к нему и прикрыла глаза, ожидая, как сейчас по всему телу разольется приятное тепло и она погрузится в наслаждение, Каролина вдруг заметила, что где-то вдаль мелькнула чья-то одинокая фигура.

Но она тут же позабыла об этом, потому что теперь единственное, что она ощущала, были прикосновения сильных рук Ромеро да еще ласковых волн, лизавших подошвы ее ног.

Тобиас никак не мог взять в толк, откуда у Резабека появилась улыбка победителя. И каким образом смог так преобразиться старый солдафон за столь короткий срок? Неужели он и в самом деле решил, что тайна раскрыта? Вероятно, Карл действительно считает, что ловушка захлопнулась и преступник теперь сидит у него за решеткой.

Тобиас оглядел молодого человека, томившегося в камере полицейского участка. Из кабинета шерифа доносился победный голос Резабека. Тот с удовольствием докладывал мистеру Дунбару, что убийца пойман. Причем говорил он об этом таким тоном, словно рассказывал о покорении нового континента и обращении в христианство нескольких тысяч язычников.

В камере всего-навсего сидел перепуганный молодой мексиканец по имени Карлос Айяла.

Тобиас еще раз оглядел несчастного Карлоса. Тот беспомощно смотрел на полицейского сквозь толстые прутья решетки. А из кабинета все еще слышался голос Резабека:

— Да-да, целая коробочка... так точно, сэр... да, у него в чемодане...

Тобиас заставил себя больше не прислушиваться к надоевшему Резабеку. Вместо этого он скрутил папиросу, вошел в камеру и передал ее Карлосу. Тот с благодарностью принял самокрутку из рук полицейского.

«И все же тебя схватили. Допрыгался со своими ухаживаниями, кобель несчастный», — беззлобно подумал Тобиас, присажив-

ваясь на край казенной койки. Он слушал, как шумно затягивается папиросой Карлос, как нервно дышит, а потом подумал о найденном у Айялы чемодане и о коробочке с драгоценностями. Награды за интимные услуги. Тобиас улыбнулся, скрутив еще одну папиросу, закурил и лишь затем повернулся к Карлосу:

— Расскажи мне о Мод Логан.

— Я уже все рассказал шерифу...

— А теперь мне, — настаивал Маннинг.

Карлос беспомощно развел руками.

— Ну а что я могу такого рассказать? Я шел к ней и обнаружил ее уже в этой... — Карлос запнулся.

— В летней беседке, — подсказал Тобиас.

— Да, именно там. В беседке лежал труп, и я, конечно, сразу же сиганул оттуда, потому что, признаться, сам насмерть перепугался...

— Мне кажется, я знаю, зачем ты ходил к ней. И все-таки ты должен рассказать и об этом тоже.

— Я нравился этой женщине, господин полицейский. И она хотела меня. Правда, несколько странным способом. Она всегда требовала, чтобы я подкрадывался сзади и овладевал ею неожиданно. Но в ту ночь это действительно была большая неожиданность. Правда, уже не для нее, а для меня...

— Да уж, в самом деле, — согласился Тобиас. — А ты обслуживал еще каких-нибудь женщин в Лас-Косимасе? — спросил полицейский и удивился тому, как назвал эти отношения. Перед ним тут же вспыхнул образ Ромеро.

— Да, иногда меня просили приходить, — признался Карлос и виновато пожал плечами.

— Скажи, а все эти драгоценности тебе давала Мод Логан?

— Конечно. Она любила делать подарки.

— А как насчет Эммы Гамлетт? — вдруг спросил Тобиас. — К ней ты тоже заходил в гости?

— Нет, что вы! — замахал руками Карлос. — Я ее никогда в глаза не видел! И женщину по фамилии Шарп тоже не знал!

Тобиас поднялся с койки, бросил окурок на пол и смял его носком ботинка.

— Итак, ты регулярно ходил в летнюю беседку к Мод Логан, — продолжал он.

— Ну, в общем, это случалось довольно часто. Все зависело от того, в каком состоянии был ее муж. Если трезвый, я, конечно, не появлялся. Обычно я сам звонил ей. Но бывало, что и она тоже. Клянусь, господин полицейский, клянусь перед самим Господом Богом, что не убивал Мод Логан. Да, я нашел труп, но не убивал ее. С какой стати убивать женщину, которая дарит мне такие подарки и дает деньги?

Маннинг был почему-то уверен, что Карлос Айяла непричастен к убийствам. Внутреннее чутье подсказывало ему, что этот парень невиновен.

А казалось, все сходится, и чего еще желать — ведь дело-то и яйца выеденного не стоит. Пойман мексиканец, никаких денег при нем нет. Нанять хорошего адвоката он, естественно, не в состоянии. Зато есть драгоценности — хоть какие-никакие,

а улики. И молодца можно отправить в газовую камеру. Шерифу благодарности, городу спокойствие. Нет, слишком уж легко получается?

«Почему все это никак не укладывается у меня в голове?» — недоумевал Тобиас.

Совпадения. Снова проклятые совпадения.

Ромеро — Айяла — Контурас.

Тобиас протяжно зевнул.

«Иди домой, — приказал он себе. — Ступай немедленно домой и поспи хотя бы чуток. Может быть, и в самом деле все до смешного просто и женщин убивал Карлос.

Он запер за собой дверь камеры и прошел в кабинет Резабека.

— Почему же вы все-таки уверены в виновности Айялы, шериф?

— Вы, наверное, забыли, Маннинг, что у него хранится в коробочке...

— Нет, не забыл. Итак, вы нашли улику, доказывающую его связь с Мод Логан. Я подчеркиваю — только связь. А при чем тогда Эмма Гамлетт или Исадора Шарп, позвольте узнать?

— Вы просто на меня надулись, — съязвил Резабек.

— Надулся? Мне очень нравится, как вы умеете выражаться, шериф. Надулся. Позвольте предупредить вас, чтобы вы не надули в штаны от страха, когда узнаете, что засадили за решетку совершенно невинного парня.

— Еще посмотрим, что вы скажете, когда я покажу вам письменное признание.

— Интересно, какими способами вы привыкли добиваться таких признаний, Резабек? Ремнями или сразу уж домом?

Тобиас вышел на улицу, быстро пересек площадь Гермосилло и привычно посмотрел на окна Каролины. Темно. На душе стало как-то пусто и неуютно.

«Иди домой, — приказал он себе. — Иди домой, отдохни, поспи немного. А завтра все покажется другим... Завтра ты не будешь так переживать встречу с Ромеро и тем более реагировать на всяких болванов вроде Резабека. Успокойся».

— Почему ты разговариваешь шепотом, Поль?

— Отец уже спит, и я не хочу будить его, Стрейчар, — объяснил юноша, крепче сжимая в руке телефонную трубку.

— Поль, ты должен был зайти ко мне на прием еще три дня назад, — после некоторой паузы проговорил доктор. — Я, кажется, ясно дал понять, насколько ценю свое рабочее время, и каждый пациент является ко мне на прием в строго оговоренный час.

Поль вздохнул:

— Мне надо было срочно увидеться с отцом.

— Чтобы почувствовать семейное тепло?

— Скорее всего так.

— Значит, ты снова пытаешься скрыться в своей скорлупе, ищешь убежище? Но ведь от горя не спрячешься.

— Идите вы ко всем чертям! — разозлился Поль.

— Ты всегда так реагируешь на правду?

Юноша засмеялся и, сняв очки, увидел, что его кроссовки

перепачканы песком. Он осторожно начал стряхивать песчинки свободной рукой.

— Так когда ты возвращаешься в Лос-Анджелес? — не отставал доктор.

— Завтра. А может быть, послезавтра. Сам еще не уверен.

— Ты решил остаться на праздник у отца? Что же это — проявление патриотизма? По-моему, ты опять хочешь на время забыть о действительности.

— Господи, Стрейчер, неужели вам приятно постоянно издеваться надо мной и колоть в самые больные точки?

— Укол тебе сейчас бы не помешал, — подхватил доктор.

— Да я совсем не то имел в виду. Ну ладно, договорились. Как только вернусь — сразу же к вам.

Стрейчер снова замолчал, а когда заговорил, то в его голосе звучало некоторое раздражение:

— Поль, ты должен понять одно: тебе сейчас очень нужна моя помощь.

— Мне нужны только ваши рецепты, — буркнул юноша и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

Приближалась полночь. Поль прилег на диван и включил телевизор. Из соседней комнаты слышалось мерное похрапывание отца.

А потом на темно-синем фоне экрана появился текст, сообщающий о последних новостях Лас-Косимаса:

«АРЕСТОВАН НЕКИЙ КАРЛОС АЙЯЛА, МЕСТНЫЙ ЖИТЕЛЬ ДВАДЦАТИ ЛЕТ В СВЯЗИ С ПОДОЗРЕНИЕМ В УБИЙСТВЕ МОД ЛОГАН».

Поль зевнул и закрыл глаза...

Каролина прикурила «косяк» и положила ноги прямо на журнальный столик. Все же вечер прошел не впустую. Ей удалось уговорить Ромеро задержаться в Лас-Косимасе еще на сутки, и, таким образом, на празднике они будут вместе. Победа, конечно, не слишком большая, но все же... Правда, на другой день он точно уедет в неизвестном направлении и скроется из ее жизни навсегда.

«Господи, как же так? За что мне достается все это?» — пронеслось в голове несчастной девушки.

Оказывается, этот сукин сын был женат, и ее угораздило влюбиться в женатого мужчину. Ее мысли прервал телефонный звонок.

Рассеянно подняв трубку, Каролина прижала ее к уху.

— Ты не сможешь выздороветь, Каролина, — прохрипел голос с другого конца провода. — Ты знаешь, что уже не поправишься. Ты заболела, Каролина.

На этом связь оборвалась. Девушка со злостью швырнула трубку на рычаг. И в такой момент ей еще звонит этот наглый тип! Причины этих звонков Каролина, как ни силилась, понять не могла.

Если, конечно, не брать в расчет мексиканский квартал, то можно с уверенностью заявить, что самый безобразный дом

в Лас-Косимасе принадлежал Эндрю Контурасу. Вокруг него стоило бы развесить таблички, предупреждающие, что подходить к этому старому, потрепанному жилищу не стоит, дабы не портить себе настроения.

Тобиас припарковал «хонду» у забора и вздохнул, оглядывая мрачное здание. В лучах солнца оно казалось еще более уродливым, нежели в сумерках. Полицейский вышел из автомобиля и, поправив ремень, уставился на запущенный сад.

«И что же я ему скажу? — задумался Маннинг. — Как начать этот разговор? Ну что, приятель, давай еще раз разберемся во всем, но теперь более подробно. Давай не сердиться друг на друга, Энди. А вести себя, как старые приятели. Выясним все раз и навсегда — и дело забыто. Договорились?»

Уже подходя к двери, Тобиас замешкался. Он чувствовал себя крайне неуютно. Отчасти из-за того, что его вовсе не прельщала беседа с этим сухарем. Но было еще и другое. Он вспомнил, как часто приходилось возить сюда Эдита, и от этого на душе становилось особенно тоскливо. Как менялось его настроение, от слепой веры до безнадежности, и сколько раз он заглядывал в лицо Контурасу, стараясь отыскать в его выражении хоть что-то светлое, дающее надежду. Он прислушивался к холодным кратким фразам доктора и силился отыскать в них некий скрытый смысл, словно Контурас утаивал от него правду. Каждый раз, входя в этот дом, Тобиас ощущал безысходность, будто проваливался в вечную пустоту.

Маннинг вздохнул и двинулся дальше. Тут он заметил, что входная дверь приоткрыта, а это означало, что доктор скорее всего находится где-то поблизости. Возможно, вышел повозиться в саду. Для приличия Тобиас все же постучался в дверь, а потом вошел внутрь дома и громко позвал доктора. Но ему никто не ответил.

Он побродил по холлу, несколько раз громко повторив имя доктора, но тот и не думал отзываться. Что ж, это вполне соответствовало его замкнутому образу жизни.

— Контурас? — настороженно произнес Маннинг, подняв голову в надежде, что доктор вот-вот появится на лестнице. И снова тишина.

Тогда он наугад прошел туда, где уже разговаривал с Контурасом накануне. Кабинет оказался пуст.

В другой комнате вся мебель была покрыта пропыленными холщовыми покрывалами. Здесь царил уныние. Тобиас вернулся в холл, потом исследовал кухню. Везде пусто.

Оставался еще второй этаж, и он, не раздумывая, взобрался по таинственной лестнице, толкнул дверь и вошел в комнату.

Булькающий звук исходил из больших насосов, подающих воздух в аквариум, где полицейский увидел весьма странных рыб, которых раньше не встречал даже на картинках. Маленькие голубые рыбки присосались к большим, прямо к их головам, и так плавали, напоминая сиамских близнецов.

Повсюду стояли банки с формалином, как и полагалось в настоящей лаборатории. В банках плавали какие-то органы и ткани. Сначала Тобиас подумал, что все это принадлежит человече-

ским организмам, но, приблизившись, понял, что ошибся. В банках находились отдельные части рыб. Из одной на Тобиаса остекленевшими глазами смотрела отрезанная рыба голова. К каждому сосуду был приклеен ярлык с какими-то латинскими названиями.

У окна Тобиас заметил рабочий стол доктора и сразу же направился к нему.

Тут были разложены многочисленные бумажки, папки и рисунки рыб, отдельных их органов и скелетов.

Он просмотрел несколько листков.

Вот в чем заключалась тайна Контураса.

Оказывается, он был яростным поклонником рыб, вернее, только одного определенного их вида.

Маннинг положил руки на гладкую поверхность стола и посмотрел на полузашторенное окно. Солнце тчетно пробивалось сквозь толстую ткань. На столе стояла небольшая коробочка, в которых обычно хранятся карточки. Он придвинул ее к себе и на первой же карточке прочитал:

ИСАДОРА ШАРП

ИНФАРКТ МИОКАРДА. ОБЩИЙ АТЕРОСКЛЕРОЗ. ГИПЕРТОНИЯ.

СИМПТОМЫ: СЛАБОСТЬ, ЗАТРУДНЕННОЕ ДЫХАНИЕ, ПОВЫШЕННАЯ НЕРВОЗНОСТЬ, СЛАБОУМИЕ.

Тобиас положил карточку на место и тут же понял, что наткнулся на каталог пациентов Контураса, где описывались их болезни и общее состояние. На следующей карточке такие же данные рассказывали о Мод Логан.

В общем, симптомы обеих женщин были почти что идентичны: та же нервозность, потеря памяти. «И не только памяти, но и всей жизни», — с грустью подумал Тобиас.

Когда он достал третью карточку, у него сжалось сердце, потому что на ней он прочитал:

ЭДИТ МАННИНГ

Под перечнем болезней и недугов, которые навсегда забрали ее из жизни, после краткого списка сухих медицинских терминов стояло одно-единственное слово:

УМЕРЛА

Тобиас быстро положил карточку на место и отыскивал другую, принадлежавшую Эмме Гамлетт. Прочитав ее и не почерпнув ничего интересного, он обнаружил еще одну, которая сразу же привлекла его внимание. На ней значилось:

КАРОЛИНА КАССИДИ

Неужели Каролина тоже?

Неужели и она приходила сюда на прием к Контурасу?

Но тут терялся всякий смысл — Каролина вполне здоровая женщина, у нее нет никаких проблем с сердцем...

Он уставился на карточку и после имени и фамилии девушки прочитал:

В ЛЕЧЕНИИ ОТКАЗАНО

Значит, по каким-то причинам Контурас не стал ее принимать. И тем не менее карточку не выкинул, а держал вместе с остальными. Зачем?

Исадора.

Эмма.

Мод.

Все умерли.

Все убиты.

Внезапно Маннинг почувствовал, как тревожно забилося сердце.

Если кто-то решил расправиться со всеми пациентками Конту-раса, не важно, сам ли доктор или кто другой, то не надо обладать большим умом, чтобы сделать следующий вывод. Трое из них уже отправлены на тот свет, и остается только одна — четвертая, все еще целая и невредимая Каролина Кассиди.

Тобиас обошел стол и направился к телефону. Ему срочно надо было позвонить Каролине, чтобы лично убедиться, все ли с ней в порядке.

И тут он застыл как вкопанный.

Его взгляд медленно скользнул по пространству между стеной и окном.

Он осторожно приблизился к тому, что лежало в этом месте на полу. Подошел вплотную к телу, наклонился.

И увидел все то же смертельное ранение в сердце.

Как у всех остальных.

Маннинг тяжело задыхался.

Затем отвернулся от трупа и уставился на закрытые жалюзи. А где-то рядом продолжали мерно работать воздушные насосы.

В одной руке Резабек держал лист бумаги, а во второй — по поводу торжественного случая — толстую сигару. Пробежав глазами содержание листка, он пнул ногой дверь в камеру и, как только она распахнулась, окинул презрительным взглядом сидевшего на койке Карлоса. Всю ночь Айяла не сомкнул глаз, проклиная свою судьбу и, в частности, привлекательную внешность, за которую теперь страдал.

— Я думаю, тебе известно, что такое «признание»? — без предисловий начал Резабек.

— Конечно, — робко отозвался парень.

— Тогда подпиши.

— А что это? — так же тихо произнес Карлос.

Резабек швырнул бумагу и, усевшись на койке, выпустил облако дыма, которое тут же окутало голову шерифа.

Карлос прочитал написанное, и листок выскользнул из его рук на пол.

Слова, которые были придуманы хитроумным Резабекем, могли привести несчастного Карлоса в лагерь смерти в Сан-Квентине. «Признаюсь в том, что это я убил Мод Логан...» Айяла молча наблюдал, как шериф нагибается и поднимает листок.

— Лучше не сердь меня, Айяла, — предупредил шериф. — А подпиши бумагу по-хорошему, иначе...

— Ни за что, — перебил его Карлос и поднялся. — Насколько понимаю, я имею право на адвоката. И ничего подписывать не стану, пока не переговорю с ним.

Резабек не смог сдерживать улыбки. Этот юнец еще рассуждает об адвокате.

— Ну что ж, сынок, ты можешь назвать мне фамилию своего адвоката, чтобы мы с ним связались?

Карлос смутился. Ему никогда не приходилось нанимать адвоката, и по этой простой причине он не смог назвать ни одной фамилии.

Уходя из камеры, Резабек еще раз напомнил Карлосу:

— Когда надумаешь признаваться или вспомнишь своего адвоката, позови меня, договорились? — И, громко хлопнув дверью, направился к себе в кабинет.

За столом Резабек снова взглянул на свое творчество, перечитал его и решил: «Рано или поздно мальчиш расколется и подпишет все. Конечно, хотелось бы, чтобы это произошло по возможности раньше».

В это время в коридоре послышались шаги. Резабек поднял голову и увидел измученного Тобиаса.

Одного взгляда на него шерифу хватило, чтобы определить: в городе случилось нечто из ряда вон выходящее.

Сама не зная почему, Каролина неожиданно подняла трубку и решила позвонить по домашнему телефону, обозначенному в визитной карточке Ромеро. Может, из простого любопытства, а может быть, она подсознательно хотела наказать себя и удостовериться, что жена у Даниэля не вымышленная, а самая настоящая реальная женщина. Ожидая, когда дадут связь с далеким Рэйсином, она вдруг вспомнила мерзкий голос, который говорил с ней вчера по телефону. Если это, конечно, вообще можно было назвать разговором.

Интересно, почему он все время повторял, что Каролина больна? Какую именно болезнь он имел в виду?

А вдруг она и в самом деле не совсем нормальная, если теперь только и мечтает о том, как бы познакомиться с женой Ромеро? Разве может этого хотеть здравомыслящий человек? Тут явно какие-то отклонения.

Девушка принялась барабанить пальцами по столу.

«Положи трубку на место, — приказывал ей внутренний голос. — Брось свою дурацкую затею. Продолжай жить, как будто ничего в твоей судьбе не изменилось».

Каролина закрыла глаза, и в голове загудел противный хриплый полусшепот: «Каролина, ты больна».

И теперь ей вдруг подумалось, что этот голос, эти интонации она определенно уже слышала, но где-то совсем в другом месте. Очевидно, хулиган так тщательно маскировался, что ему пришлось закрывать трубку носовым платком или еще как-то ухищряться, чтобы девушка не смогла узнать его.

«А зачем я, собственно говоря, сейчас звоню? — удивлялась Каролина своей выходке. — Может, стоит лучше обратиться по другому номеру? В телефонную психологическую помощь. Было бы разумнее».

Вдали слышались какие-то щелчки, пока устанавливалась междугородная связь.

А сегодня четвертое июля. Будет большой фейерверк, и на праздник придет почти весь город...

Девушка прикурила сигарету, отметив про себя, что у нее сильно дрожат руки.

Наконец с другого конца провода послышались гудки. После третьего трубку сняли, и раздался звонкий девичий голосок:

— Але?

Каролина внезапно засомневалась, правильно ли она поступает? А уж если дозвонилась, то почему молчит? Ведь надо на что-то решиться, а не тянуть дурацкую паузу...

«Видимо, я просто схожу с ума», — почему-то пронеслось в голове девушки. Она неоднократно читала о такого рода помешательствах, когда у человека появлялась навязчивая идея звонить по телефону без всяких на то веских причин. А нередко к таким больным относились именно отверженные любовники, которые, не зная, как привлечь к себе объект страсти, начинали названивать его друзьям и близким... Да, старина Белл явно не предполагал, как начнут использовать его гениальное изобретение...

— Але? — второй раз произнес все тот же детский голос.

— Привет, — отозвалась Каролина. Ей представилась девочка-подросток, стоящая в сверкающей от чистоты кухне с телефонной трубкой в руке. В это время ее мать, наверное, сидела рядом и пила кофе или курила. А папа где-то очень далеко...

«Ну что, Каро, неужели и этого тебе недостаточно?»

— Можно мне поговорить с миссис Ромеро? — начала девушка.

Молчание.

Каролина повторила вопрос.

Девочка не ответила, и Каролина ощутила некое беспокойство. «Ну хватит! — ругала она себя. — Твое любопытство переходит всякие границы». А может, это не просто любопытство, может, она как раз из тех извращенных особ, которые получают огромное наслаждение от того, что рассказывают обманутым женам о похождениях их благоверных? «Простите, что я звоню с такими новостями, милая, но я недавно видела вашего мужа, он сидел в уютном баре с одной очаровательной юной особой. Я подумала, может, вам будет интересно узнать?..» Каролине захотелось поскорее бросить трубку, но, как назло, та словно прилипла к пальцам.

— Вы имеете в виду миссис Даниэль Ромеро? — неуверенно проговорила девушка, словно не расслышала просьбу.

— Ну да, — подтвердила Каролина.

— Вы что, с ума сошли? Кто это звонит? И что вам надо?

Каролина замерла. Либо девочка не любила такие звонки, либо за ее раздраженным тоном крылось что-то более серьезное.

— Я, наверное, не совсем тебя поняла... — попыталась она еще раз вступить в контакт с дочерью Даниэля.

— А что тут надо понимать? — огрызнулась девочка.

«Ты задела ее за живое, — подумала Каролина. — Не произноси больше ни слова, можно все испортить. Дай ей выговориться».

— Моя мама умерла, — со слезами в голосе сказала девочка. — Еще в прошлом году.

— Я не знала,— извиняющимся тоном начала Каролина, чувствуя, как неожиданно у нее пересохло в горле. Наверное, она набрала по ошибке не тот номер. И девочка говорит ей сейчас о совсем другой женщине...

После некоторой паузы снова раздался уже знакомый голос:

— Если вы хотите побеседовать с папой, то я могу позвать его. Сейчас он как раз дома.

Так ничего и не ответив, Каролина осторожно повесила трубку, поднявшись, подошла к окну и выглянула на площадь. Солнце ярко светило и оставляло блики на листьях эвкалиптов.

«Нет, это просто неправильный номер. Ничего удивительного. В праздники, наверное, плохо работает междугородная связь»,— продолжала успокаивать себя девушка.

И вообще, не такое уж редкое сочетание Даниэль Ромеро. Мало ли их в Висконсине?..

В голове Каролины никак не укладывались неизвестная мертвая женщина и визитка Даниэля. Логика отступала.

Торговля фарфором...

Ей представился роскошный магазин, полный антикварных фарфоровых вазочек и фигурок, по которому она разгуливала с молотком и разбивала фарфор на тысячи мельчайших кусков.

Карл Резабек поднялся из-за стола и молча наблюдал, как Маннинг подошел к охладителю, налил себе полный стакан воды и с жадностью выпил его. Тобиас рассказывал шерифу кое-что важное, но тот был в такой степени взволнован и растерян, что не смог сразу оценить обстановку, и вся информация расплывалась в его сознании. Мозг отказывался сосредотачиваться. Поэтому шериф осторожно подошел к Маннингу, который все это время намеренно стоял к начальнику спиной.

— Еще раз,— тихо попросил Карл.— Повторите все это еще раз.

Тобиас наконец повернулся и сразу заметил, как на лбу шерифа выступила испарина.

— Когда был арестован Карлос? — устало спросил он.

— В пять часов.

— В пять часов,— повторил Тобиас и кивнул.— Я, конечно, не специалист-патологоанатом, но могу с твердостью сказать, что того парня убили где-то около полуночи. Когда я на него наткнулся в доме, прошло по меньшей мере часов десять. Значит, остается предположить следующее: Карлос каким-то таинственным образом открывает камеру, совершает убийство, а потом возвращается к нам и снова запирает за собой дверь. Что с его стороны, конечно, было бы крайней глупостью.

Карл с таким вниманием принялся изучать свои часы, будто в маленьких стрелках хотел найти ответы на все вопросы, связанные с этой весьма запутанной ситуацией. Но ничего там, разумеется, не обнаружил. Секундная стрелка послушно двигалась по циферблату.

— Знаете, Маннинг, а может быть, наоборот, его убили очень давно, прежде, чем был арестован Айяла? — с надеждой в голосе заговорил шериф.

— Я еще раз повторяю, что я не патологоанатом, поэтому могу и ошибаться, но не настолько же...

Резабек тяжело опустился в кресло и тупо уставился на бумагу с признанием, которую он так искусно сочинил для Карлоса. Вот теперь еще одна жертва. На этот раз сам доктор.

«Надо бы вызвать «скорую помощь», — мелькнуло в голове шерифа, и он услышал, как в этот момент Тобиас уже разговаривал по телефону, прося подать автомобиль к дому Контураса.

Правда, Резабек почти не слышал разговора Маннинга, потому что в голове его раздавался грохот. Это рушились его собственные предположения. Это обвалилась триумфальная арка, через которую Резабек собирался въехать навстречу своей личной победе. Он вздохнул и придвинул кресло поближе к стене.

Наконец Тобиас положил трубку и пристально посмотрел на шерифа.

— Ну что ж, по крайней мере теперь мы можем смело исключить Контураса из списка подозреваемых, — заговорил Маннинг. — Правда, можно выдвинуть еще одну интересную версию. Что, если Эндрю решил покончить жизнь самоубийством и сам себя зарезал? Хотя ему пришлось трудновато, потому что перед тем, как присоединиться к праотцам, он, наверное, долго думал, куда бы припрятать орудие убийства. Потому что нигде рядом оружия обнаружено не было.

— Самоубийство?

Где-то в глубине мозга Резабека вспыхнула слабая надежда.

И тут же погасла, лишь только он взглянул на Маннинга, который в открытую ухмылялся и чуть ли не злорадствовал, видя беспомощность шерифа.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Гэс и Мортон закончили ссориться и обсуждать программу фейерверков ровно за час до начала представления, как это, собственно, повторялось из года в год. Когда они перестали спорить, сколько сурьмы придется использовать на сегодняшний день, солей стронция и хлорида ртути, то стали бурно договариваться, где какой цвет будет выглядеть наиболее удачно. И только после этого одновременно затихли.

Наступали сумерки, и на большом поле уже собралось достаточно народу. Кто-то устроился на расстеленных пледах и ковриках, а кто прямо на крышах собственных автомобилей, предвкушая необычное зрелище. Мортон обнял за плечи Гэса, и тот ответил ему трогательной улыбкой. Друзья снова пребывали в отличном расположении духа.

Каролина, наблюдавшая за этой парочкой, только покачала головой и, вздохнув, направилась в бар. Перед представлением оставалось еще достаточно времени, чтобы успеть пропустить пару стаканчиков мартини.

Сегодня бар оказался переполненным. Четвертого июля, как всегда, каждый считал себя вполне достойным, чтобы полностью расслабиться и провести хотя бы этот день в удовольствиях

и пиршестве. Кто тратил деньги на выпивку, кто потихоньку баловался кокаином или более дорогостоящим зельем. В баре стоял гомон, отовсюду доносились пьяные голоса. Люди чувствовали себя спокойнее и увереннее после того, как было передано официальное сообщение об аресте подозреваемого в убийствах Карлоса Айялы.

Но Каролина не заразилась всеобщим весельем, и настроение ее ничуть не улучшалось, когда она глядела на довольные физиономии посетителей бара. Она вдруг почувствовала, что вот-вот появится Ромеро. Впрочем, если бы даже это и произошло, она знала, что совсем не готова к встрече.

Задумавшись, Каролина не сводила глаз с дверей, и каждый раз, когда они открывались, чтобы впустить очередного посетителя, девушка видела вдали темнеющее небо.

В этот момент кто-то осторожно тронул ее за локоть. Каролина резко обернулась. Перед ней стоял Поль Маннинг. Сегодня он вырядился в новенький костюм и аккуратно причесал длинные волосы.

— Почему ты без очков? — удивилась Каролина, и тут же недовольно заметила про себя, что голос ее прозвучал несколько холодновато, словно она была не рада встрече.

— А я не всегда ношу их, — пояснил Поль и сразу спросил: — Вы пойдете посмотреть фейерверк?

— Если даже и не пойду, у меня перед глазами и так все вертится и сверкает, — улыбнулась она и, кивнув на свой стакан, приподняла на соломинке маслину.

Поль улыбнулся и облокотился о стойку бара.

— Можно к вам подсесть?

— Место не куплено, — отрезала Каролина, и Поль, как ни в чем не бывало, устроился рядом с девушкой за стойкой.

Пианист заиграл медленную знакомую мелодию.

— Поль, знаешь эту песню? — спросила Каролина.

Но юноша не успел ответить, потому что с улицы раздались восторженные крики толпы, что означало одно: начиналось представление. Поль, поддерживая Каролину за локоть, вывел ее в фойе прежде, чем она смогла как-то отреагировать на его действия. А небо уже светилось зигзагами молний, отчего создавалось впечатление, будто на поляну вот-вот приземлится настоящая летающая тарелка.

— Такое пропускать нельзя, — объяснил Поль, выволакивая Каролину на улицу.

Она хотела сказать, что у нее назначено свидание в баре и что ей нельзя отсюда уходить, но он уже тащил ее дальше и дальше, быстро ступая по мягкой траве, минуя автомобили, обходя рассевшихся на земле восторженных гуляк. Они шли вперед, иногда натываясь на брошенные пластиковые стаканчики и стараясь, чтобы под ноги не попадались верещавшие от счастья младенцы.

Итак, оставался последний подозреваемый. Даниэль Ромеро. Только он. Вернее, тот человек, который выдает себя за Ромеро.

Введя данные в компьютер, Тобиас долго ждал результатов. Ему даже показалось, что электронное чудо начало барахлить, а может быть, по поводу великого празднования Дня Независимости компьютеры тоже устроили себе выходной и решили сегодня не давать никакой информации?

Но на табло тем не менее появилась надпись: Даниэль Ромеро. Никаких уголовных дел за ним не числилось.

Потом на экране вспыхнуло сразу множество строчек, из которых вытекало следующее: Даниэль Ромеро заявил в полицию о том, что у него были украдены кредитные карточки. После этого шли номера и названия карточек:

ВИЗА 4128 453 237 865

АМЕРИКАН ЭКСПРЕСС 3712 354867 95006,

а потом еще длиннющий перечень карточек, дающих право бесплатно обедать в самых шикарных ресторанах, селиться в гостиницах и многое другое.

Под конец компьютер сообщил, что вор воспользовался одной из карточек и взял в аренду 30 июня «линкольн-континенталь» у фирмы «Авис». Правда, владелец карточек Даниэль Ромеро заявил об их пропаже только 3 июля.

Значит, сейчас этот негодяй, выдающий себя за настоящего, честного Ромеро, вовсю наслаждается его богатством, разъезжает в шикарной машине, столуется, где ему понравится, отдыхает в лучших номерах... И вдобавок к этому пользуется любовью такой доверчивой девушки, как Каролина Кассиди...

Тобиас с трудом разыскал место на переполненной стоянке возле городского клуба и напрямик направился в гостиницу. Боже, сколько сегодня здесь было народу! Возле входа в фойе столпились зеваки, наблюдавшие за фейерверком. Небо словно сошло с ума, поражая все новыми и новыми образами.

Добравшись до лифта, Тобиас нажал на кнопку. Правда, ждать ему пришлось довольно долго. Когда кабина подъехала, из нее вывалилась стайка молодежи, орущая во весь голос известную песенку.

Итак, остался только Даниэль Ромеро. Именно он приезжает в Лас-Косимас, неизвестно с какой целью разыскивает пациентов Контураса и затем начинает методично убивать их. Хотя на это особых причин у него, судя по всему, нет. По крайней мере Тобиас о существовании таковых не знал.

И даже если он совсем не тот Ромеро из Нью-Йорка, какое теперь это имеет значение?

Тобиас думал о Каролине. Человек, называвшийся Даниэлем Ромеро, — ее любовник. А возможно, и убийца.

Дверцы лифта бесшумно открылись. Тобиас почти бегом достиг номера Ромеро и постучался.

Никто не отозвался. Он постучал еще раз, а потом подергал за ручку, но комната оказалась запертой.

Полицейский снова вернулся в фойе, пробиваясь сквозь толпу подвыпивших людей. Расталкивая их локтями, он дошел наконец до стола администратора. Женщина, сидевшая там, все время шурилась, видимо, от сильной близорукости.

— Скажите, где мне найти мистера Ромеро? — осведомился Тобиас.

— Он только что вышел из гостиницы, — сообщила женщина.

— А когда именно?

— Минут пять, может, десять назад.

Итак, он ушел и растворился в шумном празднике.

Тобиас пробрался к выходу. Там, на улице, представление шло полным ходом. Надо отдать должное Гэсу и Мортону — ребята постарались на славу. Красные, желтые, золотистые и голубые огни расцветывали небо вдоль и поперек, словно здесь работал безумный художник, не жалеющий красок.

Маннинг направился к автомобильной стоянке и нашел «линкольн» на прежнем месте.

Правда, его хозяина поблизости не оказалось.

Неужели Ромеро уже встретился с Каролиной и увлек ее с собой? Надо успокоиться и обдумать план действий.

Тобиас начал внимательно изучать лица окружавших его людей, которые то и дело окрашивались в различные цвета в зависимости от того, какой образ возникал высоко в небе. Шум взрывающихся ракет заполнял голову полицейского. Нет, здесь их найти невозможно.

Даниэль увидел Каролину в сопровождении какого-то юнца. Она шла пошатываясь, словно пьяная, а юноша старался поддерживать ее, но у него это плохо получалось, и девушка время от времени спотыкалась и наваливалась на своего спутника.

Ромеро замешкался. В небе высветился очередной букет роз. Каролина и юноша двигались вдоль дороги в сторону от толпы.

Может быть, они искали уединенное место?

Ромеро вспомнил о своем «линкольне», но, заметив возле него полицейского, решил не подходить к автомобилю. А жаль! Он уже начал привыкать к этому роскошному гиганту.

«Как все надоело! Вечно приходится срывать с места и мчаться дальше!»

Неожиданно Каролина почувствовала, что ей становится совсем дурно. Видимо, подействовало не только вино, но и нескончаемый шум, крики, сверкающее небо — все это в совокупности с нервным напряжением дало отрицательный эффект. Девушка остановилась и оперлась на руку Поля. «Воды, — подумала она, — сейчас бы холодной воды, поскорее умыться, и все пройдет».

— С вами все в порядке? — заволновался Поль.

Она неопределенно замотала головой.

— Каролина, тебе плохо? — переспросил юноша, неожиданно переходя на «ты».

А ракеты продолжали безумствовать в неистово сверкающем небе. Казалось, что весь мир перевернулся с ног на голову. Впрочем, нечто подобное творилось и с самой Каролиной.

Девушка помнила, что где-то неподалеку должен протекать ручей. Рядом с площадкой для гольфа. Если она умоется, то

будет опять в порядке. А пока ей казалось, что она похожа на испорченный мотор какого-то механизма.

«Да, видимо, я заболела, — пронеслось у нее в голове. — Так дурно мне давно не было».

Она услышала, как Поль обращается к ней, утешает и обещает не бросать одну. Девушка тут же успокоилась: ведь юноша учится на врача, значит, с ним она будет в безопасности.

Ему вполне можно довериться.

Тобиас остановился, раздумывая, в какую сторону лучше направиться. Бросившись наугад вперед, он наткнулся на группу ярко разодетой молодежи, рекламирующей пиво «Будвайзер».

— Эй, приятель, отведай-ка нашего угощения! — услышал он чей-то голос.

— Думаю, в честь праздника и полицейский может позволить себе расслабиться, — отозвался другой продавец.

Кто-то сунул ему в руку банку с пивом, и в этот же момент небо озарилось пурпуром — наверху возникла гигантская змея, угрожающе поднявшая голову.

— Пейте на здоровье, — улыбнулся огромный детина в фирменной шапочке. — Сегодня День Независимости!

Тобиас пустым взглядом окинул яркую компанию и двинулся дальше.

С юнцом проблем не будет.

Ромеро вздохнул и посмотрел в небо.

Малыш уйдет сам. Надо заставить его уйти.

И тогда они останутся вдвоем с Каролиной.

Возможно, в последний раз.

Значит, надо идти вперед.

Каролина с трудом вспоминала, где же протекает этот проклятый ручей. Не удержавшись, она согнулась и, подбежав к кусту, чуть не упала. Ее тут же вырвало. Земля закрутилась перед глазами, а небо продолжало полыхать огнями.

Когда она немного пришла в себя, Поль осторожно тронул ее лоб, словно проверял температуру.

В этом прикосновении было что-то заботливое и участливое.

— Тебе лучше? — поинтересовался он. — Бедняжка!

Каролина попыталась улыбнуться.

Ракеты сверкали где-то вдали, словно они с Полем успели пройти несколько миль.

Вспыхнули ярко-красные гирлянды, и Тобиасу снова показалось, что в толпе мелькнула голова Ромеро. А когда ракеты потухли, он засомневался, не спутал ли Даниэля с кем-то другим. Ему в голову пришла мысль, что Ромеро должен быть сейчас один. Он тоже разыскивает девушку. Наверное, у них назначена встреча где-нибудь в укромном местечке. Это вполне логично.

Ведь именно Каролина была последней в «черном списке» доктора Контураса.

Огненные ленты взвились вверх и посыпались на поле.

Теперь сомнений не оставалось.

Это был Ромеро.

Даниэль Ромеро, вернее, тот человек, который присвоил себе документы этого господина.

Маннинг уверенно двигался дальше, пробиваясь через толпу пирующих граждан.

«Скорее, Тобиас, — приказывал себе полицейский. — Скорее за ним!»

Ручей теперь казался узкой полоской темной бурлящей воды, через которую был перекинут горбатый мостик. Каролина сразу же заметила это уродливое сооружение и, поддерживаемая Полем, смело шагнула к берегу. Присев на корточки, она начала горстями лить воду на лицо, шею и плечи. Поль встал рядом с ней на колени и все время что-то нашептывал, пытаясь успокоить девушку.

— Каролина, сейчас тебе станет лучше. Тебе обязательно станет лучше, — повторял он снова и снова.

Каролина закрыла глаза и почувствовала, как раскалывается голова. Мир будто сошел с ума.

— Да, кажется, мне немного получше, — с трудом выговорила она. И ее тут же вырвало прямо в бурные воды ручья.

Немного придя в себя, Каролина мысленно поклялась, что в жизни больше не притронется к спиртному, даже если ее будут заставлять пить под страхом смертной казни.

Она протянула к Полу влажную ладонь и дотронулась до его плеча, как бы благодаря юношу за заботу.

Даниэль Ромеро добрался до ручья и, стоя на середине моста, сверху наблюдал, как юноша склонился над Каролиной у самой кромки воды. Он слышал, как девушку рвало, а потом, когда все кончилось, направился, не раздумывая, к этой заблудшей парочке.

Сначала он решил, что юноше хватит пары слов, чтобы понять, кто здесь лишний.

Ну а если это не подействует, что ж, придется применить силу.

В конце концов это его последний вечер в Лас-Косимасе. Терять нечего. Завтра он будет далеко. Найдет себе другие кредитки, новое удостоверение личности, возьмет машину — и поминай как звали. А Даниэлю Ромеро — большое ему, конечно, спасибо за участие — придет конец.

Оглядевшись по сторонам, Тобиас заметил, что автомобилем стало гораздо меньше, а это означало, что он уже вышел с территории, отведенной для гуляний. Впереди темнело шоссе, по сторонам которого возвышались высокие деревья. Неожиданно все померкло вокруг, залпы стихли, словно на празднике произошла какая-то заминка.

«Ну, пожалуйста, продолжайте, — молил Маннинг. — Ну, запустите еще несколько ракет, потому что именно сейчас мне нужно как можно больше света. Я обязан разыскать проклятого убийцу. Ведь речь идет о жизни беззащитной девушки...»

— Предохранитель полетел, любовь моя, — выговорил Гэс, стараясь, чтобы голос его звучал одновременно и ласково, и раздраженно.

— Этот предохранитель, по-моему, был с самого начала неисправен, радость моя. А проверять эти штучки — твоя прямая обязанность, — с обворожительной улыбкой парировал Мортон.

— Я думаю, сейчас не время и не место обсуждать, какие обязанности на кого ложатся. И каким образом ложатся, — огрызнулся Гэс.

Мортон вздохнул.

— Послушай, Мортон, я начинаю терять терпение, — уже с трудом сдерживался Гэс.

— Перестань грубить.

— Ну, пожалуйста. Видишь, местное население начинает ерзать. Будь умницей. Сходи к вагончику и принеси мне еще одну такую штучку.

Мортон засопел, пробормотав что-то невнятное, послушно повернулся и зашагал к машине, словно между друзьями не было никакой размолвки. А Гэс, оставшись в полном одиночестве, вслух проклинал все на свете, начиная с несчастного предохранителя и кончая друзьями и родственниками Мортоня, которые приходили ему на ум.

Каролина услышала голос Ромеро. Но сейчас он казался ей таким далеким, будто все происходит не наяву, а в кинотеатре, где механик забыл как следует настроить звук. Она протерла глаза и еще раз встряхнула головой. Только после этого перед ней начал вырисовываться силуэт Даниэля.

— Дэнни? — неуверенно позвала девушка, не веря своим глазам.

Ромеро подошел ближе и ухмыльнулся, оглядывая Поля.

— По-моему, тебе пора домой в кроватку, малыш. Мне нужно поговорить с Каролиной, причем с глазу на глаз. Надеюсь, понятно?

Но Поль не шевельнулся.

— Поль, все нормально, иди, — вступила в разговор Каролина. Но Поль и не думал двигаться с места.

Ромеро оскалился и шагнул вперед.

— Ты что, оглох? — рявкнул он.

— Я все слышал, — отозвался юноша.

— Тогда почему ты до сих пор здесь?

— Каролине плохо, — объяснил Поль. — Я должен ей помочь.

— Я смогу оказать любую помощь, не волнуйся, — уверил юношу Ромеро и как бы в подтверждение своих слов ловко обхватил девушку за талию и поднял с земли.

В небе снова засверкали ракеты.

И грохот орудий сливался со страшным шумом в голове Каролины. Она внимательно посмотрела на Поля. Лицо юноши внезапно стало желтым от света ракет.

— Поль, это мой хороший приятель. Ты можешь за меня не бояться, — попыталась она успокоить юношу.

— Слушайся старших, — наставительно произнес Ромеро.

Но Поль упорно не двигался с места.

Он безвольно свесил руки, а потом, когда небо окрасилось в багровые тона, лицо его вдруг исказилось от боли.

И тогда он решил действовать.

Все, что произошло потом, напоминало Тобиасу какой-то фантастический фильм ужасов.

Полицейский неподвижно стоял на берегу, боясь шелохнуться. А вокруг царил такая тишина, о существовании которой он не мог даже предполагать.

Поль двинулся вперед, словно кошка, готовящаяся к прыжку. Ромеро неуверенно отступил. Потом Поль взмахнул рукой, Ромеро отшатнулся, схватившись за грудь, и стал медленно оседать на траву. До ушей Тобиаса донесся протяжный стон. Ромеро дернулся и упал прямо в несущийся мимо поток воды.

Тобиас стоял как вкопанный.

«Все в порядке, не волнуйся,— успокаивал он сам себя.— Ничего страшного не происходит».

Но он прекрасно знал, что сейчас происходит нечто ужасное, чего не должно быть. Никогда.

Но только он не сразу сообразил, что именно, потому что отказывался верить в то, что предстало перед его глазами.

Шагнув навстречу сыну, стоявшему рядом с перепуганной насмерть Каролиной, Тобиас вдруг осознал, что жизнь для него потеряла всякий смысл.

Поль крепко сжимал в руке нож.

А на лезвии отсветами искрящегося неба играли разноцветные огоньки.

Тобиасу хотелось разрыдаться. Он чувствовал, как слезы подступают к глазам.

«Почему я до сих пор не ослеп? — удивился он.— Почему я еще способен что-то видеть, понимать и слышать? Отними, великий Боже, мои способности воспринимать действительность. Потому что все, что сейчас происходит, неправильно. Так не должно быть».

— Отдай мне нож,— хрипло проговорил Маннинг.— Поль, отдай его мне.

Но Поль молчал, а нож был направлен прямо в сердце Каролины.

— Пожалуйста, Поль,— не отступал Тобиас.

— Она не должна страдать,— наконец заговорил юноша.— Никто не должен страдать. Ни один человек не заслуживает того, чтобы испытывать такую же боль, через которую прошли Дэвид и мама.

Дэвид. Мать. Семья, разбитая горем и смертью, приготовленными жестокой судьбой. Вот она, запоздалая реакция организма. Незажившие старые раны в душе.

— Но Контурас не страдал...— начал было Тобиас.

— Зато он продлевал мучения других людей, обреченных на боль, другого он сделать не мог...

Тобиас вдруг почувствовал, что начинает терять что-то очень существенное, что-то важное, и эта тонкая субстанция, словно

паутина на ветру, срывается и исчезает вдали, образуя пустоту в душе. А вместо нее остается крепкая броня, сквозь которую уже никогда не пробьются нежные чувства.

— Каролина не страдает, Поль,— заговорил он.

— Но она была у него в списке, черт возьми! Неужели ты об этом не знал? Она была в том проклятом списке. Ее карточка лежала рядом с карточкой мамы!

— Отдай мне нож!

— Каролина испытывает страшную боль, неужели ты не видишь? Ей плохо, она больна...

— Нет,— упрямо повторил Тобиас и замотал головой.

Как же он сможет жить дальше? Как можно сохранить разум после всего, что произошло?

— Я могу помочь ей,— живо заговорил Поль.— Я могу освободить ее, я знаю, как это сделать...

О Господи!

Оказывается, мальчик со всей серьезностью считает себя ангелом милосердия, отнимая жизнь у других людей. Он будто бы служил силам Добра и действовал чуть ли не от имени самого Бога.

— Нет, Поль. Давай лучше я помогу тебе. Хорошо?

Тобиас мельком взглянул на полузатонувшее тело Ромеро. Дешевый воршишка и прохвост. Но не убийца...

В этот момент лезвие сверкнуло. Поль занес руку над Каролиной, и она посмотрела на него широко раскрытыми от страха глазами, с отчаянием ожидая неизбежного.

«Пистолет,— мелькнуло в голове полицейского.— Но как я смогу выстрелить в собственного сына? В этого несчастного страдающего ребенка...»

— Отдай нож,— ледяным тоном проговорил Маннинг.

Мальчик не шевелился. Глаза его остекленели.

— Поль, не смей ничего делать с Каролиной! Слышишь? — угрожающе прохрипел Тобиас.

И тут Маннинг совершил то, что до сих пор казалось невероятным. Его рука помимо воли потянулась к кобуре, и он выхватил пистолет. Полицейский представил себе, как пули прошивают грудь его сына, как тот откидывается назад, и эта страшная картина с невероятной скоростью несколько раз пронеслась перед его глазами. А потом в мозгу завертелись воспоминания: два милых мальчугана, один весело хохочущий, другой с серьезным видом читающий вслух свое стихотворение... Вот они играют в баскетбол на заднем дворике, причем мяч кидают в самодельную корзину, не очень умело свитую из проволоки... Вся их счастливая жизнь по кадрам прокрутилась у Тобиаса в голове.

Рука с ножом была по-прежнему занесена над девушкой.

Поль чуть шевельнулся, и Тобиас прицелился.

Но стрелять ему так и не пришлось.

Неожиданно нож выскользнул из руки юноши и звякнул о камень.

Тобиас шагнул вперед и с нежностью прижал к себе сына, чувствуя, как боль юноши переливается в его собственное тело.

Такой близости он не испытывал даже в те счастливые дни, когда они были вчетвером.

— Я не знал, что еще можно сделать, — словно оправдывался Поль. — Я не знал, как можно помочь, чтобы избавить их от этой боли. Я хотел как лучше, папуля...

По щекам Поля потекли струйки слез.

Тобиас опустил руки только тогда, когда в небе потух прощальный огненный фонтан. И последние ракеты, печально падающие вниз и гаснущие в темноте, напомнили Маннингу о капающих слезах — его собственных и сына.

— Я хотел как лучше... — сквозь рыдания повторил Поль.

ЭПИЛОГ

Ярко-оранжевое октябрьское солнце совсем не грело, дул пронизывающий ветер, и Тобиасу почему-то казалось, что в Нью-Йорке уже наступила зима. Он завернул в небольшое кафе на углу Третьей авеню и 42-й улицы. Внутри было довольно уютно, тепло и пахло хорошим кофе и гамбургерами.

Оглядевшись по сторонам, он заметил в углу одинокую фигуру Арта Фрая. Тот сидел с понурым видом, тыкая пластиковой вилкой в салат из капусты.

— Проклятая пластмасса, — начал он, когда Маннинг подошел к приятелю. — Ты только погляди, какую пошлость можно выдумать. — Он презрительно оглядывал вилку. — А я помню, когда тут был не кафетерий, а маленький ресторанчик. Еду подавали на дорогом фарфоре и непременно со столовым серебром.

Арт улыбнулся и стряхнул с губы прилипший листочек петрушки. Он успел состариться за годы разлуки. Лицо приобрело красноватый оттенок, глаза слезились, будто ему постоянно приходилось смотреть прямо на солнце.

Тобиас присел за столик и, расстегнув пуговицы плаща, коротко сообщил:

— Приступаю с первого января.

— Великолепно, — отреагировал Арт.

— Не знаю, удастся ли составить график так, чтобы мы опять работали вместе, но... — Тобиас начал просматривать меню, хотя вовсе не ощущал голода. — Впрочем, Макмиллен обещал постараться.

— Ну, раз Макмиллен обещал... — засмеялся Арт. — Удивительно, как он сумел вырасти до инспектора. Наверное, просто молился с утра до вечера и так достал этим боженьку, что тот помог ему с повышением. — Арт распечатал маленький пакетик диетических сливок. — Тоби, будь другом, взгляни, из чего они умудряются изготавливать такую дрянь? По-моему, этот продукт даже рядом не лежал с коровьим выменем.

Тобиас с трудом сдерживал улыбку. Он был уверен, что сам Арт Фрай с трудом представлял себе коровье вымя.

— Да и в полиции теперь все сильно изменилось, Тоби. Так что приготовься. У нас в участке полным-полно женщин. Ну никогда столько не было. Есть даже очень симпатичные. — Он загадочно подмигнул Маннингу. — Впрочем, я никак не могу

понять, как это нормальная баба может добровольно пойти служить в полицию... — Арт замолчал, и в наступившей тишине почти физически ощущалось его напряжение. — Ну, как там твой малыш, Тоби? — словно невзначай продолжил он.

Тобиас сунул руку в карман плаща и задумался. Там он нащупал письмо, которое только что получил и еще не успел распечатать. Письмо пришло из госпиталя в Лос-Анджелесе. «Госпиталь... — усмехнулся Тобиас. — Придумают же слово. Да это обыкновенный дурдом. Настоящая психушка, и все у них там как полагается — решетки на окнах, кодовые замки в палатах, и каждый санитар знает в совершенстве приемы карате и джиу-джитсу, так что справится с любым, кому вздумается закапризничать...»

— Он... в общем, у него... — Тобиас загнулся, не в силах продолжать.

Арт Фрай доверительно положил ему на плечо широкую ладонь.

— Тоби, дружище, как я рад, что ты снова к нам вернулся. Ты не представляешь, с какой скоростью стали размножаться преступники. Да их в городе сейчас больше, чем тараканов.

Тобиас улыбнулся. Последнее письмо от Поля было написано четким почерком. И хотя оно оказалось коротеньким, юноша уже достаточно ясно выражал свои мысли. А то, которое он получил раньше, сильно расстроило Маннинга. Словно его писал совершенно другой человек. В каждой фразе слышались нотки отчаяния и боли. Полю заблудился во времени и писал так, будто вернулся назад на несколько лет. Он вспоминал, что скоро у Дэвида день рождения, рассказывал о кинофильме, который они обязательно должны посмотреть вчетвером, особенно мама — ей нравятся такие ленты. И Тобиас долго рыдал над этим письмом.

Сейчас он не знал, что ждет его в письме, которое лежало в кармане. Тобиас часто заморгал.

— А когда наши знаменитые ворюги и хулиганы слышали, что ты возвращаешься, Тоби, они по всему городу начали задривать люки, — нарушил тишину Арт. — Честно говорю, даже через тротуар было слышно, как они трясутся в своих подземельях.

— Наверное, просто взорвалась станция метро, — подмигнув, ответил Маннинг.

— Да чтоб я сдох. Давай биться об заклад? — серьезным тоном произнес Арт и тут же рассмеялся. Поднимаясь из-за стола, он снова обратился к Маннингу: — Слушай, мне сейчас надо в участок. Не хочешь со мной прошвырнуться?

— А почему бы и нет? — радостно подхватил Тобиас, и они вместе вышли на улицу.

Перевод с английского МАРИИ ПАВЛОВОЙ.

На горах покататься, в блинах поваляться.

Масленица - объедаха, деньгам - приберуха.

Кому масленица, да сплошная.

Разгульное празднование масленицы (мясопуст) или сырной недели перешло к нам с Запада, где оно известно под именем *карнавала*. У нас это — смесь языческих обрядов с христианскими: скоморошество, беснование, объядение, упоение и, в противоположность

всему этому, — после вселенской субботы, в которую совершается поминовение усопших (родительская), — слезное и умильное прощание друг с другом, т. е. просьба об отпущении грехов друг другу, почему последние дни масленицы и названы *прощальными днями*,

Любецкий Сергей Михайлович (1808 или 1810—1881) — прозаик, поэт, историк. Публикуемый очерк взят из книги «Отголоски старины», изданной в 1867 году и давно уже ставшей библиографической редкостью.

Масленица

СЕРГЕЙ ЛЮБЕЦКИЙ

Хоть с себя что заложить, а масленицу проводить.

Не все коту масленица, настанет и Великий пост.

ан вербная да страшная.

и наконец, в это время церковь наша совершает воспоминание об изгнании Адама и Евы из богонасажденного рая.

В 1698 году в Лейпциге издана была на латинском языке книга Одеборна «Жизнь царя Иоанна Васильевича Грозного». Тут автор сначала исчисляет русские посты, потом описывает масленицу: «Она потому так названа, что в продолжение всей этой недели русским дозволяется есть коровье масло,

а в постные дни они употребляют черное (конопляное); в это время у русских почти непрерывно продолжается обжорство и пьянство; они пекут паштеты (т. е. оладьи и блины) из масла и яиц, зазывают к себе гостей и упиваются медом, пивом и водкой до упаду и до беспамятства; в продолжение масленицы только и слышно, что того-то убили, того-то бросили в воду. Город Москва обширный; там есть особенное место, куда рано утром

складывают тела убитых (убогие дома); если у кого внезапно пропадает родственник или домашний, тот идет на выставку мертвых тел и там его отыскивает; тела же неизвестных покойников бросают в известковую яму, которая уничтожает их трупы. Патриарх хотел искоренить этот бесовский праздник, но не успел; он только сократил его на восемь дней, вместо прежних четырнадцати. Русская масленица похожа на итальянский карнавал. Папа Иннокентий XI также хотел его уничтожить, но не успел в том и тоже сократил его на восемь дней».

Так было при Иоанне Грозном, во времена разгула и буйства его страшной опричнины. Богомольный царь Алексей Михайлович проводил масленицу иначе. Он начинал исполнять религиозные обряды, предшествующие Великому посту, с заутрени мясопустной недели, т. е. когда наша церковь совершает *действие страшного суда*. За алтарем Успенского собора, на площади, устраивали два места: для царя и для патриарха; против них ставили красивый узорчатый рундук или подмости, а на них образ Страшного Суда и аналой под икону Богородицы и Евангелия — это *действие* совершалось по особому уставу: пели стихиры, святили воду и читали Евангелие на четыре стороны, потом патриарх осенял крестом и кропил св. водою царя, сановников и всех предстоявших; после, при колокольном звоне, все отправлялись в собор. Еще прежде этого обряда, рано утром, царь посещал богадельни и тюрьмы, и своеручно раздавал колодникам, увечным и болящим щедрую милостыню; этот выход царя совершался *тайно*.

Что касается Петра I, то он любил веселые празднества и народные потехи, обставляя их диковинными для того времени явлениями.

Особенно замечательно было при нем масленичное торжество в 1722 году. Оно началось в понедельник сырной недели, по случаю славного Ништадтского мира с Швецией и открылось на площади у Красных ворот, куда прибыл царь с офицерами своей гвардии и вертелся с ними на качелях: после него качались солдаты и народ.

Между тем, для государя приготовлен был стол, тут же, на площади, под открытым небом. Царь выпил анисовки и сел за блины посреди окружавшего его народа, оглашавшего воздух радостными, восторженными восклицаниями по тому случаю, что сам царь принимал участие в его увеселениях.

Во вторник на масленице народ собирался на горы, где, по данному знаку, при приближении царя, открывался шатер, под которым находились горы, и с них первый скатывался государь, а за ним и вся фамилия его.

В четверг дал царь Москве открытый для всех невиданный и неслыханный маскарад. Из Всесвятского села тронулась по направлению к Москве вереница морских судов на саях, запряженных разными зверьями; на Тверской устроены были для встречи их Триумфальные ворота. Впереди всех ехал арлекин в больших пошевнях, запряженных в шесть лошадей гусем, увешанных побрякушками; за ним двигался князь-папа Зотов в длинной красной бархатной мантии на горностае, имея у себя в ногах Бахуса, сидевшего верхом на бочке; далее следовал шут в маленьких санках, запряженных четырьмя свиньями. Потом уже появилась процессия флота, под предводительством Нептуна, на высокой колеснице, со всеми атрибутами его. В середине этого поезда находился князь-кесарь Ромодановский в царской мантии

и в княжеской короне, на широкой лодке, запряженной медведями; за ним двигался огромный корабль с мачтами, с пушками и со всеми своими принадлежностями; его тянули 16 лошадей, и на нем сидел сам царь в мундире флотского капитана с генералами и с офицерами морской службы. Петр командовал кораблем, как бы находясь на море. Сзади корабля ехала красивая, убранная разноцветными флагами и лентами, раззолоченная гондола императрицы, одетой германской крестьянкой и сидевшей в кругу своих придворных дам, фантастически костюмированных, и кавалеров, одетых по-арабски. Эта процессия замыкалась другими членами маскарада, сидевшими в огромных санях, имевших фигуру головы дракона; они были одеты разными зверями и птицами. Через Тверские ворота поезд двигался в Кремль, оглашаемый пушечными выстрелами; Кремля достиг он только вечером.

На масленице Петр потешался маскарадными зрелищами в Петербурге; там маски, собравшись по пушечному выстрелу на площади, против собора Св. Троицы, у так называемой пирамиды четырех фрегатов, по сигналу, данному самим государем, который одет был барабанщиком, скидали плащи и показывались в своих нарядах. Там, посреди испанцев, греков, турок, китайцев и индейцев являлись карлы с длинными бородами, возившие на тележках высоких царских гайдуков, спеленутых, как дети. Потом следовали веселые, одушевленные катанья, где, между множеством огромных саней, сделанных наподобие лодок, в которых сидели костюмированные члены царской фамилии, иностранные министры и знатнейшие особы обоего пола, видны были: Нептун в раковине с трезубцем, влекомый двумя сиренами; Бахус

с кубком в одной и с лавром в другой руке; государев шут, одетый медведем и в санях, запряженных шестью медведями; камчадал и камчадалка, ехавшие в нартах на собаках, и в заключение — множество арлекинов и масок, представлявших разных зверей и птиц.

Эти маскарады продолжались целую неделю. Участвовавшие в них еще за несколько дней собирались к князю Меншикову для репетиции, и он назначал каждому действующему лицу его место в маскарадной процессии. Все, принадлежавшие к ней прислужники, должны были ходить во все это время также в костюмах и масках, под опасением штрафа в 50 рублей. Красноречивая цифра для того времени!

Императрица Анна во время масленицы приглашала к себе во дворец в числе гостей и унтер-офицеров своей гвардии с их женами, которые потешали ее русскими плясками и разными народными играми. В 1739 году происходил около масленицы известный этнографический маскарад в ледяном доме по случаю свадьбы ее шута. Императрица Елизавета любила на масленице кататься со своими приближенными и в Петербурге, и в Москве, в селе Покровском. При императрице Екатерине II, на масленице устроен был большой уличный символический маскарад, по начертанию (сценарию) артиста Волкова, с куплетами сочинения придворных поэтов.

При этой государыне на масленице были в ходу публичные маскарады в великолепном доме на Екатерининском канале, принадлежавшем Энгельгардту. Чтобы не быть узнаною, она отправлялась туда в чужой карете, и хотя ее узнавали по походке, по свите ее и по суетливости полицейского караула, но показывали вид, будто ее не признали, и шутили с ней,

прыгали, плясали перед ней, и она тем очень была довольна.

В последующие времена старинная масленица во многом утратила свой прежний характер, кроме катанья и истребления большого количества блинов, и резиденция ее уже перемещена в Москве на другое место. В старину говорили: «Пойдем на горы», значит справлять масленицу, а на Святой неделе звали друг друга под качели. Тогда местность обоих этих гуляний была не одна и та же: гулянье на Святой неделе исстари принадлежит Новинскому урочищу и Покровскому селу (а в пятницу Девичьему полю); но *гулевая, раскатная* масленица крутилась тогда в нескольких местах: самое главное людное гулянье было на Москве-реке, а самая крупная пышная народная толкотня и поезды по набережной, в два ряда, происходили от Московского моста до Воспитательного Дома; на реке на всем этом пространстве, иногда и далее, устроены были горы с затайливыми башенками, на которых развевались в воздухе цветные флаги; там привольно катались и летали с них гуляки обоюдопола на длинных *разбегчивых* санках; вдоль гор вместо барьера в два ряда фронтом стояли елки, а между ними статуи из льда и снега.

Там устроен был целый городок из лубочных комедий, ярко раскрашенных разными колерами с фантастическими чудовищными вывесками, весьма заманчивыми для простого народа. В комедиях трещала *ухорезная* сборная музыка и дребезжали барабаны, а около комедий раздавалась смесь звуков: гудков, рожков, балалаек, свиристок, тулумбаса (род литавр), бубнов, гудоскрипок, сиплых

песен и богатырского посвиста расхोдившихся гуляк. Кроме разных комедий, там для невзыскательной публики показывались и райки с замысловатыми видами, с юмористическими пояснениями и с погудками-прибаутками.

На этом гулянье существовал и *обжорный рынок*, и блинная, и балаганы со сбитнем и бузой, и веселящее сердце человека зелено-вино, под большим колоколом-шатром и разные неприхотливые лакомства и снедь: висячие гирлянды бутырских баранок, тверские калачи, истыканные крестовые сайки, обручи-кольца, попчатки, тетерки, сгибни*, белые красносельские востроокислые хлебцы и пр. и пр., кроме мясной провизии, которую, по уставу, воспрещалось на масленице употреблять в пищу.

Масленичное гулянье на Москве-реке продолжалось до тридцатых годов; иногда, по случаю зимних оттепелей, выступавшая на реке вода грозила большою опасностью; тогда на лед выкладывали доски и некоторые балаганы переносили в соседственные сараи прибрежных к Москве-реке домов; наконец, перевели это гулянье под Новинское.

Масленичные гулянья в старину были еще на Неглинной. Там на масленице устраивались горы с балаганами, там стояла и *комедь с разными позорищами*, а в стороне кипели ожесточенные кулачные бои, в которых принимали участие и охотники-купцы, *сам-на-сам* (т. е. один на один) и *стенка-на-стенку*; там двигались и кишели большие, сплоченные массы народа, шапки так и летели с них, как галки. Постоянные же бои кулачные, производимые большею частью фабричными, в продолжение

* Сгибень — пирог, согнутый, сложенный вдвое, с кашей либо с ягодами.

всей зимы, происходили на Москве-реке, в Бабьем городке.

Еще масленичные горы находились на Гагаринских Трехгорных прудах, но там гуляли более местные жители. Самое же лучшее гулянье-катанье происходило от Кремля, через Маросейку и Покровку, по старой Басманной, на *Разгуляй*, находящийся на распутии четырех дорог, где был один из самых веселых и искусительных для гуляк трактир с плясунами и с песельниками, гуслистами и торбанистами; откуда прокатывались через Покровское село до самого Покровского моста, иногда и далее. Это было самое модное и людное, хотя монотонное гулянье, особенно на Святой и масленице: там щеголяли выставкой костюмов, лошадей и экипажей. Там двигались грузные высокие кареты, как катафалки, и широкие сани с барсовыми и тигровыми поlestями и просторные купеческие пошевни, покрытые дорогими цветными коврами, влекомые раскормленными лошадьми под белыми шелковыми парусами. Туда съезжались из своих замоскворецких гнезд пушистые москвовские купчины с женами, разубранными в штоф и парчу.

Кроме того, у многих домохозяев устраивались на дворах свои горы для домашних, с которых скачивались на обледенелых досках. Но самые одушевленные, ухарские катанья происходили в ямских слободах: Тверской, Рогожской и Дорогомиловской, особенно в субботу и в прощальное воскресенье на масленой, там мчались в обгон тройки с глухарями (с бубнами), взрывая снег копытами... Это была настоящая бенефисная неделя гуляк!..

И в тогдaшнее время глумились

над обжорством: «Масленица такое время, писали тогда, в которое многие думают обратить свой желудок в запасной магазин масла, молока, яиц, блинов и пряженцев; лже-набожные почитают в году только семь недель, назначенных на воздержание, а прочие сорок четыре и в особенности сорок пятая неделя дана им будто бы для того, чтоб желудок свой на весь пост сделать скоромным. Из этого выходит то, что сколько ложек масла влито в желудок, столько после выпивается бочек микстур»*.

На масленице, в числе яств, главное место занимают блины (в св. Писании *млины*), ими поминуют и покойников; некоторые староверы первый испеченный блин кладут в окошко, для усопших душ.

В это время позволялось обычаем есть до пресыта, упиваться до недвижности или, как говорили тогда: есть до икоты, пить до перхоты, петь до надсады, плясать до упаду. Хозяйева говорили: «У нас в доме только вино да пиво, а воду кладите себе в сани, годится для бани, да и вода отсюда не близко и ходить к ней склизко, пируйте, сидите, да других не тесните, кто хочет веселиться, хоть с лавки повалиться».

Тогда только строго воспрещено было общим судом употреблять в пищу: рогатых, крылатых, рылатых и носатых животных, кроме рыб водоплавок, икры, нежно-розовой семги и блестящей алмазми вязиги.

В холодную масленицу дым валит густыми клубами из труб, утреннее небо, все в заревах, алеет от вспышек восходящего солнца, мороз постукивает по стенам домов, а гуляки, наевшись досьта,

* Подобных едунaв называли маслоглотами.

до пресыта блинов, уже спешат на Москву-реку или на другие горы промяться. Холодный ветер режет и колет чуть не насквозь гуляк морозными иглами, а они, с лицами, рдеющими, как свекла, от холода, веселятся себе, поют, да потирают руки, прославляя русскую зиму...

Масленицу представляли в виде румяной, толстой бабы, сидящей на сковородке с двумя ухватами и с высунутым изо рта помелом, вместо языка; внизу подпись: «У нас печки муравлены, подики медные, помелечко шелковое, обмакивано в сыту медвленную»...

Богомольные на масленице, после утрени и обедни, отправлялись с возами калачей в острог, в яму, в богадельни и в разные *сиропитательные* заведения с подаением; иные из них в последнее воскресенье ходили прощаться с усопшими родственниками на кладбище. Еще в старину было обыкновение в этот день ходить к кумам с большими пряниками и с косяками мыла, которое в чистый понедельник брали с собой в баню, *смыть масляничные следы и потом предаться Богу*. Некоторые вечером в этот день не разводили огня в печи и не зажигали свечь, кроме лампадки пред образами, также не отправляли никакой работы, чтобы не сделать заусеницы или ногтоеда. У многих было обыкновение выкидывать и уничтожать все съестное, оставшееся после маслениц, особенно блины, которые называли *поганым хлебом*; на первой же неделе в субботу пекли постные блины (*тужилки* по масленице). Тогда говорили, что пост, прогоняя масленицу, сражался с ней капустными бомбами, репными ядрами и редичными штыками.

Некоторые же, отдавшиеся масленичному разгулу, в последний день пировали и веселились до обморочного головокружения... Но

вот ударял вещей полночный час, наступал пост — и вдруг, как по мановению волшебника, все замирало, затихало, цепенело... Наступало глубокое затишье до самых тех пор, когда ночной воздух прорезывался протяжным церковным колоколом, как будто призывающим христиан предстать пред суд Бога и пред суд собственной совести...

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера

ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию оригинальных композиций, присланных на IV международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр, проводимый журналом «Смена». Интересно, что в публикации этого номера журнала трехходовые и многоходовые миниатюры, задачи, как принято считать, более сложных жанров потеснили двухходовки. Видимо, начинающие авторы, в массе своей предпочитающие двухходовый жанр, еще не включились активно в наше соревнование.

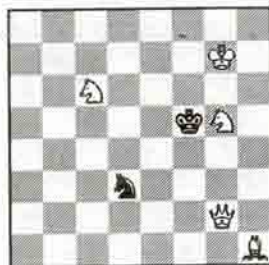
ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ

19. В. АНТИПОВ
г. Боровичи
Новгородской обл.

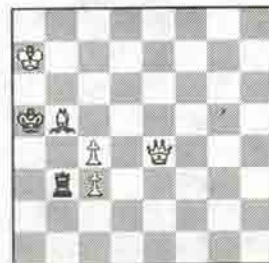
Мат в 2 хода

20. М. ЧЕРНУШКО
Уссурийск

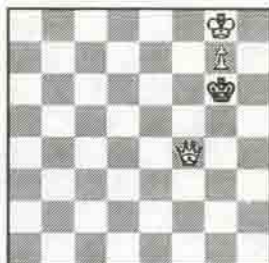
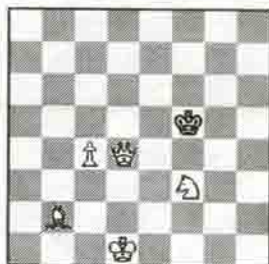
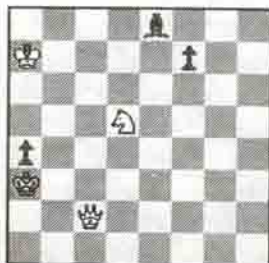
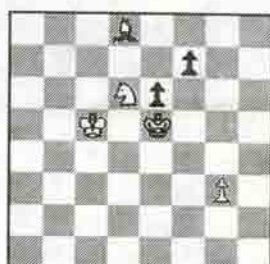
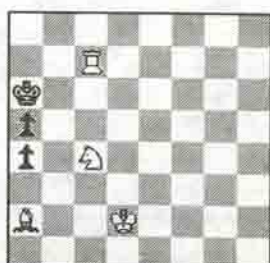

Мат в 2 хода

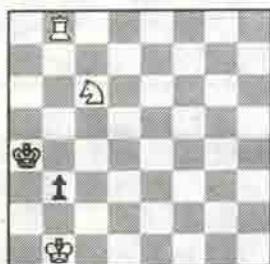
21. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

Мат в 2 хода

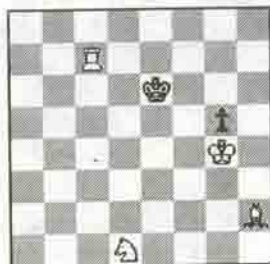
22. З. ГНАТ*г. Стрый, Украина***Мат в 3 хода****23. С. ДЕМИДЮК***Брест, Беларусь***Мат в 3 хода****24. Ю. СУШКОВ***Санкт-Петербург***Мат в 3 хода****25. В. ИВАНОВ и****А. КАРГАПОВ****Мат в 3 хода****26. В. ИВАНОВ и
Ю. СИДОРОВИЧ***Карелия***Мат в 3 хода****27. М. ЧЕРНУШКО***Уссурийск***Мат в 3 хода**

28. В. ШИЛЬНИКОВ
г. Асбест
Свердловской обл.

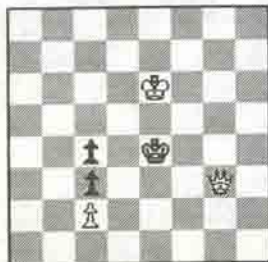
Мат в 4 хода

29. В. НИКИТИН
г. Боровичи
Новгородской обл.

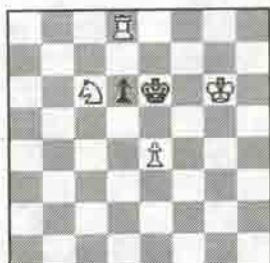
Мат в 4 хода

30. Ю. СУШКОВ
Санкт-Петербург

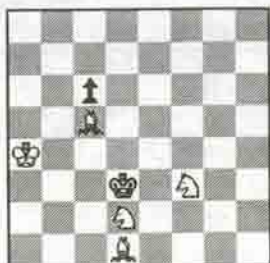
Мат в 4 хода

31. В. АНТИПОВ
г. Боровичи
Новгородской обл.

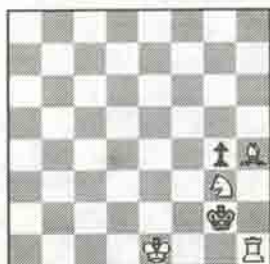
Мат в 5 ходов

**32. В. ИВАНОВ и
А. КАРГАПОВ**

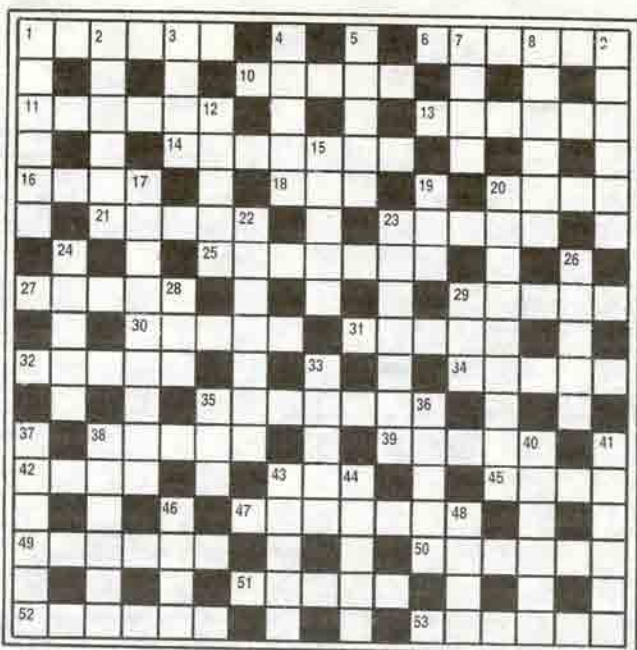

Мат в 5 ходов

33. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котовск, Украина

Мат в 6 ходов

1. Французский композитор, говоривший: «Найти — это ничто, выбрать — это всё». 6. Царский цвет. 10. Цена ему ... (о ничтожном, незначительном). 11. Одноокое чудовище. 13. «Что за жизнь наша! вечный ... мечты с существенностью!» (Н. Гоголь. «Невский проспект»). 14. Система гласных, возникшая в России после отмены крепостного права. 16. Вор, сутенер в Париже. 18. Египетский фараон первой династии, чье имя, по-видимому, Р. Киплинг использовал в «Книге джунглей». 20. Яма в болоте. 21. Компасное растение, из которого в старину получали снотворное средство. 23. Школа живописи тушью в Стране восходящего солнца. 25. Пожарная насадка на водопроводных трубах. 27. Архипелаг в Индийском океане с населением в тысячу человек. 29. Самая короткая река Европы, текущая в Италии. 30. Восточный мудрец-звездочет. 31. «Дальний» город, куда на послушанье был послан Пимен из «Бориса Годунова» А. Пушкина. 32. Самая трудная обычно часть говоросождения. 34. Синицын брат. 35. Античная страна блаженных, с которой во времена Римской Империи связали Канарские острова. 38. Половина мясной туши, от названия которой, возможно, произошло название полурублевой монеты. 39. «Вавилонский» персонаж Вольтера с чертами Шерлока Холмса. 42. Название в XVIII веке главного персонажа в русской литературе. 43. Папа, объявивший еретическими все учреждения, где делали прививки по

методу Эдуарда Дженнера. 45. Поволжское название реки. 47. Французский писатель, создавший теорию происхождения христианства из брахманизма. 49. Крупнейшая в мире ГЭС (на Паране). 50. Народ, аплодирующий, вытянув руки вперед, чтобы соприкасались пальцы. 51. Заменитель воды в омовении мусульман перед молитвой. 52. Итальянский астроном, открывший первый астероид — Цереру. 53. Вещество, из-за которого возник обычай чокаться полными рюмками.

По вертикали.

1. Чекан гравера. 2. Третий по величине кит-полосатик. 3. Кисть или другие украшения, висащие на ремне или шнуре под шеей лошади. 4. Задняя половина сомовьего тела. 5. Одно из обычных растений в «саду женщин» в Африке (его разводит почти каждая хозяйка). 7. Английский архитектор, построивший вместе с братом университет в Эдинбурге. 8. Корнеплод, чей настой с медом принимают при кашле. 9. Один из камней-талисманов Водолея. 12. Название пустынного зрга на Аравийском полуострове. 15. «Душа» детектива. 17. Русский драматург, на чей знаменитый «чердак» собирались балерины. 19. Один из главных инструментов в восточном оркестре для исполнения мугамов. 20. Ах — испуг, э-э — недоумение, эх — 22. Пилоносная утка, строящая гнезда у воды в дуплах или на скалах. 23. Пианист, которому Б. Пастернак подарил рукопись своей сонаты, чтобы тот мог выучить и сыграть. Не выучил и не сыграл. 24. Куртка с гербом самурая на плечах его слуг. 26. Поэт, у которого О. Форш отмечала «непомерно мудрый лоб». 28. Раствор для дубления кож. 29. Пряность. На Ближнем Востоке ею торгуют уже четыре тысячи лет. 33. А. Абдуллаев, автор известного портрета «Алишер Навои», по национальности. 35. Греческая буква, правильно читать которую Европу научил Эразм Роттердамский. 36. Зацикленность. 37. Римский император, араб по происхождению. 38. Милость к падшим. 40. Декабрист, чьей женой была поэтесса Авдотья Голенищева-Кутузова. 41. Монорифмическое восточное стихотворение. 43. «Низкопоклонник». 44. Птица, символ несчастья. 46. Финская национальная собака. 48. Накопление, растущее тем быстрее, чем больше его расходует.

285

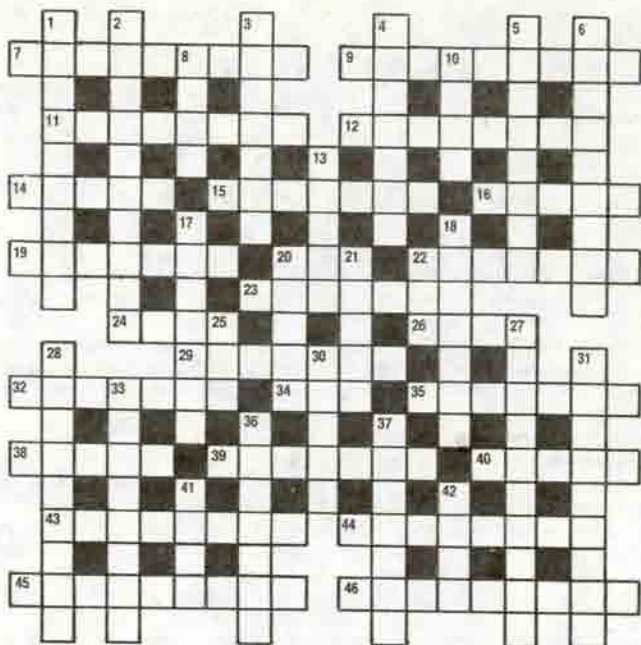
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали.

3. Бергамо. 9. Шприц. 11. Рачки. 12. Жимолость. 13. Климт. 14. Паунд. 15. Аргон. 17. Тифия. 20. ...венник... 23. Грин. 25. Сухоцкая. 27. Рубль. 28. Лен. 29. Уипл. 31. Перу. 32. Сыч. 34. Павел. 35. Кареткин. 37. ...Дейк. 38. Нанду. 42. Гобой. 43. Ажгон. 46. Шагал. 48. Фузея. 49. Знаменщик. 50. Мечь. 51. Нефть. 52. ...экзамен.

По вертикали.

1. Опала. 2. Пижма. 4. Еготов. 5. Гном. 6. Матрикул. 7. Даная. 8. Окунь. 10. Цитра. 14. Питон. 16. Нерль. 17. Тис. 18. Игрушка. 19. Вимперг. 21. Экзегет. 22. Лягушка. 24. Кумык. 26. Хебер. 30. Ванда (Руткевич). 32. Ствол. 33. Чиновник. 36. Най. 39. Уженье. 40. ...дофин. 41. Сарез. 42. Гаити. 44. Нукер. 45. Театр... 47. Ямка.

КРОССВОРД

Составил
Д. ПАНЬШИН,
Ростов
Ярославской
области

По горизонтали.

7. Цветок. Для букета его надо срезать распустившимся на три четверти. 9. Первое животное, у которого появился орган равновесия. 11. Известный советский актер, в 1951 году работавший в Болгарии. 12. Радиоактивный минерал, сначала полученный в лаборатории французским ученым (по его имени он и назван), а затем уже найденный в природе. 14. Большая проезжая дорога на Руси. 15. Декабрист, вызвавшийся совершить цареубийство. 16. Девочка. 19. Знаменитый гоголевский мечтатель. 20. Азиатская змея, с которой лучше не встречаться. 22. Тибето-монгольская форма буддизма. 23. Самоцвет, считающийся амулетом, останавливающим кровотечение и смягчающим гнев. 24. Домашний индийский бык, пасущийся на свободе. 26. Французский композитор, чья вторая опера «Парикмахер регентства» написана на русский сюжет. 29. Терапевт, один из основоположников российской электрокардиографии. 32. «Кричали женщины: ура! И в воздух ... бросали». 34. Немецкий физик и химик, участвовавший в газовых атаках. 35. Город на Украине, где зверствовал чекист Саенко, снимая скальпы и перчатки с кистей рук. 38. Последователь учения, признающего Бога творцом мира, но отвергающего его участие в жизни природы и общества. 39. Недостаток времени на обдумывание шахматного хода. 40. Речная рыба, достигающая почти пудового веса. 43. Птица, движениями которой подражают масаи в национальном танце. 44. Атрибут

Нептуна и Сатаны. 45. Транспортное средство, впервые пущенное в Англии в 1898 году. 46. Возлюбленная Рафаэля. С нее он писал своих мадонн.

По вертикали.

1. Порода собак. Первым ее нарисовал С. Роза.
2. Вид спорта, похожий на карате. 3. Украинская пастушья флейта. 4. Механическая, гравитационная, тепловая, химическая, электромагнитная, ядерная. 5. Пригодное для распыляющего жидкое топливо. 6. Сокровенное познание мира и вещей. 8. «Грозный» объект. 10. Сибирская меховая обувь. 13. Вавилонская Венера. 17. Старинный женский головной убор в виде широкой ленты. 18. Сокол, уничтожающий жаворонков. 20. Кавказский рассказ Л. Толстого. 21. Советский актер, известный комедийными ролями. 22. Прибор для определения морской глубины. 25. Нашивки на кавалерийских брюках в местах, соприкасающихся при езде с седлом. 27. Город южнее Лейпцига с самым большим в Европе музеем игральных карт. 28. Матрос или солдат запаса. 30. Кавказский богатырский эпос. 31. Настоящая фамилия Коллоди, у которого А. Н. Толстой позаимствовал сказку о Буратино. 33. Барыш, прибыль. 36. Сорт сладких слив. 37. Русский землепроходец XVII века. 41. «Одежда» для селедки. 42. Газ, образующийся из ультрафиолета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали.

1. Вольф. 4. Эстрада. 7. Репетек. 11. Нассо. 12. Мтавари. 13. Наигрыш. 14. Люнет. 15. Тартини. 16. Оптимум. 17. «Нерон». 20. Жалюзи. 24. Эпикур. 27. Матадор. 28. Луиза. 29. Зенки. 30. Гардина. 31. Ниугао. 34. Цанкар. 38. Баржа. 41. Дилемма. 42. Нортроп. 43. Казна. 44. Жирянка. 45. «Феррари». 46. Ланце. 47. Анданте. 48. Майотта. 49. Якана.

По вертикали.

1. Ванилин. 2. Лисандр. 3. Фронтон. 4. Эрмитаж. 5. Театрал. 6. Анабиоз. 8. Приступ. 9. «Теремок». 10. Кашемир. 18. Евтерпа. 19. Олдридж. 21. ...аллеи. 22. Юрист. 23. Имаго. 24. Эрзац. 25. Ионон. 26. Улика. 31. «Надежда». 32. Углерод. 33. Армянин. 35. Азарий. 36. Курсант. 37. Реприза. 38. Бакалея. 39. Резинка. 40. Анафема.

ТРАЖЕНИЕ

288

Мастерская

Стеклом пользовались еще во времена доисторические. В самых разных местах Земли находили наконечники стрел, ножи, сделанные первобытным человеком из обсидиана — природного вулканического стекла.

Кто и когда сварил первое искусственное стекло — неизвестно. Есть предположение, что произошло это случайно. Возможно, при пожаре на зернохранилище расплавилась зола — и получилось стекло. Более точные сведения археологи нашли близ Багдада: прекрасный светло-голубой цилиндр, раскопанный там, сделан в середине третьего тысячелетия до нашей эры. Еще более древние изделия обнаружены в Китае...

Начало стеклоделия на Руси относится к XI—XIII векам. При раскопках в Киеве найдены были большие стекольные мастерские. В частности, мастерские стеклянных браслетов — очень модного тогда украшения.

Музей Киевского завода художественного стекла (впрочем, как и большинство подобных музеев) можно сравнить с выставкой утрат... За полтора столетия здесь была создана большая уникальная

коллекция изделий — настоящих шедевров. Нельзя сказать, что современные мастера совсем уж утратили секреты своих предшественников. И сегодня есть оригинальные произведения из цветного стекла, хрусталя. Но век конвейерного, поточного производства накладывает отпечаток на все виды ремесел. План, вал... Когда мы попросили поставить на отдельный стол вещи, выпускаемые сегодня, много места они не заняли. Вазы, рюмки, фужеры... Но, к чести мастеров, и серийная продукция делается на высоком профессиональном уровне — в магазинах она нарасхват. Нет проблем со сбытом и в России.

Живут стеклодувы трудно: экономическая ситуация в Киеве куда хуже, чем в Москве. Среднюю зарплату даже называть не хочу. Да, в таких условиях не до «чистого» искусства.

Однако хочется верить, что период утрат когда-то пройдет и мы сможем говорить о приобретениях.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВ
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Работы современных киевских мастеров.

АЛЕКСАНДР ШАГАНОВ

ИНДЕКС 70820